

ББК 86.37:84
УДК 82-4+82-94+271.2
И75

Иоанн (Гуайта), иеромонах (Джованни Гуайта). Монах в карантине: 40 дней паломничества с короной. — М.: Практика, 2021. — 480 с.

И75 В книге представлен дневник человека, болеющего коронавирусной инфекцией и вынужденного 40 дней провести в полной изоляции. Автор — иеромонах Русской Православной Церкви, служащий в многолюдном приходе в самом центре Москвы, по рождению итальянец и по светскому образованию — литературовед и историк. Книга представляет собой его словесный портрет. В нее вошли самые разные тексты о вере, страдании и смысле бытия, о Православии в современном мире и Церкви в постсоветской России, об исторических спорах католиков и православных и коллизиях России и Запада. Одновременно автор много говорит об итальянской и русской литературе, кино, искусстве, мировой истории и культуре. В книге очень важен ракурс, угол наблюдения автора: благодаря своеобразию жизненного пути итальянского православного иеромонаха и его эрудиции нам представляется необычайная возможность взглянуть на Православие и Россию одновременно со стороны и изнутри. Книга будет интересна самому широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-89816-176-7

© Текст: иеромонах Иоанн (Джованни Гуайта), 2021

© Иллюстрации: Мария Орданьян, 2021

© Оформление: Издательский дом «Практика», 2021

Автор выражает свою глубокую благодарность Анне Симкиной, Павлу Бычкову, Марии Божович, прот. Алексею Уминскому, прот. Александру Борисову, свящ. Алексею Дикареву, Леониду Карчину. Особую благодарность Марии Орданьян за замечательные иллюстрации.

Содержание

«Дочирикатся до истины»	5
Вместо предисловия	8
Quadraginta.	8
...А вдруг заболею?	18
Христианин великого оптимизма	21
День 1. Не бойся, Я с тобой!	46
День 2. «Почему я до сих пор христианин?»	52
О московской погоде	67
День 3. Я сам родился экстремально	71
День 4. Молитва в эпоху коронавируса	75
День 5. Бог, Который идет нам навстречу	83
День 6. «А где здесь Ваня?» Вспоминая наставников-отцов	100
День 7. Священник-интеллектуал в атеистической стране: о Павле Флоренском и Александре Мене	112
День 8. Как удержать слона?	134
День 9. Богословие диалога vs богословие страха	139
День 10. Легко ли быть молодым?	150
Муж чужих жен	154
День 11. О вере, сомнении и вопросах без ответов.	158
День 12. Христос посреди нас! Об отце Георгии Чистякове	170
День 13. Пример глухого косноязычного	194
День 14. «Девочке моей прекрасной»	199
«Все будет хорошо!»	203
День 15. В горниле испытаний: Католикос Гарегин I о страдании	209
Егорка и Петя.	221
День 16. Поздравление другу-подростку.	226
День 17. Уроки миролюбия Григора Нарекаци.	228
День 18. Множество призваний человека.	242
Картонные поручи	251
Письмо 7-летнему другу	251

День 19. Исповедь у «бомжа»: о Иоанне Павле II.	256
День 20. «Бобровина» католиков и «выцветшие одежды» православных — как начался конфликт.	264
День 21. Данте — первый гуманист.	277
День 22. Встреча Папы и Патриарха: церковная дипломатия или начало пути?	284
День 23. Предельная честность Максима Грека.	291
День 24. Христианство завтрашнего дня.	308
День 25. Пусть вам не страшно, но можно заразить других.	322
День 26. Узнать голос Пастуха.	327
День 27. Монах в большом городе.	333
День 28. К истокам монашеской жизни. Урок общины Бозе.	343
День 29. Петрарка и итальянское самосознание.	358
День 30. Странствие в Чудесное.	367
Но почему же я такой рассеянный?	372
День 31. «Какая красота!»: воспоминания об одной московской старушке.	377
День 32. Непризнанные страницы преступлений: геноцид армян глазами двух очевидцев.	391
День 33. О молитве, молчании и тишине.	409
...А вы говорите!	415
День 34. Молчание страха, покаяния и любви.	418
День 35. Святитель Григорий Двоеслов между тишиной и суетой.	424
Моника или Карла?	430
День 36. Что такое покаяние и где оно, Царство Небесное?	437
День 37. «На то мы и храм».	445
День 38. Новогодний полет.	449
День 39. Сретение: о смене поколений.	453
День 40. Кьяра и фоколяры.	462
Вместо эпилога.	472
Вот и заканчивается мое уединение...	472
«Духовный материализм»	475

«Дочирикаться до истины»

Христиане часто создавали книги в заточении. Или включали рассказ о заточении в ключевые повествования о вере и ее победе над унылым миром. Одно из первых описаний тюремной неволи — Деяния апостолов; Павел и Сила находятся в тюрьме и продолжают проповедовать. Потом, с оглядкой на этот текст, Пушкин описывал заточение Петруши Гринева. При этом помнил и о замечательной книге итальянца Сильвио Пеллико «Мои темницы», где показано, как безупречно честный, но ожесточенный ум борца за свободу в заточении обретает христианскую веру, буквально находит свет во тьме.

Мы помним и гедонистические сюжеты про вынужденное заключение, когда человек вроде и свободен, но вынужден сидеть под замком, потому что снаружи бушует болезнь.

Иеромонах Иоанн (Гуайта) соединил сразу две традиции. Это и Деяния святых Апостолов — потому что любое заточение, тюремное или мирское, это все равно заточение. С другой стороны, он подхватил светский литературный сюжет про пир во время чумы — вольную беседу о жизни, о прошлом, об опыте и о судьбе, когда у человека вдруг оказалось слишком много свободного времени и он в своем тихом уединении может думать сколько хочет и о чем хочет — о важном и о ерунде. Видя оглавление книги «Монах в карантине», читатель в первую минуту застывает в недоумении от пестроты и эклектичности открывающейся ему картинки. Тут и Павел Флоренский с Александром Менем, и Моника Беллуччи с Карлой Бруни, и Бок-

каччо с Петраркой, и Григор Нарекаци с Тарковским, и как поссорились православные с католиками из-за «бобровины», и рассказы о детстве-папе-маме-братьях-сестрах, и служение в детском хосписе, и любимые черепашки, и забавные выдержки из фейсбучных постов — вроде того, где монах-недотепа оказывается зимой на улице без пальто, телефона и ключей. Что это такое? Разве священнику уместно пускаться в подобные литературные опыты?

Да, именно ему и уместно. Этот жанр требует доверия, потому что Господь непременно сквозь пустяки приведет к самому главному, самому существенному, помилует, поднимет с одра болезни (а ведь скольких убил проклятый ковид!) и поможет дочирикаться до истины. Иеромонах Иоанн совершает путешествие сквозь себя, сквозь своих героев, свое прошлое — и вместе с читателем выходит обратно на воздух и на свет Божий.

Но дело не только в этом. В последние годы православные писатели, публицисты и проповедники соревнуются в том, кто жестче и суровее изобразит Иисуса Христа. Конечно, Христос мог твердо разговаривать с верующими, если они торговали в храме. Мог непримиримо ответить на просьбу пойти похоронить родителей: «Оставь мертвецам погребать своих мертвецов». Но если бы все сводилось к грозному и надмирному началу, то я не представляю себе обычных людей, которые пошли бы за Ним. Перечисляя свойства и качества Церкви, отчего-то в последнюю очередь вспоминают про любовь, а ведь без нее и Бога нет. Мы давно ждали книгу, в которой священник рассказывал бы, как он пришел к Христу не для того, чтобы обличать и юродствовать, а для того, чтобы всем сердцем возлюбить людей и мир, в котором он живет.

С одной стороны, перед нами автобиография, когда автор все пропускает через себя и рассказывает о себе — но

не потому, что упоен собой, а лишь потому, что так легче и проще перейти к разговору о каждом из нас, читателей. С другой стороны, эта работа написана эрудитом и впечатляет своим философским, богословским, филологическим оснащением. В ней удивительным образом уживаются гуманитарные прозрения, доводящая до слез проповедь про слоненка, смешная история про мужа чужих жен, шуточное рассуждение о том, какая итальянка самая красивая.

А сам отец Иоанн словно специально создан для того, чтобы такое написать. Так уж Господь распорядился, чтобы он был православным с католическим опытом, европейцем и островитянином-сардинцем, русским и — поскольку серьезно занимался Арменией — даже отчасти армянином. «Монах в карантине» весело наблюдает за всей этой мешаниной, показывает себя смешным, рассеянным, иногда унывающим. Гуайта-сардинец смотрит на Гуайту-москвича — и немного иронизирует. Гуайта-русский смотрит на себя-европейца и тоже посмеивается. Его взгляд позволяет нам увидеть мир вокруг нас отраженным сразу во множестве зеркал. И конечно, в этой самоиронии, в трезвом, беспощадном отношении к себе и ласковом, ободряющем отношении к миру заключается главный секрет этой книги, ее симпатичной и дружелюбной интонации. Честно говоря, такого совершенно не ждешь от иеромонаха — ни в жизни, ни в карантине. И именно поэтому книга бесконечно вдохновляет и радует.

Александр Архангельский

Вместо предисловия

Quadráginta

Возможно, не все знают, что «карантин» и «Великий пост» имеют общую этимологию. Из одного и того же латинского слова *quadráginta* («сорок») возникли оба понятия Великой четырехдесятницы и сорокадневной «санитарной» изоляции — карантина. По-итальянски общее происхождение этих двух слов очевидно: *Quaresima* — это Великий пост, а *quarantena* — карантин.

Карантин — вынужденная ситуация, которую человек должен терпеть прежде всего ради блага окружающих. В 1348–1359 гг. по всей Европе свирепствовала «черная смерть» — чума, от которой погибло более 20 миллионов человек. В это время предусмотрительные венецианцы «около 40 дней» (это и означало по-венециански *quarantena*) держали в изоляции все суда, которые приплывали к их лагуне, перед тем как пустить их в порт. Добровольное соблюдение карантина предполагает альтруизм и социальную ответственность ради блага других. И все же карантин соблюдает человек, который либо болел сам, либо приехал в новое место из района распространения инфекции. А вот самоизоляция как восстановительный период после окончания болезни может быть чрезвычайно важным временем не столько для окружающих, сколько для человека, который соблюдает ее. Притом отнюдь не только для восстановления физических сил.

Мы все так или иначе болеем — и телесно, и душевно, и духовно. Великий пост — это прежде всего время восстановления и освобождения от наших духовных недугов,

время, крайне необходимое для переосмысления нашей жизни. Он нужен, конечно, непосредственно соблюдающему его, но в Православной Церкви он начинается с дня, в который мы особенно обращаем наше внимание на окружающих, — с Прощеного воскресенья. В некотором смысле длительный срок Великого поста и нужен для того, чтобы от прощения других дорасти до прощения самого себя...

И Пост, и карантин — это время переосмысления. В 2020 г. начало распространения пандемии коронавирусной инфекции фактически совпало для всех христиан с Великим постом. Интересно, что для православных в России, которые в этом году отмечали Пасху через неделю после западных христиан, и распространение коронавируса началось позднее.

Я болел коронавирусной инфекцией ровно 40 дней, от Пасхи до Вознесения. Почувствовал крайнее недомогание и усталость именно в день Пасхи, после ночной службы. Но до этого, в течение всего Великого поста, моя главная забота заключалась в том, чтобы избежать заражения наших прихожан. В нашем храме Космы и Дамиана в Шубине в центре Москвы мы почти целый месяц служили фактически без народа — духовенство, алтарники, минимальное количество певчих, волонтеры, обеспечивающие прямую трансляцию службы. Народ символически представлял только один прихожанин. Так получилось, что после пасхальной службы почти все присутствовавшие в храме заболели. С пасхального дня для меня началось длинное паломничество по стране инфекции — оно стало, несомненно, одним из важнейших путешествий моей жизни.

Разные эпидемии и связанные с ними карантинные описаны во многих произведениях мировой литературы.

Именно «черная чума» середины XIV века послужила поводом для Джованни Боккаччо написать «Декамерон», и величие этого литературного памятника состоит как раз в контрасте между подробным описанием в начале произведения жуткой эпидемии, поражающей и опустошающей Флоренцию, и непреодолимой жаждой жизни десяти молодых рассказчиков, собравшихся, чтобы спастись от смерти. Боккаччо показывает, что чума не только уничтожила население и принесла людям смерть — эпидемия также расшатала все социальные нормы, правила поведения и обычаи, заставляя переосмыслить прежний опыт нравственной и социальной жизни. Вопреки очень распространенному предрассудку «Декамерон» — отнюдь не безнравственное произведение; напротив, подражая Данте, автор намечает нравственный путь очищения. Известно, что именно Боккаччо назвал «Комедию» Данте «божественной». В своем же «Декамероне» он показал нам все лица «человеческой комедии», с тем чтобы читатель поднялся от низости самого грешного человека (сэра Чаппеллетто, героя первой новеллы первого дня) до нравственной высоты самой добродетельной женщины (Гризельды, героини десятой новеллы десятого дня). Гениальный писатель изображает и другой контраст — между порочными поступками некоторых героев новелл и высоконравственным поведением «бригады» — компании рассказчиков из семи девушек и трех юношей, запертых вместе в загородной вилле. Они проводят время, скрупулезно соблюдая четкие правила поведения, предаваясь исключительно целомудренным песням, танцам, играм и молитве.

Эпидемия и самоизоляция, в литературе, как и в жизни, означают возможность вспоминать прошлое, вновь интерпретировать его, искать золотую нить, объединяющую житейские события и обстоятельства. Так, например,

происходит с героем романа «Чума» французского писателя Альбера Камю. Но и простая болезнь, требующая длительного лечения или изоляции в необычной обстановке, может сыграть эту же роль. В 1920 г. два великих русских мыслителя Серебряного века Вячеслав Иванов и Михаил Гершензон попали в московскую больницу в одну и ту же палату «в самые страшные дни большевистской разрухи», как позднее напишет князь Дмитрий Мирский. Между ними возникла переписка из угла в угол палаты о судьбах культуры после революционной катастрофы. Эта переписка, опубликованная под названием «Переписка из двух углов», станет одним из глубочайших споров и рассуждений в XX веке о путях и судьбах мировой культуры.

Бывают случаи, когда человек вынужденно оказывается оторванным от остального мира не по причине болезни. В 1790 г. в Турине, столице Сардинского королевства, молодой лейтенант Ксавье де Местр устроил драку, участвуя в дуэли с другим офицером, и был приговорен к 42 дням домашнего ареста. Не зная, как убить длительное время пребывания в изоляции, пылкий молодой человек решается на написание книги — по одной главе в день. Книга из 42 глав будет пользоваться большой популярностью. Хорошо знакомое пространство его комнаты преобразуется для молодого офицера в целый неведомый мир, в котором обычные предметы, письма, вещи обретают новый смысл, он впервые видит себя по-иному, и вынужденное заключение становится для него целым «Путешествием вокруг моей комнаты» — так он назовет свою книгу. В конце срока отбывания наказания Ксавье де Местр написал, что приговорившие его к домашнему аресту «запретили мне ходить по городу, но оставили мне целый мир». Не без ностальгии попрощался он с местом заключения: «Я вынужден оставить тебя, волшебная страна

фантазии, моя комната!» В дальнейшем мой земляк де Местр как офицер Сардинского королевства был принят в русскую армию и прикомандирован к штабу Суворова. С дозволения сардинского короля он стал капитаном русской армии и более 50 лет до самой смерти жил в Москве и Санкт-Петербурге.

Так же и для меня коронавирус и изоляция стали поводом для размышлений. В начале болезни слабость овладела мной так, что я в буквальном смысле не мог ничего делать — ни писать, ни читать, ни разговаривать по телефону, ни даже молиться. Точнее, я пережил новый для себя опыт молитвы, увидел новый способ молиться — просто стал перебирать и произносить имена всех людей, которых встречал в своей жизни, которые мне что-то оставили — добрую память о себе, некий жизненный урок или опыт. Это сотни, тысячи имен самых разных мужчин и женщин, чей жизненный путь так или иначе соприкоснулся с моим. Люди, которые меня полюбили, или я их полюбил, или не сумел полюбить... Многих уже нет в живых, о многих уже давно ничего не знаю, а иных забыл. Вот теперь, находясь в крайней слабости, могу молиться о них — просто так, перебирая их имена, как бусы на четках.

По мере возвращения сил я стал вспоминать многие страницы своей жизни и пытался взглянуть на них по-новому — сколько неожиданностей и откровений! Я стал как бы со стороны смотреть на свой странный жизненный путь итальянца (точнее, сардинца, конечно!), вот уже более 35 лет проживающего в России; человека, рожденного и воспитанного на Западе, в католической традиции, теперь являющегося клириком Русской Православной Церкви; монаха, склонного к затворнической жизни, в то же время пребывающего в гуще мегаполиса... Я всегда пони-

мал монашескую жизнь, вопреки этимологии слова «монах», прежде всего как общинную. Монастырь в моем понимании начинается там, «где двое или трое собраны» во имя Господне, но в силу обстоятельств я живу не в монастыре. Я решил отдать всю свою жизнь Господу в совсем юном возрасте и в принятом решении никогда не сомневался — но всегда оставался, и, по сути, остаюсь, в миру, бок о бок с людьми.

Десять лет назад я стал священником. До этого 30 лет жил монашеской жизнью, хотя и без внешней атрибутики. К священному сану я стремился с раннего детства, при этом всегда считал для себя более важным именно монашеское житие, а работу в миру без видимых проявлений монашеского состояния (в течение без малого двадцати лет я преподавал в университете и занимался научной деятельностью) я воспринимал как послушание и служение. У меня очень много друзей и приятелей, я веду напряженную социальную жизнь, но вместе с тем для меня очевидно, что я склонен к сосредоточенности, покою и даже уединенному образу жизни. Теперь, когда я служу в храме в центре Москвы, где собирается огромное число прихожан из разных концов города, моя неделя делится на две половины.

Начиная с четверга я почти не выхожу из храма, иногда и ночью в нем — тут и катехизация взрослых, и беседы с прихожанами, и принятие исповеди, и служение Божественной литургии, и совершение разных таинств и треб. К этому добавляются другие пастырские обязанности и служения, такие как посещение болящих или пожилых прихожан на дому, причащение умирающих детей из детского хосписа, беседы с их родителями. Я также стараюсь продолжать определенную интеллектуальную деятельность — преподаю историю Церкви, в основном дистан-

ционно, занимаюсь переводами богословской литературы, пишу статьи, читаю публичные лекции и участвую в научных конференциях, даю интервью, выступаю по радио и телевидению.

Наряду с этим я пытаюсь хотя бы один день, в первой половине недели, проводить в уединении, один на один с Богом и собой. Мне кажется, при очень активной общественной жизни монаху, и вообще христианину, просто необходимо сохранить какое-то пространство для безмолвия и созерцания. В этом отношении изоляцию во время болезни и карантина я воспринял как настоящий дар Божий.

У меня в детстве была черепаха по имени Марфа — очень мудрое, тихое и спокойное существо. Черепахи — удивительные создания: ученые считают, что они появились более 220 миллионов лет назад и пережили катастрофу, уничтожившую динозавров 65 миллионов лет назад. Мои друзья знают, что я люблю этих животных, и по любому поводу дарят мне черепашек — деревянных, стеклянных, каменных, металлических. Так со временем у меня собралась большая коллекция. Моя естественная среда обитания состоит из книг, икон и черепашек. Во время самоизоляции они были молчаливыми свидетелями моих бесед с Господом и собой.

У меня довольно странное отношение к писательской деятельности и вообще к письму. До поступления в школу я уже прочел две книжки, но в первом классе я вообще отказывался писать. Так получилось, что я пишу довольно много. Скажу честно: я люблю писать, но дается мне это нелегко, я бы сказал мучительно. Написание любого текста для меня — борьба, роды. Редакторы моих книг знают, насколько ревностно я отношусь к написанным мной сло-

вам, ибо каждое из них выстрадано. Если это так даже тогда, когда я пишу на родном языке, то тем более — когда пишу на иностранном. Писать на родном языке и потом отдать текст переводчику или даже самому переводить свой текст — это не решение проблемы: для меня совершенно очевидно, что выбор языка, на котором должен родиться текст, во многом определяет и сам текст, ведь одну и ту же мысль я бы выразил совсем по-разному на разных знакомых мне языках.

Я уже несколько лет один раз в месяц служу Божественную литургию для детей — это радостный опыт моего священнического служения. Писать на неродном языке — это почти как проповедовать детям: знаешь, о чем хочешь сказать, но не так просто подобрать нужные слова! В результате ты вынужден излагать свои мысли предельно просто, но в этом есть и своя особая привлекательность. Когда ты не можешь точно выразить то, что хочешь, ты оставляешь намного больше пространства для интуиции читателя. По-итальянски я выражаю свои мысли намного четче, понятия следуют одно за другим логично и строго. Но в конечном счете мои тексты, написанные на родном языке, более научны и... нудны. А вот когда пишу по-русски, мысли соседствуют друг с другом, как tessеры в мозаике, и, чтобы увидеть полную картину, их должно объединить восприятие читателя.

В эту книгу вошли, как разноцветные и разномасштабные камушки мозаики, совершенно разные тексты. Это и лекции, и проповеди, и письма друзьям, и научные выступления, и предисловия к чужим книгам, и страницы из моих книг и дневника, и даже мои «посты» из *Facebook*. Они разные по адресатам, научности и стилю. Книга обращается ко всем. Но это не значит, что все тексты без исключения будут доступны и легки для чтения любому

читателю. Для тех, кто нечасто читает о богословии, истории или литературе, некоторые места могут быть трудны. Большинство текстов были уже написаны (и некоторые даже опубликованы) до начала пандемии и моей болезни. Я их все переработал и отредактировал специально для этой книги. Она символически содержит 40 текстов, которые я собрал, когда болел коронавирусной инфекцией и самоизолировался. Ее также можно читать во время карантина, или очередного Великого поста, или в любое другое время.

До принятия сана я очень долго преподавал историю итальянской литературы в разных московских вузах. Переводчик и поэт Анджело Мария Рипеллино, один из основателей итальянской славистики, в 1968 г. опубликовал сборник эссе по русской литературе с прекрасным заглавием: *“Letteratura come itinerario nel meraviglioso”* — «Литература как странствие в Чудесное». Да, художественная литература — это всегда странствие, путешествие в страну чудес. Дни болезни, в которые писалась эта книга, оказались благодатной порой для меня, как каждый год время Великого поста. Сегодня я могу сказать, что коронавирусная инфекция, последовавший за ней карантин и написание этой книги были для меня таким внутренним путешествием, своего рода паломничеством вглубь себя.

В этом путешествии у меня, как у Луки и Клеопы по дороге в Эммаус, были очень интересные спутники и собеседники, с которыми по пути я вел разговоры, беседы, иногда споры. Это, конечно, Сам Господь Иисус Христос и вместе с Ним — святитель Григорий Двоеслов и преподобный Максим Грек; армянский монах и поэт Григор Нарекаци, священники Павел Флоренский, Александр Мень и Георгий Чистяков; Кьяра Любич, митрополит Антоний Сурожский и Католикос Всех Армян Гарегин I.

Это Мария Магдалина, апостолы Петр и Иоанн, самарянка и богатый юноша из Евангелия. Это Данте, Петрарка и Боккаччо, поэт Иосиф Бродский и режиссер Андрей Тарковский. Это Петя, Ксюша, Егорка, которых я крестил в операционной спустя несколько минут после рождения, Маруся, Кирилл, Лера, Артем и другие дети из детского хосписа, которых, как обычно говорят, «с нами больше нет», а в действительности — они постоянно рядом со мной. Это моя мама и московская старушка Дора Прусс. Это еще и... слоненок, о котором в первом классе рассказывала мне строгая учительница Заира. Все они участвовали в моей борьбе с болезнью и в самоизоляции, были рядом, вместе с черепашками, книгами и иконами, поддерживая и ободряя меня. Прошу их любить и жаловать, ведь если я выздоровел — это в немалой степени благодаря им.

...А вдруг заболею?

13 марта 2020 г.

Слушайте! А вдруг я заболею этим самым — коронавирусом? Или вдруг я уже болел и не заметил? Москвичи со своим аканьем говорят КААААРОНАВИРУС, а учитывая якобы внутриевропейское происхождение эпидемии (РФ закрыла въезд из Италии, но здесь проживают сотни тысяч китайцев...), некоторые в шутку называют заразу «макаронавирусом».

В моем доме на одной лестничной площадке — я и китайская семья. В начале всей этой коронаэпопеи я боялся, что лифт

больше не будет останавливаться на нашем 12-м этаже.

15 марта 2020 г.

На русском телевидении много говорят о том, что на Западе в связи с эпидемией все сошли с ума, люди закупают в нереальном количестве продовольствие и хранят дома огромные запасы муки, риса, сахара...

Выйдя из метро, я зашел в единственный магазин по пути домой, «Азбуку вкуса», — более чем дорогой, но выбора нет.

Походил, походил, а в результате купил килограмм помидоров, редиску и... пачку чипсов! Помидоры долго выбирал потому, что все стоили больше 400 руб/кг. Видя мою нерешительность, молодой продавец решил мне помочь советом.

Парень: Возьмите эти. Называются Мамамия.

— Мамма mia? Тогда они из Италии.

А вдруг в них вирус?

Парень: Нет, нет, это наши — российские.

— Значит, вируса нет?

Парень: Конечно нет. У нас нет вируса.

— Нет вируса в России?

Парень: Нет вируса в нашем магазине!

...Так я купил российские помидоры, точнее — Мамамия.

21 марта 2020 г.

В московском метро на днях одна старушка бросилась на моего хорошего мексиканского друга, докторанта в Сколково, и стала его лупить дамской сумочкой. Он убежал аж в милицейскую комнату, но и там дама продолжала его

колотить за то, что «вы, гады иностранцы, из-за вас все заразы!»... У Мигеля внешность индейца, но точно на китайца не похож при своем росте почти 1,9 м... Сегодня на нашей лестничной площадке я встретился с соседом-китайцем. Пришел маленький лифт, вошли. Спускаемся молча, а я думаю: «А теперь кто кого больше боится?»

Христианин великого оптимизма¹

Я, безусловно, оптимист. Всегда им был, и вся моя семья с отцовской стороны такая: папа, вторая сестра Чечилия, я. Оптимисты, энтузиасты, патологически рассеянные и абсолютно непрактичные. А вот со стороны мамы ровно наоборот — педанты, точны, пунктуальны и очень конкретны. И немного склонны к пессимизму.

У нас абсолютно «симметричная» семья. В папиной семье было четверо мальчиков, а в маминой — четыре девочки, а вот нас — по двое. Мама — очень красивая женщина, но с тяжелым характером; а папа наоборот — золотой характер при «скромной» внешности. Наша семья представляет собой даже не просто симметрию, а — совершенный хиазм, то есть построена зеркально с удивительной точностью: Мария, первая из сестер, похожа на отца — и внешне, и по характеру; вторая, Чечилия, внешне похожа на маму, но с характером отца; потом я — внешность папы и характер мамы, но с оптимизмом и рассеянностью; и, наконец, младший брат Джакомо — копия мамы, красавец блондин и жуткий деспот.

Короче — мне повезло меньше всех... А это вам говорит оптимист!

¹ В текст вошли интервью, опубликованные в журнале «Смена» в феврале 2008 г., на сайте «Большой город» в апреле 2013 г., в «Московском комсомольце» в августе 2015 г., и две передачи на радиостанции «Вера» 26 октября 2016 г. и 17 декабря 2019 г.

А насчет оптимизма — когда-то «христианином великого оптимизма» меня назвал, еще до принятия сана, журнал «Смена». А православные СМИ скорее интересуются тем, как так получилось, что итальянец стал русским иеромонахом.

Дружная семья

Sono italiano. Я — итальянец. Родился на острове Сардиния. Семья у нас была дружная, большая — четверо детей, две девочки и два мальчика. Родители, глубоко верующие католики, воспитывали нас в вере. Мой отец — врач, но долгие годы он занимался политикой, мама — математик. Сардиния пользуется некоторой автономией в Италии, там есть местное правительство со всеми ведомствами, и мой отец был министром.

Часто меня спрашивают, как родители, будучи католиками, относятся к тому, что я — иеромонах Русской Православной Церкви. Никакого внутреннего противоречия у них на этот счет нет. По разным причинам. Мой выбор — итог долгого процесса и длинного жизненного пути.

Все до мелочей

Начну с того, что я стал монахом в восемнадцать лет — решил посвятить свою жизнь Господу и принял постриг. Правда, оставаясь в миру. В Католической Церкви есть такая традиция. Сейчас мне за пятьдесят, и должен сказать, что никогда не жалел об этом решении, хотя принимать его в таком юном возрасте было сумасшествием! Я помню,

мама мне говорила: «Я верующий человек, люблю Бога и уважаю Церковь, но принять такое решение в восемнадцать лет — это несерьезно, ты же еще ребенок!» И была права.

Но я знаю, что не мог поступить иначе, чувствовал, что Бог меня призывает. Это было похоже на то, как Иоанн и Иаков встали и ушли за Христом, оставив своего отца, бедолагу Зеведея, в лодке, в которой вместе починивали сети. Со мной было почти так же. Сейчас я, конечно, понимаю, что это жестоко и чем-то напоминает авантюру, но тогда это решение было для меня совершенно серьезным и жизненно необходимым.

Меня рукоположили в возрасте сорока семи лет. В этот день родители приехали в Москву из Италии. И мама подарила мне сочинение, которое я написал в семь лет. О том, что хочу стать... священником! Я тогда подробно описал, какие у меня будут облачения, чаша и поставил дату. Но я написал и, конечно, забыл. А мама где-то хранила это мое детское сочинение — я не знаю где и почему. И вот когда она мне его подарила, я заметил, что с тех пор прошли ровно сорок лет и три дня.

Я объясняю это так. Сорок лет — срок, который был необходим избранному народу, чтобы подготовиться и войти в Землю обетованную. Число сорок в библейской культуре — символическое. А почему три дня? Тоже понятно: *Как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи* (Мф 12:40) — это трое суток от Распятия до Воскресения Господа. Но в таком расположении дат для меня есть еще и практическая польза. Благодаря этим трем дням мое рукоположение совпало с днем рождения мамы. Теперь я никогда не забываю поздравить ее! Рукополагавший меня епископ, который и выбрал эту дату, конечно, ничего не

знал ни о дне рождения мамы, ни о моем детском сочинении.

Итак, осуществилось все до мелочей! Облачения, которые я описывал в детском сочинении, какие-то невероятные — красные, красивые: я не мог их видеть в Западной Церкви, потому что таких там давно нет. И мой воображаемый потир с рисунками и камнями я тоже не мог видеть в детстве у католиков... В самом конце сочинения я еще и нарисовал себя в этих фантастических облачениях, со сказочным потиром. Так, как в своем детском воображении я себе все это представлял... Выходит, что следовать своему призванию — значит увидеть исполнение всех своих сокровенных и невообразимых устремлений.

Цветы на улице и учеба в Швейцарии

Конечно, ни о какой России я в семь лет и не мечтал! По долгу службы отец несколько раз бывал в Советском Союзе в составе различных делегаций от итальянского правительства — в Москве, Ленинграде, Краснодаре, Сочи, Баку... Один раз ездил в Москву с мамой. Я помню, как меня впечатлили их рассказы о России, помню фотографии 70-х годов, на которых можно было увидеть очень много снега и румяных детей на Красной площади в теплой одежде.

Я всегда много читал. Две свои первые книжки прочел до поступления в школу: «Пиноккио» и про историю Церкви. В первом или втором классе мне подарили книгу «Царская Россия»: помню иллюстрацию с картиной Репина, где Иван Грозный убивает своего сына, которая меня шокировала... Позднее, в подростковом возрасте, Досто-

евский оказался самым светлым автором среди черноты моих любимых писателей-экзистенциалистов.

А так о России, конечно, не думал. Жил себе на Сардинии, учился. Сначала — начальная школа, потом — средняя, затем — лицей. Классический — латынь, древнегреческий, философия, история. Литературу любил всегда, будучи ребенком, подростком. Даже писал некоторые вещи.

В восемнадцать лет я уехал жить в Швейцарию. Учился в Лозаннском и Женевском университетах. Но сначала два года работал и не знал ни одного слова по-французски. Даже очень не любил этот язык. Знал английский немного и древние языки. Начал самостоятельно жить не потому, что нуждался, — так как был из обеспеченной семьи, — а ради интереса. В юности человек хочет сам кем-то стать, чтобы быть самим собой. Статус сына знаменитости подростку в тягость. Я понимал, что нужно какое-то расстояние между мной и родителями. Хотя они меня очень любили и я их, разумеется, любил. Какое-то время продавал цветы на улице — так и выучил французский. Ни одного урока специально не брал.

Потом поступил в университет Лозанны, на филологический факультет. Раз французский я выучил, продавая цветы, хотел выбрать какой-нибудь язык посложнее, думал о китайском или японском. В факультетском расписании я обнаружил русский язык, вспомнил про Достоевского и решил. Выбрал три специализации: основную — русский язык, дополнительные — итальянский язык и литературу и историю изобразительных искусств.

Но я настолько влюбился во все русское, что, даже изучая другие предметы (изобразительные искусства и итальянскую литературу), искал в них связь с русской культурой. Так, при согласовании программы для экзамена по

истории изобразительных искусств я выбрал русскую иконопись, хотя прослушанный мной в течение всего года курс лекций был посвящен итальянскому Возрождению. Иконы — важнейшая часть русской культуры. В итальянской литературе тоже умудрился найти точки соприкосновения с русской: написал диплом об одном поэте, который был русистом и преподавал историю русской литературы в Римском университете — Анджело Мария Рипеллино. В его стихах очень часто встречаются скрытые цитаты из русских источников. Свои стихи он пишет по законам русского стихосложения — ямбом, хореем, то есть силлабо-тоническим стихом. В итальянской литературе ритмические стихи — редкость. А затем — последняя защита. Правда, из Лозаннского университета я уже перешел в Женевский.

Написал работу об Андрее Тарковском. Но об этом стоит рассказать подробнее.

Андрей Тарковский

Тарковский не был церковным человеком, но, безусловно, был верующим, ищущим человеком, который в советское время задавал себе очень серьезные вопросы и, будучи сыном замечательного поэта, все это воспринимал через призму культуры. В какой-то момент я заметил, что фильмы Тарковского совершенно непохожи лишь на первый взгляд.

Семь картин, которые он снял, принадлежат к разным кинематографическим жанрам. «Иваново детство» — это фильм о войне. В советском кинематографе существует целая плеяда фильмов о войне. Далее «Андрей Рублев» — историческая картина: Русь во время татаро-мон-

гольского ига, Средневековье. Потом фантастика — «Сталкер» и «Солярис». Есть лирические картины — «Зеркало» и «Ностальгия». «Жертвоприношение» — символическое кино, своеобразный жанр кинематографической притчи.

Эти фильмы совершенно разные, но на самом деле их принадлежность к какому-либо направлению условна, каждый из фильмов Тарковского нарушает законы своего жанра. «Иваново детство» на самом деле — не фильм о войне, а фильм о детстве, о ребенке, потерявшем детство. Четкое противопоставление между «нашими» и «врагами», характерное для советских фильмов о войне, здесь отсутствует. Немцев мы почти не видим. Противопоставление здесь — между жестким, мужским миром взрослых и нежным миром снов Ивана, миром его потерянного детства. То же происходит с картиной «Андрей Рублев». Это не исторический фильм о средневековой Руси, а фильм о художнике, который попадает в «мир молчания» и не может оттуда выйти. Реальные исторические события не совсем четки, указанные в фильме даты иногда неправильны... «Солярис» — совершенно нетипичный фильм для жанра фантастики: никаких инопланетян, космических кораблей, сложных аппаратов и костюмов...

Итак, картины Тарковского нарушают законы жанра. Но самое удивительное: у них как бы фабула одна и та же. То есть он семь раз рассказывает нам приблизительно одну и ту же историю о походе героя в иной мир: герой уходит из Привычного в поисках самого себя. Самые очевидные примеры — это уход сталкера в Зону, путешествие в космос в «Солярисе», эмиграция русского интеллектуала в Италию в «Ностальгии». «Иваново детство» нам показывает ребенка, который вырван из мира детства и оказыва-

ется в мире взрослых, а «Андрей Рублев» — мирного монаха, который живет, окруженный невероятным насилием. В «Зеркале» путешествие происходит внутри самого героя, Алексея, которого мы видим только ребенком, но на все, через камеру, смотрим его глазами — вместе с ним возвращаемся в детство, пытаемся разделить его горе после развода родителей.

Как правило, самые последние образы картин Тарковского — чисто символические, и в них осуществляется катарсис — герой наконец вновь обретает потерянное, или примиряются два мира, которые противопоставлялись в течение всего фильма. Ребенок из «Иванова детства» в конце фильма обретает детство (с мамой, девочкой, яблоками), входит в реку и медленно удаляется, одновременно покидая экран. Или, допустим, «Андрей Рублев»: единственные цветные кадры в конце фильма, после того как герой вышел из «мира молчания», — это иконы Рублева, своего рода медитация.

Так заканчивается почти каждый фильм. В финале «Соляриса» мы видим отсылку к картине Рембрандта «Возвращение блудного сына». Такой же символический конец в «Жертвоприношении», когда мальчик, который в течение всего фильма был немой, обретает слово и из его уст звучит пролог Евангелия от Иоанна «В начале было Слово». Или финал «Ностальгии», где для Андрея объединяются Россия и Италия и он видит себя со своей собакой рядом с русским деревянным домом, но на фоне древнеримского акведука.

Что за этим стоит? Я пытался понять эту загадку Тарковского. И когда писал свою работу в 1987 г., обнаружил очень интересную статью в журнале «Искусство кино», где один довольно авторитетный киновед писал о том, что у фильмов Тарковского действительно есть такие общие ха-

рактеристики. Но он считал, что герой режиссера во время своего похода в иной мир приносит какое-то жертвоприношение темным силам зла, как иногда это бывает в греческой мифологии. А мне казалось, что здесь архетип другой. Прообраз фабулы фильмов Тарковского — это евангельский рассказ о Страстях, смерти и Воскресении Спасителя.

Я так читаю Тарковского. Другое дело, вопрос: хотел ли он изобразить именно это? Но для искусства это несущественно. Ведь главное в искусстве — не то, что хочет изобразить художник, а размышления и переживания, которые художественное произведение пробуждает в нас. Мне кажется, что это и есть внутренний мир Тарковского. По крайней мере, об этом мне говорит его творчество.

Царю Небесный

Самое интересное: в 1987-м, будучи совсем молодым, я выступал с докладом о религиозном значении творчества Тарковского в Союзе кинематографистов, в Доме кино. Ну представьте себе: советское время, Союз кинематографистов... Кино, как самое молодое искусство, в Советском Союзе воспринималось как социалистическое. Союз кинематографистов в те годы был абсолютно светской, а бы сказал, атеистической средой. Не очень-то приняты были в Доме кино речи о религиозности...

Кроме того: я был молодым студентом, очень плохо говорил по-русски, гораздо хуже, чем сегодня! И я собирался сказать, что вот известный ваш советский киновед написал так и так, а я с ним не согласен. Перед выступлением меня как раз и познакомили с этим человеком. Мне

было дико страшно, я боялся, что не смогу выступить, что у меня даже голос пропадет. И тут случилось что-то неожиданное. Я помню, как будто это было вчера, как я спулся к трибуне в огромном зале Дома кино и мне было страшно... И вдруг я вспомнил про молитву, которую незадолго до этого выучил, — «Царю Небесный». Я помолился, и у меня пропал всякий страх.

Я прочел свое выступление на одном дыхании и заметил, что киновед, с которым я только что познакомился, во время моего выступления что-то писал, писал. Потом, когда я вернулся на свое место, мне передают какую-то бумагу, явно от него. Я смотрю: он нарисовал шарж, где изобразил нас как боксеров, у него на лице здоровенный фингал, и он поднимает мой кулак... Я сначала не мог понять, что он этим хочет сказать. Во время перерыва я подошел, спросил, а он мне говорит: «Понимаешь, Джованни, я с тобой согласен. Но ты можешь говорить о Христе, а я не могу — я могу только о мифе».

Через много лет мы с ним встретились на вечере памяти Тарковского, где я выступал в рясе и с крестом. Дмитрий подошел и напомнил о себе. А совсем недавно в нашем храме я имел радость крестить его внука...

«Слава КПСС»

Вот так я учился в Швейцарии и параллельно в Советском Союзе. Но была и другая очень важная сторона моей студенческой жизни. Одновременно с русской культурой я стал изучать Православие — Русскую Церковь и в целом русскую духовность. Уже в Швейцарии, в преддверии тысячелетия Крещения Руси, у нас в университете Никита Алексеевич Струве прочитал курс по истории Русской

Церкви. Потом в университете, как я уже сказал, я заинтересовался иконами, Достоевским... Это нормально для любого русиста, ведь Православие очень многое определило в русской литературе и культуре.

Я учился в Лозаннском университете на первом курсе, когда впервые оказался в России. Точнее, в Советском Союзе — в Ленинграде. Через неделю после того, как Горбачев стал генсеком ЦК КПСС. Ни о какой «перестройке» еще речи не шло. Это только позднее стали говорить (правда, достаточно робко) о демократизации, о «перестройке», о гласности. Старый советский строй я знаю не понаслышке, поскольку живу в России фактически беспрерывно с 1985 г. Я помню все лозунги, которые огромными буквами были написаны на крышах домов: «Миру мир», «Слава КПСС», «Слава труду» и прочее, и прочее. В 1986–1987 гг. всю зиму я провел в Москве, в Институте имени Пушкина. На экзамене по страноведению пришлось отвечать на вопросы по материалам XXVII съезда КПСС. Помню, я сказал, что, раз страна пошла по пути демократизации, будет многопартийная система. Комиссия смотрела на меня с ужасом.

В 1988 г. я написал большую часть своей дипломной работы о творчестве Тарковского во ВГИКе. После чего вернулся на одну неделю в Швейцарию, защитился и тут же снова приехал сюда, потому что за то время, пока я писал диплом, я нашел себе работу в Москве в качестве переводчика в государственном издательстве. Тогда в Москве существовало издательство «Прогресс», которое выпускало сочинения классиков марксизма-ленинизма на всех иностранных языках. А при «Прогрессе» было небольшое издательство «Радуга» — здесь в свет выходила художественная литература. Мне повезло, что я нашел ра-

боту именно в «Радуге», а не в «Прогрессе»! Я переводил на итальянский какие-то сибирские сказки и много детской литературы — «Старика Хоттабыча», «Денискины рассказы» Виктора Драгунского...

Встреча с Православием

Как раз тогда я и познакомился с отцом Александром Менем. Он оказал на меня огромное влияние и в определенном смысле стал для меня лицом Православия. Такого Православия, которое не только восхваляет прошлое или является всего лишь частью русской культуры. Я думаю, что главное в Православии — это Сам Господь, Воскресший Иисус Христос. И в общении с отцом Александром было очевидно, что Христос стал центром его жизни.

Для меня выбор Православия не стал результатом каких-то умозаключений. Прежде всего благодаря отцу Александру получилось так, что Православие все больше и больше становилось определяющей ценностью в моей жизни. Сначала, как любой русист, я интересовался им как важной составляющей русской культуры. Потом появилась любовь к богослужению, я начал в нем участвовать, читать о русских святых. Но постепенно я стал чувствовать и понимать, что оно является для меня не только предметом изучения, а чем-то гораздо более серьезным, жизненно необходимым.

В какой-то момент мне стало ясно, что Православие — уже часть меня самого; я почувствовал, что нашел свое место, это становилось очевидным. Так что выбор Православия для меня был путем достаточно длинным, но, как мне кажется, гармоничным. Я не могу сказать, что

вдруг понял, что все, что было до этого, было неправильно и я наконец нашел истину. Не совсем так. Православие постепенно проникло в мою жизнь. Скажем, как русский язык — я не могу сказать, почему и когда именно я стал думать и видеть сны по-русски, но это факт моей биографии... Наверное, было бы правильнее сказать, что Православие вошло в мою жизнь, как воздух в мои легкие, — воздуха никто не видит, но при этом без него мы не живем.

Сегодня, будучи православным иеромонахом, я считаю, что Католичество и Православие очень близки, если брать в совокупности все Христианство. Нас роднит, например, не только почитание Богородицы, святых, но и таинства, сам иерархический строй. С протестантизмом у нас различия намного более существенные. Православные и католики — это один дом, где есть соседние комнаты. Я если и перешел, то перешел по соседству, внутри одного дома.

Разум и сердце

По отношению к Католической Церкви я чувствую благодарность, потому что первые таинства я получил именно там. Не думаю, что православный должен ненавидеть всех остальных. Это может показаться банальным, но все-таки метафора хорошая: отец Александр Мень говорил, что любовь к собственной матери не обязательно предполагает ненависть к матери соседа! В моем случае взрослый человек определился и сделал сознательный выбор после долгих размышлений и молитв.

Я лично знаю довольно много западных людей, которые приняли Православие. Часто в их решении эмо-

ции сыграли немалую роль: западный человек, воспитанный на рационализме и скептицизме, вошел в православный храм, а тут — иконы, ладан, богослужение... Все очень красиво, и человек влюбляется в эту красоту. Я это говорю без иронии или осуждения — просто со мной было не так. Это один вариант. Есть и другие — особенно это касается переходов священнослужителей, — более простые, которые мотивируются, допустим, сложными житейскими обстоятельствами, конфликтами со священноначалием — бывает и так. А у меня не было ни того, ни другого. Мой путь напоминал созревание, как мне кажется.

Для нас, западных людей, разум играет, пожалуй, главную роль в жизни. А на Востоке это не так. И Россия, которая находится между Западом и Востоком, показывает как раз довольно удачный опыт существования как бы между разумом и сердцем. Но не без перегибов. Ведь если вера человека основывается только на разуме, то это беда. С другой стороны, если общение с Богом — сплошь эмоции и чувства, это тоже очень опасно. Потому что сегодня мы их испытываем, а завтра нет.

Бывает, человек стоит на службе, ничего не понимает, крестится, кланяется, у него появляются слезы, какие-то эмоции, но на выходе из храма он их тут же забудет. Такой опыт веры очень поверхностный. Поэтому нужно совмещать рациональность и, скажем так, эмоциональность. Главное в христианстве — любить Бога и ближнего. Через дела милосердия, которые требуют самоотдачи, конкретности, постоянства. Кстати, Католическая Церковь в этом очень сильна. И эта ее особенность показывает, что мы нужны друг другу. Западное христианство и восточное христианство должны быть намного ближе друг к другу, чтобы избежать перегибов.

Разница в менталитете

Конечно, существует заметная разница в менталитете русского человека и западного европейца. Я живу в России вот уже 35 лет. Это целая жизнь, точнее, это больше, чем жизнь, если учесть колоссальные перемены, которые здесь произошли за это время. И я не только все видел своими глазами, но переживал все изменения в России вместе со своими русскими друзьями. Вначале эйфорию по поводу гласности и «перестройки» Горбачева. Затем разочарование. Затем интерес к Ельцину, казавшемуся более последовательным реформатором. И новое разочарование. До сегодняшней потери доверия к государству как институту.

Для меня российская жизнь — далеко не туризм. Кстати, я никогда не жил в домах для иностранцев, которые в Москве в 70–80-е годы располагались на Кутузовском проспекте. Там было гетто для иностранцев, которые, живя в России, получали фантастические зарплаты в валюте, питались в «Березках» и проводили свободное время, переходя с одного приема в каком-нибудь посольстве на другой. Такие иностранцы почти не соприкасались с «аборигенами»... Я работал в советском издательстве, у меня была советская зарплата, и друзья у меня были почти только среди местных жителей.

Я очень люблю Россию, русскую культуру, но должен честно признаться: чем дольше живу здесь, тем больше понимаю, что я итальянец. Западный человек всегда четко знает не только свои обязанности, но и свои права, на которые никто никогда не покусится. Скажем, я не должен благодарить работодателя за то, что он мне платит зарплату, — это его обязанность. Или дарить ему бутылку коньяка, или конфеты, если это

женщина, когда он меня отпускает в отпуск, — это мои права.

В России же в силу исторических причин отношение людей к любой власти совершенно иное. Иногда это трогательно, так как в этом наблюдается больше смирения, чем обычно у западных людей. Но иногда развивается не совсем здоровое отношение. А когда четко не знаешь, каковы твои обязанности и права, возникает серьезная проблема. Если это так в светском российском обществе, то тем более такое отношение к начальству ощутимо в Церкви. Ведь в церковной среде к доселе сохранившимся последствиям советской эпохи добавляются другие, более глубокие, например последствия византийской сакрализации власти...

Сложный подросток

И все же опыт первой встречи с Богом так схож в разных традициях и у совершенно разных людей! Как я уже сказал, я из верующей семьи. И с детства был очень религиозным, любил службы, был алтарником. В четыре года в какой-то момент спросил маму: «А если священник заболел, могу ли я вести службу?» И она, конечно, ответила: «Я думаю, да. А вот как ты будешь проповедовать, например?» На это я сказал: «Наверное, с проповедью я справлюсь. Но проблема в том, что я не достану до престола!» Я был еще совсем маленьким, вот что беспокоило меня больше всего!

И все же, несмотря на то что я был верующим, религиозным ребенком, в подростковом возрасте у меня начался кризис. Появились всякие вопросы, и на многие из них я не мог найти ответы. Я стал очень замкнутым подростком.

До сих пор поражаюсь, как родители со мной справились. Потому что я был просто отвратительным и с ними почти не общался. В какой-то момент я решил, что я атеист, о чем всем и объявил.

Родители, конечно, были в шоке, но мне ничего не сказали. Они всегда уважали нашу свободу. Поэтому понимали, что принуждать меня ходить в храм — неразумно. Они могли бы это делать, но не стали. Родители с большим уважением относились к моим поискам. В истории Италии начало 70-х годов было временем сложным. Тогда начался терроризм, красные бригады, и апофеозом беспорядков был период с 1975 по 1978 г., когда красные бригады взяли в заложники премьер-министра Италии Альдо Моро. Кроме того, рядом были наркотики и всякие соблазны... К сожалению, мой двоюродный брат погиб от передозировки — именно на него я похож больше всех.

Во время кризиса подросткового возраста я прочел всю самую пессимистическую литературу: Пиранделло, экзистенциалистов, Сартра, Камю, Кафку, Эдгара Аллана По... До сих пор помню свое впечатление от «Превращения» Кафки...

«Кто любит Меня — тому явлюсь Сам»

Однажды летом мы отдыхали семьей в горах. Недалеко от гостиницы стояли палатки, и в них жила какая-то молодежь: ребята, девушки. Они были старше меня, поэтому мне было с ними интересно. Среди них оказался один инвалид, Беппе, колясочник, которому было примерно двадцать лет. Он учился в медицинском институте, плавал

(руками, конечно), водил машину на ручном управлении. Для меня, закомплексованного подростка, увидеть такого человека — это был огромный вызов. Я не мог понять, в чем его секрет. У него в жизни несчастье, он инвалид, но живет полноценной жизнью. А я себе не нравился, не мог принять свой характер... Я узнал, что он верующий, мало того, ходит в храм. Я был поражен, потому что думал, что верующей молодежи уже не существует... В какой-то момент я спросил, как у него получается так жить и как он может верить. Он ответил мне вопросом: «А ты Евангелие читал?»

Представляете, я с детства ходил в храм и, конечно, знал, что такое Евангелие — его читали с амвона, — но сам никогда не раскрывал. Когда вернулся домой, помню, взял его в руки и не отрывался часами... втайне от родителей запершись в своей комнате! И вот тогда что-то произошло. Эта история похожа на ту, что рассказывал о себе владыка Антоний Сурожский. Я — литературовед, я всегда очень много читал. А тогда вдруг почувствовал, что эта книга отличается от всех других. Потому что ее слова необыкновенно живые, по ним можно жить. Я читал-читал и чувствовал, что мне это все интересно и безумно нравится. И главное — Иисус. Хотелось лучше Его узнать, с Ним встретиться... Но вдруг я опомнился — «Я же атеист!».

Я остановился и не знал, как быть дальше. С одной стороны, я нашел что-то, что не хочу потерять. Но я атеист! Открываю Евангелие и читаю дальше: *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам* (Ин 14:21). Я помню, что был поражен! Мне стало понятно, что, если хочу любить Иисуса, недостаточно читать эти замечательные слова — нужно

применить их в жизни. Тогда я договорился с Господом: «Если это так, дай мне почувствовать, что Ты есть!» И вы знаете, у меня не было никаких явлений, из ряда вон выходящих событий. Я просто читал Евангелие, старался жить так, как там написано, и Господь действительно вошел в мою жизнь. И тогда вопрос о Его существовании фактически исчез. Ведь невозможно всерьез размышлять: а существуют ли мама, брат или лучший друг? Я знаю, что они есть, они живут со мной. То же и Господь.

В тот первый раз я стал читать Евангелие без комментариев. Все-таки хотя бы раз в жизни, и особенно, мне кажется, в таком возрасте, нужно читать Евангелие именно так. Подростку очень важен прямой подход к Писанию. Чтобы так же, как люди того времени, слышать голос и проповедь Спасителя без посредников. Тогда для меня это было удивительно. Вдруг я увидел, что Иисус был совсем не «системным» человеком. То есть Он не лоббировал интересы той самой «корпорации власти», которую я никак не мог принять, — папа-министр и так далее... Раньше я думал, что Церковь как раз выражает, защищает эту систему. И тут я вдруг понял, что это совсем не так. Взять хотя бы Нагорную проповедь. Нет более «революционного» текста, чем заповеди блаженства. Они переворачивают наше представление о счастье: блаженны нищие, блаженны плачущие. Блаженны, когда возненавидят вас... Евангелие взрывает наши стандарты. По обычным представлениям блаженный — это человек в высшей степени счастливый, у него все хорошо, все в его жизни удалось. А у Христа выходит ровно наоборот! Евангелие может полностью перевернуть жизнь человека.

Иеромонах

Иногда меня спрашивают, почему я стал иеромонахом. Но для меня священническое служение и монашеское призвание — разные вещи.

Что касается монашеской жизни, всё очень просто: дело в том, что не только я, но, думаю, никто из монахов не знает, как получилось так, что он выбрал такой путь. Две тысячи лет назад Христос, проходя по берегу Геннисаретского озера, призвал рыбаков, сказав им: «Последуйте за Мной». Монах в какой-то момент жизни чувствует то же самое и не может это объяснить... даже себе. Я абсолютно уверен, что это тот путь, на который меня призывает Господь. Почему — не знаю. Но это... как бы не моя проблема.

А насчет священства разговор немного другой. Священник — это человек, который полностью отдает себя на служение людям — взрослым, детям, старикам, молодежи, интеллигенции, необразованным... Во время исповеди духовник становится свидетелем удивительной встречи человека с Богом — это обогащает его. Но в то же время священник слушает самые разные рассказы от тех, кого исповедует. Пожилая женщина находится в отчаянии оттого, что ей вовремя не заплатили пенсию, а другая — что живет в коммуналке и не может найти общий язык со своим соседом-алкоголиком. Подросток ищет смысл жизни, девушка хочет покончить с собой из-за того, что любимый бросил ее, молодой человек никак не может найти выход из тупика наркозависимости... Священник иногда сталкивается и с настоящими трагедиями. Я вменил себе в обязанность оставаться в храме и после конца вечерней службы, пока последний из желающих не исповедуется. А иногда это значит по три-четыре

часа стоять у аналоя и выслушивать рассказы о самых разных жизненных ситуациях.

Священник — служитель. Но он одновременно — как врач. Врач имеет дело не с абстрактной болезнью, а с болящими людьми. Скажем, с Петром, Марией. Он знает, что для лечения пневмонии нужны антибиотики, но знает также, что у Петра аллергия на них. Поэтому если ему прописать то, что теоретически нужно, станет только хуже. Врач должен адаптировать лечение к этому конкретному человеку. В этом и заключается ремесло священника, как мне кажется. И именно в Православной Церкви это так. В Католичестве все расписано до мельчайших подробностей, и священник может просто посмотреть инструкции. А в Православной Церкви, слава Богу, нет. Лечащий врач, то есть священник, не только может, но и должен учесть специфику каждого отдельно взятого случая. Мне это намного ближе. В Православной Церкви, благодаря некоторой неопределенности, есть больше пространства для окормления паствы. А значит, возможности вполне конкретно служить конкретным людям — вот этому человеку, другому, третьему.

Я очень благодарен Господу за сорок лет жизни до принятия сана, когда я старался быть просто хорошим христианином, но уже полностью отдал в свое сердце жизнь Господу и вел монашескую жизнь. Мое служение проходило в миру: почти 20 лет я преподавал в разных вузах Москвы — в МГУ им. М. В. Ломоносова, потом долго в ИнЯзе им. Мориса Тореза, потом в РГГУ и так далее.

Переводил русскую классику на итальянский язык. Затем стажировался при Духовной академии Русской Православной Церкви в Санкт-Петербурге. Перевел письма о. Павла Флоренского, написанные им из лагеря на Соловках, «Сына Человеческого» Александра Меня, «Откро-

венные рассказы странника своему духовнику», книги о. Сергия Булгакова, о. Николая Афанасьева, некоторые богослужебные тексты. Участвовал в большом проекте по созданию энциклопедии о святых всех восточных Церквей. Затем заинтересовался Армянской Церковью. Занимался исследованием вопроса о геноциде армян в Османской империи.

Моя проповедь, мое свидетельство были именно в этой работе. Я считаю это очень важным. Честно говоря, я бы пожелал каждому священнику сначала проявить себя хорошим специалистом. Потому что тогда ты понимаешь, что священство нужно тебе не для себя, чтобы реализоваться. Священство — это в чистом виде служение.

Священник должен всегда помнить: будь готов служить абсолютно всем. И у тебя не может быть лицеприятия, потому что по своему призванию ты принадлежишь всем. Когда человек живет мирской жизнью, люди, с которыми он общается, имеют приблизительно те же убеждения или тот же уровень образования, те же экономические возможности. А священник должен говорить со всеми, принимать абсолютно всех. Один французский писатель дал грубоватое, но точное определение священника: священник — это человек, которого поедают, пожирают. Так и есть.

Детский хоспис

Из всего, что я делаю как священник, служение в детском хосписе дает мне больше всего. Ведь оно означает встречу с умирающими детьми и их родителями. Перед страданием невинного, праведника я чувствую, что не могу врать. Я должен быть предельно честным. В этом служении

очень много трудностей. Например, вопросы, которые задают сами дети и их родители. Почему я умираю или почему умирает мой ребенок? И понятно, что на этот вопрос нет теоретического ответа. Только факт: Сам Господь Иисус Христос тоже страдал и умер. Для чего? Чтобы быть рядом вот с этим ребенком. И потому я чувствую здесь Его присутствие. Ровно так же, как на престоле в конце евхаристического канона во время литургии. Поэтому лично мне это дает очень много.

У престола священник чувствует, что совершается нечто, что бесконечно превосходит его. Настолько выше, сильнее, что это точно не он делает. Перед причащением народа он или диакон говорит: «Со страхом Божиим и верою приступите!» Страх Божий... Трудно вкратце объяснить, что это такое, но, конечно, не паника. Это скорее боязнь испортить что-то очень хрупкое, драгоценный хрусталь или цветок... Это чувство, которое испытываешь, когда берешь на руки новорожденного и должен рукой поддержать его головку. Это страх разочаровать тех, кого любишь и кто в тебя верит.

Очень часто мы это ощущаем в храме, на службе, в присутствии Бога. Как Моисей перед неопалимой купиной. То же самое я чувствую рядом с умирающим ребенком. И думаю, что так и должно быть. Ведь что такое Евхаристия? Это жертва, жертва Христа. И невинный умирающий ребенок в этой жертве участвует.

Оптимизм

Вообще, христианин всегда стремится к чему-то чрезвычайно сложному. Победа над собой — это гораздо сложнее, чем победа над всеми остальными! Верующий чело-

век знает — нужна ежедневная борьба. Но он еще и оптимист. Я не знаю ни одного настоящего христианина, который не был бы оптимистом. Для христиан оптимизм — как воздух, они купаются в нем. Иначе и быть не может. Христианин верит в самую парадоксальную что ни на есть истину — Христос победил смерть. Ни один ученый не докажет вам этого, здесь нужна вера. Вся история человечества есть борьба со смертью: победить смерть, оставить след после себя. Либо оставить свое интеллектуальное наследие, свои произведения, либо детей... В каком-то смысле обрести бессмертие. Христианин верит в парадоксальное — смерть не есть конец всего. Он знает, что Христос не просто победил смерть, Он победил ее для него. Христианин должен быть активным, к чему-то стремиться, не расслабляться. И при этом он знает наверняка, что победит.

Вера — это то, что переворачивает жизнь человека, его убеждения, но не только. Христианская вера — это повседневность, когда тебя толкают в метро и ты знаешь, как себя вести. Когда тебя выгоняют из университета или увольняют с работы без причины и т. д. И при этом нужно оставаться оптимистом. И с этим ничего не поделаешь! Человек постоянно преодолевает себя. Евангелие — это призыв к очень деятельной жизни, призыв к тому, чтобы творить, занять совершенно четкие позиции в жизни, выбрать между добром и злом. Христианство XXI века требует от человека, чтобы он влился в гущу ежедневной жизни. Со всеми соблазнами, со всеми ошибками. И оставался убежденным оптимистом.

День 1

...И все-таки я заболел. Еще вчера температура поднялась до 39. Почти уверен, что это коронавирус. Все, кто был на Пасхальной службе, заболели одновременно: настоятель, другой священник, диакон, старший алтарник, певчие. А теперь, оказывается, и я. У всех одни и те же симптомы: высокая температура и крайняя слабость. Вчера в 23.00, осознав, что заболел, я позвонил старшему алтарнику Валентину, чтобы проконсультироваться, какие препараты принимать. Он все детально объяснил и сказал, что лекарства надо сразу начать пить — чем раньше, тем лучше. Было уже за полночь, когда ко мне домой пришла Ирина, наш волонтер, в маске и перчатках, и принесла от Вали лекарства: антибиотики, противовирусные, противовоспалительные... Ночью же начал их принимать.

Конечно, мало в этом приятного. Если это коронавирус, может быть и совсем худо, как показывает опыт Италии. Но что делать? Все, что от нас зависело, мы сделали, принимали все меры предосторожности. Слава Богу, из прихожан никто в храме не заболел, и это важно. Надо молиться о настоятеле, отце Александре, которому за 80. Кроме того, шесть лет назад он перенес операцию на сердце. Говорят, в таком возрасте и с другими патологиями коронавирус может быть очень опасен. Господи, сохрани его под кровом Твоим!

Удивительно, но мне за себя пока не страшно. Со всем недавно я служил в нашем храме литургию Преждеосвященных Даров уже при закрытых дверях,

включив онлайн-трансляцию, и среди паремий мы читали замечательное место из 41-й главы Книги пророка Исаии, где как припев повторяются слова Всевышнего, обращенные к народу, находящемуся в вавилонском пленении: «Не бойся — Я с тобой». Что ж, отлично подходят и к моему положению пленника инфекции...

Не бойся, Я с тобой!¹

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие друзья, в эти дни Великого поста во время литургии Преждеосвященных Даров мы читаем паремии, то есть чтения из Ветхого Завета, и таким образом вспоминаем всю историю спасения.

Сегодня мы читали о том, как после призвания Авраама Бог заключил с ним завет: *Вот завет Мой с тобою: ты будешь отцом множества народов.* Бог меняет имя Авраама и обещает ему: *Я сделаю тебя отцом множества народов; и весьма, весьма распложу тебя, и произведу от тебя народы, и цари произойдут от тебя; и поставлю завет Мой между Мною и тобою и между потомками твоими после тебя в роды их, Я буду Богом твоим и потомков твоих после тебя.* Ему обещана земля Ханаанская: *и дам тебе и потомкам твоим после тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую, во владение вечное; и буду им Богом* (Быт 17:4, 6–7, 8). Авраам, а следом за ним и его потомки, сохранили это обетование Господа.

Вся библейская история показывает нам, как из поколения в поколение исполняется это обетование — через

¹ Проповедь, произнесенная в храме свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине на литургии Преждеосвященных Даров 1 апреля 2020 г.

бесчисленные трудности и испытания, часто вопреки всему, неожиданным, непостижимым и парадоксальным образом. Авраам родился, согласно традиционной библейской хронологии, в XIX веке до н. э. По призыву Бога он оставил свою землю, пришел в землю Ханаанскую и жил там, но уже его внук Иаков (которому Бог дал новое имя — Израиль) во время засухи переселился в Египет, где его сын Иосиф стал советником фараона. Как гласит Библия, израильтяне пребывали в Египте 430 лет (хотя, вероятнее, все же меньше). В XIV–XIII веках до н. э. Моисей возглавил Исход евреев из Египта. 40 лет они шли через пустыню, пока не достигли Земли обетованной, там их ждало относительно мирное существование в течение целых семи веков. В этот период были судьи, потом царь Давид, царь Соломон, построивший замечательный храм в 960 г. до н. э.

Через три с половиной века после строительства храма, в VI веке до н. э., вавилонский царь Навуходоносор завоевал Иерусалим, разрушил храм, разорил и сжег город и увел в плен 10 000 иудеев. И начинается другое пленение — Вавилонское, оно было значительно короче, чем египетское, и длилось где-то 60–70 лет. В 538 г. до н. э. другой властелин, персидский царь Кир, завоевал Вавилон и разрешил евреям вернуться в свою землю и даже помог построить новый храм. Об этом говорит 41-я глава Книги пророка Исаии, которую мы сегодня читали во время паремии на шестом часе.

С 40-й главы начинается вторая часть Книги пророка Исаии, так называемая Книга утешения. Это чрезвычайно важное место в Ветхом Завете, очень известный текст, где предчувствуется грядущее освобождение. Здесь священники и пророки призываются поддерживать и «утешать» народ Божий: *Утешайте, утешайте народ Мой, говорит*

Бог ваш; говорите к сердцу Иерусалима и возвещайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сделано удовлетворение, ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои (Ис 40:1–2). Оттуда же взяты известные слова, повторяющиеся в Новом Завете устами Иоанна Предтечи: Глас вопиющего: в пустыне приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими; и явится слава Господня (Ис 40:3–5). Пророк обещает, что «всякая плоть» увидит эту славу грядущего спасения.

Здесь как раз и начинается наш текст из 41-й главы Книги Исаии, где это обещанное спасение становится явным. Текст говорит о том, что Бог исполняет Свое обетование, Он освобождает свой народ, но неожиданным образом — посылая «от Востока мужа правды». Этот муж есть персидский царь Кир, который завоевал Вавилон и освободил иудеев от пленения. Это очень важная тема в Священном Писании: для осуществления обетования, данного Своему народу, Господь использует язычника Кира. Это могло показаться странным и даже скандальным многим благочестивым иудеям: как язычник может быть орудием исполнения воли Божией? Но Бог есть Господин истории, и Он действует не по человеческой логике: *Кто воздвиг от востока мужа правды, призвал его следовать за собою, предал ему народы и покорил царей? Кто сделал и совершил это? Тот, Кто от начала вызывает роды; Я — Господь первый, и в последних — Я тот же (Ис 41:2, 4).* Бог, Который есть Альфа и Омега, использовал именно идолопоклонника для осуществления обетования — Кир не знает Бога, но исполняет Его волю.

Наш текст приводит замечательные слова, которые Господь адресует Своему народу. Эти слова удивительно

актуальны сейчас, в эти трудные дни, Господь обращается и к нам сегодня: *А ты, Израиль, раб Мой, Иаков, которого Я избрал, семя Авраама, друга Моего, — ты, которого Я взял от концов земли и призвал от краев ее, и сказал тебе: «ты Мой раб, Я избрал тебя и не отвергну тебя»: не бойся, ибо Я с тобою... (Ис 41:9–10).* Здесь впервые Израиль назван рабом Яхве, рабом Божиим. Дальше, именно в этой второй части Книги Исаии, говорится о Спасителе как страждущем рабе Божиим. Страждущий Мессия и есть Отрок Божий, или Раб Божий.

В нашем тексте слова утешения повторяются, как некий припев, — «не бойся», «не смущайся», «Я с тобою», «Я Бог твой», «Я помогаю тебе», «Я укреплю тебя», «Я поддержу тебя», «Я держу тебя за правую руку твою». Конечно, слова «Я с тобою» напоминают нам имя Мессии — Эммануил, потому что это имя и означает «с нами Бог». И конечно, мы не можем не услышать в них как бы эхо слов, которые говорил Спаситель: *Не бойся, малое стадо (Лк 12:32).*

Знаменательно, что именно в эти страшные дни пандемии, дни страдания и смерти, Церковь, просто через это положенное на сегодняшний день чтение, предлагает нам услышать эти слова: *ты Мой раб, Я избрал тебя и не отвергну тебя: не бойся, ибо Я с тобою; не смущайся, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей (Ис 41:9–10).* Я — Господь, Бог твой; держу тебя за правую руку твою, говорю тебе: «не бойся, Я помогаю тебе». Не бойся, червь Иаков, малолюдный Израиль, — Я помогаю тебе, говорит Господь (Ис 41:13–14). Бог обратился с этими словами к Своему народу, находящемуся в пленении, и обещал ему полное освобождение. Давайте не будем забывать эти замечательные утешительные слова: «не бойся, Я с тобою»!

Здесь есть еще одно важное место. В контексте этого отрывка оно относится к врагам Израиля, испуганным появлением властелина, сильного «мужа правды от востока». Не зная, как быть, они пытаются сплотиться. Несмотря на то что в нашем тексте эти слова приписываются врагам Израиля, мы можем все равно отнести их к себе. Перед общей опасностью, как здесь написано, *каждый помогает своему товарищу и говорит своему брату: «крепись!»* (Ис 41:6).

Давайте будем молиться друг о друге, пусть и на расстоянии, поддерживать друг друга — хотя бы по телефону или по имейлу, по скайпу, зуму, посылая друг другу эсэмэски — так чтобы и мы могли сказать о себе то же самое.

Аминь.

День 2

Сегодня позвонил мне Дмитрий, продюсер группы телевизионщиков, которые приезжали к нам в храм в Страстную субботу, чтобы взять у меня интервью о реакции священнослужителей на меры безопасности, которые мы должны соблюдать при богослужениях. На днях они узнали, что те из нас, кто был на службе, заболели, и решили сдать тест на коронавирус, а заодно заказали его и для меня. Это, конечно, очень мило и очень своевременно. Но речь идет о так называемом мазке, точнее, о самостоятельном взятии мазка из глотки: курьер оставляет перед моей дверью контейнер со всем необходимым, я сам беру «биоматериал» зондом из зева и через полчаса возвращаю все курьеру. Удобно, но не уверен, что с этими манипуляциями справлюсь... Посмотрим.

В любом случае вероятность того, что это коронавирус, весьма велика: симптомы у нас у всех общие и очень похожи на те, что описывают заболевшие. Я позвонил домой и рассказал о случившемся со мной брату и сестре. Пока родителям решили не говорить. Они, слава Богу, здоровы, но в группе риска — папе 92 года, маме 93, и ее здоровье и без этого ухудшается с каждым днем. Трудно смотреть на то, как уходят родители, еще труднее, когда находишься далеко от них, да еще в силу обстоятельств не можешь к ним приехать. Рождение и смерть — главные тайны жизни человека. В последнее время мысль о состоянии мамы и ее возможном уходе помогает мне понять свое место в Церкви. В прошлом году я об этом совсем немного рассказал в конце своего выступления

на семинаре, посвященном памяти митрополита Антония Сурожского.

«Почему я до сих пор христианин?»¹

Встреча с Богом

К сказанному владыкой Антонием о поиске Бога трудно что-либо добавить. Но вот с чего можно начать: митрополит Антоний Сурожский много раз по-разному рассказывал историю своего обращения, а точнее, как сам он говорил, встречи с Богом. Мне кажется, именно сердцевина, если можно так сказать, мировоззрения владыки Антония — это «богословие встречи». Христианин — это человек, который в какой-то момент своей жизни встретился с Богом.

Я думаю, что большинство из нас уже читали текст или видели запись, где владыка рассказывает о том, как произошла для него эта встреча. В каком-то смысле моя история перекликается с историей владыки Антония: берешь в руки Евангелие и понимаешь, что Кто-то есть, что ты не один.

Многие из нас ощущали присутствие Бога, глядя на закат солнца, на лес, море, другие почувствовали, что Бог управляет миром, изучая какие-то события истории, глядя в микроскоп. Но главное место, где Бог является нам, где мы можем встретиться с Ним, без всякого сомнения, — это Евангелие.

¹ Текст составлен с использованием расшифровок выступлений на семинарах памяти митрополита Антония Сурожского, прошедших в московском Доме русского зарубежья 23 мая и 16 сентября 2019 г. Первое выступление было сразу после просмотра фрагмента видеофильма с проповедью митрополита Антония.

Что же означает эта встреча? Ты вдруг понимаешь, что у тебя есть Отец, любящий Отец, Кто-то, Кто заботится о тебе. Что жизнь имеет смысл, что нет никакой случайности, и вдруг все им наполняется. Это для меня стало самым первым открытием. Что Бог рядом, что Он присутствует и участвует в моей жизни. Подростком я себе задавал теоретические вопросы: «Где Бог? Почему Он не действует? Кто мне докажет, что Он есть?» А потом перестал, они потеряли смысл. Бог вошел в мою повседневную жизнь, и мне не нужны никакие доказательства, я просто знаю по опыту, что Он есть.

Поезд Церкви

Мы общаемся с Богом в течение всей жизни по-разному. Мы молимся, иногда плачем, кричим, чего-то от Бога ждем, а иногда даже обижаемся на Него... И это общение продолжается в течение всей жизни. А настоящая встреча состоится в конце пути, когда мы встанем перед Ним в Его обителях, когда будем с Ним. Об этом говорит Священное Писание. Апостол Павел, в частности, пишет о том, что сейчас мы видим *как бы сквозь тусклое стекло* (1 Кор 13:12), а потом будем предстать пред Ним и узнаем Бога так, как Он знает нас.

И вот в связи с этим у меня такое сравнение. Представьте себе, что мы находимся в каком-то поезде и едем куда-то. Через окно мы видим самые разные вещи. Когда я учился в Швейцарии, в Женеве, достаточно часто мне приходилось ездить на поезде из Милана в Женеву. Это замечательное путешествие, потому что поезд проезжает через Альпы. Смотришь в окно и видишь горные цепи, снег, дальше швейцарские озера, вода, в которой отражаются горы, швейцарские домики... Смотришь и любишь-

ся. Но иногда видишь другие вещи. Например, когда поезд приближается к большому городу... Вы знаете, пригород любого большого города имеет всегда довольно убогий вид: какие-то брошенные склады, старые дома, грязь. Так ты смотришь — что-то тебе нравится, что-то — нет, и даже может быть совсем неприятно. Но поезд едет вперед, и то, что я вижу из окна, никак не влияет на это.

И потому самое глупое, что я могу сделать, когда что-то из увиденного мне не нравится, это выйти из поезда, потому что тогда я никогда никуда не доеду. Больше того, я останусь именно там, где мне все не нравится, и этот ужасный вид больше не будет меняться... Поэтому, каким бы некрасивым ни был ландшафт, который я вижу из окна, я должен все-таки остаться в поезде. Как вы, наверное, догадываетесь, поезд — это Церковь. Опираясь на таинства, Евангелие, она ведет нас к спасению. Пока я остаюсь в ней, я знаю, что все-таки, рано или поздно, до конечной точки доеду.

Но ситуация может оказаться более сложной. Вдруг мне не нравится не только то, что я вижу из окна, а, допустим, и мои попутчики совсем мне не по нраву. Кто-то вызываясь себя ведет, кто-то громко разговаривает или слушает музыку на всю катушку, кто-то снял ботинки, и у него, простите, воняют ноги, или что-нибудь в этом роде. Но, опять, если я выйду, я не доеду. Вот они, мои неприятные спутники, доедут, как ни обидно, а я — нет!

Поэтому как в первом случае, так и во втором надо остаться в поезде. Но в нашем путешествии может возникнуть еще одно препятствие. Меня часто спрашивают, какие бывают трудности, испытания в жизни, что может помешать единению с Богом, жизни в Церкви? Бывают внешние препятствия — как вид из окна нашего поезда. Бывают внутренние искушения внутри самой Церкви — наши попутчи-

ки. А иногда препятствие и проблема может быть во мне. И вот одно дело — смириться с внешними обстоятельствами, или терпеть неприятных братьев и сестер, и совсем другое — когда я себе не нравлюсь, когда я недоволен собой. Иногда из-за этого бывает так трудно... Принять себя может оказаться куда труднее, чем принять неприятных людей или трудные обстоятельства! Становится настолько тяжело, что хочется остановиться. Но не выйду же я из себя...

Бывает, что наши грехи и поражения приводят в такое уныние, что мы теряем надежду на спасение. Но каким бы я ни был плохим, если останусь в поезде, точно доеду до пункта назначения. Этот образ поезда в последние годы стал доминантой в моей духовной жизни. Я очень часто об этом думаю. Что бы ни случилось с нашим поездом, какие бы он ни проезжал области, какими бы ни были пассажиры, в том числе и я, — он идет вперед, и в нем надо остаться. И принять все: и красивое, и убогое, и попутчиков, и самого себя. Если останусь в поезде — доеду, и это в конечном счете единственное, что для меня по-настоящему важно.

Вопросы, которые должны меня волновать, — совсем другие. Опытный ли машинист ведет поезд и в правильном ли направлении? Но на эти вопросы у нас ответ есть, потому что машинист бывает только один — Сам Господь, и Он точно знает дорогу.

Кенозис Бога

Вопрос, взятый в качестве заглавия этого текста, — почему я до сих пор христианин? — более чем закономерный. Есть одна вещь, которая, как мне кажется, чрезвычайно важна для нас, христиан, и которая отличает христианство от других религий. Это то, что апостол Павел говорит о Христе во второй главе Послания к Филиппийцам: Он, бу-

дучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной (Флп 2:6–8).

Иногда мы, христиане, представляем себе Бога согласно определению в словаре: Он — высшее существо, всемогущий, вечный, создатель мира, Он управляет историей. Но в этом определении свою роль играет, как ни странно, язычество. Мы путаем нашего Бога с Зевсом из греческой мифологии. Это бог непостижимый и сильный, которого нужно бояться, потому что он может тебя наказать. А вот такой Бог, Который в определенном смысле отказывается от Своего всемогущества и вечности, входит во время и пространство, становится уязвимым, испытывает усталость и сомнения, переживает страх и смерть только ради нас, из солидарности с нами — это уже совершенно другое понятие о Боге.

Владыка Антоний как раз об этом говорит великолепно. Я его процитирую: «Бог величественных храмов, Которого Ветхий Завет называет Богом Израилевым, непостижимый, недостижимый Бог становится человеком. ...Бог достаточно велик, чтобы стать одним из нас, и Он есть сама любовь: по любви к нам Он захотел стать уязвимым, беспомощным, отдаться в наши руки... Он уязвим, беспомощен, беззащитен, Он как бы говорит миру: “Я пришел ради вас, делайте со Мной, что хотите, но Моя любовь к вам никогда не поколеблется”»¹.

¹ Антоний, митр. Сурожский. Почему я до сих пор христианин. Беседа со студентами Королевского колледжа в Лондоне 6 февраля 1985 г. / Пер. с англ. А. Кирилловой // Антоний, митр. Сурожский. Ради чего. М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2015. С. 21.

Вот это и есть Боговоплощение. Но если удивительно то, что Бог стал беспомощным младенцем, что Он прошел через усталость и страх, сомнения и искушения, то еще более удивительно другое — это Его опыт богооставленности. Это вершина Его *кенозиса*, как говорят богословы, то есть самоумаления Бога. Вот это самое удивительное: как Сын Божий, который был безусловно Богом, проходит через опыт потери чувства близости Бога, полностью становится подобным нам.

Владыка пишет: «Христос, воплощенный Бог, избрал такую полную и всецелую солидарность с человеком, что Он предстоит Отцу как один из нас, не просто будучи человеком по воплощению, но и разделяя с нами все страдания человеческой жизни: голод и жажду, усталость, отверженность, предательство — и еще кое-что, намного более страшное. Он разделяет с нами потерю Бога, в которой корень всего ужаса человеческого существования, причина искаженности изначально совершенного мира, смерти, страдания, страха, жадности, ненависти, всех разрушительных стихий. Бог до такой степени близок к нам, что становится одним из нас и разделяет с нами все последствия человеческого греха, в том числе смерть...»¹

«Для чего Ты Меня оставил?»

Очень часто в Евангелии Иисус говорит, что Он и Отец — одно. В последнем разговоре с апостолами перед смертью Он произносит такие слова: *Вот, наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мной (Ин 16:32).* Когда Филипп просит его: *покажи нам Отца,*

¹ Антоний, митр. Сурожский. Указ. соч. С. 22.

Он отвечает: *Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца* (Ин 8:8–9). Потом молится Отцу: *Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе* (Ин 17:21). А после этого на кресте кричит: *Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?* (Мк 15:34).

На кресте Иисус называет Отца не Отцом, а именно Богом. Да, это цитата из псалма (Пс 21:2), но еще и реальное переживание. Мне кажется, что это переворачивает наше представление о Боге. Прежде всего, становится понятно, что самое важное — это не Его всемогущество, а именно то, что Он есть любовь, потому что только любовь может такое совершить. Сын Божий не только принял нашу человеческую природу, но разделил с нами опыт физической боли и душевного страдания, а также наивысшую духовную муку — тьму богооставленности. Ради нас Сам Бог вошел в бушующую стихию — потерю Бога.

Когда я несу служение в детском хосписе, довольно часто сталкиваюсь со смертью ребенка и каждый раз снова переживаю ее как трагедию потому, что смерть детей, как и страдание праведников, — это трагедия. Так же часто, в основном родители таких детей, мне задают вопросы о том, какой смысл имеет их смерть. И у меня нет ответа на этот вопрос. Точнее, ответ, парадоксальным образом, находится в вопросе, в страшном вопле Сына Божия на кресте: *Боже мой! Боже мой! для чего Ты Меня оставил?* (Мк 15:34).

Отцы Церкви, в основном Восточной, — Афанасий Великий, Максим Исповедник и другие — говорят о том, что Бог стал человеком для того, чтобы человек стал Богом. Вот это поистине удивительная вещь: богооставленность, то есть тот факт, что Бог принял человечность до конца, вплоть до этого чувства потери Бога, — это залог нашего участия в божественной жизни. Он спустился до нашего

уровня, чтобы поднять нас до Своего. Для меня это самое важное в христианстве.

Основные заповеди

В Евангелиях от Матфея, Марка и Луки мы читаем о том, что Христос беседует с книжником, или законником, который спрашивает о том, какая заповедь — наиболее важная. Иисус отвечает, что первая и наибольшая из них: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, и что есть еще одна, вторая, подобная ей: Возлюби ближнего твоего, как самого себя*. Иисус еще добавляет, что *на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки*, а это значит, что в них содержится все, что должен соблюдать благочестивый человек, и что *иной большей сих заповеди нет* (см. Мф 22:35–40 и Мк 12:28–31).

Все это говорится, как я уже сказал, в диалоге с книжником, или законником, то есть со знатоком и толкователем Моисеева Закона — с богословом, специалистом по Священному Писанию. Если мы читаем этот же рассказ в Евангелии от Луки (см. Лк 10:25–28), то увидим, что здесь вопрос законника немного другой. Он спрашивает: *что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?* Этот же вопрос в другом месте Евангелия задает Христу богатый юноша, который чувствовал, что ему чего-то не хватало, и он честно хотел понять, чего ждет от него Бог. Наверное, то же самое чувствовал этот богослов, а Иисус его, специалиста по Библии, всего лишь отсылает к Священному Писанию: *в законе что написано? как читаешь?* — и книжник сам себе дает ответ.

Притом в своем ответе законник объединяет две заповеди в единую: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем*

твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя, хотя он, как специалист, не мог не знать, что в том фрагменте из Закона, на который он ссылается, о любви к ближнему совсем не говорится. В нем сам Моисей перед входом в Землю обетованную объясняет народу те заповеди, постановления и законы, которым повелел Господь, Бог ваш, научить вас, чтобы вы поступали (так) в той земле, в которую вы идете (Втор 6:1). И, как бы комментируя первую заповедь, полученную на Синае: Да не будет у тебя других богов помимо Меня (Исх 20:3; Втор 5:7), великий пророк объясняет исключительный характер верности народа своему Богу, Который вывел его из египетского рабства: Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть; и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими. И да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоем (и в душе твоей); и внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая; и навязжи их в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими, и напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих (Втор 6:4—9).

Ко времени земной жизни Спасителя искренне верующие люди осознавали, что невозможно любить Бога, Которого мы не видим, если не любить брата, которого видим, как о том пишет Иоанн Богослов (см. 1 Ин 4:20). Мнение о том, что эти две заповеди о любви к Богу и любви к ближнему настолько близки, что невозможно их разделить, видимо, было очень распространено, раз об этом здесь говорит не Иисус, а богослов того времени. Иисус с этим согласен: *Правильно ты отвечал; так поступай, и будешь жить* (Лк 10:28). Раз Иисус так сказал, значит, эти две заповеди стали основополагающими и для христиан.

Апостол Иоанн, любимый ученик Господа, который дает самое краткое и самое полное определение Бога во всем Священном Писании — *Бог есть любовь* (1 Ин 4:8) — и который больше всех в Новом Завете говорит о любви к Богу и ближним, не оставляет нам другого выбора: *Если мы говорим, что имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то мы лжем и не поступаем по истине* (1 Ин 1:6); *Кто говорит: «я познал Его», но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины* (1 Ин 2:4); *Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего* (1 Ин 4:20—21).

Новая заповедь

И все же любовь к Богу и любовь к ближнему и их неразрывная связь не были чем-то новым, что принес в мир Иисус Христос. Доказательством, как мы видели, служит тот факт, что благочестивые люди того времени все это уже знали. Что же тогда принадлежит именно Христу? Ведь для нас, христиан, именно это должно быть самым главным!

Есть только одна заповедь, которую в Евангелии Сам Христос называет новой. *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга* (Ин 13:34). Притом в Евангелии от Иоанна она повторяется одинаково трижды. Дальше Христос говорит: *Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас* (Ин 15:12), а чуть дальше еще: *Сие заповедаю вам, да любите друг друга* (Ин 15:17).

Итак, вот заповедь Христа. Только ее Он называет не только «новой», но и «Своей». Если мы христиане, то

именно эта заповедь должна занять первое место и стать для нас сердцевинной духовной жизни. Разумеется, есть десять заповедей Моисея и удивительные поучения Нагорной проповеди и в ней заповеди блаженств — парадоксальные, провокационные. Разумеется, есть заповедь о любви к врагам и многочисленные призывы Господа к тому, чтобы отвечать на зло добром, чтобы жить как птицы небесные и полевые лилии, есть изумительные притчи о добром самарянине, о блудном сыне, о добром пастыре... Сколько в Евангелии поразительного, уникального, сколько высказываний Иисуса, рядом с которыми слова самых великих мудрецов человеческой истории не выдерживают сравнения! Но факт остается фактом: Иисус называет Своей только вот эту заповедь: *Да любите друг друга*.

Это заповедь о взаимности, она предполагает некую общину. Ее нельзя применить в одиночку. Она по самой своей природе «церковна», ибо Церковь есть не что иное, как община людей, которые хотят применить в жизни эту заповедь Христа, хотят любить друг друга, «как Он возлюбил нас» — то есть вплоть до высшей меры любви — готовности положить жизнь друг за друга, потому что так относится к нам Христос, Который умер за нас, тем самым оставляя нам пример. Он ведь сказал: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин 15:13).

Первые христиане именно так понимали Церковь. Настолько, что всегда, когда говорили о ней, цитировали два места из Евангелия от Матфея. Одно, когда Христос говорит: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф 18:20). И другое — самые последние слова этого Евангелия: *Я с вами во все дни до скончания века* (Мф 28:20). Вот что такое Церковь — Христос посреди нас! «Я с вами» — это аллюзия, намек и на Спасителя Эммануила («с нами Бог»), и на непроизносимое имя

Всевышнего, на Его мистическое присутствие среди народа. «Я с вами» — это полное и окончательное исполнение обетования, это Царство Божие на земле. Но Господь ставит условие для этого Своего присутствия — Он с нами, если мы «собранны во имя Его», а это означает — если мы хотя бы готовы любить друг друга.

Я христианин вопреки

Этот текст назван провокационно: «Почему я до сих пор христианин?» Я понимаю это название так: почему я христианин вопреки всему. Чему? Прежде всего — тому, что моя жизнь, увы, абсолютно не соответствует уровню, который должен иметь христианин, — не то что монах или священник, а просто христианин... Да, увы, я — грешный, никудышный, я очень часто бываю не на высоте своего христианского призвания. Но я встретился с Богом, и эта встреча важнее всего, даже моего несоответствия, недостойности.

Если каждый день, читая Евангелие и пытаюсь разглядеть присутствие Бога в событиях жизни, ее обстоятельствах, в каждом ближнем, я стараюсь жить, имея в виду прежде всего вот эту новую заповедь Христа, то, несмотря на мое ничтожество, на очень скромные результаты, я хочу и могу быть со Христом.

Иногда бывает и так, что не только я сам себя разочаровываю. Иногда и Церковь меня разочаровывает. Я сказал, что Церковь — это то место, где двое или трое собраны во имя Его, это присутствие Христа посреди нас. Можно добавить, что Церковь — это икона Царства Небесного на земле, зримый образ незримого. Все это правильно и очень красиво. Но Церковь — это одновременно и человеческий институт, это мы с вами и со всеми остальными верующи-

ми. Этот человеческий институт в истории проходит через разные испытания, как любой живой организм в своей жизни переживает разные моменты. Иногда болеет, бывает, что очень тяжело. Я думаю, что трудности были всегда, но, безусловно, было и очень много светлых моментов в истории как всей Церкви, так и каждой поместной Церкви.

Конечно, советское время было чрезвычайно сложным этапом в истории Русской Православной Церкви. Но в конце советского периода был исторический подъем, который трудно оценить по достоинству, потому что возник огромный интерес к вере и Церкви со стороны всего постсоветского общества. Теперь уже прошло достаточно много времени после окончания советской эпохи, и мы должны честно задать себе вопрос: вот сейчас какое время мы переживаем? Мне кажется, трудное, потому что определенные ожидания, которые появились в конце советского времени, не оправдались. Мы, церковные люди, в особенности духовенство, не всегда оказывались на высоте, поэтому не сумели ответить на вызовы и ожидания очень многих людей. Мне кажется, что мы как поместная Русская Православная Церковь находимся в состоянии начинающегося и быстро развивающегося кризиса. Это мое личное мнение.

Насчет обвинений против Церкви

В последнее время мы часто слышим самые разные обвинения в адрес Русской Церкви, духовенства, священноначалия. С одной стороны, они могут быть частью организованной акции с целью дискредитировать Церковь. Подобные акции проводятся и на Западе, и против других Церквей. В этом ничего нового нет: против Церкви боролись во все времена, и Сам Христос нас об этом предупредил.

Но, с другой стороны, эти обвинения отчасти справедливы. Думаю, что здесь прежде всего мы, священнослужители, должны испытать свою совесть. Ведь от священника очень многое зависит. Прежде всего люди смотрят на то, как он живет, — от качества этого нашего свидетельства, а не от наших слов зависит отношение людей к Церкви. Это тяжелая ответственность.

Иногда люди бывают смущены поведением священнослужителей. После нескольких ДТП в Москве, в которых были виноваты некоторые монахи на очень дорогих машинах, прихожане на исповеди не раз выражали мне свое недоумение. Я — «профессиональный пешеход» и пользуюсь почти только общественным транспортом. Но, как любой верующий, я должен стремиться к Богу вместе со всей Церковью, в том числе и с теми моими братьями, кто ошибается. Поэтому я не раз просил прощения от имени этих моих братьев монахов (с которыми, кстати, не знаком) у тех, кто недоумевал по поводу их поведения.

Совсем недавно одному человеку, который долго жаловался мне на состояние Церкви, я сказал: «В Церкви есть только две проблемы — мои грехи и Ваши». Это очень простая истина: если я хочу, чтобы мир вокруг меня был лучше, я должен начинать с себя. Если я хочу, чтобы Русская Православная Церковь стала лучше, я должен быть хорошим православным. Так что главная моя работа — это работа над собой.

Церковь — моя мать

...И тем не менее. Я преподаю историю Церкви. Когда верующий человек изучает этот предмет, самое первое искушение, с которым он сталкивается, — это тенденциозность интерпретации «в нашу пользу». Когда мы видим,

что мы, «наши», всегда правы, а они, другие, всегда неправы. Такой инфантилизм очень часто встречается среди неофитов. Но, имея даже минимум объективности, чем больше углубляешься в изучение истории, тем больше становится понятно, что, увы, это не так: и «наши» (неважно кто — твои сограждане, те, кто исповедует твою же веру, те, кто принадлежит к твоей же поместной Церкви, и т. д.) тоже ошибались, тоже совершали большие ошибки, тоже грешили...

Историк всегда призван к объективности. Он должен исследовать историю Церкви, пользуясь всем инструментарием современной исторической науки: сюда входит и критическое отношение к источникам, и тщательность в проверке информации, и строгость в выводах, и многое другое. В то же время, если наш исследователь — верующий человек, изучение истории Церкви для него — это прежде всего способность видеть промысл Божий, который реализуется во времени, умение различать действие Святого Духа. Очень важно, чтобы, не теряя благоговения перед Святым Духом, историк Церкви умел сохранять научную строгость в своих рассуждениях; смотреть глазами веры на события как прошлых веков, так и настоящего времени, не отмахиваться от проблем, ошибок и печальных фактов.

Мы иногда идеализируем какие-то периоды. Допустим, IV–V века, золотое время, или первые три века христианской истории, доникейская эпоха, когда Церковь преследовали и она страдала, но одновременно происходило ее становление. Или эпоха Вселенских Соборов — тоже очень интересное время и довольно противоречивое. Каждая эпоха имеет свои положительные, а также свои отрицательные стороны. Наверное, нет абсолютно блестящего, идеального периода. Если объективно смотреть на ны-

нешнее состояние нашей Церкви, как мне кажется, мы переживаем непростое время.

Церковь — наша мать, и, чем бы она ни болела, мы ни в коем случае не можем ее бросить, если любим. Так почему я до сих пор христианин? У меня только такой ответ: я христианин вопреки всему, то есть вопреки моим недостаткам и вопреки тому, что иногда и вместе мы, христиане, оказываемся не совсем на высоте... Несмотря на все это, я хочу быть со Христом и хочу быть в Церкви.

О московской погоде

Говорят, в Москве до конца месяца температура будет около 10 градусов. Надеюсь, не отключат отопление, иначе самоизоляция будет суровой... В это время года погода меняется очень резко, притом как в одну сторону, так и в другую... И так каждый год!

29 апреля 2017 г.

S.P.Q.R.

Вчера было + 4. Сегодня + 22.

Sono Pazzi Questi Russi! — Однако, сумасшедшие эти русские!

8 мая 2017 г.

SPQR

...они в самом деле совсем сумасшедшие: на той неделе приказом по части объявили лето, и температура за сутки поднялась на 20 градусов. А сегодня взяли да отменили лето, и пошел густой снег и опять 0°...
...сумасшедшие...

13 июня 2017 г.

Какая замечательная сегодня на улице
«кариатура южных зим»!

1 марта 2018 г.

Сегодня, когда меня разбудила эсэмэска
друга, который поздравил меня с
наступлением весны, в Москве температура
на улице была -16° .

Русский народ особо не отличается
оптимизмом. Говорят, местный фольклор —
один из самых грустных в мире. Но в России
принято считать началом каждого сезона
первое число месяца, в то время как
западные европейцы обычно считают, что
все времена года начинаются с двадцать
первого — астрономически, ссылаясь на
равноденствие и солнцестояние...

Как бы то ни было, в моем городе на берегу
Средиземного моря сегодня $+16^{\circ}$, но все
еще зима, а здесь...

SPQR Sono Pazzi Questi Russi

22 марта 2019 г.

Идет мощный снегопад, прямо метель.
Вчера вечером друг сказал: «Слава Богу,
наконец-то зима закончилась», но сегодня
утром... Вы меня, конечно, извините, но
этот Юрий Долгорукий не мог остановиться
чуть дальше, южнее?

День 3

Принесли набор для взятия мазка. Все сделал, как там описано, более получаса мучился перед зеркалом, но не уверен, что успешно взял «материал» из горла... Касательно таких вещей я абсолютно беспомощен, может, потому, что серьезно почти никогда не болел. Да еще у меня идиосинкразия ко всему, что касается медицины. Какой я трус!

А есть люди, которые с болезнью сталкиваются с самого рождения. Например, «мои» дети из хосписа «Дом с маяком». Он сейчас закрыт на карантин. Тем более сейчас не работает перинатальное отделение, где мы помогаем детям, которым еще в утробе матери поставили несовместимый с жизнью диагноз. Мое служение в хосписе означает причащать, иногда исповедовать или соборовать детей перед смертью, говорить с их родителями. Меня приглашают крестить детей в самые первые мгновения жизни.

Бесконечно грустно, что сейчас в связи с пандемией хоспис находится на карантине и я ничего не могу делать для «своих» детей. Ведь эти дети все равно рождаются и умирают, независимо от коронавируса...

Но что делать? Пока могу молиться...

Я сам родился экстремально¹

Однажды меня попросили крестить ребенка и сказали, что таинство будет проходить в детской реанимации или прямо в операционной. Хотя я сын и брат врача, но всегда боялся больниц, мне было в них страшно и некомфортно, я не переношу запаха спирта и лекарств, не могу смотреть на кровь... Но, естественно, я согласился. Случай был тяжелый, крестить пришлось в операционной. Сразу после кесарева сечения мне передали ребенка: это был мальчик, еще весь в крови матери. Я очень быстро, буквально за несколько минут, крестил, миропомазал и причастил его.

Я видел семьи с больными детьми не только в связи со служением в хосписе. Бывают случаи, когда из-за того, что ребенок рождается с тяжелой патологией, рушится семья: часто отцы уходят. Папы, с которыми я встречаюсь в перинатальной службе, тоже ведут себя по-разному, но в целом стойко. Я вижу, что оба родителя хотят вместе что-то делать, чтобы обеспечить ребенку пусть короткую, но достойную и полноценную жизнь. По моему глубокому убеждению, как правило, мужчины психологически слабее женщин. Иногда отец может воспринимать болезнь сына как собственное фиаско, а это, конечно, неправильно.

Однажды, когда я крестил новорожденную девочку в реанимации, там был ее молодой папа, серб по национальности. Он ко мне подошел и сказал, что никогда не исповедовался. Мы немного пообщались, я сказал, что могу сразу его исповедать или готов сделать это на следующий день в храме. Он пришел наутро и исповедался впервые в жизни, в этот же день умерла его дочь. Сейчас он доста-

¹ В тексте используется интервью, опубликованное на портале «Милосердие.ru» 10 февраля 2020 г.

точно часто приходит в храм, причащается. Он сказал мне: «Когда мы узнали о патологии, почувствовали страх и боль. Но в итоге я понял, что скорее не мы родили эту девочку, а она меня родила, дала мне новую жизнь». Эти дети живут не долго, но их жизнь насыщена, вокруг них собираются люди, их заботы, любовь и молитвы.

Возможно, я смог справиться с тяжелой спецификой такого служения потому, что сам был точно таким же ребенком. Я родился через кесарево сечение, роды были катастрофические, вероятность того, что мы с мамой не выживем, — очень высокая. Меня крестили в тот же день, потому что боялись, что я не протяну и нескольких дней. Теперь я часто думаю: «Кто должен заниматься этими детьми, если не я?» И делаю это с радостью и благодарностью.

Каждый раз, когда я служу Божественную литургию, во время проскомидии и ектении об усопших я поминаю каждого из этих детей. Потому что они присутствуют в моей жизни. Наверное, Господь продлил срок моей жизни, чтобы я мог что-то сделать для таких, как они. Но не у всех священников есть такое прошлое, которое так помогает мне в настоящем. Иногда подобное служение может быть тяжелым для священника. Но ведь священнослужитель в целом и призван находиться рядом с людьми, которым трудно. И в этой особой ситуации священник должен быть крайне деликатен с родителями, поддерживая их с тактом и уважением. Иногда ничего нельзя сделать, кроме того, чтобы просто быть рядом.

Такие дети рождаются потому, что их родители отказываются от аборта и дают своему ребенку прожить столько, сколько он может. Некоторые из них хотят реанимировать малыша каждый раз, когда он уходит, не отпускают его; другие отказываются от экстренных мер. Это темы крайне

деликатные. Священник не должен приходиться к людям в такой ситуации с готовыми ответами. Он призван скорее слушать, чем говорить, быть «фоном», благодаря которому люди принимают свое решение. Ни в коем случае здесь нельзя делать выбор вместо родителей, только вместе с ними. Так же как и во время исповеди, когда человек просит совета, — священник должен молиться о нем и стараться помочь ему принять правильное решение. Неслучайно сначала священник читает молитву, в которой говорится о том, что он только свидетель. Свидетель не должен принимать решение, он выступает на стороне человека, который кается.

Некоторые считают, что рожать заведомо больного ребенка, у которого нет шансов выжить, жестоко. А какая альтернатива? Убить его до рождения? Христианин исходит из принципа, что человеческая жизнь ему не принадлежит. Жизнь — это дар Божий, и она всегда тайна и таинство. Вопрос в том, чтобы наилучшим образом прожить время, которое отпускает Бог. Хоспис дает возможность родить этих детей, не стыдясь, не прячась, а с достоинством.

На каждой литургии мы молимся о том, чтобы оставшееся время жизни прожить в мире и покаянии, мы молимся о мирной кончине. Если задаваться вопросом, зачем нужна такая жизнь, как у этих детей, то можно пойти дальше, — а зачем нам нужны вообще болящие? Люди с ДЦП, с синдромом Дауна, с другими умственными отклонениями. Их убить? Самые дикие диктаторы так считали. Для христианина достоинство человека никогда не подвергается сомнению. Но разве диабетик — не полноценный человек? Это человек, который болеет диабетом. А с синдромом Дауна он — не человек? Человек, у которого есть синдром Дауна. Аутист — не человек? Человек, кото-

рый страдает аутизмом. Наше состояние — это лишь прилагательное, где существительное и существенное — человек. Каждый из нас достоин уважения. Независимо от того, сколько длится его жизнь — десятки лет или несколько минут. Если у человека короткая жизнь, тем более нужно позаботиться о том, чтобы она была как можно более полноценная и достойная.

День 4

Молитва в эпоху коронавируса¹

Сейчас, во время эпидемии коронавирусной инфекции, когда карантин и самоизоляция стали основой жизни миллионов людей, приспособившись к новым условиям приходится всем — и священнослужителям, и верующим. В середине марта 2020 г. в Москве были запрещены собрания людей численностью более 50 человек. Как проводить службы, если желающих участвовать в богослужениях намного больше? В нашем храме мы уже задолго до введения ограничений начали транслировать некоторые богослужения.

Все началось с молебна, который я служил несколько раз из храма и из дома с онлайн-трансляцией. В требнике есть «Молебное пение во время губительного поветрия и смертоносный заразы». Мы молились, используя этот текст. Для того чтобы избежать большого скопления людей в церкви, я заранее приглашал всех желающих присоединиться к молитве онлайн. В храме присутствовало не более 50 человек, а тех, кто одновременно молился дома, было значительно больше. Я заранее выкладывал на сайте храма текст молебна, чтобы он был у каждого, кто хотел к нам присоединиться.

¹ В тексте использованы материалы из следующих интервью: «Иеромонах Иоанн (Гуайта): чем отличаются молитвы онлайн от молитвы в храме», опубликованного на сайте «Милосердие.ру» 24 марта 2020 г., и «Мы заболели, но никто из прихожан не заразился в храме. Священники — об уроках эпидемии и том, как изменится Церковь», опубликованного на портале «Православие и мир» 16 мая 2020 г.

Некоторые люди скептически относятся к такого рода онлайн-молебнам. Понятно, что каждый и так может молиться самостоятельно у себя дома, без всякой трансляции, и все же не надо забывать о том, что Господь в Евангелии от Матфея обещал: *Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного* (Мф 18:19). Совместная молитва важна, но совсем не обязательно физически присутствовать в храме, чтобы молиться всем вместе. Сегодня технические возможности позволяют обращаться к Богу вместе и одновременно, находясь на расстоянии.

В храме или дома молитва остается молитвой. В Православной Церкви существует келейная практика. Участие в трансляции молебна — это, по сути, она и есть. Существуют богослужения, которые были созданы для келейной молитвы, их вполне можно служить в домашних условиях. Например, Часослов — богослужение, которое проводится в каждом храме, но которое можно служить также мирянским чином, без священника. Разница между тем, что читается в храме, и тем, что может читать мирянин сам, минимальна. Каждый богослужебный час заканчивается молитвой, которая говорит: «Иже на всякое время и на всякий час, на небеси и на земли. покланяемый и славимый, Христе Боже...» Это означает, что мы можем поклоняться Господу, славить Его в любом месте, в любой час, в любое время.

Что касается таинств и тех богослужений, которые требуют личного участия священника, разговор, конечно, другой. Например, Причастие. Для принятия Святых Даров должен быть контакт между священником и человеком, который хочет причаститься. Но Бо-

жественная литургия состоит из двух частей. В первой части, литургии оглашенных, читается Слово Божие. И совершенно нет разницы, читает ли текст священник в церкви или человек дома.

26 марта я провел очередную трансляцию молитвы о прекращении эпидемии из дома. Показал отцу настоятелю видеозапись и сказал, что ее смотрели несколько сот человек. Ему это очень понравилось. В тот же вечер мы начали транслировать и службы из храма, точнее, все главные богослужения. У нас очень большой приход, и обычно в литургии, слава Богу, участвует очень много народу. Изо дня в день мы все больше осознавали опасность скопления прихожан в храме. Коронавирус опасен прежде всего для людей со слабым иммунитетом — пожилых или носителей каких-то патологий.

Нашему настоятелю уже за 80 лет. В какой-то момент я осознал, что надо сделать все, чтобы он оставался дома, но, зная, как скрупулезно отец Александр относится к своему служению, я понимал, что это будет непросто. Много раз я с ним об этом разговаривал. Когда вышел указ городских властей о том, что люди старше 65 лет должны оставаться дома, отец Александр согласился. Будучи настоятелем, он имел право, в виде исключения, выходить из дома и прийти в храм, чтобы совершить богослужение, но он решил подать пример прихожанам и написал обращение к приходу.

Потом у меня возникла идея служить в формате 1+1+1+1: священник, помощник, певчий и один прихожанин, который представляет всех. Мы начали служить так, с символическим присутствием народа. Вскоре после этого Святейший Патриарх обратился ко всем с призывом оставаться и молиться дома.

Наши прихожане обычно не очень дисциплинированы, но в данном случае, к моему удивлению, оказались очень зрелыми, нарушений не было. Я не слышал выражения недовольства. Большинство из них поняли, что молиться нужно столько же, сколько и раньше, но дома. На каждый день Страстной седмицы мы записывали для сайта храма видеообращение настоятеля с кратким размышлением и объяснением событий дня.

Когда началась Страстная седмица, отец Александр не мог остаться дома и возглавлял богослужения. Пасхальную литургию служили все клирики, из певчих было два человека, и еще двое обеспечивали трансляцию, которую смотрели примерно 10 000 человек. В результате заболели священники, певчие, алтарник, один сотрудник храма и ребята, которые записывали видео. Таким образом, в храме из прихожан никто не заразился. А ведь в огромном приходе, который объединяет несколько тысяч человек, все могло бы быть намного хуже... С теми, кто все же заболел, это произошло не в храме. Я рад, что заболели мы, священнослужители, а не наши прихожане. Так должно быть, если пастырь готов полагать жизнь свою за овец (см. Ин 10:11).

Мне кажется, очень хорошо, что мы используем все современные средства связи для дела Божия, в том числе для молитвы. Молитва не знает ни преград, ни ограничений во времени и пространстве. В ней главное — насколько нам удастся забыть о повседневности, чтобы быть один на один с Господом, чтобы чувствовать, что Он рядом с нами. Все остальное — всего лишь форма.

Кто-то недавно меня спросил, что бы сказали Святые Отцы, глядя на такое явление, как молитва онлайн.

В действительности вопрос касается не только этой темы. Святые Отцы, жившие в эпоху с совершенно другим уровнем технического прогресса, не дали ответы на очень многие вопросы нашего времени. И сегодня наша ответственность как христиан — как раз найти эти ответы, исходя из того, что сказано в Священном Писании и в святоотеческой литературе. Интерпретировать, искать аналогичные ситуации. Во времена Иоанна Златоуста не было не то что интернета, не было электричества, не было микрофонов. И что, пользоваться микрофонами во время службы предосудительно? Ну, извините... Также в прошлом не было поездов, метро, самолетов, машин и многого другого. Но всем этим мы пользуемся каждый день, в том числе во благо Церкви, для проповеди. И слава Богу!

Я уверен, что Святые Отцы одобрили бы использование современных средств связи для молитвы. Уверен, потому что они с большим уважением относились к светской культуре своего времени. В отличие от некоторых сегодняшних православных христиан, Святые Отцы никогда не были оторваны от современности. И сегодня христиане призваны жить не в каком-то мифическом Средневековье — они призваны трудиться бок о бок со своими современниками, быть во всем людьми своей эпохи, как в свое время Отцы Церкви!

Православная Церковь призывает и клириков и мирян использовать средства массовой информации и коммуникации для проповеди и молитвы. Надо сказать, что в какой-то мере это делается уже давно. Например, на Пасху или на Рождество проводятся трансляции богослужения, которое совершает сам Патриарх чаще всего в храме Христа Спасителя.

Конечно, богослужение смотрят не как футбольный матч, очень важно непосредственно участвовать в молитве. Но техника дает нам саму возможность.

Пока трудно понять, что будет дальше — что должны мы изменить, когда вернемся в храм, сможем ли в полной мере восстановить приходскую жизнь, или, наоборот, такая ситуация будет продолжаться долго.

Например, в нашем храме не то что на Пасху или в Страстную седмицу, а в рядовое воскресенье бывает до тысячи причастников — 700–800 человек на поздней службе, 150–200 — на ранней. Я вполне допускаю, что в связи с текущей ситуацией власти могут еще больше ограничить количество людей, присутствующих одновременно в храме. И как быть? Первое время служить по-старому будет невозможно. Я думаю, выход есть. Например, в воскресенье можно служить три службы вместо двух. Почему бы не ввести предварительную запись на участие в конкретном богослужении, хотя бы на какое-то время?

В принципе причащать народ можно не только за литургией, мы ведь причащаем болящих вне богослужения. Понятно, что это возможно в исключительных случаях, но пандемия такой случай. Хорошо бы, чтобы люди сами приходили в храм в разное время. Например, чисто теоретически литургию можно было бы проводить в одно время, а потом по какому-то расписанию участвовать в короткой молитве с возможностью причащаться. Существует, например, чин обедницы с чтением Евангелия и причащением верующих. Безусловно, это можно делать с благословения священноначалия.

Если прихожанин не может прийти в храм, то священник должен сам его навестить. Причащение боля-

щих на дому — это очень важная часть служения любого священника, как мне кажется. Однако в данной ситуации трудно себе представить, чтобы священники ездили по домам, чтобы причастить всех желающих... Это нереально.

Когда человек не имеет возможности причащаться физически, у него не отнимается возможность молиться и быть в глубоком единении с Богом. Молитва — это то, что идет из сердца человека. Многие отцы-пустынники, отшельники, которые заложили основы монашеской жизни, часто не могли подолгу причащаться.

Когда перед Страстной седмицей стало понятно, что мы будем служить при закрытых дверях храма и почти никто из прихожан не сможет причаститься даже на Пасху, я написал письмо прихожанам.

Обитель у нас сотворят

15 апреля 2020 г.

Дорогие друзья!

Приближается Пасха. Мы, конечно, все переживаем из-за сложившейся ситуации — из-за того, что на Страстную седмицу и даже на Пасху храмы будут закрыты: в них будет вестись служба, но при закрытых дверях и большинство из нас не сможет причаститься.

Это, безусловно, очень грустно. Однако не стоит забывать о том, что это случается не впервые. На Тайной вечери, когда апостолы были собраны вокруг своего Учителя, двери в иерусалимской горнице также были заперты. Тогда Иисус совершил главную литургию в истории Церкви и на все века оставил нам в пищу Себя — о чем мы будем вспоминать в среду вечером и в четверг утром.

Двери в горнице были заперты *из опасения от Иудеев* и в тот самый *первый день недели вечером*, после Воскресения и явления Господа Марии Магдалине; но при закрытых дверях Иисус *пришел, и стал посреди*, и сказал им: *мир вам!* Эти двери также оставались закрытыми и *после восьми дней* — и опять Воскресший Господь *пришел... когда двери были заперты, стал посреди них и сказал: мир вам!*

Чего нам может не хватать в предстоящую Пасху? Разве не в этом ее смысл, да и смысл самой Евхаристии, — встреча с Господом? Если мы не сможем в пасхальную ночь прийти в храм, где двери будут заперты, разве не может Воскресший Христос прийти к нам домой, к каждому из нас, как в горницу иерусалимскую?

Ранним утром того же *первого дня недели* Мария Магдалина *не узнала* своего Равви, тело Которого хотела отыскать, потому, что ее горе закрывало ей глаза. Также у Луки и Клеопы по дороге в Эммаус *глаза были удержаны* от горя, и потому они не узнали своего Спутника... Грустно, конечно, не иметь возможности причаститься на Пасху, но пусть это горе не закроет нам глаза, уши и сердце, чтобы мы могли почувствовать, что и в эту пасхальную ночь Воскресший придет Сам к нам домой, станет посреди нас, рассыпанных по всему городу, и скажет: *мир вам!*

Ведь Он придет непременно, потому, что обещал прийти, и не только через Евхаристию. Он сказал: *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам* (Ин 14:21), и еще: *Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин 14:23).

...А если Сам Христос со Своим Отцом *обитель у нас сотворят*, чего будет нам не хватать?

Христос Воскресе!

День 5

Сколько раз я говорил, что болезнь может быть встречей с Богом... Обычно с разговора о ней я начинаю катехизацию взрослых в храме. Имея в виду ту первую встречу, что переворачивает жизнь человека и приводит его к обращению. Но встреча с Богом — это не разовое событие, происходит не только в начале пути — она может и должна повторяться бесконечно в жизни христианина. Любое обстоятельство может быть поводом для более глубокого общения с Господом, для переосмысления своей духовной жизни.

И вот она, встреча! Она для меня происходит сейчас благодаря коронавирусу. Да будет воля Твоя!

Бог, Который идет нам навстречу¹

Беседа с самарянкой

В четвертой главе своего Евангелия Иоанн Богослов приводит рассказ о встрече и беседе Иисуса с самарянкой. Речь идет о случайной встрече. Главная героиня, самарянка, — женщина, и не надо забывать о том, что в то время, фактически, во всех современных Христу культурах, даже в римской, женщина была рабой своего мужа или своего отца и с женщиной не было принято разговаривать на высокие темы. Благочестивый иудей или галилеянин не стал

¹ В основе этого текста лежит лекция курса катехизации взрослых, прочитанная в храме свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине 2 октября 2014 г.

бы обращаться к подобной женщине — полуиностранке, полуеретичке и, как потом становится понятно по ходу разговора, еще и грешнице. И тем не менее загадочный Иностранец Сам завязал с ней разговор.

Сначала самарянка отвечает Иисусу довольно самоуверенно, с иронией. Но постепенно, по ходу разговора, что-то происходит: она вдруг чувствует некую жажду — только не материальной воды, а духовной. Иисус не слишком-то любезен с ней, наоборот, Он говорит ей о ее же пустой, порочной жизни, и тем не менее в конце разговора именно ей (женщине, иностранке, еретичке, грешнице) впервые Иисус Христос открывает Себя как Мессию. Более того, ей Иисус объясняет сущность веры. Он говорит, что истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине. Бог не хочет формального поклонения. Суть веры не в храме и не в горе, не в соблюдении каких-то молитв, обрядов, традиций. Можно утрировать: суть нашей веры не в утреннем и вечернем правиле, которое от корки до корки надо читать и ничего не пропускать.

Впервые вкусив этой воды живой, самарянка бежит в город и начинает всем говорить: «Пойдите, посмотрите...» Она только что нашла то, что искала всю свою жизнь, что, наверное, искала неправильно, в том числе в грехе, в пороке, но искала. И сразу начинает благовествовать, делиться со всеми тем духовным сокровищем, которое нашла.

Поиски колодца

Самарянка, безусловно, представляет каждого из нас. Каждый человек жаждет, все мы ищем воду живую, о которой говорит Христос, и очень часто мы переходим от одного колодца к другому. И ошибаемся, не можем найти именно той воды, которой по-настоящему нам хочется

испить. Надо сказать, что для многих наших современников жизнь как раз есть такой постоянный поиск. Это поиск удовольствия, любви, нежности. Иногда взаимопонимания, сострадания, иногда смысла жизни. И в условиях нашей современной жизни, когда все происходит очень быстро, когда ритм, темп нашей жизни до предела ускорен, когда человек ценится только по тому, что он умеет делать и чего не умеет, или на основании того, сколько у него денег, или какую он сделал карьеру, — вот в этих условиях этот поиск может приобрести иногда патологические формы.

У нашей жизни, жизни в мегаполисе, есть одно свойство — это анонимность, в рамках которой мы существуем. Каждый день мы сталкиваемся с огромным количеством незнакомых людей, но фактически никакого общения с ними у нас не происходит, и мы к этому привыкли, привыкли к тому, что мы чужие друг другу, и, в общем-то, считаем это более или менее нормальным. Вот в таких условиях человеческие взаимоотношения очень часто бывают либо поверхностными, либо конфликтными и патологичными. Отсюда и преступность, отсюда все фрустрации, отсюда (как говорят психиатры) девиантное поведение — подростков, молодых людей, взрослых, отсюда все формы зависимости.

Я, конечно, начал с самого страшного, но даже в самых благоприятных условиях человек всегда ищет смысл жизни. Человек рождается и умирает — и сам не выбирает ни время, ни место, ни обстоятельства своего рождения и смерти. Каждый ищет ответ на самые сложные вопросы — о жизни и смерти, о смысле страдания.

Большую часть современной философии характеризует пессимизм: многие мыслители, наши современники, пришли к выводу, что смысла жизни нет. Надо сказать, что такой нигилизм существует очень давно, потому что, напри-

мер, автор Книги Премудрости Соломона (если даже это не сам Соломон, который жил в X веке до н. э., а как считают специалисты, книга написана в I—II веках до н. э. — все равно это больше двух тысяч лет назад) выражает такой же пессимизм. Вот что он пишет: *Коротка и прискорбна наша жизнь, и нет человеку спасения от смерти, и не знают, чтобы кто освободил из ада. Случайно мы рождены, и после будем как небывшие: дыхание в ноздрах наших — дым, и слово — искра в движении нашего сердца. Когда она угаснет, тело обратится в прах, и дух рассеется, как жидкий воздух, и имя наше забудется со временем, и никто не вспомнит о делах наших; и жизнь наша пройдет, как след облака, и рассеется как туман* (Прем 2:1—4). Вот вам — нигилизм, который был уже три или хотя бы две с лишним тысячи лет тому назад.

Почему мы живем, почему мы умираем, почему и откуда страдание, откуда взялось зло? Все эти вопросы возникают в жизни каждого человека, даже если он верующий, бывает, что он возвращается к ним в моменты страдания. Когда умирает близкий, или когда вдруг человек узнаёт, что у него страшная болезнь, или когда что-то по-настоящему трагичное происходит, он задумывается о смысле жизни и смерти. Может быть, поэтому немецкий философ Фридрих Ницше говорит, что «смерть — это наша темная спутница». В отличие от животных мы знаем, что умрем, мы осознаём, что мы смертны. Каждый человек хочет понять, определить свое место в мироздании, а также в истории — он хочет понять, зачем живет.

Как все связано?

Если мы вышли из небытия, чтобы просто вернуться туда, то не только наша собственная жизнь, а вся жизнь в кос-

мосе не имеет никакого смысла. Человек ищет смысл бытия, смысл жизни в целом: смысл мироздания, природы, космоса. Человеку хочется понять, как все связано, почему все существует. И религия может дать ответ на эти вопросы.

Недаром слово «религия» происходит от латинского глагола «religare», который означает «связывать» — взять отдельные вещи и их связать между собой. Как связаны обстоятельства жизни одного и того же человека: почему у меня было такое детство, юношество и так далее? Как связаны мой разум и моя воля, мои душа, дух и тело? А также — как связана моя судьба с судьбой других людей? Как связано все Творение, поколения, эпохи между собой? Эти связи можно выразить другим словом — гармония. Вопрос о том, как все связано, — на самом деле есть поиск гармонии. Прежде всего поиск с самим собой, примирения с собой.

Каждый из нас знает по опыту, что примирение с собой — это самое сложное. Примириться со своим прошлым, со своими слабостями, с тем, что мы собой недовольны... Примирение с собой, гармония с окружающими людьми, например со своим родом или с природой, с историей... Эти разные стремления к гармонии на самом деле есть поиски веры. Они есть стремление к Богу, пусть иногда и неосознанное. Вера дает человеку эту гармонию, гармонию в жизни. Конечно, не каждый верующий человек абсолютно гармоничен. Не каждый из нас таких высот достиг, по крайней мере окончательно. Но все-таки верующий человек к этому идет, и в этом стремлении Церковь ему помогает.

Стремление к Богу находится в самом сердце человека. Это часть нашего разума, нашего сознания. В течение всех веков истории человек всегда искал Бога. Мы это

видим на примере первобытных цивилизаций. Я родился на острове Сардиния, а там в пещерах и в древних захоронениях сохранились росписи доисторического периода, которые явно показывают, что человек уже тогда, видимо, задавал себе очень серьезные экзистенциальные вопросы. Вероятнее всего, это вопросы о смысле существования, о загробной жизни. Во всяком случае, у человека, который сделал рисунки на стене пещеры, было чувство гармонии — это очевидно по этим рисункам. Так же все древние цивилизации (Египта, Междуречья, Индии, Китая) действительно всегда искали, пытались установить связь с Божеством.

Верующий человек — это человек, который нашел эту связь. Для него произошла личная встреча с Богом.

Соработник и собеседник

Любое человеческое стремление к прекрасному, к справедливости, прогрессу на самом деле есть стремление к Богу. Более того, все прекрасное, ценное и важное, что человек создает своим трудом (творчеством, руками, разумом), все, что человек творит, приближает его к Богу. Ведь когда человек борется за правду и справедливость, когда он изучает и исследует природу, когда он изобретает что-нибудь полезное для других — все это есть, в каком-то смысле, сотрудничество с Богом, или — выражаясь более церковно — соработничество Богу.

Библия нам показывает, что Бог сотворил мир и поставил человека во главе мироздания. Именно человеку Он поручил все остальные творения. И своей творческой деятельностью, своим трудом человек становится соработником Бога. Вера и творчество, религия и культура удивительно близки. Отец Павел Флоренский написал замеча-

тельные слова о том, что слово «культура» происходит от слова «культ». Среди верующих людей находится очень много творческих личностей. Кроме того, верующий человек — творческий по определению, у него творческий подход ко всему.

Библия рассказывает, что Бог «создал человека по образу Своему и по подобию». Человек — это создание, которое осознаёт себя и которое способно общаться с Богом, и это, пожалуй, самое важное его определение. Человек для Бога — собеседник, то есть некий «ты», с которым Бог может строить отношения. Он — тот, кто стоит напротив Бога, предстоит перед Ним, и именно потому, что стоит и смотрит, общается, хотя бы взглядом.

Но как найти Бога? Этот вопрос существует столько же, сколько и сам человек. Возможно ли доказать существование Бога? По этому поводу есть разные мнения. Лично я считаю, что невозможно. Наверное, доказать существование Бога — это самая сложная логическая операция. Точнее, есть одна лишь вещь, которая еще сложнее, — это доказательство Его несуществования!

Известный мыслитель западного Средневековья Ансельм Кентерберийский пытался найти аргументы в пользу реальности Бога. Если совсем вкратце рассказать, в чем состоит его доказательство, то оно в следующем. Он себе задает вопрос: «Кто такой Бог? Что означает это понятие — Бог?» И отвечает: «Это — Существо Вечное, Существо Всемогущее, Вездесущее». Затем делает вывод: «У такого Существа не может не быть бытие». То есть раз Он везде, раз Он вечный, Он должен обязательно быть, должен обязательно существовать. Это доказательство осталось в истории философии как так называемый «скачок» святого Ансельма, потому что он, действительно, перескочил от понятия о том, кто такой Бог, — к Самому Богу.

На самом деле он доказал, что существует понятие Бога, но не Бог.

А французский философ Блез Паскаль отделяет Бога философов от Бога Авраама, Исаака, Иакова и, конечно, Иисуса Христа. Это очень ценное различие, ведь Господь, о Котором говорит Библия, — это личностный Бог, Бог каждого человека, «Бог рядом». Это Эммануил, что означает — «с нами Бог». Это Тот Господь, Который постоянно рядом, а не абстрактное понятие.

Где встретиться с Богом?

Но если доказать Его существование нереально, можно ли говорить о путях познания Бога? На каких путях мы можем встретиться с Ним? Очевидно, что один путь — это сама природа. У очень многих людей бывало, что, глядя на закат солнца, на бесконечность моря, на лес, на красоту природы, их осеняло ясное чувство, что такая красота не может возникать случайно, у нее должен быть автор! Если я вижу рисунок, который мне нравится, картину, допустим, в каком-нибудь музее, то первый мой вопрос будет: кто это создал?

Однако природа не только открывает Создателя обывателю или, если хотите, поэту, художнику, писателю, — но и ученому. Наука — также путь к познанию Бога, точнее, путь навстречу к Нему. Есть люди, которые говорят, что они увидели Бога через телескоп. Исследуя космос, очень серьезные ученые пришли к выводу: да, Бог есть. Потому что настолько сложно, грандиозно то, что нас окружает, что, опять-таки, такой мир должен иметь какого-то автора. Должен быть Создатель. Слишком мал, почти невозможен, шанс, чтобы все мироздание возникло случайно. А есть другие люди, которые говорят, что увидели Бога че-

рез микроскоп. И действительно, те, кто изучает микрокосмос (ученые, наблюдающие клетки, микроорганизмы), часто говорят, что все это еще сложнее.

Понятно, что другой путь для встречи с Богом — это искусство, красота, музыка, живопись, литература, поэзия, культура, философия и даже история. Изучая историю, беспристрастный исследователь часто поражается тому, как удивительно складываются события — на первый взгляд случайно, а на самом деле именно промыслительно. Также личная история человека — это поле для встречи с Богом: обстоятельства личной жизни, как радостные, так и грустные, даже трагические. Очень часто люди встречают Бога, проходя через тяжкие испытания или благодаря невероятно сложным перипетиям.

Но есть еще другие пути и места для этой встречи. Священное Писание. Часто бывает, что в моменты отчаяния, уныния, сталкиваясь со сложностями мы открываем совершенно случайно Евангелие на первой попавшейся странице и чувствуем, что там находим именно то, что искали, — абсолютно подходящий ответ на наши конкретные вопросы. Другие места встречи — храм, литургия, все таинства. Есть такое определение таинства — это место соединения с Богом. Каждый раз, принимая исповедь, я задаю себе вопрос: происходит ли сейчас для этого человека встреча? Среди таинств Евхаристия на особом счету. Ведь во время Божественной литургии соединяется время и пространство, и вместе с нами сослужат ангелы, Ветхий Завет, Новый Завет, Церковь прошлого, Церковь будущего. Литургия — такой удивительный момент нашей жизни, когда присутствие Бога становится предельно ощутимым.

Бог ищет человека

Итак, человек ищет Бога. Он всегда искал Его и, по всей вероятности, всегда будет искать. Но больше удивляет, что и Бог ищет человека. Тот Бог, о Котором говорят христиане, есть Господь Откровения. Откровение означает, что Сам Бог дает нам понять, Кто Он такой, что Он нас ищет, Он Сам идет нам навстречу, Он хочет установить с нами не только контакт, а именно общение.

Мы знаем, что Бог, по определению, превосходит человека, человек не может понять Господа своим умом, по крайней мере до конца. Он может лишь издали представить себе немножко что-нибудь о Боге... но не очень много! И слова анафоры, евхаристической молитвы, которые священник произносит на каждой Божественной литургии, дают такое определение: «Ты бо еси Бог неизреченен, неведом, невидим, непостижим, присно сый, такожде сый...» То есть Ты Тот, Который всегда есть, Который всегда Один и Тот же — вот таков Бог.

Конечно, нам трудно Его понять, потому что раз Он неизреченен — наша человеческая речь, человеческие слова не могут выразить, Кто Он такой. Раз Он неведом — мы не можем Его познать. Раз Он невидим — мы не можем Его видеть, и так далее.

Но самое интересное — вот этот Бог желает открыться человеку.

Он создал его как раз для общения. И когда человек согрешил (а «согрешил» и означает, что человек не захотел общаться с Богом, суть греха как раз в этом), Господь его восстановил. После слов из евхаристической молитвы, которые я только что процитировал, произносится удивительный текст: «Ты от небытия в бытие нас привел еси и, отпадшия, возставил еси паки, и не отступил еси, вся творя, дондеже нас на небо возвел еси, и царство

Твое даровал еси будущее». Удивительные слова! Оказывается, Бог уже подарил нам Царство Свое Вечное, Он уже возвел нас на Небо! Мы на каждой литургии говорим о том, что живем на Небе, что Царство Небесное — здесь. Оно не где-то в будущем, а вот тут! В этом предложении — вся история Спасения, и главный парадокс нашей христианской веры — что все уже совершилось, наше искупление уже состоялось, мы с вами бессмертны, смерть не имеет над нами никакой власти — вот об этом мы говорим на каждой Божественной литургии.

Он идет нам навстречу

Бог открывается человеку — это означает, что Он идет нам навстречу. Евхаристический канон говорит еще: «служити Тебе — велико и страшно и самем Небесным Силам. Но обаче, неизреченного ради и безмерного Твоего человеколюбия, непреложно и неизменно был еси Человек», то есть: служить Тебе страшно даже ангелам, но ради Своей неизреченной любви к нам Ты, не переставая быть Богом, стал человеком. Это и есть главное содержание христианской веры — то, что этот «Бог неизреченен, неведом, невидим, непостижим» стал одним из нас. Для чего? Именно ради общения с нами. Ведь иметь дело с таким Существом, которое «невидимо, непостижимо», — нам очень сложно. Апостол и евангелист Иоанн Богослов дает самое полное определение Бога, и оно очень краткое. Он пишет: *Бог есть Любовь*, и в этом — всё, вся сущность Господа передается через это изречение. Вот поэтому встреча с Ним дает каждому человеку почувствовать, что он живет не случайно, он — не сирота, у него есть Отец, Который любит его и заботится о нем. Верующий человек знает, что — как говорит Гос-

подь в Евангелии — даже волосы на нашей голове все сочтены.

Когда человек встречается с этим Богом — с Богом Любви, — то в нем и вокруг него меняется все. Прежде всего его отношение к себе — то, как он понимает себя, свое место в мироздании, в истории. Но меняется и все остальное, например отношение ко всем людям, к жизни, к природе, к обществу. Понятно, что, если Бог есть Отец всех людей, то все люди — братья между собой. Тогда я уже не могу не любить — даже прохожего, случайного человека. Если мы — христиане, наша вера должна отражаться и в нашем отношении к социуму. Отсюда христианская социология. Понятно, что если Бог — Творец всего того, что меня окружает, то получается, что природа — это Его дар мне, и тогда я должен правильно обращаться с этим даром, я не могу портить его, потому что это проявление любви Бога. Отсюда христианская экология.

В христианстве — особенно, как мне кажется, в Православии — вероучение (то есть то, во что мы верим), нравственность (то, как мы должны себя вести) и мистика (то, как мы общаемся с Богом) взаимосвязаны — это вещи, которые совершенно неотделимы друг от друга. Религия без мистики (без молитвы, без общения с Богом) — это просто философия или этика. И наоборот, одна только мистическая жизнь без вероучения (без доктрины) и без нравственности — это обрядоверие, суеверие, магизм. Если объективно посмотреть на историю христианства, очень часто христиане впадали то в одно искушение, то в другое: то понимали свою веру только как социальную доктрину или этику, то, наоборот, — только как обряд, и ничего больше. Замечательные слова есть у Иоанна Златоуста, который говорит о том, что литургия, которую мы служим в храме, продолжается после службы в «таинстве

брата». Если моя христианская жизнь не заканчивается после последнего возгласа литургии, а только начинается, потому что, уходя из храма, я встречаюсь с таинством брата — то я христианин. Если нет — то я, скорее всего, просто суеверный человек.

Развитие религиозного сознания

Каждый человек ищет Бога. А как это было в прошлом? Можно ли говорить о некоем прогрессе в поисках Бога, о развитии религиозного чувства у человека, как мы говорим о развитии культуры, науки, техники? Да, можно. На протяжении истории человечество в своем устремлении к Богу идет в каком-то одном направлении, образуется некая идеальная линия развития религиозного сознания. Но его скорость не всегда одна и та же. Есть эпохи, где она медленнее, и другие, где она намного быстрее, — абсолютно так же, как это происходит с наукой, техникой.

Человек всегда задавал себе вопросы о смысле жизни. Интересно, что именно в I веке нашей эры древнегреческий историк Плутарх написал очень забавную вещь: если человек путешествует, он может увидеть очень много удивительных вещей, о которых, возможно, и не догадывался, — например, может найти города без стен. Он пишет об этом с удивлением, и понятно, что для человека античности это что-то странное. Он может найти народы, которые не имеют письменности, или такие страны, где нет царя, или племена, которые не знают, что такое деньги. «Есть, — пишет Плутарх, — даже города, где не бывает театра!» — понятно, что для грека это крайне удивительно. «Но, — говорит он, — нигде в мире вы не найдете ни одного города, где не было бы храмов». Очень интересно! Получается, есть разные формы культуры, но все-таки

религия, устремление к трансцендентности, видимо, всегда присутствует, в любой цивилизации.

Понятно, что для первобытного человека религия — это, скорее, то, что называется «анимизм», то есть вера в одушевленность природного мира. Глядя на природу, он дает стихийным силам название божеств. Так, человек считает, что ветер есть бог, а также солнце, море, гроза, огонь и так далее. Через этот первый этап развития религиозного сознания в истории цивилизации, безусловно, проходили все народы.

Несколько более поздний этап развития — магия, когда человек пытается изменить ход событий. Первобытные люди знали, что бывает весна, лето, осень, зима, а потом все повторяется, и вот эта цикличность, которая длится вечно, вызывала у них определенный фатализм. Отсюда представление людей о мире: ничего нельзя изменить. А вот магия — это уже попытка внести какие-то коррективы. Через ритуалы, заклинания, общение со сверхъестественными силами человек пытается изменить судьбу, ход событий.

Есть еще более развитая форма — мифология. Это уже попытка не просто перекроить действительность, но и описать свои действия. Человек пишет аллегорические, метафорические рассказы, которые объясняют, что происходит в природе и истории. Он считает, что есть разные божества, они общаются между собой и с людьми — дружат, конфликтуют и это определяет ход событий. Как правило, мифология связана с политеизмом, то есть с многобожием, и это общая характеристика очень многих древних цивилизаций, как Египта и Месопотамии, так и греко-римского мира. Но даже у восточных народов, в Индии и Китае, как правило, представления о божестве были именно такими.

Я говорил, что скорость развития религиозного сознания меняется: вдруг в истории происходит переход из политеизма к монотеизму, единобожию. Единобожие — это, безусловно, качественный шаг вперед, он существенно меняет представления античности о религии и о Боге. Народ Израиля отличается от окружающих его народов тем, что он очень рано понял, что есть только один Бог. Если мы, христиане, хотим осознать, во что мы верим, кто для нас Бог, мы должны, конечно, учесть все — и анимизм, и магию, и мифологию, и политеизм, — но вера иудейского народа в картине религиозного сознания человечества стоит для нас особняком — она нам очень близка.

Многие религиоведы XX века придерживаются другой теории, согласно которой изначальной религией всех народов был монотеизм. Позже он «деградировал» до политеизма, через анимизм, магию и мифологию. Если держаться этой концепции современного религиоведения, которую называли прамонотеизмом, все равно фактом остается то, что у народа Израиля это возвращение к осознанному единобожию происходит очень рано.

Длинная история

Сначала еврейский народ знал только, что есть один Бог. Потом приходит понимание, что Бог избрал его, избрал праотца Авраама, призвал, указал определенную землю и повел его туда. Затем следует вся история избранного через Авраама народа: когда евреи находились в плену в Египте, потом были освобождены Моисеем и, пройдя через пустыню, вернулись на землю и получили Закон. Это чрезвычайно важный момент — Закон, который и мы должны соблюдать, потому что он действует и для нас, — Декалог, то есть Десять заповедей. Далее, этот народ еще

раз находился в плену, и в его истории было очень много разных перипетий. В такие смутные периоды появлялись люди, которые назывались пророками и которые помогали народу восстановить его общение с Богом.

Одновременно с этим и в греко-римской культуре происходят очень важные изменения. Во-первых, чисто военного характера — завоевания Римской империи. В какой-то момент она заняла всю экумену, то есть весь цивилизованный и известный к тому времени мир. Потом — римское право. Римляне были среди народов античности первыми из тех, которые поставили право на первое место — не просто написав своды законов, как, например, народы Междуречья, но создав намного более сложную и целостную правовую систему, которая рассматривала и регулировала самые разные аспекты жизни общества. В то время, когда в империи устанавливается так называемая *Pax Romana* — Римский мир, в Израиле происходит событие, которое является для нас ключевым, — рождается Богочеловек Иисус Христос.

Итак, Бог воплощается, Бог становится одним из нас. Почему это случилось в I веке? Это не случайный момент человеческой истории. Действительно, в это время наблюдается развитие религиозной мысли. Но оно было не только положительным — возник и определенный кризис. Во времена рождения Иисуса Христа Римская империя переживала сложный философский кризис, когда римляне задавали себе очень сложные вопросы о смысле жизни. Они завоевали весь мир, построили удивительную сеть дорог по всей империи, написали законы, а смысла в этом многие из них уже не видели, настолько, что увлекались всякими восточными религиями, и в самом Риме были храмы всевозможных божеств всех народов. И в этот момент Бог воплощается. Апостол Павел говорит Галатам: *Когда*

пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Гал 4:4). И в Послании к Евреям читаем: *Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам и пророкам, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, через Которого и веки сотворил* (Евр 1:2).

Альфа и омега

Вот это и есть кульминационный пункт истории развития человеческого религиозного сознания. Бог *многократно и многообразно* говорил не только израильтянам, Он говорил и другим народам. Открывался им, хотя и частично, но наступил момент в истории человечества, когда Он произнес главное Слово, которым является Его Сын — Слово Божие, Иисус Христос. Он есть альфа и омега жизни, полнота Откровения, и другого не будет.

В центре нашей жизни есть только один Господь — Иисус Христос, Который показывает нам Бога Отца. Его рождение стало точкой отсчета всей человеческой истории отнюдь не только потому, что мы так исчисляем время и делим эпохи до и после этого исторического события. Ставши человеком, Бог освятил все человеческое: нашу историю, культуру, все, что человек созидает. Мы, христиане, верим, что Богочеловек Иисус Христос и есть тот Источник воды живой, который открылся самарянке и который открывается каждому из нас.

День 6

В недавней истории Русской Церкви есть два выдающихся православных священника, с которыми мне посчастливилось быть знакомым, — отец Александр Мень и отец Георгий Чистяков. Без всякого сомнения, они повлияли на мое понимание самого священства и помогли принять решение служить Богу и людям именно в священном сане. Во многом единомышленники, они были совершенно разные.

Я очень часто их вспоминаю и на каждой Божественной литургии поминаю с благодарностью во время проскомидии. В эти долгие дни самоизоляции постоянно чувствую их рядом с собой.

«А где здесь Ваня?»

Вспоминая наставников-отцов¹

С отцом Александром Менем я познакомился в последние годы его жизни, когда он крестил ребенка на квартире у друзей. Помню, что его помощница Соня Рукова записала мое имя в еженедельник отца Александра. Но не «Джованни», а уменьшительный русский вариант моего итальянского имени — «Ваня», а мне подробно написала в тетради, как доехать до Пушкино и далее до храма в Новой Деревне, и рядом пометила: «о. А.» — потому что шел еще

¹ Текст составлен из расшифровок различных выступлений на вечерах памяти о. Александра Мень и о. Георгия Чистякова в Москве. Отдельные части были опубликованы в альманахе «Христианос» (XXIX. Рига: ФиАМ, 2020. С. 62–69) и в книге: Чистяков Г. Размышления о богослужении. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 223–247.

1987 г., а в середине 80-х у отца Александра были неприятности из-за общения с иностранцами. И вот когда я впервые оказался в Новой Деревне, в конце службы отец Александр вышел из храма и громко спросил: «А где здесь Ваня?»

Мне запомнилась его невероятная способность общаться с кем бы то ни было. Я ведь тогда был совсем молодым, студентом, а он — маститый богослов, протоиерей. Но он вел разговор со мной на равных, то есть я не чувствовал никакого дискомфорта. И когда я бывал в Новой Деревне, видел, что он так общается со всеми — с детьми, с деревенскими старушками, — так же как с очень начитанными людьми и с представителями московской интеллигенции. Отец Александр, действительно, образец пастыря. Пастырь должен уметь находить общий язык абсолютно со всеми.

Немузейное Православие

Помню, конечно, встречи с ним, разговоры, исповедь. И первое, что мне дали эти немногие встречи и беседы с отцом Александром, — это его видение Православия. Для него оно было не музейным явлением, не новой национальной идеологией России, не банальным превозношением или идеализацией мифического прошлого. Когда отец Александр говорил и писал о Православии, а также о Христе, он использовал грамматическое настоящее время гораздо чаще, чем прошедшее. Для отца Александра христианство, Православие — это Христос воскресший, Он здесь и сейчас. Он — современник людей всех эпох и потому — вечно современный! Православие для отца Александра Мень — это Церковь миссионерская, которая не боится общения, но ведет диалог со всеми. Церковь, которая го-

това, по слову апостола Павла, для всех сделаться всем, чтобы спасти некоторых. Церковь, которая проповедует современному миру и потому способна говорить с ним на его языке. Способна оценить его культуру.

По мысли отца Александра, все прекрасное, что творит человек, любое человеческое устремление к творчеству, справедливости и прогрессу имеет непосредственное отношение ко Христу и к Церкви. Он пишет: «Величие человека как образа и подобия Творца в том, что он может стать участником созидания Царства. Когда победа над злом будет полной, тогда осуществится то, о чем грезили, чего жаждали и что приближали миллионы разумных существ. Все самое прекрасное, созданное ими, войдет в вечное Царство. Наступит эра сынов Божиих, которых лишь в отдаленных подобию описывала Библия. Однако уже и теперь, в этом несовершенном, полном ужаса и страдания веке сила и слава грядущего могут быть обретены. Призывный свет Царства горит вдали, но в то же время отблески его рядом с нами в простых вещах и событиях жизни, в радости и скорби. В самоотверженности и одолении соблазнов. Предчувствие его в звездах и цветах, в весенней природе, в золоте осени, кипении прибоя и в ливнях, в радуге, красках и музыке, в смелой мечте и в творчестве, в борьбе и познании, в любви и молитве»¹.

Писатель и его герой

После гибели отца Александра мне пришла в голову мысль перевести его книгу «Сын Человеческий» на итальянский язык. Я хотел это сделать потому, что книга мне

¹ Мень А., прот. Сын Человеческий. Изд. 3-е, перераб. и доп. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, [1983]. С. 130.

очень нравилась и в знак признательности отцу Александру. У итальянского издателя были сомнения в целесообразности этой идеи. В Риме находятся папские высшие учебные заведения по всем богословским дисциплинам — Библейский институт, Литургический и прочие, — и почти вся богословская литература, которая существует в мире, переведена на итальянский. И какой смысл переводить книгу, которую написал какой-то русский священник в советское время? Вот почему сомневался издатель. Однако мне удалось его убедить. И в сентябре 1996 г. вышло первое издание моего перевода, а в конце ноября, готовясь к рождественской продаже книг, издатель уже выпустил второй тираж. Потому что первый был распродан за минувшие полтора-два месяца.

Затем в 1998 г. ко мне обратился французский издатель с предложением перевести «Сына Человеческого» на язык его страны. Для меня французский — второй после итальянского. Так получилось, что я дважды переводил эту книгу. Франция — более светская, более секулярная страна, чем Италия, тем не менее книга имела там больший успех. В 1999 г., накануне юбилейного 2000 г., мы вместе с отцом Георгием Чистяковым поехали во Францию представлять перевод... В Париже была организована замечательная презентация, в ней принимал участие кардинал Люэтиже, который один раз лично встречался с отцом Александром. Потом мой французский перевод попал во Франкфурт, на самую большую книжную ярмарку Европы, и после этого стали появляться переводы на другие языки: испанский, португальский, румынский и прочие. Самый большой тираж после русского оригинала был издан, как ни удивительно, в Бразилии.

Отцу Александру в «Сыне Человеческом» удалось сохранить равновесие между научным характером повество-

вания и доступностью текста. Он с настоящим мастерством передает события, инсценирует диалоги, чередует в разумных пропорциях действие и повествование; показывает, что драма Христа становится в то же время и внутренней драмой учеников, Понтия Пилата, Иуды и других. Главным литературным достоинством книги я считаю авторский подход к описанию главного героя — Иисуса Христа. В этом и заключен основной секрет этой книги. Автор как будто знал лично своего главного героя. Не каждому писателю удастся быть столь убедительным. Потому что отец Александр действительно знал Его лично...

«Кто не покинул Христа среди испытаний»

Что же оставил нам Александр Мень на сегодняшний день? В эпилоге книги «Сын Человеческий» он пишет о том, что «евангельская проповедь принесла надежду опустошенным и отчаявшимся, вдохнула в них энергию и жизнь». О том, что «христианство... осудило угнетателей, возвысило женщину, способствовало искоренению рабства»; о том, что «в каждую эпоху Новый Завет обнаруживал скрытые в нем неистощимые импульсы к творчеству» и что «перед Его крестом склонились величайшие умы всех народов». О том, что «идеалы справедливости, братства, свободы, самоотверженного служения, вера в конечную победу добра и в ценность человеческой личности — словом, все, что противостоит тирании, лжи и насилию, черпает, пусть и бессознательно, живую воду из евангельского родника». Все это — кредо отца Александра, его видение нашей веры.

Предпоследний абзац эпилога говорит нам о чем-то очень важном, на что мне хотелось бы обратить внимание:

«Столетия, минувшие с Пасхального утра в Иудее, — не более чем пролог к богочеловеческой полноте Церкви. Начало того, что было обещано ей Иисусом. Новая жизнь дала только первые, подчас еще слабые ростки. Религия Благой Вести есть религия будущего». Эти слова отца Александра очень известны и часто цитируются. А вот на то, что он пишет дальше, немногие обращают внимание: «...но Царство Божие уже существует: в красоте мира и там, где среди людей побеждает добро, в истинных учениках Господа, в святых и подвижниках, в тех, кто хочет идти за Ним, кто не покинул Христа среди тяжких испытаний Его Церкви...»

Эти слова, будучи актуальны в советское время, чрезвычайно важны и сейчас. Во все времена святые и подвижники — это те, кто хочет идти за Христом и «не покинет Его среди тяжких испытаний Его Церкви». Это самое важное из того, что лично мне оставил отец Александр!

«Я не мог решиться»

Более пятнадцати лет я преподавал историю итальянской литературы в разных московских вузах, с 1991 г. — в Институте иностранных языков, где до 1993 г. доцент Георгий Петрович Чистяков преподавал латинский и древнегреческий языки. У нас были параллельные курсы и группы. Однажды одна студентка мне сказала: «Джованни, вы с Георгием Петровичем очень похожи». Я ей сказал: «Просто мы оба смешные и неуклюжие», на что она ответила: «Дело не в этом». И я сделал соответствующий вывод — что мы правда смешны и неуклюжи, но эта девушка почувствовала другое родство...

Позднее с отцом Георгием мы много общались в московском храме Космы и Дамиана в Шубине, я у него исповедовался. Через три года после смерти отца Георгия я был рукоположен в священный сан, а позднее определен клириком храма Космы и Дамиана, где отец Георгий прослужил 15 лет.

Отец Георгий Чистяков очень любил отца Александра Меня и почитал его память. Помню, на мой вопрос, почему он стал священником, отец Георгий ответил: «Очень долго не мог решиться. Терзался, мучился, все думал, думал... А 9 сентября 1990 г. вдруг телефонный звонок: отца Александра убили! И тогда я принял решение, у меня не осталось никаких сомнений в том, что рукоположиться надо обязательно для того, чтобы продолжать дело отца Александра».

У отца Георгия были очень разные, почти противоположные свойства, которые сочетались вполне гармонично. Все в институте воспринимали его как настоящего ученого, и, кроме того, он был блестящим преподавателем. Известно, что ученый — это не обязательно хороший преподаватель.

«Зачем ему это нужно?»

Помню, когда стало известно, что Георгий Петрович собирается стать священником, все в нашем крайне антиклерикальном институте были просто в шоке. По разным причинам. Одни считали, что напрасно пропадут его таланты. Блестящий ученый, замечательный преподаватель — что он будет кадиллом махать? Читать какие-то непонятные формулы, заклинания? Говорили: «Абсолютно непонятно, зачем ему это нужно». Другие сомневались, сможет ли он стать хорошим священником. Георгий Пет-

рович все-таки был самоутлубленным интеллектуалом, общался с определенным контингентом людей. А священник должен уметь общаться со всеми: с простыми людьми, с детьми. И была еще одна причина для скепсиса. Все знали, сколь он был самостоятелен, независим и порою резок в своих суждениях, нередко они шли вразрез с мнением большинства. «Ну вот, — пророчили эти знатоки, — став священником Русской Православной Церкви, Георгий Петрович либо изменит свои взгляды, либо больше не сможет их высказывать».

Все эти сомнения были развеяны. Во-первых, у отца Георгия каким-то чудесным образом с рукоположением прибавился, причем в огромной мере, ресурс новых сил. Это позволило ему делать разнообразных дел намного больше, чем раньше. Не только служил в храме, но и в Российской детской клинической больнице, вел передачи на радио «София», писал статьи в «Русской мысли», работал в Библиотеке иностранной литературы... Для меня до сих пор абсолютная загадка, как ему это удавалось, откуда брал и силы, и время. Кроме того, появились еще и какие-то психологические и пастырские навыки. Он действительно научился общаться со всеми. Прежний немощный ученый превратился в неколебимую скалу, в которой нашли опору сотни самых непохожих людей.

Что же касается интеллектуальной честности, то он не только продолжал открыто отстаивать прежние свои позиции, но делал это теперь с большей авторитетностью, дарованной саном. Отец Георгий мог бы применить к себе слова отца Александра Ельчанинова: «До священства — как о многом я должен был молчать, удерживать себя. Священство для меня — возможность говорить полным голосом».

Поп-неклерикал

Одна характеристика отца Георгия, которая для меня очень важна, — это то, что он был абсолютно неклерикальным человеком. Это чрезвычайно важно для священника, как мне кажется. Может быть, эта черта связана с тем, что он стал священником достаточно поздно, после того как преподавал в разных вузах, проявил себя как ученый, литературовед, филолог. И священство для него не было пространством самореализации, а именно служением в чистом виде. Он высоко ценил человека-мирянина, который достиг в своей жизни чего-то важного, смог проявить себя.

В своих воспоминаниях он рассказывает о старушках своего детства, о том, как они его воспитывали. Он питал искреннее благоговение к старшему поколению. Однажды мы говорили об исповеди — о том, как часто люди путают ее с психоанализом или беседой. Отец Георгий тогда сказал: «Ну, это, конечно, разные вещи. Я, если хочу исповедоваться, иду к первому священнику. И здесь не так важно, кто это. А вот если я хочу посоветоваться, я иду к мудрому человеку, например к мирянину, более опытному, чем я. Вот с ним я советуюсь».

И я не мог решиться!

Так получилось, что в моей жизни был поворотный момент, когда решалась моя дальнейшая судьба. Я давным-давно раздумывал о принятии священного сана. И постоянно думал, что надо поговорить об этом с отцом Александром Борисовым, но не мог решиться. Однажды, когда я находился на конференции в Риме, для меня это внутреннее побуждение вдруг стало совершенно ясным, и я пришел к решению: да, надо просить о рукоположении.

Был еще один человек, с которым я хотел поговорить: это отец Георгий. Я думал: кто, как не он, сможет мне дать совет? Я хорошо помнил его рассказ о том, как к принятию аналогичного решения его подтолкнула весть о смерти отца Александра Меня. Я размышлял об этом в самолете, возвращаясь из Рима в Москву. Прилетел, а на следующий день мне позвонили и сказали: «Умер отец Георгий».

В конце концов получилось, что через несколько дней после похорон отца Георгия мы с отцом Александром провели вместе несколько дней во время отпуска и состоялся наш разговор. Когда я робко начал намекать на свое намерение, он очень удивился: «Да вы что?! Рукоположиться?» Это была его первая реакция. А потом последовал другой разговор.

В центре — Христос

Как для отца Александра Меня, так и для отца Георгия в центре христианской веры был, безусловно, Христос, и ничто другое: ни человеческие традиции, ни русская культура, которую он знал великолепно и, конечно, безумно любил. Причем не какое-то мифическое прошлое, как часто, увы, бывает. Для отца Георгия Христос всегда актуален. «Христианство жгуче современно» — это его слова.

В телепередаче с участием отца Георгия журналист как-то сказал: «Читал Евангелие от Иоанна, и у меня такое ощущение, что это написано несколько позднее. Потому что автор мало рассказывает о событиях, но очень много диалогов, и такое ощущение, что это написано все-таки в IV–V веках». До этой реплики ведущего отец Георгий сидел спокойно, а тут резко подался вперед и воскликнул: «А вы знаете, у меня такое ощущение, что

это написано в XXI веке. Даже так: вчера вечером, а еще лучше — сегодня утром!»

В этом восклицании — весь отец Георгий. Ученый и священник, он нам оставил память о своей удивительной эрудиции и редкой способности воспринимать мировую культуру как единое целое в свете Благой Вести. Об этом свидетельствуют уже первые книги, составленные им после принятия сана: «Размышления с Евангелием в руках», «На путях к Богу живому», «В поисках вечного града», толкования Евангелий «Над строками Нового Завета» и «Свет во тьме светит».

Единство культуры и веры нам показывают и все остальные его книги, сборники блистательных проповедей, эссе, статей и лекций. Его наследие пока не оценено по достоинству и еще не полностью опубликовано. В центре этого наследия — одна только идея: что Христос живет сегодня, потому что Он может быть «посреди нас» здесь и сейчас; что Его свет «просвещает всех» и поэтому Он действительно «жгуче современен». Это утверждение, мне кажется, является тем главным, о чем писал и говорил отец Георгий.

Христос сегодня, Христос в моей личной жизни, Христос в центре всего — и мировой культуры, и всей Вселенной. Именно этот взгляд на мир и веру мне лично оставили священники Александр Мень и Георгий Чистяков, потому что это, безусловно, было главным в их жизни.

День 7

Так получилось, что отец Павел Флоренский и отец Александр Мень родились в один и тот же день — 22 января. В свой день рождения в 1935 г., находясь в заключении в лагере на Соловках, отец Павел подводит итоги жизни и спрашивает себя, «каков будет суд, признает ли он что-нибудь хорошее за мною»; как раз в этот день родился Александр Мень.

Перед смертью, в 1937 г., отец Павел с печалью констатировал, что общество «проявляет все старания», чтобы помешать человеку реализоваться, принести свой дар. Понятно, что, сидя в концлагере перед расстрелом, человек вряд ли мог прийти к другому выводу... И все же в данном случае отец Павел ошибался: ведь при рассмотрении истории его жизни очевидно, что он, вопреки самым жутким обстоятельствам, свой дар, безусловно, принес. Как и отец Александр...

А как часто я оправдываюсь перед своей совестью, обвиняя обстоятельства в своих неудачах? Кстати, 22 января 1920 г. также родилась Кьяра Любич — еще пример человека, который оставил глубокий след в истории Церкви XX века.

Священник-интеллектуал в атеистической стране: о Павле Флоренском и Александре Мене¹

В вечной памяти будет праведник
Пс 111:6

Репрессии, преследования, нарушения прав человека в отношении верующих, приверженцев разных Церквей, стали неотъемлемой частью советской истории, которая началась на следующий день после революции и продолжалась до конца 80-х годов.

Флоренский и Мень

Я не собираюсь рисовать хронологическую картину преследований за веру в СССР. Я опишу лишь два конкретных примера жертв антирелигиозной ненависти. Речь идет о Павле Флоренском и Александре Мене. Жившие один в начале, а другой в конце советской эпохи, эти два священника-интеллектуала как бы охватывают весь период гонений за веру, и в их судьбах прослеживаются удивительные аналогии. Павел Флоренский и Александр Мень заплатили кровью за свою верность Христу и за свою гениальность. Люди науки и Церкви, оба они склонялись к синтетическому видению мира, в котором наука и вера, культура и религия не только встречаются и гармонично взаимодействуют между собой, но и составляют единое целое. Они подтвердили собственной судьбой и мировоз-

¹ По материалам доклада на Международном конгрессе «Исторический опыт советского коммунистического тоталитаризма: Праведники против Гулага», Милан, 9–11 декабря 2003 г. Итальянский текст опубликован с материалами конгресса.

зрением однокоренное происхождение слов *культура* и *культ*, отмеченное Флоренским.

Александр Мень и Павел Флоренский каждый по-своему разрабатывали систему понимания действительности, основанную на единстве. Оба достигли необычайной гармонии теоретической мысли и конкретной жизни. Имея возможность эмигрировать, оба осознанно предпочли остаться в России и разделить участь своего народа.

И наконец — это самый интересный аспект, — ни один ни другой не стали пассивными объектами преследования, но были, несмотря на них (и, несомненно, именно в ответ на них), чрезвычайно активны: в крайне трудных условиях они сумели создать труды, имеющие огромное значение для современников и последующих поколений. Именно такая «положительная реакция» на репрессии властей стала, на мой взгляд, той отличительной особенностью, которая позволяет дать личности как Флоренского, так и Мень не только определение *свидетель* — так переводится с греческого языка христианское слово *martyros* (*мученик*), — но и *праведник*. Действительно, они решительно стояли на стороне преследуемых, сохраняли собственное интеллектуальное достоинство, не утратив способности мыслить независимо, вопреки навязываемой идеологии, и оставались до конца верными своим принципам. Более того, они продолжали верить в то, что можно в любых условиях трудиться на благо мира и активно действовать, отдавая все свои силы и способности служению людям.

«Русский Леонардо»

Павла Флоренского часто называют «русским Леонардо». Поистине его гениальность и многогранность феноменальны: он был биологом, физиком, математиком, инже-

нером и в то же время философом, богословом, филологом, специалистом в области эстетики, литературы, музыки, живописи.

Флоренский родился в Азербайджане, в городке Евлахе, 9 января (по старому стилю) 1882 г. Его мать была армянкой, отец — русским. Блестяще закончив 2-ю классическую гимназию в Тифлисе, он в 1900 г. поступил на физико-математический факультет Московского университета. По окончании учебы (1904), отказавшись от работы на математическом отделении факультета, он выбрал Московскую духовную академию. В 1910 г. Флоренский женился и в следующем году был рукоположен в священники. Всю свою жизнь он продолжал научные изыскания и параллельно писал богословские и философские труды. В период, предшествовавший революции, он сблизился с символистами, литературным и культурным авангардом Москвы.

После революции он принял решение не эмигрировать: такой выбор отличал его от большей части верующей интеллигенции и его друзей, которые или покинули страну сами, или были изгнаны властями. Флоренский уговаривал многих «не оставлять корабля» и однажды ответил группе учеников, которые настойчиво спрашивали его, допустимо ли при определенных обстоятельствах эмигрировать: «Те из вас, кто чувствует себя достаточно сильными, чтобы сопротивляться, должны остаться, а те, кто боится и не ощущает в себе твердости и уверенности, могут уехать». Что же до него самого, он предпочел не просто остаться, но продолжать научные исследования и активнее участвовать в общественной и культурной жизни страны, не скрывая при этом ни своей веры, ни своего священнического сана.

Так, священник Флоренский был одновременно профессором во ВХУТЕМАСе (Высших художественно-технических мастерских), где преподавал «анализ простран-

ственности в художественных произведениях»; ученым секретарем в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры; членом «Главэлектро» (Центрального управления электрификации) и директором ГЭЭИ (Государственного электротехнического института).

Флоренский принимал участие в различных совещаниях, во всякого рода научных симпозиумах и приходил на эти собрания в подряснике. Для того чтобы должным образом оценить смелость его поведения, нужно помнить, что в 20-е годы партия взяла под контроль всю культурную жизнь страны и производила «чистки» среди интеллигенции, устраняя из нее все неудобные элементы. Таким образом, к концу 20-х годов из России исчезло большинство наиболее неконформистски настроенных активных деятелей культуры: одних изгнали, депортировали, расстреляли, другие уехали из страны сами, были и такие, которые покончили с собой, или их убийство было замаскировано под вид суицида. В числе эмигрировавших оказались богословы Булгаков и Бердяев, философы Струве и Лосский, художник Шагал, писатели Иванов, Бальмонт, Бунин, Шмелев, Ремизов, Набоков, Цветаева, Мережковский, Гиппиус и многие, многие другие. В те годы с Флоренским познакомился Лев Троцкий, который открыто конфликтовал со Сталиным. Удивленный видом Флоренского, пришедшего в рясе на научное совещание, он довольно резко спросил его о причине такого, на его взгляд, неуместного выбора одежды. Флоренский ответил ему: «Я православный священник и не снимал с себя сана, поэтому я не могу иначе». Обезоруживающий ответ завоевал симпатию лидера большевиков, и с тех пор он с большим уважением относился к «попу-ученому». Флоренский был в хороших отношениях и с Бухариным. Знаком-

ство с высокопоставленными политическими деятелями, противниками Сталина, оказало пагубное влияние на его судьбу.

Именно 1925–1933 гг., столь трудные для интеллектуальной элиты России, стали самыми плодотворными в творческой деятельности Флоренского. Помимо наиболее значительных богословских трудов к этому периоду относятся исследования по теории искусства и философии речи, а также различные изобретения в области химии и электротехники. В 1927 г. он изобрел незамерзающее машинное масло (которое назвали *деканитом* в честь десятилетия революции). Только с 1927 по 1933 г. он представил около сорока заявок в государственное патентное бюро на изобретение электроматериалов и изоляторов. В частности, он определил состав *карболита*, первой выпущенной в Советском Союзе сверхтвердой черной пластмассы, из которой с 20-х по 60-е годы делали телефонные аппараты и настольные лампы: этот материал инженеры старшего поколения до сих пор называют «пластмассой Флоренского». За 30 лет до появления транзисторов Флоренский запатентовал полупроводники, впоследствии сыгравшие очень важную роль в развитии электроники.

Неприятности

По прошествии недолгого времени у слишком дерзкого попа-ученого, который был бельмом на глазу у большевиков, начались неприятности. В 1928 г. он впервые был осужден как реакционер и социально опасный элемент и сослан в Нижний Новгород. Но первый приговор, вынесенный Флоренскому, отменили по ходатайству весьма влиятельной персоны — Екатерины Павловны Пешковой, жены Горького.

Однако в феврале 1933 г. Флоренского арестовали во второй раз и заключили в камеру на Лубянке. Его приговорили к десяти годам лагерей за принадлежность к несуществующей «Контрреволюционной националистской, фашистской и монархистской организации». На основе секретных документов, которые в 1991 г. КГБ передал родственникам Флоренского, можно утверждать, что в момент ареста Флоренский сознательно пошел на то, чтобы получить ссылку в лагерь, так как в этом случае несправедливо обвинившие его коллеги могли бы получить свободу. Дело в том, что один из его коллег, профессор права, арестованный пятью годами ранее, поддался угрозам ОГПУ и подписал заранее сфабрикованные свидетельские показания, согласно которым несколько ученых, и в том числе Флоренский, были замешаны в вымышленном «деле». Последний, узнав о том, что признание им своей «вины» избавит от ада лагерей человека, донесшего на него, согласился с ложными обвинениями.

После нескольких месяцев заключения в Москве, в августе 1933 г., началась жизнь Флоренского в исправительных лагерях. В октябре его доставили на Дальний Восток (поселок Свободный, затем Сковородино), а еще почти через год, в сентябре 1934-го, направили в лагерь на Соловецких островах.

В 1937 г., когда отмечалось двадцатилетие революции, Сталин решил покончить с «врагами народа»: за два года было арестовано семь миллионов человек, которые добавились к пяти миллионам, уже содержащимся в лагерях. По причинам, связанным, кроме прочего, с проблемами размещения заключенных, в конце 1937 г. многие из них были уничтожены. Среди них оказался и Павел Флоренский: его вместе с пятьюстами товарищами по лагерю перевезли с Соловков в Ленинград, где ночью 8 декабря расстреляли в лесу на окраине города.

Афины и Иерусалим

Флоренский обладал унитарным (и тринитарным) восприятием космоса, жизни и знания: точные науки, философия и эстетика составляли в его мировоззрении единое целое. «Что я делал всю жизнь? — пишет он в письме сыну, меньше чем за год до расстрела. — Рассматривал мир как целое, как единую картину и реальность, но в каждый данный момент или, точнее, на каждом этапе своей жизни под определенным углом зрения. Я просматривал мировые соотношения на разрезе мира по определенному направлению, в определенной плоскости и стараясь понять строение мира по этому, на данном этапе меня занимающему, признаку»¹.

В эпоху полного уничтожения традиционных духовных и нравственных ценностей, в то время, когда страну терзали мучительные раздоры, он предложил новый синтез христианской веры и мировой культуры, осуществив таким образом то, что намеревался сделать еще в молодости: постараться «гармонично соединить все учение Церкви с философско-научным и художественным видением мира». Отмечая у Флоренского это единство веры и разума, мистики и науки, религии и культуры, отец Сергей Булгаков говорил: «В нем встретились и соединились культура и Церковь, Афины и Иерусалим».

Но это еще не всё. Мысль Флоренского всегда отражала его образ жизни и находилась в гармонии с ним: его мыслительная деятельность, в том числе теоретическая абстракция и научный поиск, никогда не существовала в отрыве от его собственного жизненного опыта. В нем исследователь и священник неотделимы друг от друга: этим,

¹ Флоренский П., свящ. Письма с Соловков // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1998. Т. 4. С. 672.

в частности, объясняется посещение им научных конференций в подраяснике.

Но именно такая религиозность — всеохватывающая, просвещенная, открытая по отношению к светской культуре — была крайне опасна для режима и ненавистна большевистским властям.

На протяжении всей жизни Флоренский никогда не переставал учиться, изобретать, делать научные открытия, творить. Он оставил после себя не только живую память и духовное наследие, но ему принадлежат вполне конкретные изобретения и доведенные до конца исследования. Казалось, внешние обстоятельства не имели никакого влияния на его невероятную способность творить. Он участвовал в составлении Технической энциклопедии, выпущенной в 1927–1933 гг.: многие его статьи служили справочным материалом для тысяч советских граждан на протяжении многих лет после его смерти, и никто не знал или не помнил о том, что их автор — священник, который был заключен в лагерь и в 1937 г. расстрелян. Заключенный в камере на Лубянке, он нашел в себе силы отправить государственным властям *Проект будущей структуры государства* — небольшой политический трактат, написанный им в ожидании отправки в лагерь.

Творчество в жутких условиях

И наконец, в течение почти пяти лет пребывания в лагерях Флоренский продолжал творческую работу. И это несмотря на тяжелейшие условия, в которых содержались заключенные, несмотря на голод, холод, унижения, на (физическое изнеможение и полнейшее одиночество (не только из-за отсутствия родных, но и лишения какого-либо религиозного утешения).

В поселке Сквородино на Дальнем Востоке, на станции БАМлаг (на Байкало-Амурской магистрали, построенной заключенными и пересекающей территорию вечной мерзлоты) он устроил себе лабораторию. Здесь он пережил период исключительно плодотворной умственной деятельности: продолжил начатое в Москве изучение изоляционных материалов и электротехники, исследовал явление вечной мерзлоты и довел до конца разработку технологии строительства зданий в таких условиях. Эти разработки до сих пор применяются в инженерном деле и носят его имя. Город Норильск, один из самых северных городов мира, расположенный за полярным кругом, а также современные кварталы промышленных сибирских городов Салехарда и Сургута построены с применением метода Флоренского.

В сентябре 1934 г. Флоренского внезапно перевели на Соловки. Древний монастырь, оплот Православия, был переустроен в лагерь и из очага русской духовности превратился в мрачный символ сталинской репрессивной машины, где неистовство диктатуры привело к невероятному числу жертв.

Флоренский прибыл на Соловки после длинного и изнурительного этапа, весь в гематомах, с разбитыми очками, в изорванной обуви. Климатические условия крайнего Севера и лагерный уклад жизни: жесткость надзора, полная изоляция от всего мира, строгий контроль над корреспонденцией — оказались несравненно более тяжелыми, чем в предыдущем лагере. Флоренский переживал этот перевод, как самую настоящую душевную драму: он чувствовал себя сосланным в нереальный мир лжи и варварства, в мир, в котором все казалось ему глубоко чуждым и враждебным — даже архитектура монастыря, суровая северная природа, полярный день и полярная ночь...

И все же он, подавленный физически и духовно, снова принялся за дело. Продолжил изучение вечной мерзлоты, разработку антиобледенителей, строительных технологий, усовершенствовал методику извлечения йода и агар-агара из водорослей, даже организовал промышленное производство йода (Йодпром). В последние дни заключения на Соловках Флоренский исследовал благотворный вклад йода в профилактику гриппа и лечение дисфункции щитовидной железы. Именно он впервые предположил, что для правильного воздействия йода нужно сочетать его с молекулами молочного белка. На основе этого его последнего открытия разработаны некоторые современные препараты, используемые в лечении нарушений, связанных с недостатком в организме йода.

Вынужденный выдерживать напряженный ритм работы (фабрики по производству йода, он писал своим родным, что как ученый не чувствует себя ущемленным, потому что «процессы в природе можно сравнивать скорее с заводским производством громадных размеров, чем с лабораторным опытом»). Сама враждебность природы, казалось, дает ему стимул для работы...

С кафедры концлагеря

В течение всего времени, проведенного в заключении, Флоренский поддерживал оживленную переписку с семьей. Эти письма, особенно после прибытия на Соловки, были его единственной связью с внешним миром.

Он писал по ночам, после изнуряющих рабочих дней на фабрике. Заключенный мог отправлять ограниченное число писем в месяц (хотя Флоренский, выполняя сверхурочную работу, вместо премии часто добивался разрешения на дополнительные отправки); ограничено было и количество

страниц. Поэтому в каждом письме он делил место на бумаге между женой, пятью детьми и матерью. Он писал каждому согласно его интересам и потребностям. Он был нежным мужем и необычайно внимательным отцом, который заботился об образовании детей. В своих письмах он подстегивал старшего сына Васю, поскольку считал его слишком робким и недостаточно усердным, обсуждал науку со вторым сыном Кириллом, учеником Вернадского, ободрял младшего, Мика, который только начинал учебу... Дочь Ольгу после его ареста исключили из школы, и у нее начались проблемы с нервами, поэтому отец старался сам дать ей образование — из лагеря.

В этих письмах, наряду с немногими новостями о его жизни в неволе, рассуждениями о природе, о себе, о его семье, наряду с практическими советами, Флоренский затрагивал бесчисленное множество тем и давал детям самые настоящие уроки физики, математики, геометрии, инженерного дела, ботаники, минералогии, философии, эстетики, литературы, живописи, музыки, русской и всемирной истории.

Таким образом, это оригинальное собрание писем в определенном смысле представляет собой произведение, обобщающее энциклопедические знания Флоренского, — это последний, самый трагический и возвышенный его труд. С кафедры лагеря заключенный в нем русский Леонардо в последний раз переформулировал в письмах свое унитарное видение действительности.

Детство в катакомбах

В один из самых драматических моментов своей жизни, после трех месяцев заключения в Соловецком лагере, Павел Флоренский пишет жене: «Верчусь я целый день, с утра до поздней ночи, но не знаю, много ли из этого про-

ку. <...> ...Все какое-то здесь пустое, как будто во сне, и даже не вполне уверен, что это действительно есть, а не видится как сновидение. Позавчера мне минуло 54 года. Конечно, этот день не был ничем отмечен, зачем мне отмечать его без вас? Пора подводить итоги жизни. Не знаю, каков будет суд, признает ли он что-нибудь хорошее за мною, но сам скажу, что старался не делать плохого и злого, — и сознательно не делал. Просматривая свое сердце, могу сказать, что никакого нет у меня гнева и злобы»¹. Положение заключенного поистине трагично, настолько, что он ошибается в расчете собственного возраста: 22 января 1935 г. ему в действительности минуло 53 года.

В этот грустный для соловецкого узника день рождения появился на свет Александр Мень. Он родился в Москве в еврейской семье. Его мать с ранней молодости тянулась к христианству, и после знакомства с некоторыми членами Катакомбной Церкви у нее установилась с ними глубокая духовная связь. Она приняла крещение вместе с сыном, когда тому было несколько месяцев. Так маленький Алик стал расти в обстановке Катакомбной Церкви, которую именно в те годы оросила кровь многих мучеников. Многочисленные нити связывали людей, окружавших его в детстве, с великой духовной традицией оптинских старцев, со святым Иоанном Кронштадтским и другими русскими подвижниками. В лоне этой общины — в то время, когда его сверстники штурмовали классику марксизма-ленинизма и «гениальные сочинения товарища Сталина», — юный Александр Мень открывал для себя Священное Писание и труды Отцов Церкви.

Опыт, пережитый в Катакомбной Церкви, совершавшей таинство Евхаристии на частных квартирах и в деревенских избах, оставил глубокий след в душе отца Алек-

¹ Флоренский П., свящ. Указ. соч. С. 171–172.

сандра, этим опытом он вдохновлялся впоследствии, когда кропотливо создавал свою общину: он с самого начала привык видеть Церковь прежде всего как живое сообщество, а потом уже как место культа.

Его с детства интересовало священническое служение, но прежде, чем осуществить то, что — как оказалось в дальнейшем — было его призванием, он решил получить высшее образование по биологическому профилю. Он считал, что в стране «научного материализма» служитель Бога должен хорошо разбираться в науке и быть открытым для диалога. Прежде всего для диалога с собой, внутри себя, затем для диалога с культурой, со светской мыслью, с современностью. Но это еще не все. Наука и окружающая действительность были для него рычагами веры. «Природа была моим первым учебником богословия», — сказал он позднее. Он также говорил: «Я входил в лес или в палеонтологический музей, как входят в церковь». Блестяще сдав все выпускные экзамены, дипломник Мень был исключен из института незадолго до выдачи дипломов. Преподаватель марксизма-ленинизма считал его ненадежным, к тому же КГБ сообщил в деканат, что этот будущий биолог посещает церковь и оказывает ей помощь, что он поддерживает связь с епископом... В СССР человек, у которого все еще оставались религиозные предрассудки, не мог рассчитывать на то, что ему позволят стать ученым.

Священник в гуще агрессии

В 1958 г. Александр Мень был рукоположен в дьяконы в Москве и 1 сентября 1960 г. стал священником. Это было время десталинизации. Но если новая линия партии у многих представителей интеллигенции пробудила надежду на долгожданную свободу, то в отношении религии

дело обстояло совсем иначе. Никита Хрущев, приказавший за двадцать лет построить в Советском Союзе коммунизм, в 1958 г. начинает агрессивную антирелигиозную кампанию: закрывается половина церквей, большая часть семинарий и почти все монастыри. В государственной печати почти ежедневно появляются нападки на Церковь и веру, назначается год, когда последний поп будет помещен в музей, а в 1961 г. Юрий Гагарин, вернувшись из космоса, рассказывает о том, что не нашел там следов Бога...

В те годы все Церкви в СССР становятся объектом новой волны преследований и ограничений. Конечно, на заре 60-х годов, когда на повестке дня стояла «оттепель» и терпимость к инакомыслию, уже нельзя было возобновить расстрелы и депортацию, как во времена Флоренского; невозможно было и вернуться к старым методам борьбы, например печатать карикатуры образца 20-х годов, в которых высмеивались толстые попы. Нужно было придумать что-то новое. Так, кампания против религиозных предрассудков приобретает отныне научную окраску: государственное издательское дело будет уделять много места публикациям, посвященным атеизму; в сентябре 1959 г. основывается журнал «Наука и религия»; в борьбе с религией участвуют и другие многотиражные издания, такие как «Знание — сила», «Наука и жизнь». В различных высших учебных заведениях наряду с кафедрами марксизма-ленинизма и диалектического материализма открываются кафедры научного атеизма.

В таких условиях и принял свое служение молодой отец Александр. С самого начала четко проявилась его необычайная одаренность: он одновременно был прекрасным пастырем и глубоким ученым-интеллектуалом. В разных деревенских приходах Московской области, в которых

ему приходилось служить, он основывал группы по изучению Священного Писания, приобщения к христианской жизни, добровольной службы помощи больным и пожилым людям; он устраивал встречи семей и молодежи, организовывал детские праздники.

У племени интеллигентов

Этот энергичный, открытый и образованный священник, который мог одинаково компетентно беседовать как о богословии, так и о литературе или кино, привлек к себе многих представителей московской интеллигенции. Каждое воскресное утро все большее число москвичей садилось в электричку и отбывало по направлению к деревенскому храму, где служил отец Александр. Он невольно стал духовным ориентиром для интеллигенции или, по словам литературоведа Сергея Аверинцева, «миссионером для племени интеллигентов». Александр Мень общался с Солженицыным, когда тот открывал для себя христианство, он крестил поэта Александра Галича, в числе его постоянных прихожан была Надежда Мандельштам, вдова поэта, перед ее смертью он совершил над ней таинство Соборования. Он состоял в дружеских отношениях со знаменитой пианисткой Марией Юдиной (которая в прошлом поддерживала тесные контакты с Флоренским) и со многими деятелями искусства, литераторами, актерами и режиссерами.

В маленькой церкви в Новой Деревне, где отец Александр служил в течение двадцати лет, столичные интеллигалы бок о бок с местными «бабушками» образовали необычную и живую христианскую общину, которая в гуще атеистического, агрессивно антирелигиозного общества на примере самой своей жизни показывала, что такое

Церковь. Каждый прихожанин был членом одной из малых групп, собиравшихся раз в неделю, чтобы читать Священное Писание, молиться, делиться духовным опытом. При помощи такой организации прихода Александру Мень удалось в разгар коммунизма воспитать целое поколение православных мирян. В лоне его общины родились произведения искусства религиозного содержания: литературные, поэтические и музыкальные, в том числе джазовые, а также театральные спектакли. Вначале они ставились, читались и исполнялись втайне, на квартирах и дачах, а позднее, с наступлением «перестройки», стали известны широкой публике.

Отец Александр был неутомимым пастырем, не жалевшим ни сил, ни времени на заботу о своей общине. Он был постоянно, с самого рассвета, занят делами прихода: отпевание усопшего в Новой Деревне, тайное крещение в московской квартире, встреча группы, беседа с человеком, оказавшимся в затруднительном положении... И при этом он находил возможность заниматься научной деятельностью и литературным творчеством.

Интеллектуальное наследие

Начиная с 60-х годов он писал на удивление много: от многочисленных толкований Священного Писания, книг о Церкви и православном богослужении до руководства по изучению Ветхого Завета, предназначенного для богословских академий, от монументального «Библиологического словаря» (изданного через много лет после смерти автора, в трех больших томах) до диафильма для детей, от жизнеописания Христа, которое пользовалось необычайным успехом, до повествования о великих религиях. Ни одна книга Александра Мень не была изда-

на в России при его жизни. Многие его труды сначала тайно передавались из рук в руки, переписанными или отпечатанными на машинке, затем они были опубликованы на русском языке в Брюсселе под разными псевдонимами, проникали в Советский Союз по случайным каналам, их провозили на дне чемоданов иностранцы, которые хотели помочь верующим в СССР. Некоторые сочинения отца Александра изданы посмертно, многое еще находится на стадии публикации; отдельные книги переведены на другие языки.

В течение нескольких лет отец Александр создавал труд в шести томах, в котором прослеживается духовный путь человечества. Начинается это повествование с общих вопросов о науке и вере (I том, «Истоки религии») и с того, как зародилось религиозное чувство в эпоху первобытной цивилизации (II том, «Магизм и единобожие»), продолжается рассказом о духовности Китая и Индии (III том, «У врат молчания»), следующая часть дает представление о греческой философии, мифологии и трагедии (IV том, «Дионис, Логос, Судьба»), затем рассказ подходит к золотому периоду ветхозаветной религии и ее великих пророков (V том, «Вестники Царства Божия») и, наконец, завершается обзором духовного состояния древнего мира в период, предшествующий проповеди Иоанна Крестителя (VI том, «На пороге Нового Завета»).

Духовный путь человечества, очерченный в этой работе, как бы находит затем свое продолжение в евангельской истории, рассказанной в новой книге — жизнеописании Христа («Сын Человеческий»), составленном на основе исторических источников, данных библейской археологии, экзегетики и герменевтики, но написанном в жанре романа. Это, безусловно, шедевр отца Александра, идеальное завершение и венец всего его творчества. Эта био-

графия Иисуса сопровождала Александра Меня всю его жизнь: от первых задумок в возрасте четырнадцати лет, когда он набросал в тетрадке схему будущего произведения и сделал первые иллюстрации к нему, до издания и нескольких переизданий книги и последних поправок, внесенных им в текст уже в год своей гибели. Эта книга помогла обрести веру тысячам советских людей.

Шеститомник Александра Меня, имеющий общий подзаголовок «В поисках Пути, Истины и Жизни», говорит о том, что он воспринимает христианство не только как завершение Ветхого Завета и кульминацию иудаизма: в его понимании это цель всякого духовного устремления человека. Вся творческая активность, научные изыскания, жажда истины и красоты приводят человека к личности Иисуса Христа. Если, с одной стороны, такая концепция христианства делает Александра Меня духовным преемником Соловьева, Флоренского и Булгакова, то, с другой стороны, она роднит его с западными мыслителями, такими как Тейяр де Шарден. Христос — конечная точка эволюции, ее «омега», но в то же время Он — начало нового времени, «альфа» Жизни. «Христианство только начинается», — повторял Александр Мень.

Такое динамическое восприятие христианства означает, что христианин, хотя он и спроецирован в будущее, призван действовать *hic et nunc*, «здесь и теперь», отдавать все силы построению Царства Божия. Этот труд — содействие творению Божию и, следовательно, это творчество, реализация собственных творческих способностей. Вот почему отца Александра Меня всегда окружали люди творческие. Для него Церковь — никоим образом не оплот обскурантизма, а идеальная среда, в которой таланты человека раскрываются и приносят плоды, где он полностью осуществляется как личность. Отсюда также поло-

жительный взгляд Меня на культуру и искусство, его нежелание слишком строго разделять «священное» и «мирское», его вера в Церковь, которой не нужна крепостная стена, отгораживающая ее от мира.

Черный хлеб

Что касается дела его жизни, то, конечно же, Александр Мень — и как пастырь, и как мыслитель — считал, что оно состоит в провозглашении Евангелия всем людям. Исследователь по натуре, широко одаренный и энциклопедически эрудированный, он всегда старался не стать жертвой синдрома интеллектуала, замкнувшегося в своих познаниях, как в башне из слоновой кости. «Мой нынешний долг — замешивать черный хлеб на каждый день; а когда все будут сыты, вы приготовите пирожные», — говорил он своим ученикам.

Это осознание безотлагательности христианского свидетельства еще больше обострилось в последние годы его жизни. Долгий период брежневского застоя завершился; несмотря на неопределенность и многие противоречия, положение верующих в СССР стало меняться к лучшему: эти изменения начались в 1988 г., накануне тысячелетия Крещения Руси. И Александр Мень, едва увидев проблеск свободы, вышел на солнечный свет. Он — первопроходец: лучшее в нашей Церкви во второй половине XX века началось с него. Он стал первым православным священником, который переступил порог государственной школы, чтобы вести урок о религии, он первым организовал постоянную добровольную службу помощи и духовной поддержки при детской больнице, первым основал Общедоступный православный университет, открытый для всех...

Фейерверк

В последние два года жизни отец Александр все чаще участвовал в открытых дебатах и конференциях. Месяцы, предшествовавшие его гибели, стали ярким заключительным фейерверком блистательных выступлений: Александр Мень несколько раз в неделю приглашали в кинотеатры, школы, университеты, на государственное радио. И на самой вершине этого апофеоза, 9 сентября 1990 г., в воскресенье, в пять часов утра, когда он отправился в церковь служить литургию, на его голову обрушился топор неизвестного убийцы.

После долгих лет расследования, несмотря на заинтересованность этим делом президента СССР Горбачева и председателя Верховного Совета РСФСР Ельцина, несмотря на широкий общественный резонанс, который получило это убийство, и на давление со стороны интеллигенции, печати и различных международных авторитетных лиц, оно по сей день остается нераскрытым. Едва ли убийца Александра Мень будет когда-либо найден. Из всех выдвинутых версий наименее убедительная (но наиболее активно разрабатываемая различными следователями, сменявшими один другого) — та, согласно которой это убийство было случайностью, делом рук неуравновешенного человека. На самом деле отец Александр стал слишком неудобным, и в те годы, когда заговорили о *гласности*, не оставалось уже другого средства, кроме топора, чтобы заставить его замолчать.

«Устроим ковы праведнику»

Кто вложил топор в руку профессионального убийцы, чем он руководствовался, простым политическим расчетом,

направленным на дестабилизацию ситуации, или желанием свести старые счеты, или антисемитизмом, или своего рода православным фундаментализмом, или, что вероятнее всего, совокупностью всех этих факторов?

В действительности эти вопросы бесполезны, ибо подлинная причина гибели Александра Меня, так же как и Павла Флоренского и многочисленных мучеников XX века, — это извечная ненависть мира к праведнику. *Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам... Тяжело нам и смотреть на него, ибо жизнь его не похожа на жизнь других* (Прем 2:12–15), — говорят между собой нечестивые в Книге Премудрости Соломона. В письме от 1937 г. из лагеря на Соловках Павел Флоренский дает свое объяснение этому явлению — учинить чудовищную расправу над праведником и гением. «...Удел величия — страдание, — страдание от внешнего мира и страдание внутреннее, от себя самого. Так было, так есть и так будет. <...> Ясно, свет устроен так, что давать миру можно не иначе как расплачиваясь за это страданиями и гонением. Чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни, основная аксиома ее. <...> За свой же дар величию приходится... расплачиваться своей кровью. Общество же проявляет все старания, чтобы эти дары не были принесены»¹.

Относительно Павла Флоренского и Александра Меня можно с уверенностью сказать: хотя советская репрессивная система и сделала все возможное, чтобы помешать им реализовать свою гениальность, отняв у них и саму жизнь, им все равно удалось передать этот дар, оставив неизгладимый след в истории духовности и культуры XX века.

¹ Флоренский П., свящ. Указ. соч. С. 663–665.

День 8

Получил результаты анализа: РНК коронавируса COVID-19 не обнаружена. Но — не верю. Говорят, тест не очень надежный, но, скорее всего, виноват я — просто не дотянулся зондом до глотки. Какой я неуклюжий! Научусь ли когда-нибудь быть более ловким в таких делах? Не знаю. Хотя жизнь мне много раз показывала, что всему можно научиться...

Пару лет назад я провел две недели в Смоленске, где читал курс по истории Церкви в местной православной духовной семинарии. Однажды я пошел гулять по городу и вошел в какой-то храм. Там репетировал хор девушек, и я на какое-то время остался их слушать. Вдруг в конце очередного песнопения четыре девушки подошли ко мне и попросили благословение. Я немного удивился, т. к. был в джинсах и яркой куртке и никаких клерикальных признаков, помимо поповского лица, на мне не было. А девушки улыбнулись и сказали: «А мы вас знаем, слушаем ваши проповеди в интернете... Классно про слоненка рассказывали!»

Про слоненка — это была детская пасхальная проповедь три года назад... Вам подано, господа, — про горе и веру апостолов и жен-мироносиц, про себя в детстве и... слоненка!

Как удержать слона?¹

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие друзья, мы слышали рассказ из Евангелия о том, как в первый день недели, очень рано утром, когда было еще темно... Я не знаю, случалось ли вам просыпаться очень рано утром, когда еще темно и ночь, и еще холодно?

Вот так рано-рано утром, в первый день недели, Мария Магдалина пошла к гробнице, где должно было быть тело Иисуса. Почему она пошла к этой гробнице? Потому что, когда тело Иисуса сняли с креста, наступал уже день субботний. А иудеи не могли работать в этот день. Она хотела помазать тело Иисуса ароматами, как это было принято при погребении, и на следующий день, рано-рано, встала и отправилась совершать это помазание.

Ночь была еще глубокой, холодно, страшно, и вот эта женщина идет одна. И настолько сильна ее печаль, ее горе от того, что Иисуса распяли, убили, и все, во что она верила, оказалось как будто неправильным... Она думала, что Он — Сын Божий, что Он — победитель, а Он умер. И поэтому Марии Магдалине грустно. Она пришла к гробнице и увидела, что кто-то сдвинул огромный камень, который закрывал вход в гробницу. Что она подумала? Она подумала: «Украли тело нашего Учителя». И поэтому она еще больше опечалилась. Мало того что Его распяли, убили, еще и украли Его тело! И вот она идет к апостолам рассказать об этом.

Если мы прочтем Евангелие от Иоанна дальше, то узнаем, что она после встречи с апостолами вернулась в гробницу, стала искать тело Иисуса и вдруг заметила, что

¹ Проповедь, произнесенная во время детской литургии в храме свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине 22 апреля 2017 г.

какой-то человек стоит за ее спиной. Она поворачивается и видит незнакомого мужчину. Она решила, что это садовник. А это был Иисус, но она не узнала Его. Почему она не узнала? Потому что так сильно было ее горе, ее печаль, что она ничего не видела, никого не видела вокруг себя.

Другой евангелист, Лука, рассказывает, что два ученика шли в небольшое селение близ Иерусалима. И вот какой-то третий человек появляется и идет по дороге вместе с ними. Это Иисус, но они не узнали Его. Потому что им было очень грустно. Настолько, что, когда Он спрашивает: «Почему вы так печальны?» — они рассказывают о том, что Иисус умер на кресте, но все еще не понимают, что это Он. И только когда они оказываются с Ним за одним столом и Он преломляет хлеб, вдруг они понимают: это наш Господь, это Иисус! Но Он становится невидимым. Ученики были так рады, что, представьте себе, преодолев довольно большое расстояние за тот вечер, чтобы добраться к поздней ночи до этого небольшого селения, Эммауса, они сразу же возвращаются назад в Иерусалим — всем рассказать о такой большой радости, о том, что они увидели Господа.

Дальше мы читаем у Иоанна, что, когда Мария Магдалина пришла к апостолам, Петр и Иоанн сразу побежали к гробнице. Они бежали вместе, но Иоанн был моложе Петра, он двигался быстрее, пришел к гробнице, но ему было грустно, страшно, и он даже не вошел в гробницу. Потом прибежал Петр, вошел и понял: Христос воскрес. И знаете, как он это понял? Он увидел на полу пелены, в которых лежало тело Иисуса, а платок, который закрыл Его лицо, был свернут и лежал в другом месте. То есть Петр понял, что тело Иисуса не украли, потому что в таком случае взяли бы его вместе с тканью. Он

понял, что Сам Иисус освободился от всего, что Его держало, снял с Себя этот платок и в итоге победил смерть.

Алеша нам сегодня читал замечательное место из Деяний апостолов о том, что те же ученики — Петр и Иоанн — потом исцелили человека, который никогда не мог ходить. И как они это сделали? Сказали ему: «Во имя Иисуса Христа мы тебе говорим: встань и ходи!» Представьте себе, как интересно: эти самые люди, которые были очень грустными, подавленными, вдруг увидели, поняли, что Иисус победил смерть. И мало того, поняли, что и они могут совершить чудеса. Вот как, например, сказать этому человеку: «Встань и ходи», а он никогда не ходил...

Вы знаете, очень часто бывает, особенно у взрослых, когда они так опечалены, что ничего не видят вокруг себя, но видят только свое горе. И потому не замечают, что Христос стоит рядом. Как Мария Магдалина не заметила, как ученики в Эммаусе не узнали Его. Но Он действительно рядом, Он действительно победил смерть. И может победить все! И мы вместе с Ним можем победить все!

Вот бывает, что взрослые люди приходят на исповедь и говорят: «Батюшка, я с этим ничего не могу поделать». Каждый раз мне хочется сказать: «Да почему же?! Вы можете победить! Потому что Господь победил смерть, Он и нам дает силы справляться с любыми трудностями».

Вы знаете, так получилось, что я впервые пошел в школу в первый класс на два месяца позже других детей. К этому времени я уже научился читать и прочел две книги. Но я совсем не умел писать. Я даже не знал, как держать ручку. Я помню, что брал ее то правой рукой, то левой. Пару раз попробовал и решил, что у меня не получа-

ется. И вдруг сказал учительнице: «Вы знаете, я писать не буду». Она мне ответила: «Как же так? В школе надо научиться читать и писать». Я говорю: «Нет, нет, писать не интересно. Я вот читаю, мне интересно, я могу узнать, что думают другие, а писать я не хочу».

Она не знала, что со мной делать. И тогда рассказала одну очень интересную вещь. Она меня спросила: «А ты знаешь, как можно удержать слона?» Вы знаете как? Это почти невозможно, потому что слон очень сильный, намного сильнее человека, и очень тяжелый и очень большой. Но вот учительница тогда рассказала, что в Индии делают так. Когда слоненок еще совсем маленький, берут толстую веревку, чтобы его привязать к какому-то дереву. И он, бедный, несколько дней сидит и не может освободиться, потому что веревка толстая, а он еще не настолько сильный. А так как у слонов очень хорошая память, он запоминает это. И, подрастая, все помнит. Поэтому, чтобы удержать слона, достаточно привязать ему к лапе веревку и немножко тянуть. Тогда он подумает, что у него не хватит сил освободиться.

Потом учительница спросила меня: «Ты хочешь быть как этот слоненок? Вот ты сегодня уверен, что не научишься писать, — и никогда не будешь писать... А ты можешь!» И знаете, она была права, я научился писать! Правда, в этом мне помогла мама, которая дома много часов сидела и занималась со мной. Я даже потом написал несколько книг.

Что я хочу вам сказать? Христос победил смерть, Он и нам дает эти силы. Достаточно в это верить. Мы можем все победить по одной причине: потому что ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

День 9

Во время самоизоляции я часто размышляю над тем, каким должно быть Православие будущего. Я сейчас вынужден быть один, мне не с кем разговаривать. И в таком вынужденном одиночестве чувствую острее, чем обычно, как ценно общение, отношения с другими — единомышленниками, даже противниками — и что именно благодаря связи с другими чувствуешь себя живым. А вот Православие, замкнутое в себе и не умеющее вести диалог, на мой взгляд, нежизнеспособно. Об этом я уже говорил и писал в прошлом не раз.

Богословие диалога vs богословие страха¹

Как свидетельствует история, вокруг религии всегда бушевали самые сильные страсти. Религии часто бывают связаны с конфликтами. Причиной такого положения дел, как мне кажется, служат, с одной стороны, политические амбиции, алчность религиозных лидеров, иногда и церковных иерархов, а с другой — утверждение исключительности, превозношение себя и своей конфессиональной принадлежности, осуждение, презрение, подчас демонизация всех остальных со стороны фундаменталистов. Необразо-

¹ Часть текста вошла в доклад «Богословие диалога vs богословие страха», прочитанный во время круглого стола «Диалог религии в современном мире: проблемы и перспективы», прошедшего в Дипломатической академии МИД России 9 июня 2016 г. Доклад был опубликован с материалами круглого стола в 2017 г.

ванные верующие фактически любой религии легко подвергаются искушению фанатизма, ненависти к неверным. И неважно, как этих неверных называют: инославные, еретики, гяуры, кяфиры и так далее, — одним словом, нечестивые.

Чудовищные преступления, в том числе против человечности, на протяжении всей истории нередко совершались, увы, с использованием религиозных чувств верующих. Даже если мы ограничимся историей Европы, то увидим большое количество религиозных и конфессиональных войн: от Крестовых походов до конфликтов между протестантами и католиками, прокатившихся по всей Европе со второй половины XVI до первой половины XVII века. Эти войны, как известно, разделили европейские государства на два враждующих лагеря. А позже, в XX веке, возникло противостояние между католиками и протестантами в Северной Ирландии. Мы не можем не признать тот факт, что из-за религии в истории человечества кровь лилась рекой.

Помимо войн нетерпимость на почве веры и религии выражалась и в других формах. История свидетельствует и о деяниях инквизиции, и о кошмарной резне в ходе Варфоломеевской ночи в конце XVI века. А в истории русского Православия это время раскола: вспомним судьбу протопопа Аввакума, преследования староверов, взятия штурмом Соловецкого монастыря и многое другое.

Что касается преступлений против человечества, к сожалению, и здесь религии сыграли страшную роль. Я изучал тему геноцида армян и посвятил две книги этой теме. Одна из них — свидетельства верующего человека — мусульманина о том, что ислам непричастен к жутким событиям депортации армянского народа. Как известно, некоторые страны официально признали геноцид армян. Это чу-

довищное преступление против человека и человечности изначально совершалось по этническим и политическим причинам: армян истребляли не потому, что они христиане, а потому, что армяне. Но по ходу развития этих страшных событий геноцид переродился в христианоцид: следом за армянами истребляли ассирийцев, сирийцев, греков и другие этносы по принципу вероисповедания.

Глядя на все это, можно подумать, что религия — одна из главных причин конфликтов. Если ее характерной чертой является нетерпимость, она просто несовместима с диалогом.

Однако на самом деле религия и диалог — это понятия родственные. Само слово «религия» происходит от латинского глагола *religare* — связывать, соединять. Религия прежде всего соединяет человека с Богом, но не только. В нашем мире все взаимосвязано — человеческий разум и воля, душа и тело, обстоятельства жизни одного человека и судьбы мира, поколений, эпох... Каждый человек, осознанно или нет, стремится к миру с собой, с окружающими, с природой, с историей. Этот поиск мира и есть поиск веры — стремление к Богу.

На каждой Божественной литургии православные читают Символ веры. Этот же текст также читают католики, протестанты и почти все христиане. В нем находим такие слова: *Верую... во единую святую, соборную и апостольскую Церковь*. Прилагательное «соборная» означает то, что Церковь вселенская, что она всеобъемлющая, — но есть и другие значения. Оно выражает еще универсальный характер Церкви для всех народов и культур мира, и этот характер, как ни парадоксально, сохраняется и в поместных Церквях. Так, Русская Православная Церковь, будучи национальной, как и все Православные Церкви, имеет вселенский характер. Живое доказательство тому — моя личная судьба.

Я — итальянец, во мне нет ни капли русской крови, но я принадлежу к Русской Православной Церкви, потому что Церковь есть действительно вселенский организм. Апостол Павел писал в Послании к Галатам: *Все вы сыны Божиим по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника, нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе...* (Гал 3:26–28). Церковь превосходит этническую принадлежность верующих.

Церковь единая и живая. Она вмещает в себя как прогрессистов, так и консерваторов, как традиционалистов, так и либералов. Церковь едина в вероучении, в таинствах, но не монолитна в том, что не касается догматики. Во всем остальном она предполагает многообразие. Когда в ней представлена только одна группа единомышленников, скажем только консерваторы, — Церковь задыхается. Апостол Павел написал в Первом послании к Коринфянам: *Надлежит быть и разномыслиям между вами...* (1 Кор 11:9). Отсюда следует то, что верующий человек — религиозный, по-настоящему церковный человек, не только не боится диалога, но живет им, является в определенном смысле специалистом в этой области. Многообразие должно быть в Церкви. Это значит, что ведение диалога уместно, и оно необходимо внутри самой Церкви.

На мой взгляд, существуют два различных взгляда на христианство и на Церковь, два способа переживать нашу православную веру. Один способ — я специально утрирую, чтобы было сразу понятно, о чем речь, — следующий: мы — православные, а «православие», по крайней мере в переводе с греческого ὀρθοδοξία (ортодоксия), означает «правильное учение», а уже славянский перевод подчеркивает, что православные «правильно прославляют

Бога». Оба перевода возможны, поскольку греческое слово δοξα (докса) означает и «славу», и «доктрину», «учение». И раз мы — православные, раз мы правы, то подразумевается, что есть кто-то, кто по определению неправ. Получается, что мы находим свою идентичность только в сравнении с другими: только благодаря тому, что есть люди, которые ошибаются, которые не православные, иноверные, только благодаря им мы можем назвать себя православными. Но это несколько парадоксально. Выходит, что нам нужны ошибки других для того, чтобы осознать свою правоту.

Такой подход определяет очень многое. Дальше мысль развивается естественным образом: раз мы правы, а другие неправы, то наше — хорошо, а все, что не наше, — плохо. Поэтому, например, все, что не относится к православной культуре, — по факту греховно. Получается, что мы постоянно себя противопоставляем кому-то другому, мы нуждаемся в некоем внешнем враге. Чтобы понять, кто мы такие, нам нужен антагонист вне нашей Церкви. Все, что делают другие, неправославные (неважно кто — католики, протестанты, верующие других религий, неверующие, соседи, все те тысячи людей, с которыми мы каждый день сталкиваемся), — все, что эти люди делают и ценят, — априорно плохо, потому что они — не из наших!

Если взять культурный аспект, то все неправославное, в том числе литература, кино, балет, изначально плохо и греховно. И нам, соответственно, надо создать свое, православное, конфессиональное кино, литературу, театр, балет... Вот, мол, это и будет хорошо и духовно! Трудно поверить, но в городе Брянске одна благочестивая женщина подарила мне брошюрку о... православной физике! Этот подход я бы назвал оборонительным или реакционным; в том смысле, что наша самоидентификация исходит из не-

кой реакции, мы реагируем на то, что считаем внешним по отношению к Церкви и противопоставляем себя и Церковь внешнему миру.

Есть и другой подход. Мы правы (и в этот раз! Мы правы по определению, поскольку мы — православные!), и именно потому, что мы уверены, что правы, мы хотим нести эту правду другим. Для этого нам необходимо с этими другими разговаривать, причем так, чтобы быть понятыми. Нам не надо укрываться в башне из слоновой кости нашего Православия, наоборот, мы должны идти к людям. Мы правы, но, если мы хотим благовествовать, свидетельствовать о Христе, мы должны говорить с людьми на их языке! Мало того, мы должны ценить их культуру, уважать ее. Все истинные ценности, которые дороги нашим собеседникам, должны быть важны и для нас.

Если мы будем понимать миссию Церкви в мире таким образом, мы увидим вокруг много положительного — и в других Церквях, и в других религиях, и среди атеистов. Эти ценные, светлые, важные вещи принадлежат и нам, как ни странно, — все это часть нас самих, все это православно, даже если наши собеседники пока еще не нашли путь к Церкви.

Священномученик Ириней Лионский говорит очень интересную вещь: «Где Церковь, там и Дух Божий; и где Дух Божий, там Церковь и всякая благодать; а Дух есть Истина». Мы можем задаваться вопросом: а где Дух Божий? Он, конечно, везде, ибо *Дух дышит, где хочет* (Ин 3:8). Дух точно там, где мы находим какие-то ценности по-настоящему духовные, по-настоящему положительные, светлые. А раз там Дух — там же и Церковь. Но если эти ценности бывают вне зримой церковной организации — они не от Духа Святого и не имеют отношения к Невесте Христовой?

Тут возникает другой вопрос — о границах Церкви. Где заканчивается церковное пространство, где проходит церковная ограда? Неужели Церковь — это только те люди, которые открыто говорят, что они православные, осознают себя таковыми? Как мы можем определить, кто церковный, а кто — не церковный?

Митрополит Диоклейский Каллист (на мой взгляд, самый блестящий современный православный богослов) интересно писал об этом: «Есть только одна Церковь, но есть разные способы быть с ней соединенными». Обычный способ — это, конечно, полная принадлежность, то есть вход в нее через крещение, а потом активное участие в ее жизни. Но возможно, существует Православие (хотя бы какие-то его элементы, даже крупинцы, если хотите) вне зримой церковной ограды? И не надо забывать замечательное, крылатое выражение Блаженного Августина, который говорит о Церкви: «Как много овец вовне и как много волков внутри!»

Таким образом, как ни удивительно, мы можем увидеть свою веру даже там, где люди еще не осознают ее. Потому что так или иначе все, что связано со свободой, братством, служением, победой добра над злом, — это от Христа. Все прекрасное, что творит человек, любые человеческие устремления к справедливости, красоте, прогрессу, — все это имеет прямое отношение ко Христу и Его Церкви. Все это православно.

Если принять этот второй подход, — да, мы правы, но мы хотим идти всем навстречу, мы хотим вести диалог со всеми, мы хотим всем проповедовать, — то из него следует, что Православная Церковь — это Церковь, несущая веру во Христа, которая не боится диалога, общения с кем бы то ни было, с другими христианами, с людьми всех убеждений и с людьми светской культуры.

Развивать диалог с культурой чрезвычайно важно, и, к сожалению, этот диалог для нас бывает затруднителен. В Деяниях святых апостолов мы находим замечательный рассказ о том, как апостол Павел, находясь в Афинах, пошел в ареопаг — светский культурный центр Афин, место, где выступали философы, мыслители, — и стал там проповедовать Евангелие. Для своей проповеди он использовал стихи греческого поэта, тем самым показав, что знает и ценит светскую, то есть языческую, культуру. Больше того, он использовал слова этого язычника в качестве доказательства в своей проповеди о Боге! Вот это, на мой взгляд, православное отношение к культуре, основанное не на жесткой цензуре и эксклюзивизме, а на понимании и признании ее ценности. Ведь литература, живопись, музыка, кино, театр — словом, искусство — не бывает православным или неправославным, но — хорошим или плохим!

Именно такое отношение к культуре демонстрировали Отцы Церкви, например ранние апологеты, великие каппадокийцы — Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, — а также Иоанн Златоуст, Блаженный Августин, Иероним Стридонский, словом, те гиганты веры и мысли, которым мы обязаны тем, что можем назвать нашу веру православной. Все они были блестяще образованны, знали и уважали светскую, дохристианскую и потому языческую культуру, пользовались ею. То же можно сказать о таких святых учениках, как Иларий Пиктавийский, Исидор Севильский, Иоанн Дамаскин и очень многие другие...

Должен сказать, что на сегодняшний день в нашей Церкви из двух описанных мною подходов чаще всего, к сожалению, встречается первый, согласно которому Православие воспринимается только как оборонительная ре-

акция. Это конфессия «музейного типа», какая-то новая идеология, которая пытается восполнить идейный постсоветский вакуум... Мне же кажется, что Православие — это что-то совершенно иное.

Бывает так, что Православная Церковь с подозрением относится к тому, что ее окружает, с недоверием смотрит на современную жизнь. Действительно, православные верующие нередко чувствуют себя довольно неуверенно, когда ведут диалог с современным миром. Современность им немного чужда. Мне кажется, что за этой неспособностью к взаимодействию с современным миром кроется страх, который заставляет предпринимать отчаянную попытку остановить жизнь, как-то спрятать ее в сундук с нафталином или идеализировать прошлое и укрыться в памяти о нем. Здесь уже не важно, о каком прошлом идет речь — о дореволюционном или о еще более далеком, например эпохе Вселенских Соборов. Православие не должно быть некоей идеализацией мифического Средневековья.

В преодолении богословия страха важную роль играет образование. Ведь статистика показывает, что образованный мусульманин — не фанатик и образованный православный тоже не фундаменталист. Необразованные мусульмане и православные могут быть фундаменталистами и фанатиками. Образование — это вклад в будущее. Если мы хотим, чтобы религии стали платформой для диалога, нужно поддерживать образование. К сожалению, попытки использовать религию в качестве национальной идеологии приводят к тому, что первая становится причиной возникновения конфликтов, примеров тому очень много. Но если верующие люди образованны, то они уже не поддаются на такие провокации. Готовность к диалогу или боязнь диалога — это феномены не столько религиозные, сколько психологические.

Господь Иисус Христос сказал, что основная, первая заповедь — *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим*, а вторая — *Возлюби ближнего твоего, как самого себя* (см. Мф 22:35–40; Мк 12:28–31). В Евангелии от Луки в этом месте книжник, с которым Христос беседует, задает Ему неожиданный вопрос: *А кто мой ближний?* (Лк 10:29). И тут Христос рассказывает парадоксальную историю о добром самарянине, который по меркам того времени никак не мог считаться ближним: он был инородцем, к тому же самаряне считались еретиками. Однако этот еретик и иностранец приводится Христом как пример сострадания. Вот кто такой ближний и что такое христианство. Оно по определению не может быть замкнутым в самом себе. Ближний — это тот, кто готов к состраданию, а закрытое христианство — это противоречие, которое не имеет никакого смысла.

День 10

Сегодня мне надо принять непростое решение. Лечащие меня по телефону врачи (брат из Италии и прихожанка Лена из Москвы) настаивают на том, чтобы доктора взяли у меня мазок и сделали КТ легких. Но для этого надо войти в «красную зону» больницы, что рискованно. А вдруг у меня не коронавирус? Не знаю, что делать... Колебания, конечно, вредная вещь, и, к сожалению, отчасти они для меня характерны.

Один из евангельских героев, с которым мне бы хотелось встретиться и поговорить, — это богатый юноша, который, как и все молодые, искал путь к счастью. Наверное, потому, что я в свое время почувствовал, что Христос повторяет мне те же слова, что и ему.

Богатый юноша, по всей вероятности, сначала колебался, но в конце концов не смог решиться оставить все и последовать за Учителем. Я в своей жизни главные, судьбоносные и окончательные решения принимал без колебаний, многие из них в совсем молодом возрасте. А вот выбрать в магазине минеральную воду для меня всегда проблематично...

В 2008 г. армянский гляцевый журнал ЖАМ (Журнал армянской молодежи) попросил меня рассказать о том, какими мне видятся современные молодые люди. Так еще до принятия сана я написал об этом статейку, которая была опубликована среди фотографий красавиц армянок и интервью с успешными бизнесменами.

Легко ли быть молодым?¹

«Молодость определяется не возрастом, а состоянием духа, образом жизни». Эти слова сказал мне один мудрый человек, которому было уже за 65. Это был глава Армянской Церкви, Католикос-Патриарх Гарегин I — человек, который имел не только почтенный возраст, но и занимал очень серьезное, ответственное и ко многому обязывающее положение.

Последние три прилагательных, казалось бы, не очень-то соответствуют представлениям взрослых людей о молодежи: она видится им несерьезной, безответственной, избегающей каких-либо житейских обязательств... И все же, если судить по напряженности ежедневного графика Католикоса, по его энергичности и жизнерадостности, можно было бы заключить, что старик Патриарх и впрямь остался молодым.

«Убежденный» оптимист (он считал пессимизм несовместимым с христианской верой), чем бы ни занимался, он все делал с увлечением и даже с каким-то юношеским энтузиазмом; одним из его ключевых понятий было слово «вовлеченность». «Молодость означает вовлеченность; и Иисус является воплощенным Богом, вовлеченным в человеческую историю», — говорил Его Святейшество.

Ему была совершенно чужда недоступность, которая свойственна почти всем руководителям, обладающим той или иной властью, а что касается формализма, отличающего многих важных персон в общественной жизни (тем более — в церковной), то он его терпеть не мог. Он был открыт и приветлив, прост в общении со всеми; во всех

¹ Текст был опубликован в Журнале армянской молодежи (ЖАМ) в октябре 2008 г.

странах, где он жил, у него было огромное количество настоящих и преданных друзей, для которых при всей своей занятости он всегда находил время. Общение с друзьями для него оставалось чрезвычайно важным — как всегда бывает у молодых.

Одним словом, его жизнь и в самом деле была куда активнее, интереснее и радостнее, чем жизнь очень многих по возрасту молодых людей.

Значит, действительно молодость определяется нашим подходом к жизни. Ты молод, когда чувствуешь, что у тебя все впереди, когда ты искренне веришь, что можешь еще многое сделать в жизни. Ты молод, если не боишься трудностей и готов взяться за трудное дело, которое тебе не по силам; если из всех сил хочешь изменить мир и чувствуешь, что тебе это непременно удастся, если ты уверен, что обязательно оставишь в этом мире свой след. А вот когда начинаешь думать, что, наверное, поздно уже изучать еще один иностранный язык...

Взрослая жизнь всем раздает маски и строго-настрого запрещает их снимать. Мы все должны соблюдать какой-то определенный социальный этикет, каждый играет свою установленную обществом роль, и любая импровизация тут недопустима. Когда молодой адвокат, который весь день провел на ногах в суде, возвращаясь поздней ночью домой, еле-еле стоит, но стесняется присесть на эскалаторе в метро, как он это всегда делал раньше, потому что все-таки неудобно, вдруг кто-нибудь из коллег увидит... Когда молодому преподавателю становится неловко петь под гитару со своими студентами в скверике у входа в университет — значит, каждый из них уже надел свою маску: достиг своего социального статуса, его роль в обществе уже четко определена. Но это также значит, что их молодость ушла.

Обычно для молодого человека не так важно мнение окружающих, оно не так сильно влияет на его поступки; ему по большому счету безразлично, что думают другие (особенно взрослые), например, о его одежде или прическе. Мало того, чем больше его вкусы, выбор, поступки, лексика их раздражают, чем больше они расходятся с общепринятыми, тем лучше. Молодежь любит независимость, свободу. Поэтому мне всегда бывает немножко странно, когда я вижу подростков, чья единственная мечта — это купить стильный «прикид» или самую последнюю модель смартфона. Мне становится грустно за них: их взрослая жизнь наступила раньше времени.

Свободолюбие молодых людей выражается в меньшей, чем у взрослых, привязанности к материальным благам и в значительно большей гибкости — способности адаптироваться к каким угодно условиям жизни, менять свои привычки, пересматривать свои позиции, быть критически настроенным не только по отношению к другим, но и к самим себе.

Становление личности — это чрезвычайно сложный процесс и чудо. В этот одновременно прекраснейший и труднейший период жизни более, чем когда-либо, нужны великие идеалы, смелые цели, сложные задачи. Неужели мир после меня останется ровно таким же, каким был до меня? Ни один молодой человек, ни одна девушка не сможет смириться, что весь смысл жизни заключается только в том, чтобы получить образование, найти работу, выбрать свою половину, родить детей... Разумеется, само по себе это все замечательно, но, чтобы подарить миру что-то новое, надо быть нацеленным на большее. Нужно иметь идеал — высокий, трудный, на первый взгляд недостижимый. Обычно молодые не любят полумер и компромиссов: планка жизни должна быть высокой. Во имя

такого идеала молодежь может пожертвовать очень многим.

Хорошие педагоги знают, что с молодежи не только можно, но и нужно много требовать. Психологию юношей и девушек хорошо понимал один из самых мудрых учителей, точнее, самый мудрый учитель в истории человечества, живший 2000 лет назад, — Иисус из Назарета. Об этом свидетельствует замечательная история, повторяющаяся почти без изменений в трех Евангелиях. Однажды один молодой человек подошел к Иисусу за советом. Он был из очень благополучной и обеспеченной семьи, был верующим, ходил в храм, уважал родителей, соблюдал традиции и нравственные нормы закона; но, как это часто бывает у молодых людей всех времен и народов, его мучило внутреннее чувство неудовлетворенности. Он спрашивал себя: «Чего мне недостает?»

Рассчитывая на его юношеский максимализм, Иисус предлагает ему «быть совершенным» и сразу поднимает планку очень высоко: *пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест* (Мк 10:21).

Видимо, молодость этого молодого человека к тому моменту уже прошла. Он был очень богат и не сумел расстаться с деньгами. Интересная вещь: все три евангелиста подчеркивают, что он отошел печальным. Может быть, именно тогда он осознал, что, несмотря на возраст, в душе он уже не молод...

Мой двоюродный брат Джакомо, который был старше меня на три года, погиб от передозировки наркотиков. Из всех братьев он, безусловно, тот, на кого я больше похож: и внешне, и по характеру. И наши семьи во многом похожи — типичные зажиточные итальянские семьи, представители среднего класса, с квартирой в городе и домом на

море, с двумя машинами. Дядя Доменико был врачом, как и его родной брат, мой папа; даже имена наших матерей совпадают!

Так, у брата в детстве было все — как и у меня, как и у того юноши из евангельского рассказа. Но нам всем чего-то недоставало. И в пятнадцать, шестнадцать лет это — мучительное переживание. Джакомо не выдержал и стал наркоманом. А мне повезло. Именно тогда, когда я остро чувствовал, что мне чего-то жутко в жизни не хватает, я открыл Евангелие, как раз на той странице. И это определило мою судьбу.

Но это уже другая история...

Муж чужих жен

3 августа 2018 г.

На днях моя сестра пошла сдать от моего имени важный документ в паспортный стол нашего родного города, где я не проживаю с 1981 г. Посмотрев на документ, чиновник ей сказал: «Да... Giovanni Guaita я знаю — это муж моей жены». Чечилия, как и все Гуайта, отличается рассеянностью, не всегда внимательно слушает собеседника, вечно думает о чем-то своем и потому ничего странного не заметила, просто сказала: «Это, наверное, тезка моего брата. Хотя странно — нас, Гуайта, совсем немного в городе, и все мы знакомы между собой...» — «Нет, нет, это именно он, — сказал чиновник, — я знаю, это муж моей жены. Итак, вы его сестра?» На сей раз Чечилия не знала, что подумать. Но чиновник продолжил: «Моя жена Джулия

в возрасте пяти лет на курорте Портоскузо вышла замуж за вашего брата. Ему было столько же...» Они, конечно, посмеялись, и Чечилия подтвердила, что «на той свадьбе была»!

И я эту историю помню... Помню, что нас венчал старший двоюродный брат Стефано, который всегда придумывал гениальные игры для всей нашей многочисленной и веселой детской компании, ему было тогда восемь лет. Невеста была очень красива и роскошно одета, настолько, что мне стало немножко стыдно и перед церемонией я побежал к маме с просьбой помочь, и она дала мне самые элегантные в мире шорты в синюю клеточку. В них я женился и очень гордился — и шортами, и женой-красавицей... Помню море, дом, качели, двор, в котором Стефано нас поженит, улыбку жены, радостные лица моих сестер, других детей, запах кустарника розмарина... Взрослые почему-то смеялись, хотя мама вполне серьезно отнеслась к моей просьбе переодеться перед свадьбой...

Всю эту историю я вспомнил в подробностях, точнее — помнил ее всегда, как будто это было вчера. Единственное, что меня сильно удивляет, — как вышло, что женился я на Джулии, а не на Сильвии! То есть помню я их обеих, обе мне безумно нравились, но почему-то я всегда думал, что в пять лет моей женой стала все-таки Сильвия, а тут вдруг... Не знаю, может быть, на ней я женился в другой раз... ведь не может быть, чтобы на Сильвии я совсем не женился!

А быть может, эта детская полигамия стала ранним проявлением монашеского призвания? Как бы то ни было, наверное, из-за этой истории (или этих историй!) каждый раз, когда я служу чин венчания, меня смущают вопросы, которые священник должен задать брачующимся: «Не обещался ли еси иной жене?», «Не обещалась ли еси иному мужу?». Мало ли кто кому когда обещался...

День 11

Все-таки вчера я пошел в больницу, и перед тем, как пропустить меня в красную зону, мне сделали экспресс-тест на антитела и мазок — оба результата отрицательные. После этого я не стал делать КТ в красной зоне. Но, прощаясь, врач сказала, что оба теста ненадежны и только томография может показать состояние легких.

Я все больше убеждаюсь в том, что это — коронавирус и посмотреть на ситуацию в легких важно. Сегодня принял решение пойти в другую больницу и сделать КТ и прочие анализы. Врач Лена говорит, что лучше взять с собой все для возможной госпитализации... Очень надеюсь, что не понадобится!

Во время болезни, тем более такой странной, о которой мало что известно, всегда мучают страх и тревога, возникают сомнения и колебания. А между тем — вера есть не что иное, как доверие, безусловное, беспредельное упование на Бога в любой ситуации и при любых обстоятельствах...

О вере, сомнении и вопросах без ответов¹

Нет ответа

Есть один вопрос, на который я давно ищу ответ. И почти уверен, что не найду, потому что это тайна. Это вопрос о смысле страдания невинного. Я часто задаю его себе, потому что окормляю умирающих детей из детского хосписа и довольно часто имею дело со страданиями и смертью детей. Я верующий человек с самого детства, и все же мой вопрос остается неразрешенным. Из раза в раз он становится для меня все более и более серьезным. Очень часто мне задают его родители детей: «Почему мой сын умирает? Что плохого он сделал?»

Иногда спрашивают: «Страдает ли мой ребенок из-за того, что Бог меня наказывает за грехи молодости?» Конечно, это совсем не христианская, в сущности, кощунственная мысль, потому что Бог не наказывает невинного ребенка за поступки родителей или кого-нибудь еще. Такой Бог был бы не только несправедливым, но и чудовищным, совсем не похожим на Бога любви, Которого нам открывает Евангелие.

Безусловно, ребенок страдает не в наказание за грехи предков, но вопрос о причине его бед все равно остается — серьезный, трагический. Однажды, сразу после моего рукоположения во священники, я оказался в Морозовской больнице: меня попросили соборовать ребенка — совсем маленькую девочку, у которой был рак. И мне было невыносимо трудно... Я заплакал и не смог поговорить с родителями.

¹ По материалам передачи на радиостанции «Вера» 21 октября 2019 г.

В таких ситуациях, если быть до конца честным, никакие выкладки из катехизиса или учебника по пастырскому богословию не работают. Найденный мной ответ — это скорее утешение. Я не знаю, почему страдает и умирает ребенок, которого я причащаю перед смертью, но знаю, что так же, как и он, страдал и умер Сам Господь. А Он — Единый Безгрешный, как мы говорим во многих молитвах. Поэтому, если страдание есть наказание, как Бог мог так поступить с собственным Сыном, который ни в чем не был виноват?

Тайна страдания

Суть вопроса — о природе страдания. Я все больше и больше убеждаюсь в том, что страдание не является наказанием. Страдание — это такая же тайна, как жизнь, смерть и любовь. Жизнь и смерть для христианина не просто противоположности — скорее одна становится продолжением другой. Страдание и любовь — две стороны одной медали, неразрывно связанные, неотделимые друг от друга. Возможно, страдание есть высшее выражение любви. Любовь в христианстве неотделима от жертвенности. Христос сказал ученикам: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин 15:13). Автор Послания к Римлянам говорит, что *Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками* (Рим 5:8).

Любая мама знает по опыту, что любовь к своему ребенку проходит через боль, риск, а иногда и готовность отдать свою жизнь. Если это так, то, наверное, любое человеческое страдание имеет отношение к Богу, Который, как учит нас Иоанн Богослов, *есть Любовь...* (1 Ин 4:8). И не могу это объяснить логически, но мне понятно, что

Христос страдал и умер как раз для того, чтобы быть рядом с больным ребенком, который сегодня страдает и умирает. Бог стал человеком по любви, и Ему важно быть солидарным и находиться рядом с каждым страдающим человеком. Тем более с невинным, с ребенком.

Сын Божий прошел через боль и мрак богооставленности, когда на кресте кричал: *Боже мой! Боже мой! для чего Ты Меня оставил?* (Мк 15:34). Он умер на кресте, спустился в Ад — это означает, что Он принял на Себя любое страдание. Он пошел на вольные, как мы говорим, муки ради любви. Его вопль богооставленности к Отцу и есть единственный ответ на вопрос о страдании невинного. Другого ответа я не могу найти ни для себя, ни, уж тем более, для других. Страдание, особенно страдание невинного или праведника, — это место Богоявления. Рядом с умирающим ребенком я почти на физическом уровне чувствую присутствие Христа. Но иногда получается, что страдания и смерть близких приводят людей к сомнениям в том, во что они верят. Бывает, что и церковные люди перед неожиданным страданием «теряют веру».

«Тусклое стекло»

В Послании к Евреям написано, что вера — это *осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом* (Евр 11:1). Это определение удивительно потому, что обычно уверенность, как и знание, предполагает какой-то конкретный объект. Но вера никак не связана со знанием в строго рациональном смысле. У верующего человека есть конкретный, живой опыт общения с Богом, даже несмотря на то, что он Его не видит, не чувствует, не может доказать его существования эмпирически.

В другом послании, размышляя о вере, апостол Павел говорит о том, что пока мы видим все *как бы сквозь тусклое стекло* (1 Кор 13:12). Так авторы синодального перевода Нового Завета передали греческое словосочетание «посредством зеркала», «в зеркале». Надо иметь в виду, что зеркала в древности, в отличие от современных, не давали ясного отражения. Их делали не из стекла, а из отполированного металла, и с их помощью человек мог увидеть только нечеткие очертания, которые давали лишь приблизительное представление о том, как он выглядит. Вот почему и дальше апостол пишет, что мы видим «гадательно», «отчасти»...

Вера в Бога означает, что мы представляем себе, кто Он, Бог, и как с Ним общаться, но весьма приблизительно! Давайте признаемся честно: даже богословские определения, даже Символ веры, который, безусловно, нам чрезвычайно дорог, не очень-то помогают прояснить наше понимание того, Кто Он — Бог Отец, Сын Божий Иисус Христос и Святой Дух. И это нормально. Только потом, говорит апостол, когда мы встретимся с Богом, сможем увидеть все лицом к лицу.

В этом и разница между верой и знанием. Богопознание — это окончательная точка, это цель: мы познаём Бога, только когда окажемся перед Ним. А пока мы идем, мы находимся еще в пути — кто ближе, кто дальше — и представляем себе лишь приблизительно, кто такой Бог и какими должны быть наши отношения с Ним.

«Эмуна»

Как ни странно, мы, верующие, не всегда правильно понимаем, что такое вера. Существуют разные философские системы, которые предполагают некую «веру», то есть ап-

приорное принятие каких-то постулатов, аксиом... Но вера христианина — это что-то совершенно другое. Верить в Бога не означает просто допускать Его существование...

В Библии, когда речь идет о вере, используется еврейское слово «эмуна». От него произошло другое слово — «аминь», которым мы заканчиваем каждую молитву. Слово «эмуна» скорее, чем веру теоретическую, означает доверие, хотя в значение этого слова входят и такие однокоренные понятия, как уверенность, верность. Верующий человек знает по опыту, что Бог его любит и о нем заботится, и потому чувствует себя, как маленький ребенок, который сидит на руках у матери.

Во время таинства Крещения младенцы, если они с мамой, спокойны, безмятежны, им хорошо. Это и есть вера — когда чувствуешь, что Бог заботится о тебе, как любящая мать, которая готова сделать для тебя все, что будет нужно. Несмотря на то что мы называем Бога Отцом, образ отца, к сожалению, дает недостаточно полное представление о наших с Ним отношениях. И не только в России, где очень многие дети растут в неполных семьях. Мать имеет глубочайшую эмоциональную связь со своим ребенком, которого она носила во чреве долгие месяцы, которого рожала в муках... Такую же тесную связь имеет с нами Бог. Если наше сердце открыто для Него, Он может проникнуть в нашу жизнь больше, чем воздух в наши легкие, глубже, чем кровь в наши сосуды. Тогда человек чувствует, что ему с Ним хорошо, как малышу с матерью, и он Ему верит — в том смысле, что полностью доверяется Его рукам.

«Помоги моему неверию!»

Несмотря на этот опыт, в жизни христианина бывают моменты, когда вера стоит непрочной, шатается. Почувство-

вав сомнения, колебания, нужно обратиться к Богу с молитвой об укреплении.

В Евангелии приводится рассказ о том, как отец одного бесноватого отрока просит Иисуса о его исцелении (см. Мф 17:14–21; Мк 9:14–29; Лк 9:37–43). Положение отрока очень тяжелое — *он в новолуния беснуется и тяжело страдает, ибо часто бросается в огонь и часто в воду; его схватывает дух, и он внезапно вскрикивает, и терзает его; повергает его на землю, и он испускает пену, и скрежещет зубами своими, и цепенеет*. Отец мальчика, видимо, уже все испробовал — *приводил его к ученикам Твоим, и они не могли исцелить его*; он крайне беспокоится о сыне, исцеление которого для него важнее всего на свете: бросается перед Иисусом на колени и слезно просит: *Умоляю Тебя взглянуть на сына моего, он один у меня...*

Снова вспоминаются родители детей, с которыми я общаюсь в хосписе. Этот человек переживает то же самое, что и они. Он умоляет Иисуса об исцелении, но не очень-то уверен, что Господь может помочь. Он говорит: *Если что можешь, сжался над нами и помоги*. Его вера мала. Поэтому Иисус отвечает: *Если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему*. И тогда этот отчаянный отец восклицает: *Верую, Господи! помоги моему неверию* (Мк 9:24). Эту парадоксальную, на первый взгляд, фразу, нужно понимать так: «Я хочу верить! Ты поддержи мою малую, еще незрелую веру. Умножь ее». В Евангелии от Луки апостолы просят Господа: *Умножь в нас веру* (Лк 17:5). Здесь мы видим похожую ситуацию.

Этому отцу жизненно необходимо, чтобы сын исцелился, но он осознаёт, что у него не хватает веры, и тем не менее просит и надеется. Тогда Господь совершает это чудо. Наверное, для Него стремление к вере, горячее желание верить уже есть вера.

Чудо и фокус

Надо сказать, что в Евангелиях Господь не совершает чудеса напоказ, для того чтобы люди поверили. Ведь это было бы насилием над нашей свободой. Обычно все происходит наоборот: сначала требуется вера — того человека, который нуждается в чуде, или тех, кто об этом просит, родственников или близких болящего — и только когда вера есть, совершается чудо. Так, например, было в случае исцеления расслабленного в Капернауме (см. Мк 2:1–12). По вере людей, которые принесли своего друга, разобрали крышу дома, где находился Господь и спустили болящего к Его ногам, Он совершает исцеление.

Надо правильно понимать, что такое чудо. Не обязательно нечто сверхординарное, что не поддается объяснению с помощью логики и человеческих знаний. Лишь в самом начале своего пути христианин может рассуждать так наивно. Чудо — это что-то другое. Чудо — это знак присутствия Бога.

Бывает, что люди, даже верующие и церковные, понимают чудо как фокус, как нечто сенсационное, удивительное, из ряда вон выходящее. А между прочим, Евангелие нам показывает, что Иисус творил чудеса, всегда отвечая на конкретную нужду людей, только когда у просящего была вера, хотя бы маленькая, и никогда не совершал их, чтобы удовлетворить любопытство или жажду сенсаций. Так, например, после задержания Иисуса Понтий Пилат, узнав, что Он галилеянин, отправил Его к правителю Галилеи Ироду Антипе, который по случаю Пасхи находился в Иерусалиме. По свидетельству евангелиста Луки, Антипа *очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем, и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо, и предлагал Ему многие вопросы*. Но Иисус отказался удовлетворить любопытство влиятельного чело-

века, который мог бы спасти Его от смерти (см. Лк 23:6–12).

Для Иисуса чудо — это знамение наступления Царствия Божия. Каждый раз, венчая, я думаю о том, что самое первое чудо, в Кане Галилейской, было довольно странным. Господь превратил воду в вино. Казалось бы, для такой «премьеры» Он мог бы выбрать что-нибудь посерьезнее, поважнее — воскрешение или исцеление. А тут, подумаешь, закончилось вино! Да, конечно, жаль, что это случилось в разгар веселья, но никто от этого не умрет... Однако в этом событии заключено нечто важное. Евангелист Иоанн пишет, что именно благодаря этому чуду *уверовали в Него ученики Его* (Ин 2:11). Иисус пришел в мир принести людям не только саму жизнь, здоровье — все, что необходимо для существования. Он пришел щедро даровать всем радость, веселие, изобилие — что и символизирует это вкусное вино!

И еще: кто тогда узнал о свершившемся чуде? Евангелист Иоанн свидетельствует, что никто не понял, откуда в конце застолья вдруг появилось самое вкусное вино. *Знали только служители, почерпавшие воду*. А еще, возможно, ученики, по-видимому от Самого Господа, и Мать Божья, которая была задействована в этой истории (см. Ин 2:1–11). Больше никто. Произошло нечто сенсационное, но Господь не воспользовался случившимся для пропаганды, рекламы Своего дела. А мы часто хотим увидеть именно нечто сенсационное. И притом ставим это желание условием нашей веры...

А между прочим, главное чудо, о котором рассказывает нам Евангелие, — само Царство Божие и тот факт, что мы в нем находимся. А о Царствии говорится, что оно *не приметным образом* (Лк 17:20). Все притчи показывают, что оно растет тихо, медленно, незаметно.

Кризис

Как мы уже говорили, правильное значение слова «вера» — «доверие». И кроме сомнений у человека могут возникать колебания: могу ли я доверяться Богу дальше, что со мной будет? Мне кажется, что эти переживания, как ни странно, иногда могут быть полезны. Потому что мы переходим на более высокий уровень. Развитие человека проходит через кризисы — начиная с младенчества, в подростковом, взрослом и пожилом возрасте, мы растем из кризиса в кризис, они нам необходимы. Так, если сомнения и колебания есть признаки кризиса, то, может быть, они означают и некий рост.

Греческое слово «кризис» буквально означает «выбор», «решение», «суд». Кризис заставляет нас определиться. Как преподаватель истории Церкви, я часто вижу, что многие из учащихся переживают кризисы. Некоторые из них недавно крестились, с огромным энтузиазмом относятся ко всему церковному и хотят получить богословское образование. Вдруг они сталкиваются с моей дисциплиной и узнают, что не так уж все просто, ведь в истории Церкви немало камней преткновения. Если говорить объективно, не всегда «наши» были «белыми и пушистыми», а «не наши» — «плохими». Какой-нибудь ересиарх мог быть более благочестивым, да и просто более порядочным человеком, чем его православный оппонент. Увы! Каждый год кто-то из моих студентов переживает такой кризис. О чем они мне и пишут: «Как же так? Я не сомневался и не подозревал, что такое могло быть!» Это очень важный период — период роста. В определенной точке своей жизни ребенок тоже теряет наивную уверенность в своей безопасности, проходит переходный возраст, именно потому что растет. То же самое происходит с нашей верой. Так что сомнения могут быть хорошим признаком.

Пока человек живет на земле, он искушаем. Испытания бывают не только плотскими, но и интеллектуальными. Например, когда у человека, стоящего перед Чашей, внезапно возникает сомнение: «А вдруг это всего лишь хлеб и вино?» Это сомнение — классическое искушение. Что делать этому человеку? Причаститься или нет? Я думаю, что, если в своем сердце этот человек повторяет опыт отца бесноватого отрока, который обратился ко Христу и просил о чуде, если он молится изо всех своих духовных сил: «Верую, Господи! Помоги моему неверию», в таком случае причащаться можно. Если эта молитва не идет, если остается только сомнение, тогда лучше воздержаться.

О Фоме

Примером сомневающегося и колеблющегося ученика, конечно, стал для нас апостол Фома. Правда, почему-то обычно все помнят лишь историю о том, как он не поверил рассказу друзей о встрече с Воскресшим Господом. Русское выражение «Фома неверующий» показывает крайнюю по отношению к нему несправедливость! Фома очень любил своего Наставника. Мы это ясно видим в одиннадцатой главе Евангелия от Иоанна — в рассказе о воскрешении Лазаря. Там Господь принимает решение идти в Иерусалим к другу, несмотря на опасность, которая его там подстерегает. Ученики недоумевают: *Равви! давно ли Иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда?* И тогда один только Фома говорит: *Пойдем и мы, умрем с Ним* (Ин 11:8, 16). Вот как интересно: один и тот же человек оказывается способным на такие противоречивые действия. Порыв смелости и любовь к Учителю сменяется сомнениями.

...Именно это и происходит с каждым из нас! То же самое случилось с апостолом Петром. В горнице он клялся: *Господи! с Тобою я готов и в темницу, и на смерть идти* (Лк 22:33), *если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь* (Мф 26:33), *душу мою положу за Тебя* (Ин 13:36), а потом трижды отрекся от Господа! Так же и с нами: периоды укрепления любви и веры сменяются сомнениями и страхом. Так проходит вся наша жизнь. И ничего удивительного в этом нет. Важно не останавливаться, все равно идти вперед. Ведь главное — чтобы у нас, как и у Фомы и Петра, любовь оказалась сильнее нашей трусости и наших сомнений...

День 12

Ощущая эту невыносимую слабость, когда я не могу не то что отвечать на многочисленные сообщения друзей, но даже читать их и разговаривать по телефону, часто вспоминаю отца Георгия Чистякова... Когда он тяжело болел и не мог подняться с постели, он «перебирал, как бусины на четках» имена всех нас, прихожан, которые обычно исповедовались у него, «стараясь никого не забыть». Об этом он написал в своем последнем письме.

Я читал это его письмо, но не понял, что это все значит. И даже не обратил внимание на такой способ молиться. А вот теперь вспомнил! Все больше понимаю отца Георгия, все больше он влияет на мою жизнь...

Сразу после последней для него Пасхи он написал нам: «Христос воскрес из мертвых. Когда в самый первый день Святой Пасхи я сумел причаститься, а вы все в это время причащались в нашем храме, кто ночью, кто утром, я почувствовал себя невероятно счастливым оттого, что я один из вас и среди нас стоит воскресший Христос. Быть может, ревнители старинных уставов скажут, что перед «Верую» во время литургии слова «Христос посреди вас» могут говорить только вполголоса священники друг другу, но я так горячо люблю это мгновение, когда сотни, почти тысяча голосов отзываются: «и есть и будет», что просто не могу передать этого вам словами, а только любовью, которую испытываю ко всем вам, дорогие и родные мои братья и сестры».

И я сейчас в этой полной изоляции, вдали от друзей, любимых братьев и сестер, испытываю подобные чувства. После его смерти я написал статью о нем для итальянского ежемесячного журнала о культуре.

Отец Георгий, Георгий Петрович, Егор, Жорж... родной — помоги нам!

Христос посреди нас! Об отце Георгии Чистякове¹

22 июня 2007 г. в Москве скончался отец Георгий Чистяков, один из самых эрудированных иереев Русской Православной Церкви. Интеллектуал, богослов, историк, филолог и переводчик латинских классиков; специалист по латинскому языку и литературе, превосходный знаток католического христианства; ревностный защитник хрупкой российской демократии, публицист с мужественной позицией в оценке как церковной жизни, так и политики современного российского руководства; восхитительный оратор, почитатель Данте, влюбленный в Рим и в Италию; специалист по классической поэзии и современной литературе, прекрасно разбиравшийся также в классической музыке и изобразительном искусстве; ученик отца Александра Меня и духовник значительной части московской православной интеллигенции, признанный авторитет для многих нецерковных людей из прогрессивной политической оппозиции. Друг Иоанна Павла II.

¹ Текст был опубликован впервые в Италии в журнале *Nuova Umanità* (2008. № 4–5).

«Распахнул незнакомый мир»

Георгий Петрович Чистяков родился в Москве 4 августа 1953 г. Отец его был математиком, мать — биологом, доцентом Московского университета. В годы учебы Георгий Петрович специализировался на древней истории и классической филологии, окончил МГУ им. М. В. Ломоносова. Более десяти лет преподавал греческую и латинскую филологию в различных московских университетах и институтах, одновременно переводил на русский греческих и латинских классиков (Плутарха, Полемона, Павсания, Тита Ливия) и публиковал многочисленные собственные научные работы.

С 1985 г. преподавал библеистику, экзегетику, историю христианства и богословие в ряде светских вузов Москвы, Франции и Ирландии. Широта эрудиции, чистота речи, живой нрав, необыкновенная память и большая оригинальность делали его неординарным преподавателем. Многим студентам запомнились прочитанные им курсы, которые были не просто лекциями, а чем-то гораздо большим, в которых слушателям открывались яркие, необычные стороны всемирной культуры, от античной до современной.

Для многих слушателей его лекции становились встречей с Богом. «До Чистякова я подобного ему лектора не встречал, — написал о нем бывший студент Московского физико-технического института. — Его лекции по курсу “Христианство: история и культура” сразу привлекли к себе значительную аудиторию, включавшую не только студентов, но и профессоров нашего вуза. Главное было в том, что он распахнул перед нами, вскормленными на наивном материализме и атеизме советского времени, незнакомый мир божественного откровения. Он говорил о мистической реальности божественного присутствия с та-

кой непосредственностью и убежденностью, с таким дерзновением и духовной смелостью, что даже те из нас, кто были настроены очень скептически и цинично, не могли не заразиться его верой».

Эстафета

Георгий Чистяков не так много общался с отцом Александром Менем, но считал себя его учеником, и многие видят в нем одного из главных продолжателей его дела. Открытый, как и Мень, к встрече с другими христианскими конфессиями, Чистяков одинаково глубоко знал и столь же сильно любил историю, богословие и литургическую традицию и Восточной, и Западной Церквей. После гибели отца Александра он подал прошение о рукоположении в священники Русской Православной Церкви; через два года сорокалетний преподаватель университета Георгий Чистяков стал иереем.

Он принял эстафету духовного и интеллектуального наследия отца Александра Меня, продолжив, в том числе самым непосредственным образом, его дело. Священник московского прихода свв. Космы и Дамиана в Шубине (объединившего вокруг настоятеля Александра Борисова многих учеников Меня), он продолжил и развил то, чему сам отец Александр Мень только дал начало. В первую очередь речь идет о пастырском служении отца Георгия в Детской республиканской клинической больнице Москвы и о его деятельности на посту заведующего отделом религиозной литературы Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы.

Православие, как религия традиционная, с богатым и сложным обрядом, именно вследствие этой сложности, во всей своей полноте раскрывается больше в монастырях.

Мирянин из-за сложности литургического языка, длительности богослужений, трудно исполнимых для жизни в миру предписываемых правил иногда оказывается почти на периферии жизни Церкви. Однако есть в русском Православии особая духовная традиция, в которой пастырь, священник, иногда даже монах, поворачивается лицом к народу. Эту традицию отличает большая забота о человеке, погруженном в жизнь общества, со всеми ее требованиями и устремлениями. Она предлагает ему не бежать от мира, а стараться принести град Божий в средоточие града человеческого. Среди таких пастырей можно назвать Нила Сорского, Тихона Задонского и Серафима Саровского, уже в предреволюционные годы — Иоанна Кронштадтского и оптинских старцев. После трагедии 1917 г. эта традиция как будто прерывается; однако в советское время она прорастает в московском священнике Алексии Мечёве, который предлагал своим прихожанам создать *монастырь в миру*. С поразительной яркостью явила она себя сначала в Павле Флоренском, а затем — в Александре Мене. Как богослов и пастырь отец Георгий Чистяков, несомненно, входит в эту традицию.

Этот духовный путь предполагает не только конкретное служение каждому ближнему, пребывающему в нужде (бедному, больному, изгою), но и открытость всему, что присуще человеку, в первую очередь — культуре. Такая установка не вполне привычна для православной традиции, в которой монашество и светская культура находились зачастую в трагическом разрыве — в значительно большей мере, чем в западном христианстве.

Отсюда, с одной стороны, служение отца Георгия в храме и детской больнице; с другой, как столь же важный аспект того же служения, — преподавание, интеллектуальное творчество, публицистическая деятельность. Отсю-

да — его необычайная эрудиция, его любовь ко всей человеческой культуре, литературе, изобразительному искусству, музыке, театру и кино.

Отсюда же — и политические воззрения, которые побуждали его и после рукоположения часто высказываться, на радио и в прессе, в защиту демократии и свободы печати, с безоговорочным осуждением войны в Чечне, с обличением каких-либо злоупотреблений властей по отношению к гражданину. Этим можно объяснить и его решительные разоблачения различных попыток со стороны антихристианских политических сил — коммунистов, антисемитов, националистов, антизападников — подчинить Православие своим интересам...

Свобода

Георгий Чистяков обладал необыкновенной внутренней свободой, завидной способностью быть всегда самим собой; ему были незнакомы компромиссы, он не скрывал своих мыслей, никогда не боялся высказывать собственное мнение, но и никогда не навязывал его другим. Выросший при советском тоталитаризме, он считал свободу каждого наивысшей ценностью и всегда восставал против всякого покушения на нее, как в жизни общества, так и в жизни Церкви.

Естественно, и культурную деятельность, и политическую ангажированность он рассматривал как возможности свидетельства. Вначале как мирянин, а потом как священник, Георгий Чистяков тесно общался с такими интеллектуалами, как Дмитрий Сергеевич Лихачев, Сергей Сергеевич Аверинцев, Григорий Соломонович Померанц, с другими учеными, писателями, художниками, музыкантами. Встречался он и с бывшими советскими диссиден-

тами, правозащитниками, представителями оппозиции и нацифистских объединений.

Для многих бывших коллег, интеллектуалов и политиков он оставался Егором или Георгием Петровичем и после принятия сана; для входивших в Церковь он становился «отцом Георгием»; для всех он был ориентиром, мужественным человеком с отчетливой позицией, совершенно чуждым любому компромиссу и оппортунизму. Среди людей, которых он готовил к встрече с Богом или отпевал, — писатель, поэт и бард, любимец советской молодежи шестидесятых–восьмидесятых годов Булат Окуджава и известный лидер демократических сил Сергей Юшенков. Он также служил панихиду по Галине Старовойтовой, по журналистке Анне Политковской, убитой (несомненно, по политическим мотивам) 7 октября 2006 г. Отец Георгий открыто называл ее гибель «общественным мученичеством».

Связующее звено

Вместе со священниками Алексием Мечёвым, Павлом Флоренским и особенно с непосредственным учителем Александром Менем Георгия Чистякова можно назвать своего рода связующим звеном между традицией XIX века и сегодняшней Россией. Но эта связь, разумеется, у каждого из них была своя, особая, и даже Мень и Чистяков, как учитель и ученик, являли ее каждый по-своему.

В самом деле, удивительно: Чистяков, который был моложе Меня почти на двадцать лет, представлялся связанным с дореволюционной русской культурой более «непосредственным» образом, чем его учитель. Я говорю здесь не о духовной культуре, с которой отец Александр, воспитанный в Катакомбной Церкви, был связан прямо и не-

разрывно. Речь о том, что отец Александр мыслил скорее как ученый с естественно-научным образованием, который впоследствии посвятил свою жизнь изучению Священного Писания и Предания — текстов духовных. Что касается отца Георгия, он был гуманитарием «до мозга костей» и был настолько пропитан текстами, — причем речь отнюдь не только о текстах духовных, ведь он прекрасно знал художественную литературу XIX века, как русскую, так и европейскую, — что это знание, эта пропитанность создавала весь его облик, речь, манеры и характер общения. Недаром он писал: «Это звучит странно и нелепо, но я родился в дореволюционной России. Ибо на тех людей, среди которых прошло мое детство, революция не оказала никакого воздействия».

Так же как и отец Александр Мень, отец Георгий был связан духовными узами с великой русской богословской школой в эмиграции: Сергеем Булгаковым, Николаем Бердяевым, Владимиром Лосским, Георгием Флоровским, Антоном Карташёвым, Василием Зеньковским, Александром Шмеманом, Иоанном Мейендорфом, Николаем Афанасьевым, Александром Ельчаниновым, архимандритом Киприаном (Керном), епископами Иоанном (Шаховским) и Кассианом (Безобразовым) и, наконец, с митрополитом Сурожским Антонием (Блумом), скончавшимся в 2003 г. В последние годы жизни владыки отец Георгий навещал его в Лондоне. Любопытное совпадение дат: 4 августа, день рождения Георгия Петровича Чистякова, — также день смерти митрополита Антония (Блума); 22 июня, дата смерти отца Георгия, — также дата ухода из жизни отца Алексия Мечёва...

Георгий Чистяков соединял в себе традицию православной духовности с западной — особенно XX века. Наряду с великими русскими мистиками ориентирами в ду-

ховной жизни для него были Шарль де Фуко, малая сестра Магдалена, мать Тереза Калькуттская, Кьяра Любич, отец Луиджи Джуссани, брат Роже Шютц... С некоторыми ему даже удалось встретиться при жизни — с отцом Веренфридом ван Страатеном и Жаном Ванье. Симоне Вайль, Эдит Штайн, Анне Франк, Жаку Лёву, Мартину Лютеру Кингу в одной из своих книг он посвятил целый раздел со значительным заглавием на латинском языке, взятым из Послания к Евреям: «*Quorum imitamini fidem*» (Подражайте вере их)¹.

Отец Георгий Чистяков был человеком синтеза. Сергей Булгаков сказал о Павле Флоренском, что «в нем встретились Афины и Иерусалим». Тот же синтез классической философии и Откровения создал своей интеллектуальной деятельностью отец Георгий, синтез эстетики греко-римской Античности и духовности восточного и западного христианства — в литературе, искусстве и мысли.

Об этом свидетельствуют уже сами названия различных его работ, такие как «Пасхальная победа: Иисус и Гораций», «У подножия Парфенона», «Афины и Рим» и, наконец, его книга «Римские заметки», которой он дал еще и итальянское заглавие — «*All'ombra di Roma*». Можно сказать, развернув метафору Булгакова, что он чувствовал себя одинаково свободно в Риме, в Афинах и в Москве, великолепно ориентировался во всех трех культурных пространствах, казалось, он впрямь живет одновременно в этих трех городах.

Впрочем, в нем также встречались и сосуществовали исторические эпохи. «Отец Георгий казался гостем из Вечности. Так легко было представить, что позавчера он встречался с Плутархом, вчера — с гениями эпохи Возрождения, сегодня с утра — с философами Серебряного века, а теперь

¹ См.: Чистяков Г., свящ. В поисках вечного града. М.: Никея, 2019.

вот запросто разговаривает с вами» — так написал о нем московский поэт и эссеист Михаил Поздняев.

Экуменист?

Отец Георгий был известен как экуменист. В действительности он жил в Единой Церкви. В первую очередь потому, что, глубоко зная ранних Отцов и испытывая живую любовь к христианскому Западу, он как будто и в самом деле пребывал в неразделенной Церкви. И конечно, к нему самому можно отнести слова, которые он говорил о своем учителе Александре Мене: «Отец Александр пришел к нам из единой неразделенной Церкви, Церкви Иоанна Златоуста, Василия Великого, Амвросия Медиоланского, Блаженного Августина, Григория Двоеслова, Ефрема Сирина, прп. Сергия Радонежского, св. Франциска Ассизского, прп. Серафима Саровского...»

Глубоко укорененный в Православии, Георгий Чистяков просто не признавал существенных расхождений, по крайней мере — с Католической Церковью и с древними дохалкидонскими Церквами. Поскольку он был большим знатоком богословия и культуры восточного и западного христианства, ему были хорошо известны различия между Православием и Католицизмом, как богословские, так и исторические, культурные и психологические; но он не усматривал в них причин для разрыва и настоящего разделения. Его принадлежность Православной Церкви не мешала ему не только видеть все то хорошее, что есть в Католической Церкви, но и уважать и любить ее.

Из-за своей искренней любви к Католицизму отец Георгий имел немало неприятностей со стороны самых консервативных православных кругов: нападки, подозрения, обвинения, критику. Многие считали его «криптокатоли-

ком». И когда как-то раз один собрат, православный священник, без особых церемоний бросил ему в лицо этот эпитет, желая его обидеть, отец Георгий и вправду обиделся. Он сам мне потом об этом рассказывал. Но обидела его первая часть эпитета: «Но почему же *крипто*?» Он ведь и не собирался скрывать, что живет в Церкви «единой, святой, соборной и апостольской» — где в слове «соборная» отражен смысл греческого слова *καθολική* (кафоликe): вселенская, не знающая ни разделений, ни расстояний и присутствующая, вся целиком, каждый раз, когда хлеб и вино становятся Телом и Кровью Господа.

Католический архиепископ Москвы Тадеуш Кондрусевич, бывший на его похоронах, сказал, что смерть отца Георгия — потеря и для Католической Церкви, и дал распоряжение всем священникам своей епархии помнить его за мессой.

Вместе с тем большая приязнь к Западной Церкви не могла заставить его слепо восторгаться ею или относиться к ней некритично, закрывая глаза на несовершенства и недостатки. Его симпатии не помешали ему заявить, что некоторый провинциализм поместной Католической Церкви в России и ее прозелитические устремления последних пятнадцати лет обманули ожидания многих представителей советской интеллигенции его поколения.

«Ёжи»

Особенно замечательна в отношениях отца Георгия с Католической Церковью была его личная дружба с Папой Иоанном Павлом II. Сейчас их обоих нет в живых, и мы можем об этом говорить. Я знаю то немногое, что отец Георгий мне рассказывал. Это удивительная страница в истории этих двух героев и одновременно... в истории

Церкви! Ведь история Церкви есть всегда история личностей, конкретных людей.

Они познакомились через журналистку из русской диаспоры Ирину Иловайскую-Альберти, которая представила отца Георгия Папе Римскому в 90-е годы. И пожилой Папа-поляк был просто очарован довольно молодым священником из России, полиглотом, начитанным, эрудированным, который (что, я думаю, поразило Папу больше всего) знал в совершенстве литургику, гимнографию, богослужебные тексты латинской Церкви и ее историю. Папа по-отечески называл космодемьянского батюшку «Ежи» (Георгий по-польски) и хотел его видеть у себя за обедом каждый раз, когда тот приезжал в Рим: «Ежи, когда будешь в Риме, позвони мне». И я знаю достоверно: когда отец Георгий бывал в Риме, он звонил понтифику, они просто обедали вместе, разговаривали... Между ними были такие простые, дружеские отношения.

Один друг записал фрагмент рассказа отца Георгия о его встречах с понтификом. «“Я молюсь о тебе, Ежи” — так меня называет Папа на своем языке, по-польски. Мы читаем вместе Евангелие, по очереди, на разных языках — итальянском, греческом, латинском, французском. Он меня просит читать по-русски и кивает головой, когда узнает слово... Я читаю на церковнославянском, он на польском. “Жду тебя, Ежи! Я рад, когда ты приходишь. Заходи почаще, Ежи”. Так он меня зовет... И молится обо мне по-польски, как о сыне...”

Надеюсь, что когда-нибудь история этих отношений станет достоянием общества и свидетельством взаимного уважения именно в ту пору, когда официальные отношения между двумя Церквями особенно ухудшились. Пока же нам остается довольствоваться немногими отголосками того, о чем поведал отец Георгий некоторым друзьям.

Это были годы наибольшей напряженности между Московским Патриархатом и Римом: греко-католики на Украине, возрождение и расширение католического присутствия на территории России... Тогда часто со стороны Москвы звучали обвинения в прозелитизме, шла, так сказать, холодная война между Римом и Москвой. На этом фоне дружба между рядовым православным священником и предстоятелем Католической Церкви выглядела очень подозрительной, и ее следовало бы держать в секрете. Но, вернувшись из Рима после первого обеда у своего нового друга, отец Георгий написал Патриарху Алексию. Патриарх ему не ответил. Но не запретил ему посещать высокою друга и не предпринял никаких серьезных мер против своего непредсказуемого и неудобного священнослужителя. История Церкви состоит и из внешне незначительных событий. А еще она состоит из одинаково весомых слов и молчания.

Даже эта дружба, несмотря на масштаб собеседника, не привела отца Георгия к восторженному ослеплению. Помню его рассказ об их дискуссии по поводу папского примата, в которой отец Георгий говорил, что «мы, православные, хотели бы видеть в римском архипастыре лишь примат чести». Дискуссия закончилась категоричным утверждением Папы о данной ему высшей власти и заявлением: «Римский первосвященник — не какой-нибудь *primus inter pares*!¹» — сопровождавшимся ударом по столу уже дрожащего от слабости кулака...

Отец Георгий встречался с понтификом много раз, встречался и в годы, когда уже тяжело больной Папа проходил через страшные испытания. Он присутствовал на последней пасхальной мессе, которую тот отслужил 27 марта 2005 г., и был на площади Святого Петра в среду

¹ Первый среди равных (лат.).

Светлой недели, 30 марта — за три дня до его смерти, когда Иоанн Павел II в последний раз показался народу, ненадолго появившись в окне Апостольского дворца. Перед ошеломленной толпой и телекамерами всего мира Папа сделал громадное усилие, чтобы заговорить, но так и не смог.

Отданный на съедение

“Le prêtre est un homme à manger” (священник — человек, отданный на съедение), — часто повторял отец Георгий по-французски, цитируя Бернаноса. И было ясно, что с тех пор, как он стал священником, такой была программа его жизни: отдавать себя на «съедение» любому, кто мог в нем нуждаться. Он себя не жалел. Утром — труды на приходе: служение литургии, исповедь. Затем — работа в газете, на радио, в библиотеке. Потом — преподавание или лекции, интервью. По вечерам часто пастырские беседы, молитвенные встречи, другие лекции, курсы катехизации. В редчайшие свободные минуты, бывало, ему приходилось отправляться со Святыми Дарами к больным или разговаривать с людьми, попавшими в трудное положение. Статьи и книги он писал по большей части ночью.

По субботам в Республиканской детской клинической больнице (крупнейшей в стране) он служил литургию для детей из онкологического отделения или ожидающих пересадки органов. После службы обходил отделения, чтобы принести Причастие лежачим: таких причастников могло быть и семьдесят, и восемьдесят. Затем — исповеди, общение с умирающими детьми, беседы с отчаявшимися родителями. Кстати, и в этом служении отец Георгий стал продолжателем дела, начатого отцом Александром Менем.

За почти пятнадцать лет служения в этой клинике, сначала в сане диакона, а затем священника, рафинированный интеллеktуал и специалист по древним языкам обнаружил удивительный организаторский талант: с командой мирян он продолжил работу по добровольной помощи детям и приему родителей, приезжающих со всей России, а также обширнейший сбор лекарств и денежных средств по всему миру. Последнее позволило провести трудные и дорогостоящие операции, которые буквально спасли жизнь сотням детей. Но главное — этот кабинетный ученый продемонстрировал потрясающую способность быть рядом со страдающими детьми и разделять их боль; отец Георгий готовил сотни детей к встрече с Господом, крестил и исповедовал множество родителей. Смерть каждого ребенка означала для него не только необходимость поддержать родителей: он переживал ее, как личную трагедию, которая ставила перед ним глубокие вопросы. Об этом свидетельствует его статья «Нисхождение во ад» — возможно, прекраснейшие из оставленных им строк.

Таким был обычный ритм его жизни. Но добавлялось и многое другое. Помню, как однажды я позвонил ему с вопросом, не посоветует ли он мне православного священника, который мог бы посвятить время заботе о наркоманах. Дальше я стал извиняться, говорил, что мне хорошо известно, насколько он занят, но он прервал меня: «Пойду я. Я еще ничего не делаю для наркоманов!»

Отец Георгий был всегда слаб здоровьем, подвержен всяческим недугам и хворям. В последние пять лет он страдал тяжелой болезнью: кто-то говорил о лейкемии, может быть, это была другая патология крови; в общем, необратимая и прогрессирующая. Лечение предполагало прием очень сильных лекарств, из-за которых у него развивалась чрезвычайная слабость. По мере того как

болезнь прогрессировала, в последние два года он едва держался на ногах, часто был вынужден на что-нибудь опираться, шатался, шаркал. В общем, сам пребывал в состоянии, похожем на то, которое испытывали многие его маленькие прихожане из детской онкологической больницы. Но по-прежнему не жалел себя.

Рижский издатель журнала «Христианос» и друг отца Георгия Наталия Большакова рассказала: «Однажды вечером после длинного трудового дня, который начался с литургии, потом — лекции, и уже после работы в Библиотеке иностранной литературы, — он говорит, что еще должен сегодня поехать куда-то далеко, чтобы исповедовать какого-то больного человека, причем незнакомого. А сам уже на пределе — страшно устал, чувствует себя плохо. Машины, естественно, нет, добираться туда долго и сложно. Я предлагаю позвонить, сказать, что он не может приехать, что путь далекий, уже поздно, лучше завтра позвать священника из церкви, которая поближе к дому, — ведь в Москве пятьсот священников; раз отец Георгий — не его духовник, значит, можно и другого позвать, нет необходимости именно ему ехать... Отец Георгий соглашается — да, сейчас позвоню, все правильно, и нет никаких сил... Звонит, просит прощения, что он еще не едет, потому что только что освободился, уточняет, как доехать, где делать пересадку и т. д. Потом смотрит виновато: «Надо ехать, не могу я не поехать...»».

Златоуст и... ребенок

Необычайный дар красноречия, которым обладал отец Георгий, сделал из него исключительного проповедника, так что некоторые его друзья шутя называли его «русским Златоустом».

В особенности в первые годы после его рукоположения, интеллектуалы и молодые люди, обычно Церковь не посещавшие, воскресным, не слишком ранним утром шли в храм Космы и Дамиана, что в центре Москвы, послушать образованного священника. Проповеди, как правило посвященные Евангелию или литургическому празднику дня, были глубокими размышлениями, в центре которых всегда стоял Христос, встреча с Ним, жизнь в Боге. Впрочем, в них вмещалось все: Пушкин, Гораций и римская поэзия, Тереза из Лизьё, Максим Исповедник и мать Тереза Калькуттская, Флоренский и Бродский, преподобный Сергей и Сент-Экзюпери, но также — война в Чечне и актуальные политические проблемы России. Все служило обрамлением и материалом для благовестия. Не помню, чтобы я слышал от него хоть одну скучную нравоучительную проповедь (вроде сухой лекции по катехизации или догматического трактата), гневную филиппику или бичевание сегодняшних нравов. Его русский язык был литературным, но без манерничанья, доводы — оригинальными. Он говорил увлеченно и даже пылко; слушать его было всегда приятно.

Но было нечто, что поражало в его проповедях еще больше, чем эрудиция и ораторский талант: глубина и искренность. Георгий Чистяков был человеком, влюбленным в Христа, в жизнь с Богом, в Евангелие, в служение другим и во все хорошее и прекрасное, что создали люди всех эпох и культур. Человеческая гениальность говорила ему о Боге. Была в нем некая основополагающая наивность, которая, в общем-то, вступала в противоречие с глубиной эрудиции, смелостью и дерзновенностью его мыслей. Врожденная добродетель, которую можно назвать целомудрием («не только в сексуальном, побочном значении», — говорил он всякий раз, когда использовал этот

термин, цитируя замечательного богослова Александра Шмемана). «Он любил Христа, как ребенок» — назвал свой некролог известный московский журналист Дмитрий Власов, его друг. Именно эта чистота евангельского ребенка, чистота влюбленного в Христа позволяла ему улавливать красоту повсюду.

Настоящий человек молитвы, этот лингвист, мастер слова, превосходный проповедник и талантливый оратор очень любил тишину. Этот человек дела, который постоянно и конкретно служил другим и трудился параллельно на разных фронтах, не исключая политического, был на самом деле мистиком, любителем безмолвной сосредоточенности, углубленной сердечной молитвы, созерцания тайны Божьей. Он не упускал ни одной возможности сосредоточиться пред лицом Бога; делая это, он обращался к духовным сокровищам как Восточной, так и Западной Церкви.

Во время дальних поездок, в поезде или в самолете, мог читать Добротолюбие или католический Бревиарий; передвигаясь в метро, чередовал сердечную молитву русского странника с латинским розарием. Он никогда не расставался со словом Божиим. Но Писание, и в частности Евангелие, было, прежде всего, глубоким содержанием его жизни и уже затем, лишь во вторую очередь, предметом изучения. Он постоянно размышлял над ним, перечитывая каждодневно на знакомых ему языках (иврите, греческом, латинском, церковнославянском, русском, французском, английском, итальянском, немецком) и в самых разных переводах — чтобы уловить все его нюансы.

Глубокий знаток восточного и западного литургического достояния, отец Георгий «проживал» литургию со всей своей искренностью и непосредственностью: она была для него, действительно — я бы сказал, почти осязаемо, — встречей с Христом Воскресшим. В византийской литур-

гии, перед пением Символа веры, в алтаре служащий священник обращается к сослужащим со словами «Христос посреди нас!», а они отвечают ему: «и есть, и будет». В храме Космы и Дамиана настоятель отец Александр Борисов и отец Георгий распространили этот обряд на всех верующих. Для отца Георгия возглас «Христос посреди нас!» был не только литургической формулой, но и возвещением реального факта, который он, можно сказать, видел своими глазами и от которого ликовал. Так вся литургия, в согласии с этимологией этого слова, становилась для него общим делом общины, которая встречает возвращающегося Господа.

У аналоя

Приход был для него подлинной общиной. Каждому, кто знал отца Георгия, известно, что у него была феноменальная память: во время литургии он мог читать положенный отрывок из Евангелия на церковнославянском, держа в руках закрытую книгу; цитировал наизусть целые псалмы на латинском (перевод Библии святого Иеронима, Вульгата, обладал для него непререкаемым авторитетом, а самого Иеронима он, как хороший переводчик, почитал особо). Он помнил по именам сотни и сотни прихожан. И если хоть однажды общался с человеком, ему уже не нужно было просить его напомнить свое имя перед отпущением грехов или перед Причастием. Он помнил не только имя, но и духовный путь сотен людей, которые у него исповедовались, проблемы, обсуждавшиеся прежде; так, от раза к разу, исповедь становилась настоящим духовным странствием, совершаемым вместе.

Да, велики были его любовь к литургии и проповеднический дар, но особое, ни с чем не сравнимое место в его

священническом служении занимала, несомненно, деятельность исповедника. Каждое воскресенье, все два часа, пока шла литургия, пока другой священник вел службу, отец Георгий исповедовал, одного за другим, десятки людей. И для каждого у него был определенный совет, особое слово, приветливый жест. Прихожане храма Космы и Дамиана помнят его главным образом таким: он стоит у аналоя, на котором лежат Евангелие и крест; позади — длиннейшая очередь из ожидающих, интеллектуалов и простых людей, взрослых, молодых, пожилых, детей. Так было и тогда, когда он едва держался на ногах и вынужден был опираться на аналой или на человека, которого исповедовал.

Отец Георгий был в некотором роде старцем нашего времени. Непреклонно строгий к себе, он был необыкновенно милосерден как исповедник. Он повторял, что хуже всего для человека, который начинает посещать храм, когда тот «вычитывает правило утром и вечером, постится, но в вере более всего ориентируется именно на ритуал. Пугается от того, что слегка нарушил пост, но не видит, что грубость, эгоцентризм, обидчивость, злоба и тому подобное много хуже, чем съеденная вчера котлета».

Он с большим уважением относился к ответственности каждого и не только никогда не давал за исповедью категорических предписаний, не навязывал свою точку зрения, но старался сделать так, чтобы человек сам пришел к тому или иному решению. Многим, кто требовал точных норм и ясных наставлений, кто спрашивал у него, например, как часто следует участвовать в литургии или в Евхаристии, он отвечал, что участвовать совершенно обязательно... всякий раз, когда чувствуешь в этом потребность. Отец Георгий часто говорил, что мы не должны бороться с грехом; скорее, нам следует возрастать в любви к ближне-

му. И тогда мы заметим, что нам становится тесно в наших всегдашних пороках и грехах, как подрастающему ребенку — в прошлогодней одежде.

В одной из молитв, с которых в Православной Церкви начинается таинство Исповеди, священник напоминает исповедующимся, что «Христос невидимо стоит», принимая исповедь, и что он, исповедующий, — лишь свидетель. Отец Георгий на исповеди давал ясно почувствовать, что он только свидетель, и в каком-то смысле вставал рядом с кающимся. И порой случалось, что, слушая исповедующегося, он приговаривал: «К сожалению, так и со мной бывает» — или что-нибудь в этом роде. А завершал обычно так: «Давайте я буду молиться за вас, а вы за меня» или «Будем стараться идти вперед вместе», «Будем вырастать из наших недостатков». Часто он выслушивал исповедь, положив собеседнику руки на плечи — как бы обнимая. Я никогда у него не спрашивал, делает ли он это лишь для того, чтобы отдохнуть, опершись на кающегося, или сознательно хочет повторить жест отца, обнимающего блудного сына на знаменитом полотне Рембрандта, которое хранится в Эрмитаже... В любом случае, глядя на этот жест, невозможно было не думать о милосердии Отца, заключающего в объятия ребенка. В общем, исповедь была возвращением в Отчий дом и в то же время радостной встречей с братом, который вставал на твою сторону.

Меч

Но если, исповедуя, отец Георгий был так милосерден и участлив, то по отношению к фарисейству и лицемерию любого рода был чрезвычайно строг и даже беспощаден. Он не представлял себе христианства, состоящего из од-

ного соблюдения внешних правил, без полной перемены жизни. Так же решительно он боролся с различными формами фундаментализма и нетерпимости. Он считал, что многие люди, принявшие крещение в Православной Церкви на излете советской эпохи, возможно, после многолетней деятельности в партии или в комсомоле, продолжали по инерции воспроизводить, уже внутри Церкви, тот же тип отношений. Как он говорил, некоторым вера и Церковь просто заменили идеологию и партию прежних дней. Такое «христианство без Христа», по его мнению, могло быть с легкостью использовано политическими силами, заинтересованными в том, чтобы Православие превратилось в одну лишь национальную идею, а Церковь — в послушного подданного.

Эта ситуация, как полагал отец Георгий, оборачивалась для Церкви целым рядом недугов. Среди них — постоянный поиск врагов, внешних и внутренних, потребность проверять других на чистоту «идеологии», чувство превосходства по отношению ко всем неправославным (другим христианам, верующим других религий и неверующим), а также — антисемитизм, антизападничество, расизм, шовинизм, проявляющийся в отвержении мигрантов с Кавказа или из бывших советских республик. Его также беспокоило высокомерное, если не сказать презрительное, отношение к культуре со стороны неопитов. Отец Георгий посвятил много сил и немалую часть своего интеллектуального творчества привлечению внимания к этим новым для Православной Церкви проблемам. В этих случаях его слово, написанное ли в книгах и в бесчисленных статьях, произнесенное ли по радио или с амвона церкви, приобретало остроту клинка. Подобно мечу, который Христос, по Своему слову, пришел принести на землю.

В самый светлый день

В субботу вечером 13 января, в разгар московской зимы, на Георгия Чистякова было совершено нападение: таксист, который вез священника в церковь на всю ночь, неожиданно ударил его, отобрал мобильный телефон и выкинул на ходу из машины. Отец Георгий получил болезненный перелом правого плеча. Через два месяца, ровно посередине Великого поста, состояние его ухудшилось: ему стало трудно двигать левой рукой, и врачи не могли понять причину. 23 марта он отслужил свою последнюю литургию; ему стоило огромного труда удерживать чашу. На завтра, с почти парализованной рукой, он решил все же лететь в Рим: чувствовал ли он подсознательно, что настало время попрощаться с горячо любимым Вечным городом? Действительно, по возвращении домой он признался одному из своих друзей в том, что его посещали подобные мысли. В Риме он пробыл меньше недели, причем в последние дни чувствовал себя очень плохо. Вернувшись в Москву, был вынужден лечь в больницу. На Светлой неделе (в этом году совпадающей в Восточной и Западной Церкви) ему поставили диагноз: неоперабельная опухоль мозга. Была, тем не менее, предпринята попытка лечить его медикаментозно.

Вскоре после Пасхи он написал из больницы письмо прихожанам и друзьям. И вот когда после трех месяцев интенсивного лечения ему стало чуть лучше и у него появилась надежда вернуться к работе и, главное, к алтарю, его жизнь оборвал инфаркт. В возрасте 53 лет. В самый светлый день года, 22 июня.

День 13

Получил результат КТ легких. По всей вероятности, это коронавирус. В обоих легких «визуализируются участки уплотнений по типу матового стекла» — говорят, это типичный признак инфекции. Вовлечение правого легкого — 20%, левого — 10%. Диагноз — «признаки двусторонней вирусной пневмонии», и приписка: «Оценка вероятности наличия вирусной пневмонии, обусловленной КОВИД-19: Высокая вероятность»...

Вчера в Москве от коронавируса скончался еще один священник... В Италии во время эпидемии умерло более 120 пастырей — не намного меньше, чем врачей. Большинство из них были уже совсем пожилые, но среди них были и молодые, которые добровольно пошли в больницы, чтобы быть рядом с болящими. И в Москве, слава Богу, есть священники, которые специально подготовились к служению страдающим КОВИДом. В их числе и мой бывший студент из Общецерковной аспирантуры, тридцатидвухлетний отец Георгий, у которого четверо маленьких детей... Я ему написал, призывая его быть осторожным:

«Дорогой отче!

Мне стало известно, что Вы окормляете людей, страдающих от коронавируса. Это, конечно, замечательно и благородно — так должен поступать священник. Одновременно позвольте мне, только на правах старшего брата, рекомендовать Вам быть крайне благоразумным: *соблюдать ВСЕ санитарные меры предосторожности* (ради Вашей безопасности, а также

чтобы Вы не стали невольным переносчиком этой заразы от одних людей к другим), во всем *подчиняться правилам и соблюдать ограничения*, установленные государственными властями (что, как Вы знаете, любой православный человек, а тем более священник, должен делать).

Будьте осторожным, дорогой о. Георгий, и не забывайте и о *Ваших родных — Господь их тоже Вам доверяет!*

Простите, что вмешиваюсь, но я сам болею, скорее всего, коронавирусом и знаю не понаслышке, насколько серьезна опасность! Молюсь о Вас, отче, и прошу Ваших молитв.

Ваш брат

иером. Иоанн»

Слава Богу, в Москве очень хорошо работает церковная служба волонтеров, которые помогают всем, кто не может выйти из квартиры, — болящим, пожилым, инвалидам. У нас на приходе есть еще и своя приходская служба добровольцев: пятьдесят человек от восемнадцати до пятидесяти лет плюс человек десять операторов. Они доставляют продукты и лекарства, выгуливают домашних животных, помогают в перемещении (например, отвозят в больницу). Храмовые психологи консультируют по телефону всех нуждающихся в их поддержке. Все добровольцы получают начальную инструкцию о том, во что они должны быть одеты, что могут делать, каждому куплены средства защиты — санитайзер, одноразовые маски, перчатки, халаты, шапочки, бахилы. На всех оформлены пропуска для поездок по городу, все регулярно проверяют свое здоровье. Наш диакон Александр, который руководит приходской службой доброволь-

цев, сказал мне, что они уже выполнили около четырехсот заявок...

Это настоящее христианское служение! Одновременно очень грустно, что в Церкви есть и явления другого порядка — например, священники, которые поступают совершенно безответственно — либо не соблюдая нормы безопасности, которые нам предписывают и Церковь, и государственные власти, либо призывая верующих нарушить самоизоляцию и прийти в храм, либо отрицая сам факт существования опасности... Несколько дней назад один известный (но, по-моему, не очень-то грамотный) монах публично проклял «всех посягающих на закрытие храмов» из-за пандемии коронавируса и предал анафеме всех принимающих всерьез эту инфекцию. Это в высшей степени безответственно и непростительно со стороны духовного лица. Весь месяц до Пасхи и болезни я старался в проповедях объяснять прихожанам, что надо соблюдать все санитарные меры предосторожности и необходимо самоизолироваться.

Пример глухого косноязычного¹

В Евангелии от Марка есть рассказ об исцелении глухого косноязычного, который приводится только этим евангелистом (Мк 7:31–37). И у него же, в следующей главе, мы находим похожее место: исцеление слепого (Мк 8:22–30).

Возможно, люди, которые просили об исцелении, думали, что Иисус будет действовать как обычно — что Он

¹ Проповедь, произнесенная во время литургии в храме свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине 28 марта 2020 г.

исцелит просто возложением рук, но на этот раз Господь действует по-другому. Прежде всего Христос отводит этого человека в сторону, что очень важно. Видимо, Он хочет сосредоточить внимание болящего на Себе, Он хочет остаться наедине с ним. Чтобы пробудить в больном веру в Свою силу, Иисус прежде всего отделяет его от народа, приближает его к Себе.

Потом мы читаем, что Он *вложил персты свои в уши ему и, плюнув, коснулся языка его*. Очень странно... Нам, по крайней мере, может так показаться. На самом деле Иисус совершает действия, которые в ту эпоху обычно предпринимали целители. Мы читаем у римского историка Тацита о том, что врачи очень часто лечили именно слюной. Иисус сначала вложил персты в уши глухого, будто хотел расширить ушные отверстия, и затем потрогал его язык. Потом, *воззрев на небо, вздохнул и сказал ему: еффафа́, что значит — отверзись*. И, — пишет евангелист Марк, — *тотчас отверзся у него слух и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто*. В других местах Евангелия прежде, чем совершить чудо, Господь тоже смотрит на небо. Например, перед умножением хлебов Он *воззрев на небо, благословил, преломил* (см. Мф 14:13–21), дал хлеба ученикам, и ученики — народу. У евангелиста Марка читаем, что, когда попросили у Христа какого-то знамения, какого-то чуда, Он, *глубоко вздохнув, сказал: для чего род сей требует знамения?* (Мк 8:12).

Почему Он так действует? Он хочет, чтобы болящий человек правильно понял, что происходит... С одной стороны, Он делает все то же, что и врачи, целители того времени; с другой стороны, Он хочет, чтобы болящий осознал, что для его исцеления необходима помощь Бога и что совершается именно чудо. И для этого Господь вздыхает и смотрит на небо...

Как уже говорилось, в восьмой главе Евангелия от Марка мы читаем об исцелении слепого в Вифсаиде: *Он, взяв слепого за руку, вывел его вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки.* Потом Он спросил у слепого, видит ли он, а тот сказал, что видит людей, как деревья; Господь опять возложил руки ему на глаза, и тогда этот человек полностью исцелился. Эти два рассказа очень похожи: и в конце нашего повествования, и в конце рассказа об исцелении слепого Господь просил никому не рассказывать о произошедшем. Но, как говорится в Евангелии, сколько Он ни запрещал, исцеленные всегда разглашали, от раза к разу все громче. Здесь проявляется одна из специфических черт Евангелия от Марка. В этом тексте постоянно мелькает некая тайна Сына Человеческого: Он совершает чудеса, но всегда просит не рассказывать никому, а люди все равно это делают.

Обратим внимание и на последние строки об исцелении: *и чрезвычайно дивились, и говорили: все хорошо делает, — и глухих делает слышащими, и немых — говорящими.* Этот стих, передающий изумление людей, также сообщает нам об исполнении пророчеств в Иисусе. У пророка Исаии мы читаем: *Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. Тогда хромым вскочит, как олень, и язык немого будет петь* (Ис 35:6).

Что в этом рассказе для нас важно, что относится к нашей с вами жизни? Ведь особенность евангельских текстов как раз такова, что каждое изречение из Евангелия, каждый фрагмент, каждый отрывок имеет прямое отношение к нам.

Господь отвел человека в сторону... Во времена масштабных эпидемий, таких как пандемия коронавируса, мы вынуждены подолгу оставаться дома одни. Вполне возможно, что если не со следующей недели, то очень скоро

нам придется вообще не выходить из своей квартиры. А ведь это замечательная возможность быть наедине с Господом. Мы просим, конечно, о чуде, но сначала Господь *отводит нас в сторону* — потому что хочет общаться с нами наедине, как с глухим косноязычным.

Как мы видим, Господь действовал, как врач, и это тоже для нас важно. Это означает, что мы должны делать все, что от нас зависит: в данном случае — соблюдать все нормы предосторожности, чтобы предотвратить распространение вируса. Очень часто христиане совершают ошибку, полагая, что, раз мы верующие, мы верим в чудо и ничего сами не должны делать, а это как раз таки неправильно. Мы должны предпринять все, что от нас зависит, как и Господь здесь: Он лечит человека так, как лечили тогда врачи.

И последний момент: мы не должны забывать о том, что на самом деле происходит чудо. И потому нужно смотреть на небо, молиться и воспринимать выздоровление именно как чудо.

День 14

Вот уже второй день, как мне снова плохо... Температура 38; 38,4; 38,5... Я лечился более десяти дней, принимая в очень серьезных дозах антибиотики, противомаларийный препарат Плаквенил и другие сильнодействующие лекарства. Затем сдал тест на антитела, сделал КТ грудной клетки. Все, казалось, шло к выздоровлению, и я перестал принимать антибиотики и Плаквенил. И вдруг температура опять поднялась, опять слабость, усталость... По рекомендации врачей вернулся к Плаквенилу, еще начал делать уколы себе в живот два раза в день... С учетом моей неуклюжести — это настоящий подвиг...

Вспомнил самый трудный день прошлого года, 20 июня, когда папа позвонил и сказал, что мама уходит. У меня должен был быть отпуск с 23-го числа и был уже билет на руках, чтобы прямым рейсом из Москвы улететь на Сардинию. А на вечер 20-го было намечено организованное мной мероприятие памяти отца Георгия Чистякова в Библиотеке иностранной литературы. Я купил новый билет на первый возможный рейс с пересадкой в Риме, выступил на вечере, извинился и помчался в аэропорт. Сидя в самолете, думал, что, наверное, не успею попрощаться с мамой, и решил написать ей письмо.

«Девочке моей прекрасной»

Дорогая мама!

Помнишь, как тебя растрогала та записочка, в которой я написал тебе своим дрожащим детским почерком: «Девочке моей прекрасной»? Я с трудом учился писать, а ты долгими вечерами сидела возле меня, ободряя и призывая не оставлять попыток: мои пальцы никак не могли удерживать ручку. Сдалась даже моя учительница, невозможно строгая Заира!

Я родился в конце ноября, и поэтому в день открытия школы 1 октября мне еще не исполнилось шесть лет, и я мог пойти в первый класс только на следующий год. Но мне так хотелось ходить в школу! Ты же колебалась, размышляя над тем, не окажется ли непосильным бременем для моей чувствительной детской души общение с взыскательной Заирой. Однако в конце концов вы с папой уступили моим просьбам и решили отправить меня в школу прямо в день моего рождения, 26 ноября. С Заирой проблем не было, потому что с самого начала я без памяти влюбился в суровую учительницу и, думаю, немножко и она в меня.

Но проблемы все же возникли — с чистописанием. Поступив в школу с двухмесячным опозданием, я умел бегло читать, этому я научился дома, а другие дети читали только по слогам. Да я даже прочитал целых две книжки — «Пиноккио» и «Житие Папы Иоанна»! Когда Заира писала на доске какое-нибудь короткое предложение — например, «Мама красивая», — чтобы мы читали хором, все начинали: «Маа-маа...» — а я вскакивал и кричал во все горло: «Мама красивая!!!» — нарушая дидактические приемы требовательной учительницы. И дело кончилось тем, что Заира, написав предложение на доске, говорила: «Читай-

те!» — а потом поворачивалась ко мне и, глядя строго, приказывала: «А ты — сиди тихо!»

А вот с ручкой я до школы дела не имел и был просто не в состоянии держать ее между большим и средним пальцем, одновременно нажимая указательным. Кисть мне не повиновалась, и все буквы норовили свалиться набок. Было трудно, ничего не выходило, болели пальцы... Мне не давало покоя то, что другие дети, которые упражнялись на два месяца больше, умеют писать куда лучше меня, и я был просто уверен, что у меня не получится. Все это привело меня к определенному решению: я торжественно объявил Заире, что учиться писать не собираюсь, потому как мне это неинтересно. «Да как же так? Писать — важно! Тот, кто умеет писать, может рассказать миру о своих идеях». Я отвечал ей, что свои идеи мне хотелось бы оставить при себе, зато мне интересно знакомиться с мыслями других людей, и поэтому я уже умею читать... В общем, Заира вызвала тебя в школу и сказала: «Синьора, если хотите, попробуйте вы научить своего сына писать; мне не удалось». И вот каждый вечер, в полусне, часами, которые тянулись непомерно долго, я делал упражнения по чистописанию, а ты сидела рядом: «Ну, давай, Джо! Еще разок попробуй! Увидишь, у тебя получится!» И у нас получилось.

«Девочка моя прекрасная» — так папа любил называть Марию, родившуюся первой из нас, четверых, а я потом стал называть так тебя. И тут-то папа, решив подарить тебе очередное ювелирное украшение, придумал, что ту записочку должен написать я. Это был тонкий, исполненный нежности жест, а также — свидетельство победы, победы, на первый взгляд, маленькой, но громадной для ребенка. Сколько же еще маленьких и больших побед последовало затем в моей жизни — благодаря твоей и папиной поддержке...

Пишу тебе, сидя в самолете, куда мне чудом удалось влезть, ног не чувю от усталости после череды очень напряженных дней. Девочка моя прекрасная, не знаю, успею ли я добраться до тебя, чтобы дать тебе мое последнее целование. В Риме, куда мы прилетим через час, меня ждет пересадка на другой рейс. Даже если я успею вовремя, не уверен, что ты осознаешь мое присутствие; не думаю, что ты сумеешь прочесть письмо. Но это, по большому счету, неважно, оно, пожалуй, важнее для меня.

Девочка моя прекрасная, я хочу сказать тебе спасибо за жизнь, за то, что тебе хватило мужества в ожидании меня отказаться от аборта, вопреки мнению врачей и невзирая на серьезный риск. Спасибо, мама. Спасибо за твою крепкую веру, за твою прямооту и искренность, за то, что твои слова всегда были «да, да» или «нет, нет». Спасибо за то, что ты — молитвенница и в то же время деятельно служишь всем. Ты была послушной дочерью, красивой и умной женщиной, заботливой женой, требовательной матерью, ласковой бабушкой. Спасибо за переданные мне веру в Бога, а еще молитву, порядочность, веру в себя, внимательность к другим. Спасибо за то, что научила меня не останавливаться перед трудностями, не сдаваться, никого не осуждать, быть милосердным со слабыми и требовательным с сильными, стараться преодолевать ершистость и жесткость своего (и твоего!) нрава. Всегда, когда мне приходилось в жизни делать тот или иной выбор, даже если он был тяжелым и выстраданным, вынуждающим преодолевать предрассудки, переступать через давно приобретенные и устоявшиеся взгляды, — всегда ты была рядом со мной, подбадривая, как в детстве: «Давай, Джо! Вот увидишь, у тебя получится!»

Уже более 30 лет я живу в трех тысячах километрах от тебя и семьи, и с того момента, как твое здоровье ухудши-

лось, я все чаще думал и говорил друзьям, что почти за награду возможность быть подле тебя в твои последние минуты. Хотя я понимаю, что ничем не смогу тебе помочь, но любовь и возможность принести пользу не всегда совпадают! Недавно, размышляя над этим, я, как мне кажется, понял, что таким должно быть и отношение христианина к Церкви, когда она болеет. Если ты считаешь Церковь своей Матерью, ты, конечно, не можешь оставить ее в трудный момент. Тот факт, что ты лично не можешь сделать почти ничего, чтобы исцелить ее, ничего не меняет. Даже вопрос, способна ли твоя болящая мать заметить и оценить твое присутствие рядом с нею, оказывается вовсе не главным. А главное лишь одно — «стоять», быть рядом, подобно Марии и Иоанну у креста Христова: *stabat Mater dolorosa juxta crucem lacrimosa*.

Сейчас мне неизвестно, девочка моя прекрасная, успею ли я поддержать твою руку в своих руках, погладить твое лицо, поцеловать тебя в последний раз. Увидим. Пока же из этого самолета я хочу сказать тебе: «Давай, девочка моя прекрасная. Увидишь, у тебя получится!»

Твой
Джо

«Все будет хорошо!»

Два месяца назад я получил смс от некой Ирины, которую не знал. Она писала, что получила мой телефон в перинатальном отделении нашего детского хосписа и что она ожидает ребенка, у которого обнаружена геномная аномалия — полная трисомия хромосомы 22. Обычно считается,

что эта аномалия «несовместима с жизнью», почти всегда вызывает самопроизвольный аборт в первом триместре беременности, в противном случае она имеет очень тяжелые последствия для ребенка и сопряжена с серьезным риском для жизни матери. По этой причине врачи всегда рекомендуют аборт, и в этом конкретном случае они сильно на этом настаивали. Ирина, однако, не хотела делать аборт.

Мы писали и звонили друг другу, я сказал ей, что решение должно быть за ней и ее мужем, что единственное, что я могу сказать, это то, что мы, христиане, верим, что жизнь и смерть нам не принадлежат — ни наши собственные, ни других людей, в том числе собственных детей. Жизнь и смерть — тайна и, наверное, главные таинства; они нас превосходят, и над ними имеет власть один только Бог.

Затем прошло два месяца, в течение которых я ничего не слышал от Ирины и просто молился о ней и ребенке, чтобы Дух Святой дал ей мудрость принять правильное решение и укрепил ее.

Вдруг в это воскресенье Ирина написала мне, что ее готовят к кесареву сечению.

А вот сегодня написала, что ребенок родился и уже крестили его с именем Кирилл. Ситуация остается непростой, у ребенка пневмония, другие проблемы с желудком и прочее. Но он родился, он жив. Он и мама.

Поэтому я написал Ирине:

«Не помню, говорил ли я Вам, что я тоже родился как Ваш ребенок. Была серьезная

опасность для меня и мамы, врачи всячески уговаривали делать аборт, тем более что я третий ребенок в семье, а моим сестрам тогда было год и два. Коллеги говорили моему отцу, врачу, что он бессовестный из-за того, что поддерживал жену в ее решении не делать аборт. В то же время Мария, моя старшая сестра, которой было 2 года, в дни перед родами тихо заходила в родительскую комнату, где мама лежала, клала ручки на ее живот и говорила ей: «Мамочка! Все будет хорошо. Вот увидишь!» Если бы более 50 лет назад моя мама прислушалась к авторитетному мнению врачей, а не к уверениям двухлетнего ребенка и приняла другое решение, я бы не смог поддержать Вас, дорогая Ирина. Поэтому я прошу Вас помолиться о моей матери Марии Пии, которой 93 года, и она выходит «на финишную прямую». Как и я молюсь о Вас и маленьком Кирилле.

Ваш

иеромонах Иоанн»

День 15

Вчера, 3 мая, двое священнослужителей скончались от коронавируса в Москве и подмосковном Хотькове: протоиерей Евгений Корчуков и диакон Андрей Молчанов. Оба еще относительно молодые — 65 лет и 54 года. Вечный покой и Царство Небесное даруй им, Господи!

По официальной статистике, случаев заболевания за последние сутки в России — 10 633, а смертей — 1 280. На этот момент число заразившихся во всем мире составляет 3,5 млн человек, 245 069 из которых скончались. Стихийные бедствия всегда ставят перед верующим человеком серьезные вопросы. Больше 20 лет назад я дерзновенно задавал эти вопросы очень мудрому человеку — Католикусу Всех Армян Гарегину I.

Гарегин I, несомненно, одна из самых ярких личностей восточного христианства ушедшего века. Сын армянской диаспоры, родившийся в крестьянской семье в глухой сирийской деревне, он учился в Оксфорде, был епископом в Иране и Нью-Йорке, в 1977 г. стал главой Армянской Церкви в Киликии, а в 1995 — Католикосом Всех Армян. Я познакомился с ним в 1997 г. в Австрии во время Второй европейской екуменической ассамблеи. Мы вместе составили книгу бесед, в которых пересекаются разные содержательные линии.

Я хотел сохранить спонтанный стиль наших разговоров даже ценой каких-то повторов, непоследовательности, свойственных непринужденному обсуждению. Католикос в этой книге рассказывает о себе, о

своем детстве, взрослении, принятии сана и церковном служении. Я задавал ему много личных вопросов о его отношениях с Богом и вере. Некоторые из них преднамеренно провокационные. Его ответы всегда были взвешенными и содержательными, а иногда он отвечал с юмором.

Мы много говорили об Армянской Церкви и о вероучительных расхождениях между дохалкидонитами и православными. Рассуждали об Армении и ее истории, о геноциде армян 1915 г., о последствиях коммунизма и его падения для стран бывшего Советского Союза. Обсуждали проблемы внутренней жизни всех Церквей: с одной стороны, авторитаризм священноначалия и карьеризм, с другой — межцерковный диалог, место женщин, роль мирян и молодежи. Глава такой древней Церкви оказался необычайно открытым.

Мы затрагивали и другие вопросы: взаимоотношения с государственной властью, диалог со светским миром, проблемы нравственности, взгляд Церкви на половую жизнь. Мы беседовали о социальной несправедливости, экологии, вызовах современности, последствиях технологического и научного прогресса для верующих. Наконец, особенно глубокими были ответы Католикоса на экзистенциальные вопросы, которые каждый человек задает себе независимо от культуры или религиозных убеждений: о смысле жизни, страдании, поиске счастья.

Католикос Гарегин I скончался 29 июня 1999 г. Перечитывая некоторые из моих вопросов, я испытываю необъяснимое чувство, почти страх. Конечно, если бы тогда я мог догадаться о том, что он болен страшной болезнью, которая за короткий промежу-

ток времени унесет его жизнь, я бы не спросил его о том, что можно сказать неизлечимо больному человеку. Тем более я бы не предложил ему сформулировать свое «духовное завещание»... Но ни он, ни я не подозревали, что именно в те дни Страстной недели, когда в Эчмиадзине мы заканчивали запись наших бесед, открывалась последняя глава его жизни.

Говоря о страхе, я имею в виду и страх Божий — то чувство, которое испытываешь каждый раз, когда ход каких-то событий вдруг открывается перед внутренним взором с неожиданной стороны и ты понимаешь, что Кто-то тобой руководил, даже если ты не отдавал себе в этом отчета. Оглядываясь назад, вспоминая свои встречи и беседы с Католикосом, я думаю о том, как таинственны и неисповедимы пути Господни... Если бы я решил начать наши беседы с Католикосом несколько позже, возможно, этой книги не было бы вовсе. Тем не менее книга оказалась востребованной и вышла на французском языке, сразу за этим последовали переводы: на английский, русский, итальянский, два разных перевода на армянский — восточный и западный. Она пользовалась большим успехом среди православных в России — к моему удивлению, ее читали люди, не имеющие к Армении никакого отношения.

В горниле испытаний: Католикос Гарегин I о страдании¹

Ваше Святейшество, Армения — очень древняя страна с долгим и славным прошлым, но в толстой книге ее истории много страниц, наполненных страданием. Армения всегда сражалась с недружелюбными соседями, которые нападали, грабили и разрушали. Она пережила господство самых разных народов: римлян, парфян, арабов, турок, татар, русских... Как говорит историк Гиббон, Армения с самого начала своей истории была театром непрекращающихся военных действий. Не раз вы переживали горечь депортации и жизни в диаспоре, раздел страны, чудовищный опыт геноцида... В уходящем столетии армяне, живущие на своей исторической родине, семьдесят лет провели под игом коммунистического режима.

Наконец, постоянным элементом вашей истории являются природные катастрофы, в первую очередь землетрясения.

В общем, в истории Армении всегда было много боли.

Страдание часто рассматривалось армянскими и зарубежными историками как явление, настолько преобладающее в нашей истории, что даже само имя Армении стало неотделимым от него. Богослов-литургист Арчдейл Кинг сказал, что «синонимом армянской историографии является мартирология». Французский академик Даниель-Ропс, говоря в своей истории Церкви о наших мучениках, использует выражение «залитая кровью Армения», но тут же добавляет: «живая». Я думаю, что оба эти эпитеты

¹ Текст взят из предпоследней, X главы моей книги «Жизнь человека: встреча неба и земли. Беседы с Католикосом Всех Армян Гарегином I» (М., 1999. С. 224–240).

та дают точное определение: страдание придало нашему народу силы не подчиниться смерти и сохранить себя. Так что, как бы парадоксально это ни было, страдание во многом способствовало развитию творческого начала нашего народа.

Залог нашей свободы

Оглядываясь на ваше многострадальное прошлое, приходишь к мысли, что Бог или История поставили над вашим народом суровый и жестокий эксперимент, что-то вроде теста на выживание. В результате ваш народ, вопреки тяжелейшим условиям жизни, не только выжил, но и сумел создать одну из самых интересных и оригинальных цивилизаций.

Для верующего же человека любые события происходят не по воле слепого случая, но в силу воли или поущения Божьего. Была ли воля Божья на то, чтобы ваша судьба была многострадальной?

Вы, возможно, уже заметили, что, отвечая на вопросы о страданиях нашего народа, я ни разу не употребил слова «выживание». Часто говорят, что армянский народ выжил вопреки всем трагическим событиям своей истории. Но мы не просто выжили! Мы сделали гораздо больше: мы прожили нашу историю как активные действующие лица и достигли огромных творческих результатов в области культуры. Мы не просто влачили свое существование, но стремились жить полной жизнью, наполняя ее ценностями, которые превосходят пространство и время. Наша история может быть хорошей иллюстрацией к латинской поговорке: *“Vita non est vivere, sed valere”* («Жизнь не в том, чтобы жить, а в том, чтобы проявлять мужество»).

Я думаю, что, пытаясь понять волю Божию, мы можем сказать, что Бог попускает страдания, но не провоцирует их. Просто страдание — это часть нашего человеческого бытия; но Бог всегда предоставляет нам возможность преодолеть страдание, победить смерть жизнью.

Значит, боль изначально присуща нашей человеческой природе. В Книге Бытия боль возникает в творении как следствие греха. После грехопадения Бог говорит женщине: Умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей — и мужчине: Со скорбью будешь питаться от нее (от земли) во все дни жизни твоей... В поте лица твоего будешь есть хлеб (Быт 3:16–19). Это означает, что страдание является как бы результатом посягательства на дело творения, что из-за первородного греха мы осуждены всю жизнь нести на себе бремя страдания...

Боль, действительно, — результат греха, удаления от Бога, потому что присутствие Бога в нашей душе и в нашем сознании является источником радости и силы для преодоления страдания. Но существует также и позитивный взгляд на боль. Обратим внимание на то, как страдание влияет на нас. Я думаю, что оно делает нас более человечными. Оно помогает нам вновь обрести истинную связь с Богом. Как часто мы забываем поблагодарить Бога за все Его дары; и только боль заставляет нас повернуться к Нему.

Страдание может стать очищением души. Это хорошо видно на примере жизни святых. Оно помогает нам увидеть истинные ценности, духовные и человеческие, несущие на себе печать вечности. Именно опыт страдания учит нас понимать разницу между счастьем и удовольствием; слишком часто наша эпоха смешивает эти два понятия.

Итальянский писатель начала XX века Луиджи Пиранделло, будучи весьма далек от христианской веры, говорил, что человек «приобретает полную меру человечности только в страдании, ибо стремится понять его причину, узнать, от кого оно исходит и справедливо ли он страдает; в то время как в радости он вообще не задается никакими вопросами, воспринимая радость как должное»...

Я думаю, что боль раскрывает нам глубинный смысл жизни и дает нам понять, что мы не верховные властители Вселенной, но распорядители или, говоря точнее, служители творения. У больничной койки или у гроба я как нигде ощущал ценность жизни, представление о которой нам могут дать только боль и смерть.

Но существует еще и другой положительный аспект страдания. Далеко не все страдания приходят к нам от Бога. Напротив, сколько несчастий происходит по нашей вине, сколько горя одни люди причиняют другим... Мы верим, что Бог сотворил нас свободными, значит, имея возможность выбора, мы можем и ошибаться, причиняя боль себе или другим. Следовательно, достоинство и особенность человека предполагают страдания. Страдание — это залог нашей свободы: сам факт его существования говорит о том, что Бог уважает нашу свободу и наше достоинство. Если бы не было страдания, мы были бы бездушными роботами...

«Почему?»

Верующий человек понимает страдание праведника как испытание, посылаемое Богом. Но Бог, Который есть Любовь, имеет ли Он право подвергать испытанию Своих друзей?

Я думаю, нет никакого смысла спрашивать Бога, имеет ли Он на это право. Бог обладает полнотой прав, Он бесконечно превосходит наше разумение, и то, что сегодня нам кажется трагедией, завтра может стать источником счастья... Сын, которого наказывает отец, не всегда понимает его, напротив, ему может казаться, что отец его не любит. Но пройдут годы, и сын будет признателен отцу за причиненное когда-то страдание.

Часто мы совершаем ошибку, оценивая действия Бога с точки зрения нашего опыта; но мы не можем судить Бога, исходя из чисто человеческих критериев...

Где был ты, когда Я полагал основания земли? (Иов 38:4). В конце Книги Иова Бог, Который до сих пор молчал, наблюдал его страдания, задает Иову этот иронический вопрос. Этот вопрос и целый ряд ему подобных — единственный ответ, который Бог дает страдающему Иову. И смысл здесь тот же, что и в Ваших словах: Бог Своим всемогуществом и мудростью абсолютно превосходит нас, Его замысел совершенно для нас непостижим...

Вера, несомненно, состоит в том, чтобы с доверием принимать все, что мы получаем от Бога, именно тогда, когда это противоречит нашим планам, нашим желаниям, нашей логике.

Значит, мы даже не имеем права требовать от Бога объяснений и искать смысла наших страданий?..

Я думаю, что вопрос о смысле страдания — самый древний и самый глубокий человеческий вопрос, я бы даже сказал — самый оправданный. Бог есть Любовь и источник счастья: почему Он допускает страдания? В нашей литературе человек не раз задавался этим вопросом и, протестуя против обстоятельств жизни, доходил

иногда до бунта. Сколько раз на протяжении своей жизни каждый человек снова и снова задает себе этот вопрос...

Однако вопрос этот останется с нами. Если бы мы могли в полной мере понять смысл действий Бога, мы были бы богами. Здесь нет никакого фатализма, просто я думаю, что вопрос о страдании не может быть разъяснен логически. Но мы знаем, как преодолеть испытания, как их выдержать.

В горниле испытаний

Человек и добр и зол, и это объясняет как его необычайное благородство, так и безумную жажду убивать. Но если ответом на вопрос о причине погромов и войн является человеческая злоба, то как ответить на вопрос о причинах болезней, рака, СПИДа, причинах стихийных бедствий?

7 декабря 1988 г. в 11 часов 41 минуту в Спитаке, на севере Армении, содрогнулась земля: 25 000 человек погибли, 500 000 — остались без крова, город Спитак исчез с карты Армении. Это одно из самых крупных стихийных бедствий нашего века. Но землетрясение 1988 г. было лишь последним по времени в очень длинном ряду. С самого начала вашей истории хроники повествуют о землетрясениях, которые раз за разом опустошали вашу страну: 341, 735, 893, 1319, 1679, 1827, 1840, 1926 гг. — и это даты лишь самых крупных катастроф...

Почему происходят стихийные бедствия, почему случилось Спитакское землетрясение?

Я могу лишь повторить, что существуют вопросы, на которые человеческий разум не способен дать адекватных ответов.

Я очень хорошо понимаю, что, когда теряешь близкого человека или когда узнаешь, что ты неизлечимо болен, неизбежно встает этот вопрос — почему. Но на этот вопрос нет логического ответа: очень многие стороны нашей жизни невозможно объяснить! Когда тучи закрывают солнце, человек не спрашивает, почему Бог действует таким образом: это явление природы, включенное в ритм нашей жизни. Я думаю, что не очень полезно задавать Богу вопросы о причине Его действий. Вера открывается именно там, где бессильна логика.

Так что вопрос о причинах землетрясения или болезней остается без логического ответа; главное верить в то, что Бог не оставляет нас даже в горниле испытаний.

Значит, на вопрос «почему» ответа нет. И все же человеку свойственно задавать его. Вы сказали, что страдание невинного — это самый глубокий человеческий вопрос... И, задавая его, мы проявляем нашу человечность, человечность, воспринятую Христом, который Сам задал Себе этот трагический вопрос. Его крик: Или, Или! лама савахфани? — наивысшее выражение человеческого «почему» — Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? (Мф 27:46).

Это правда. Христос прошел через испытание Гефсимании, затем пережил агонию. Но в обоих случаях Он преодолел отчаяние. В Гефсиманском саду Он молился: *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия*, — но затем Он полностью вверил Себя воле Отца: *Впрочем, не как Я хочу, но как Ты... да будет воля Твоя* (Мф 26:39–42). Так же и на Кресте, по свидетельству Луки, Он сказал: *Отче! в руки Твои предаю дух Мой* (Лк 23:46).

Признание и принятие воли Божией не унижают человека. Напротив, добровольное подчинение ей возвеличи-

вает человека, который этим сознательным действием подтверждает, что он есть творение, призванное к общению со своим Творцом.

Отсутствие и присутствие

Вы подчеркиваете доверие Богу, чувство Его присутствия в самом горниле испытаний. Припев на Великом повечерии в день Пасхи в армянском богослужении, как и в православном, взятый из пророка Исаии, звучит так: «...яко с нами Бог». «С нами Бог, разумеите, языцы, и покаяйтесь, яко с нами Бог. Услышите до последних земли: яко с нами Бог. Могуции покаяйтесь, яко с нами Бог; аще бо паки возможете, и паки побеждены будете, яко с нами Бог. <...> Страха же вашего не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог...»

Где был Бог во время землетрясения, во время уничтожения Вашего народа, рассеяния? Оставил ли Он вас в этих испытаниях?

В испытании существует как бы два уровня встречи с Богом, которые я пережил сам в своей жизни и особенно ясно осознал во время землетрясения 1988 г. Первый уровень — полное отчаяние, даже бунт. Спрашиваешь себя: «Где же Бог?»; возникает ощущение Его отсутствия. Такой была первая реакция перед лицом полного разрушения Спитака. Но сразу же после землетрясения начались проявления солидарности и невиданной щедрости: отовсюду поступали продукты, лекарства, одежда и другая помощь; множество людей съехало из всех стран в Армению, помогая искать тела, восстанавливать разрушенное. И эта щедрость позволила всем ощутить присутствие Бога. Ведь эта солидарность была проявлением истинной человечности, которая есть сияние Божие — Любовь.

Я думаю, что так бывает очень часто. В испытании всегда наступает момент кризиса, момент, когда ты чувствуешь, что Бога нет рядом. Важно в это время преодолеть сомнения, чувство одиночества, покинутости через усилие веры и любви. И тогда ты начинаешь видеть присутствие Бога, понимать, что Он всегда был рядом — даже в Своем отсутствии...

Иисус на кресте, возможно, пережил это чувство богооставленности. Богословы называют это понятие кенозсисом Бога: Всемогущий Бог, чтобы воплотиться, войти в историю, стать человеком — умалил, уничижил Себя, ограничив Себя пределами конкретной эпохи, конкретного народа и т. д. И это самоограничение Бога достигает своего апогея именно на Кресте в крике оставленности. Парадокс Креста состоит в том, что Иисус, который есть воплощенный Бог, в этот момент разделяет с нами чувство богооставленности...

Это действительно так. Человечество Христа было полным человечеством, так как Он во всем разделил с нами нашу участь, за исключением греха. Он познал искушение в пустыне, голод, усталость, сомнение, и этот крик оставленности показывает нам, что перед тем, как Он предал Себя воле Божией, Он пережил чувство богооставленности.

Этот духовный опыт неотделим от нашей повседневной жизни, потому что религия — это вовсе не удаление от реальности; вот почему в своей жизни мы постоянно испытываем оба эти чувства: присутствие и отсутствие Бога.

Однако Крест — то место, где Иисус пережил оставленность как отсутствие Бога, — есть на самом деле место преимущественного присутствия Бога. Акт добровольного

принятия смерти на Кресте ради искупления человечества — это наивысшее проявление жертвенной любви, а значит, и проявление полноты присутствия Бога, Который есть Любовь. Так же и мы, принимая страдание, встречаем Бога. Именно в этом смысле я понимаю слова апостола Павла: *Когда я немог, тогда силен* (2 Кор 12:10).

Он повернулся к нам

Распятие, без сомнения, наиболее часто встречающийся сюжет армянских миниатюр. Хачкар, крест, высеченный в камне, — господствующий элемент в вашем искусстве и в вашем сельском ландшафте.

Ваше Святейшество, что такое Крест — этот «соблазн для иудеев» и «безумие для язычников» (см. 1 Кор 1:23)?

Богословы, особенно на Западе, часто говорят о Кресте, о богословии Креста; Крест стал чем-то абстрактным, некоей идеей, богословским понятием... Но Крест не имеет никакого смысла без Распятого Христа, ведь именно *распятием*, действием Сына Божия, который дал пригвоздить Себя ко Кресту, — мы были искуплены. Именно распятие наполняет экзистенциальным содержанием богословие Креста.

Распятие есть свидетельство *кенозиса* Бога. Бог стал человеком и пострадал — в этом величие христианства...

...Кто-то сказал, что религия страждущего Бога — это наивысшая религия...

Если бы Бог не пострадал, Он был бы для нас мудрым учителем, читающим нам лекции с высоты своей кафед-

ры. Но Бог отождествил Себя с нами, Своими творениями, и этим ясно показал нам Свою сущность — любовь; потому что любовь — это всегда отождествление с любимым.

Крест — высшее проявление любви, которая есть Бог, и в то же время Крест — это доказательство величия Иисуса Христа.

Бог повернулся к человеку. В своем Послании к Филиппийцам (Флп 2:6–9) апостол Павел объясняет нам, что Иисус Христос, будучи Богом, уподобился людям, приняв образ раба, и жил в смирении вплоть до принятия смерти на Кресте. *Посему и Бог превознес Его*, — говорит апостол, и это означает, что величие Божие проходит через крестное смирение.

Наш Бог — это не Бог, ревнующий о Своем величии, обитающий в башне из слоновой кости или на седьмом небе, а Бог, Который проявляет полноту Своего величия, умирая на Кресте из любви к людям. Если вы посмотрите на нивы перед жатвой, вы увидите колосья зрелой пшеницы, которые наклонились, повернулись к земле под тяжестью зерен; а колосья, которые стоят прямо, пусты — это простая солома... Так и Бог склонился над нашей пустотой и во всей полноте открыл Свою любовь в Своем Сыне — распятом и покинутом.

Вверить себя воле Божией, ощутить, что Христос страдал так же, как мы, что Он отождествил Себя с нашими страданиями... Но Вы, Ваше Святейшество, что бы Вы сказали человеку неверующему, который обнаружил, что он болен раком или СПИДом?

Боюсь, что не смог бы сказать что-то значительное, так как без веры, которая дает духовную стойкость, я и

сам не смог бы противостоять такой ситуации... Как и мой народ: без веры он не смог бы противостоять страданиям...

Я бы постарался быть всегда рядом с этим человеком, дать ему почувствовать мою заботу, дружбу, мое полнейшее участие... Одним словом, я бы постарался разделить его боль, потому что распятие — это наивысшее разделение Богом наших страданий и нашей человеческой участи, а также мера нашей любви друг к другу. Истинное поклонение Кресту состоит в сораспятии со Христом через разделение страданий других...

Я знаю, что многие люди, оказавшись в ситуации, в которой им казалось, что они потеряли всякую поддержку, обрели в своей душе забытую веру. Сердце христианской веры — в воскресении, в вести о том, что смерть не конец всему, потому что Христос победил смерть. Эта вера воодушевляла апостолов, первых христиан и мучеников, она помогала им противостоять гонениям и смерти. Это великое открытие христианства, которое превосходит нашу логику.

Христос воскрес!

Христос воскрес! Эту волнующую и необыкновенную весть я хотел бы сообщить тем, кто находится на смертном одре. Мы говорили о причине страдания. Сколько чернил было изведено на решение этого вопроса, который всегда занимал философов, поэтов и богословов... Но все эти интеллектуальные усилия не дали однозначного и удовлетворительного ответа на вопрос — откуда взялось зло, страдание и смерть. Как бы то ни было, страдание и смерть составляют часть нашего человеческого бытия, и мы не можем их избежать...

Если не верить в воскресение, смерть, действительно, становится концом всему, уничтожением человеческой личности. Но христианин верит, что человек может преодолеть смерть, потому что Христос уже победил ее. Одному из наших богословов и историков V века Египта принадлежат такие слова: «Смерть, смысл которой не понятен, — это действительно смерть; смерть, смысл которой ясен, — бессмертие». Бог дал нам жизнь на этой земле, но она здесь не кончается. Виктор Гюго сказал, что если человеческое тело обретает в могиле свое вечное упокоение, то душа обретает в ней крылья вечности. Вера в воскресение стала живительной силой для нашего народа. Эта же вера остается действенной и по сей день, и останется такой навсегда для тех, кто хочет следовать за Христом.

Егорка и Петя

18 ноября 2019 г.

Сегодняшний день, понедельник, должен был быть днем домашнего затвора — это когда я совсем не выхожу из своей кельи-квартиры и могу наконец заниматься всем тем, чем трудно заняться в другие дни, в толпе нашего мегаполиса... Моя неделя делится так — в начале пустынь, уединение в тишине кельи, потом полное погружение в гущу толпы. В этот раз день затвора был долгожданным, потому что на прошлой неделе в понедельник я уехал в Италию на кинофестиваль, вернулся в среду, в четверг — престольный праздник, в пятницу — исповедь, а в субботу и

воскресенье, понятно, — службы, исповедь, разговоры, требы, встречи...

Но в середине дня мне позвонили: малыш Георгий родился в четыре утра, и роды были очень сложными. Его реанимировали, потом ввели в искусственную кому в условиях гипотермии. Попросили срочно его крестить. Я, конечно, съездил сначала в храм за миром, затем в реанимацию. Егорка оказался невероятно красивым ребенком, папа — удивительно интересным человеком, известным художником, занимающимся стрит-артом, очень любящим Тарковского.

Слава Богу, успел крестить и миропомазать. Ребенок кажется крепким. Конечно, я тут же вспомнил Петю.

Петю я крестил в начале октября прямо в операционной. Мне позвонили из перинатального отделения детского хосписа и спросили, смогу ли совершить обряд Крещения за считанные минуты. Его страшный диагноз был известен задолго до рождения — анэнцефалия, отсутствие мозга. Родители отказались от аборта, а также попросили не реанимировать ребенка, так как надежд на какую бы то ни было обычную человеческую жизнь не было. Так, надо было успеть покрестить за несколько минут сразу после кесарева сечения.

Должен сказать, что я парень впечатлительный, никогда не присутствовал при родах, боюсь не только операционной, но даже больницы вообще! И все же приготовил все необходимое и, наверное, минуты за две

покрестил, миропомазал и причастил ребенка каплей Крови Христовой на язычок. Петя был еще грязным, покрытым кровью матери. У него, как оказалось, не только не было мозга, но и части черепа — я облил святой водой его личико. За секунду до начала обряда меня вдруг посетило сомнение: какой смысл имеет такая жизнь? Ведь она продлится всего лишь несколько минут. Но Петя смотрел на меня удивительно живыми, казалось бы, огромными темными глазами... Его взгляд меня ободрил, как будто ребенок мне говорит: «Давай, не сомневайся!»

Врачи не знали, будет ли ребенок дышать, но он задышал. Во время обряда мне пришли в голову слова псалма, последний стих Псалтири: всякое дыхание да хвалит Господа (Пс 150:6). Я, конечно, знаю, что «всякое дыхание» здесь означает «все, что дышит, всякое живое существо», — и все же мне стало приятно при мысли о том, что маленький Петя хвалит Господа своим существованием, своей короткой жизнью, телом без мозга, своим легким дыханием... Я знал, что этот ребенок не имеет практически никаких шансов выжить. По окончании обряда мне вспомнились слова песни Симеона Богоприимца, и я молился от имени Пети: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко»...

Как я узнал впоследствии, по законодательству РФ врачи в больнице обязаны реанимировать пациентов. Когда Петя перестал дышать сам, врачи подключили его к аппарату ИВЛ, и он

прожил ровно месяц. Я, конечно, никогда не забуду Петю, его глаза.

И сегодня, во время крестин Георгия, я вспомнил его. Он был где-то рядом, с Георгием Победоносцем, с отцом Георгием Чистяковым, который окормлял тяжело болящих детей...

Петенька! Помоги, пожалуйста, Егорке!

День 16

Я прочел в интернете, что сегодня в Москве заканчиваются ограничения на строительные работы. Боюсь, что и стройка напротив моей кухни может возобновиться в ближайшие дни. Моя кухня — окном на запад, вид из него живописным не назовешь: напротив — две пятиэтажки и ТТК, а на горизонте торчат трубы ТЭЦ. Но я живу на 12-м этаже и благодаря высоте, несмотря на жутковатый вид, каждый вечер летом люблю изумительной картиной заката солнца. А месяца два назад вдруг взялись за «реновацию» — между пятиэтажками выкопали огромный котлован для 24-этажного дома, прямо напротив моего окна... Прощай, закат!

Интересно, что правее, подальше от кольца, строится дорогое жилье — Loft в тихом переулке, который я вижу из окна спальни, — но там стройка не останавливалась: тайны российской жизни...

Строительные работы мне всегда напоминают становление личности. Человек строит здание своей собственной судьбы, и очень многое зависит от него — от проекта, качества материалов, скорости работы, усилий... Апостол Павел довольно часто использует метафору строительства, а в Евангелии от Матфея Иисус примером о постройке дома на скале или на песке заканчивает Свою главную, Нагорную проповедь.

Проповедуя детям и общаясь с подростками и молодежью, я много раз возвращался к идее об осуществлении своей мечты и о неизбежных усилиях для этого.

Поздравление другу-подростку

Дорогой друг!

Это письмо, как ни странно, адресовано в первую очередь мне и содержит то, чего я желаю в Новом Году себе, тебе и всем своим друзьям.

Во-первых, хочу пожелать, чтобы ты смог принять себя, совсем, таким, какой ты есть, полностью. Ведь принятие себя — это первый шаг к мудрости. Каждый человек без исключений создан по образу и подобию Божию — со всеми своими особенностями, сильными и слабыми сторонами. Мы должны быть уверены, что мы — не ошибка природы, не результат случайности и даже не только плод определенного генетического наследия, или воспитания, или истории семьи и собственной жизни. Каждый из нас несравненно больше всего этого: мы — Божии создания, Его любимые дети, даже тогда, когда мы себе не нравимся и хотели бы быть другими.

Когда человек принял себя, смирился, полностью примирился со своей историей, прошлым, характером, внешностью и т. д., тогда он может приступить к главной задаче жизни — к работе над самим собой! И здесь очень важно быть смелым. Жизнь удивительна — любая мечта, даже самая смелая и невероятная, может осуществиться. Много зависит от тебя! Я увидел своими глазами, что невозможное становится возможным, убедился, что жизнь намного удивительнее и интереснее, чем фантазия: о себе могу сказать, что все мои мечты, самые сокровенные и нереальные, полностью реализовались.

У тебя очень много способностей и талантов, очень большой «потенциал». Ты это знаешь и знаешь, что я так о тебе думаю, — это не комплимент, а констатация. Но потенциал может так и остаться потенциалом, может не осу-

ществиться, таланты могут не принести пользы... Это печально, и в своей жизни ты уже успел убедиться, как бывает тяжело, когда способный человек не реализует себя... Чтобы они воплотились в жизни, надо работать, и работа эта кропотливая, длинная и тяжелая. Тут лени нет места. Все великое достигается усилием над собой. Иисус сказал, что Царство Божие берется силой. Любой художник, ученый, спортсмен знает, что без усилий никаких результатов никогда не бывает... Не ленись, друг мой!

Времени в жизни мало. Точнее, его очень много: в сутках 86 400 секунд... Ты представляешь, сколько у нас возможностей каждый день: молиться, надеяться, радоваться, благодарить! И все же — жизнь коротка, и потому очень важно научиться различать главное и второстепенное. Дай Бог тебе мудрость отделить одно от другого!

И последнее. Христианину совершенно необходимо перенести внутренний центр тяжести. Самые мудрые люди, которые мне встречались в жизни, это те, чья внутренняя ось проходит не через их эго, а через душу ближнего. Те, кто вырвался из темницы своего эгоцентризма; те, для кого судьба любого ближнего важна — хотя бы настолько, насколько их собственная. Когда такой человек смотрит на тебя, чувствуешь, что для него на всем белом свете существуешь только ты.

Таким я тебе желаю стать. И пусть 2019 г. будет для тебя заметным шагом в этом направлении.

С Новым Годом!

Твой друг

иеромонах Иоанн

День 17

Позавчера я вспоминал Католикоса Гарегина, а сегодня думаю о самом великом сыне армянского народа — поэте и святом Григоре Нарекаци. В эпоху ожесточенных столкновений и острых конфликтов в обществе и Церкви этот мирный монах выбрал путь непротивостояния, полного отказа от любого насилия. Более того, этот гений духа и поэзии считал, что христианин не только не может участвовать в конфронтации, но должен принять вину своих оппонентов, как свою собственную, взять на себя грех своих врагов...

Уроки миролюбия Григора Нарекаци

В X веке Армения де-факто существовала как вполне независимая от арабского халифата страна, хотя и разделенная на два царства, возглавляемые двумя соперничающими династиями: на севере — царство, собственно именуемое Арменией, во главе с Багратуни, чья столица будет находиться вначале в Карсе, а затем в Ани; на юге — царство Васпуракан во главе с Арцруни со столицей в Ване.

Находясь в таком раздробленном состоянии, страна, начиная с 930 г., вступает в полосу мира и процветания, которая будет длиться целое столетие и даст поразительные плоды как в области культуры, так и экономики. Оба царства процветают, возрождается торговля. Армянские купцы успешно торгуют с Киевской Русью; целые поселения армян возникают в Киеве, Новгороде и других русских городах.

Эпоха княжеской Армении характеризуется также серьезными переменами в жизни Церкви. В X веке по всей стране возникают многочисленные монастыри, которые становятся важными центрами религиозного и культурного возрождения страны: монахи переписывают рукописи, переводят, а также сочиняют собственные произведения, *вардапеты* (то есть архимандриты) занимаются образованием и просвещением молодежи.

Противостояния в Церкви

Но религиозная жизнь проявляется в это время и по-другому: активизируется деятельность сект — павликианской (по имени одного из основателей) и тондракийской (по названию места возникновения секты — села Тондрак в провинции Туруберан).

Обе секты распространялись очень быстро по всем армянским провинциям. Они отрицали существование вечной жизни и отвергали богослужение, таинства, священство и епископство. Деятельность тондракийцев стала причиной нескольких народных восстаний, сопровождавшихся захватом монастырей, разорением церквей и мест паломничества верующих. Против сект подвизаются многие вардапеты и другие духовные лица; среди них был Анания Нарекаци (то есть из города Нарека), основатель монастыря, в котором жил поэт Григор Нарекаци. Тем не менее секта находит сочувствие в некоторых церковных кругах и даже пользуется поддержкой иерархов: известен случай епископа города Харка по имени Акоп, который дважды вынужден был отчитываться перед синодом епископов за связи с тондракийцами и наконец был осужден и лишен сана Католикосом Саркисом I. Очевидно, что симпатии по отношению к секте со стороны час-

ти духовенства должны были сильно обеспокоить Католиков того времени, которые по этой причине прибегали ко всем возможным средствам в борьбе против ересей.

В то же время Армянская Церковь переживает и серьезные внутренние столкновения на уровне высшей иерархии. Раздробленное состояние Армении, выгодное в политическом плане, имеет тяжкие последствия для Церкви. На западе страны армяне соседствовали с греками, за пределами арабского халифата, в землях, которые римляне когда-то называли *Armenia Minor* (Малая Армения), и еще западнее — в городах Себастии, Кесарии и Кападокии — были византийские «темы» (то есть провинции) армян. В этих местах армяне и греки хорошо уживались, часть армянского духовенства находилась под определенным греческим влиянием. Соперничество между двумя династиями отразится и на Церкви, выразившись в противостоянии между антигреческим и прогреческим течениями. В целом северная династия Багратуни будет поддерживать партию антихалкидонитов (монофизитов), а южная династия Арцруни будет защищать интересы прохалкидонитов (диофизитов).

Гений литературы и духа

Именно в это время рождается святой и поэт Григор Нарекаци — время экономического и культурного развития, но одновременно политического и религиозного разделения, сильных конфликтов внутри Церкви. Творчество этого гения литературы и духа становится самым поразительным проявлением культурного возрождения Армении на пороге нового тысячелетия. Он — вершина и гордость армянской литературы, а его «Книга скорбных песнопений» — величайший памятник и одно из высочайших достижений мировой культуры.

В Армении Григора Нарекаци читают, на него ссылаются, им восхищаются, его любят... Для армян он своего рода национальный символ, наивысшее выражение самого «армянства». Блестящий интеллектуал и поэт, Григор в то же время один из тех народных святых, которые близки по духу простым людям. «Способным понять, пожалеть и помочь в житейской беде, совсем “своим” — таким представляется из века в век Нарекаци армянскому народу»¹, — отмечает С. С. Аверинцев. Можно сказать, что Григор для армянской души — то же, что для русской Сергей Радонежский или Серафим Саровский. Но эти два великих русских святых, эти носители национального духа, близкие народу, всем нуждающимся и страждущим, не оставили нам литературных произведений.

Шедевр Григора Нарекаци *Матян-Вохбергютян* — «Книга скорбных песнопений», «Книга трагедии», или *Нарек* (это название монастыря армяне часто используют и для обозначения поэмы Григора), наряду с псалмами станет наиболее читаемой армянами; ее текст считается чудотворным, и его будут использовать для истолкования событий прошлого и предсказания будущего; многие армяне станут класть его под подушку, чтобы отгонять злые силы...

«Гений редко бывает также и святым (самый несомненный пример — Августин); но гений и святой в одном лице, про заступничество которого рассказывали бы в народе такие мягкие по тембру легенды, какие связывает армянская агиография с именем Григора, — это, кажется,

¹ Здесь и далее цитируется предисловие С. С. Аверинцева в книге: Нарекаци Г. Книга скорбных песнопений. М.: Наука, 1988. С. 11–26.

единственный в своем роде случай», — подчеркивает также Аверинцев. И в самом деле, творения Августина и Григора Нарекаци с точки зрения глубины содержания, эмоциональности выражения и изящества формы, а также их значения для истории культуры действительно близки друг другу; однако блаженный из Гиппона, святой-интеллектуал, никогда не пользовался таким широким народным почитанием.

Возможно, в ряду всемирно известных святых ближе всех к Нарекаци стоит Франциск Ассизский. Оба они монахи и поэты, оба жили в период религиозных брожений и экономического подъема своей страны, оба отвечали на духовную растерянность, вызванную деятельностью сект, не враждебным противостоянием, а свидетельством нового образа святости. Наконец, обоих так любит народ, что они оказываются в центре богатой устной фольклорной традиции, породившей многочисленные рассказы и легенды. О «бдящем из Нарека», его детстве, жизни в монастыре, чудесах, происходивших на его могиле или по его ходатайству, армянский народ рассказывает истории, сходные с теми, которые мы находим в «Цветочках», повествующих о «бедняке из Ассизи». Однако те немногие стихотворные строки, которые оставил нам Франциск, хотя и свидетельствуют о его несомненном поэтическом даре, не идут в сравнение с обширным литературным творчеством Нарекаци.

Плеск озерных волн

О жизни Григора Нарекаци известно немного. Он родился около 950 г., по преданию, в семье богослова и книжника Хосрова Андзеваци, автора различных толкований на литургию. После смерти жены Хосров становится епи-

скопом; однако позднее его предадут анафеме по подозрению в ереси — ревностный Католикос Анания, убежденный противник халкидонского учения, не может простить его чрезмерного проэллинизма, доходящего до того, что на родном армянском языке Хосров говорил с греческим акцентом... Впрочем, по мнению значительной части современных исследователей, Григор Нарекаци, сын епископа Хосрова, — лишь тезка великого поэта, его старший современник.

В любом случае не вызывает сомнений, что еще подростком Григор Нарекаци поступает в монастырь деревни Нарек, расположенной на южном берегу озера Ван. Этот монастырь был основан незадолго до этого Ананией Нарекаци, крупным богословом и полемистом. Григор приходится ему дальним родственником и впоследствии станет его учеником. В Нарекской обители Григор по-видимому, выделяется в традиционных для вардапетов занятиях — таких как богословское и литературное творчество, переводы, воспитание послушников. Недаром ему сразу же поручают обучение, правда, сам он называет себя «последним из учителей и младшим из поэтов»: «других поучаю, сам же неопытен; постоянно учась, никогда не достигаю истины познания». В Нарекском монастыре Григор проживет до самой смерти, наступившей, по армянской традиции, в 1003 г., но по мнению современных исследователей — в 1010 или 1011 г.

Таким образом, его жизнь, как и его поэзия, бедна внешними событиями; почти целиком она протекает под защитой монастырских стен, в молитве и в духовных размышлениях, в преподавании и поэтическом творчестве. И главное — в тишине, нарушаемой лишь плеском озерных волн и завыванием ветра.

Крик сердца

Но если внешние голоса, которые он слышал, чаще всего были голосами стихий, то намного громче звучал для него внутренний голос, крик собственного сердца, постоянно погруженного в беседу с Богом и в трагический диалог с самим собой.

Столкновения и противопоставления определяют атмосферу произведений Нарекаци — сравнение, антиномия, контраст лежат в основе его поэтики. Главное содержание поэмы «Книга скорбных песнопений» состоит в трагическом конфликте между стремлением к Богу и пониманием собственной греховности, под тяжестью которой искажается образ Божий в человеке:

Ты упование и свет,
а я — глупость и тьма,
Ты по сути Своей восхваляемое добро,
а я всецело — немощное зло,
Ты — Владыка всего, что внизу, и небес,
я же не властвую над дыханием и душой своей... (83:2)¹.

Только через три века эта поэтика противопоставления найдет столь же великое выражение в стихах итальянского поэта Петрарки.

Нам известно, что Григора Нарекаци подозревали в ереси, об этом свидетельствует его Житие: «Он заботился и пекся о единстве святой Церкви и желал вновь установить и возобновить отвергнутые по нерадению и плотоугодию предводителей правила святой Церкви. Вследствие чего его хулили грубые и жестоковыйные люди и объявляли еретиком».

¹ Здесь и далее цит. по: Нарекаци Г. Книга скорбных песнопений. М.: Наука, 1988.

Обвинения

Некоторые исследователи, основываясь на этих сведениях, сочли, что он симпатизировал учению тондракийцев. Однако вряд ли Григор мог разделять позиции секты: ведь он был учеником одного из ее главных противников и сам являлся автором «Обвинительного послания» против тондракийцев; его многочисленные «Славословия» Богородице и святым и некоторые места из «Книги скорбных песнопений» (где, например, он упоминает святое миро) говорят не только о его полной правоверности, но и о приверженности формам народного благочестия, поставленным под вопрос тондракийцами. Наконец, жития, свидетельства современников, предание и сами писания этого монаха единодушно представляют его человеком мирным, праведным, любящим своих собратьев и погруженным во внутренний поиск духовного совершенства — такой человек никак не мог одобрять действий тондракийцев, которые именно в этот период разоряли и разрушали монастыри и церкви.

Григор, скорее всего, лично не имел никакого отношения к делам тондракийцев, но выдвинутые против него обвинения в ереси могли касаться совершенно другого — его могли подозревать в симпатии к халкидонскому учению. Это предположение находит косвенное подтверждение в другом житии: «Между епископами и вардапетами шла распря по различным вопросам в делах халкидонитов (то есть диофизитов). А блаженный Григор, верно поняв, что это есть бесполезная и пагубная церковная смута, в которой при разномыслии повреждалась здравость учения, увещевал всех быть кроткими душою и миролюбцами, пребывать в любви и единодушии».

Все без исключения Католикосы, которые занимали кафедру Армянской Церкви во время жизни Григора На-

рекаци, либо были свергнуты, низложены по причине симпатии или антипатии к халкидонскому учению, либо сами отказались от престола, либо их правление было очень сложное из-за споров между прогреческой и антигреческой партиями.

Нарекская обитель, по всей вероятности, была основана ок. 935 г. Первые сподвижники основателя Анании Нарекаци — армянские монахи-беженцы из Каппадокии, которые в начале века были вынуждены покинуть Византийскую империю. Они жили по уставу Василия Великого и, вероятно, во всем были подвержены греческому влиянию, что и объясняет обвинения в диофизитстве, также адресованные Григору.

Нам доподлинно не известно, был ли Григор Нарекаци сыном прогреческого епископа Хосрова Андзеваци, но, как бы то ни было, он не мог не знать о столь серьезном событии, как отлучение епископа по подозрению в ереси. По-видимому, он также знал (если не являлся непосредственным очевидцем), что в конце жизни его учителя и основателя монастыря Ананию Нарекаци Католикос заставил против его воли открыто проклясть секты.

Жареные голуби

Выдвигавшиеся против Григора обвинения в ереси были, вероятнее всего, вызваны завистью со стороны его собратьев или других духовных лиц. Какими бы ни были причины, стоявшие за этим тяжким обвинением, оно было воспринято всерьез рядом епископов и князей, которые после специальной встречи решили направить своих представителей, чтобы допросить обвиняемого. Согласно различным житиям Григора и устной армянской традиции, вардапет весьма любезно принял гостей и предложил

им разделить с ним трапезу. Когда он захотел угостить их парой жареных голубей, посланцы епископов не без ехидства напомнили ему, что день этот постный, пятница. И тогда, попросив прощения за то, что он забыл о посте, Григор повелел голубям улететь: птицы ожили, заново оперились и на глазах у ошеломленных гостей взмыли в небо. Так Григор, даже не вступая в спор с обвинителями, показывает им свою святость, сотворив чудо, которое не лишено и юмора.

Если исключить фольклорный колорит, рассказ, вероятно, достоверно свидетельствует об одной присущей святому духовной черте. В ту эпоху напряженных религиозных споров нежелание защищаться, отказ от участия в распрях и сохранение любви к противникам и даже обвинителям, несомненно, вызывали подозрение и были опасны. Отказ Григора от участия в насилии, пусть даже только словесном, по отношению к тем, кого он, наверное, считал еретиками, не мог не вызывать недоумение. Линия поведения Григора среди бурных богословских споров по вопросу о еретиках предельно ясна: он следовал учению и законам своей Церкви, но не забывал о том, что главное в учении и главное в законе Евангелия — это любовь, даже к врагам. И чтобы понять, насколько эта «просто евангельская» позиция опережала свое время, пусть и по прошествии десяти веков христианства, достаточно вспомнить, что для защиты правоверия значительно позже — в конце XII века — Католическая Церковь учредит инквизицию, а в Великую пятницу 1682 г. Русская Церковь пошлет на костер инакомыслящего протопопа Аввакума...

Чтобы оставаться непричастным злу, когда оно тебя окружает, нужна большая нравственная сила; в определенном смысле человек должен отстраниться, отделить себя от окружающей его враждебности. Чтобы не защища-

ться, когда твой же брат на тебя нападает, нужна еще бóльшая нравственная стойкость. Но Григор Нарекаци в своей книге показывает нам не просто удивительное миротворчество, а гораздо более высокую степень «праведности».

Трагедия

Литературный памятник Григора Нарекаци — эта внутренняя драма (не будем забывать, что название поэмы может быть переведено и как «трагедия»), исповедь человека, который обладает необычайно острым чувством греха, но в то же время уверен в безграничной милости Божией. Однако эта исповедь, которая, казалось бы, обязательно должна быть интимной, не замыкается на личности поэта, но выходит за ее пределы. Острейшее чувство собственного ничтожества, кажется, даже исключает поэта из человеческого сообщества:

Никто не виновен так, как я,
никто так не грешен,
никто не распутен,
никто не безрассуден,
никто не злодей...
...только я один, я — и больше никто!
Все это я, все грехи — мои! (72:2).

Именно потому, что совесть говорит Григору, что он — худший из людей, который несет в себе грехи всех («грехи всех во мне»), он имеет право быть рядом с каждым человеком, чтобы молиться вместе с ним.

Причислив себя к заслуживающим наказания,
со всеми вместе молю о милосердии:
вместе с униженными — и с несмелыми,
вместе с немощными — и с малыми,

вместе с падшими — и с презренными,
вместе с изгнанными — и с возвратившимися к Тебе...
(32:1).

Более того, поскольку он — самый недостойный из людей, поэт вправе не только молиться со всеми, но и, некоторым образом, быть представителем всего человечества, а его поэзия становится голосом скорби каждого человека:

Отчужденный от веры, отстраненный от причта,
нечистый в святости, в непорочности — скверный...
Хоть обладаю я всеми земными грехами,
сам я — молящийся Богу посланец мира всего (28:2).

Поэт чувствует себя представителем человечества, а это свидетельствует о его необыкновенно глубоком религиозном сознании — ведь эта жертвенность есть признак уподобления Христу. Уподобление Христу не есть высокомерие; в сущности, оно и есть главное в жизни каждого верующего и исполнение слов апостола: *Радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь* (Кол 1:24).

Таким образом, краткий анализ поэтического шедевра Григора Нарекаци, как и знакомство с некоторыми обстоятельствами его жизни и эпохи, говорят нам об одном и том же: в контексте сильного противостояния и конфликтов в жизни Церкви он не только не участвовал в общем насилии, не только принципиально не защищался, но и, по-видимому, считал своим христианским долгом взять на себя грех своих братьев.

Праведник

Один из мучеников за веру во времена СССР священник Павел Флоренский считал, что евангельская готовность

«положить душу за друзей своих» является врожденной особенностью, присущей личности *праведника*. Он писал: «Были праведники, которые с особой остротой ощущали зло и грех, присутствующие повсюду, и в своем сознании не отделяли себя от этой поврежденности мира; с огромной болью они брали на себя ответственность за грех всех людей, как будто это был их личный грех, движимые неодолимой силой, заключенной в необычной структуре их личности».

Григор Нарекаци был не только гениальным поэтом — он был праведником и со всей ответственностью относился к словам Господа: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин 15:13). Его поэма о страдании и боли человеческой души, предстоящей перед Всемогущим Богом, будет на протяжении многих веков служить утешением для множества армянских мучеников вплоть до бесчисленных исповедников «Великого Злодеяния» 1915 г. — геноцида армянского населения. Через тысячу лет после ее создания она остается неисчерпаемым источником для глубоких раздумий каждого, кто пытается понять себя, кто переживает собственную греховность и с удивлением и любовью предстоит перед лицом Божиим.

День 18

В продолжение вчерашних размышлений о судьбе Григора Нарекаци — монаха и поэта — я задумался о том, что для каждого призвание, как найти его, как ответить на призыв Господа. Об этом я много говорил с молодежью — нашей приходской и не только. В молодости люди ищут свое призвание, иногда эти поиски могут быть трудными и даже мучительными. Евангелисты нам приводят множество рассказов о призвании апостолов и других людей и тем самым дают пример того, как отвечать на Божий призыв.

Множество призваний человека¹

В Церкви призвание человека понимается по-разному. Часто, например, говорят о монашеском призвании, о священническом или, допустим, о призвании к супружеской и семейной жизни. Но все это только одна грань этого понятия, довольно узкая.

Если в более широком смысле попытаться понять, что такое призвание, то самое первое, как мне кажется, — это призвание к жизни. Бог нас создал — тем самым «призвал к жизни», из небытия в бытие — именно так объясняется творческий акт Создателя, эти слова встречаются и в Библии, и в литургических текстах. В Книге Бытия, сразу после создания первого человека, Адама, Бог дает ему поручение — возделывать и охранять окружающий его мир. Так призыв к жизни сразу сопровождается конкретной за-

¹ Беседа с приходской молодежью храма свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине в октябре 2018 г.

дачей: встать во главе всего тварного мира. Поэтому Адам дает имена всем животным — это означает, что он находится во главе всего мироздания. Таким образом, самое первое призвание — это жить, быть Человеком. Кстати говоря, это уже достаточно сложная задача.

Бог нас создал и дал нам какие-то способности. Каждый призван к тому, чтобы осуществить, реализовать их. Психологи говорят, что человек обычно реализует в жизни всего лишь малую их часть, а Бог нас призывает раскрыться полностью.

В Евангелии есть притча о талантах (см. Мф 25:14–30). Талант — это весовая единица древности, а также денежный знак. Уезжая в длинное путешествие, один господин доверяет свои имения рабам: одному дает пять талантов, другому два, третьему — один. Первые два раба правильно размещают капитал и получают прибыль; третий прячет свой талант, зарывает его в землю. После возвращения господин требует отчета и спрашивает этого раба о причине его поведения: закопал ли талант в землю оттого, что ему было страшно потерять этот единственный? Господин спрашивает этого раба очень строго, как будто он сделал что-то неправильное, и он действительно ошибся: он не украл, не присвоил себе и не потерял этот единственный талант, но он не дал никакого плода. Притча нам показывает, что человек призван отчитываться в том, как он использует свои таланты, развивает ли он свои способности.

Я очень люблю стих из Книги пророка Иеремии, когда Бог творит пророка: *Прежде, нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя. И прежде, нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя* (Иер 1:5). В этих словах содержится удивительная идея о том, что есть Божий промысел в жизни каждого из нас. Он был всегда, он не появился в какой-то момент, допустим, с зачатия, когда наша жизнь на-

чалась в утробе матери, — он был еще раньше. Замысел Божий по отношению ко мне не имеет ни начала, ни конца, он всегда существовал и будет жить в вечности, даже независимо от того, следовал ли я этому замыслу или нет.

Апостол Павел в Послании к Ефесянам говорит так: *Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивший нас во Христе всяким духовным благословением в небесах, так как Он избрал нас в Нем прежде создания мира...* (Еф 1:3–4). Вот как интересно! Бог избрал нас во Христе прежде создания мира. Это призвание с большой буквы: не просто что-то скромненькое и ограниченное, а Призвание в гораздо более широком смысле. Жизнь человека есть не что иное, как постепенное осознание этого призыва, замысла Божия, который уникален, неповторим и предвечен.

В этом же послании апостол говорит, что Бог Отец открывает нам *тайну Своей воли по Своему благоволению, которое Он прежде положил в Нем* (то есть во Христе. — иером. И.), *в устройении полноты времен, дабы все небесное и земное соединить под главою Христом* (Еф 1:9–10). Что же это означает? Апостол Павел это объясняет в другом послании, к Римлянам. Здесь он говорит, что *любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу. Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями* (Рим 8:28–29). Все это значит, что мы призваны быть сынами и дочерьми Божиими — вместе со Христом и во Христе. Это первое призвание. Но оказывается, это планка очень и очень высокая...

Второе призвание, как мне кажется, это призвание к вере. Это та самая Встреча, о которой говорил постоянно владыка Антоний Сурожский, создавший целое «богосло-

вие Встречи». Что такое Встреча с Богом? Она не обязательно совпадает с нашим рождением и может произойти позже. Часто решение о крещении принимают родители, и ребенок в нем не участвует; но даже когда креститься решил взрослый человек, свободно и сознательно, — это не обязательно означает, что для него эта Встреча состоялась. Есть миряне, а также священники и монахи (увы!), у которых она явно еще впереди. Они — «профессиональные священники», «профессиональные монахи», «профессиональные верующие», но становится очевидно, что в их жизни Встречи, увы, не было. Ведь последствия этого события ясны: человек, обратившись, начинает совершенно по-другому относиться к Богу, к окружающим и к себе самому — и по его поведению это сразу видно. Вот, пожалуй, второе значение призвания: Бог нас призывает к жизни, а потом еще и к вере. После Встречи человек рождается заново. Вся символика крещения в этом: погружение ребенка или взрослого в воду символизирует его смерть. Вода в Ветхом Завете означает зло, исход из воды — это новое рождение.

А затем есть специфическое, определенное призвание: монашеское, священническое и самое распространенное — жить семейной, супружеской жизнью. Последнее — тоже призвание, ведь это Бог приводит мужчин и женщин к совместной жизни, а эта жизнь имеет свои характеристики, которые отличают ее, скажем, от монашеской. В Книге Бытия читаем: *И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их* (Быт 1:27). Вначале говорится про образ Божий и потом — про принадлежность к полу. Может быть, это говорит нам о том, что быть женщиной или мужчиной — это тоже призвание? И дальше: *И благословил их Бог*

и сказал: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю (Быт 1:28). Вот снова: призвание — и сразу задача.

Все рассказы о пути апостолов или других людей, которых призывает Иисус, всегда показывают, что Он ставит перед ними задачу: кому-то проповедовать, кому-то совершать чудеса, кому-то просто следовать за ним — и это тоже призвание. А в Ветхом Завете, когда Бог призывает пророков, — им тоже дается какое-то конкретное задание. Человек, кстати, может по-разному относиться к полученному: иногда ему страшно, он не хочет, сопротивляется, а иногда сразу понимает, что для него это — счастье.

Возвращаясь к теме призвания мужчины и женщины — Бог сотворил женщину, привел ее к супругу и сказал ему, что это кость от костей его, плоть от плоти его. И добавил: *Потому оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть* (Быт 2:24, ср.: Мф 19:5–6, Еф 5:31). Здесь выражается призвание к супружеской жизни, оно уникальное и состоит в том, что эти два человека, муж и жена, — уже не два, а одна плоть. Это потрясающе, удивительно! Они призваны преодолеть свой эгоизм, чтобы стать *одним*. Обычно, согласно стандартному представлению, монах — это человек, который отказывается от своего эгоизма, живет ради Господа и ближних, постится, соблюдает все молитвенные правила. Но не менее трудно и такое призвание: быть единым с другим человеком — это требует такой отрешенности от себя, способности преодолеть свой эгоцентризм...

Монашеское житие — это тоже, безусловно, одно из призваний. Его корни мы явно видим уже в Священном Писании. Иисус сказал богатому юноше: *Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф 19:21). Монах — это как раз человек, ко-

торый отказался от всего, в буквальном смысле продал свое имение и оставил все. В Евангелии есть и другие слова, относящиеся к монашеству, и в них мы видим удивительную симметрию с Книгой Бытия. Выше я процитировал: *Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей* — то есть человек оставляет отца и мать для того, чтобы быть с женой. Монах тоже оставляет отца и мать, но он остается один. И об этом сказано: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф 10:37). Эти слова относятся ко всем, но прежде всего к человеку, который выбрал путь монашеской жизни — любить прежде всего Бога, чтобы для тебя никто и ничто на земле не стал больше, чем твоя любовь к Господу.

Есть в Евангелии и другие, более жесткие слова: *...Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником* (Лк 14:25–26). Конечно, нужно сразу объяснить правильный смысл этого «возненавидеть»: в еврейском языке есть только два глагола чувств — любить и ненавидеть, других нет, и потому «возненавидеть» нужно понимать не в буквальном смысле. Можно сказать иначе: «Если человек приходит ко Мне и любит отца своего и мать свою больше, чем Меня; и жену и детей своих больше, чем Меня; братьев и сестер больше, чем Меня; и если он любит саму свою жизнь больше, чем Меня, то он не может быть Моим учеником». С другой стороны, когда апостол Петр, несколько смущенный после таких слов, спросил: *Мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам?* (Мф 19:27; Мк 10:28), Иисус ему ответил: *Всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или*

мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную (Мф 19:29). Вот это — точная фотография осуществленного монашеского призвания.

Есть священническое призвание. Помните, когда Иисус выбрал двенадцать учеников и послал их проповедовать и исцелять болящих? *Сих двенадцать послал Иисус, и заповедал им, говоря: ...проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное; больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте (Мф 10:5, 7–8).* Мне кажется, суть священнического призвания в том, чтобы помогать людям пережить ту самую Встречу с Богом. Что такое таинства Церкви? Таинства — это и есть Встреча с Богом, а священник, совершая их, тем самым дает возможность этой Встрече состояться. Поэтому пастырем должен быть человек, благодаря которому ты чувствуешь: «Бог тебя любит, Бог тебе Отец, а ты — Его сын или дочь». Это человек, который щедро раздаривает всем милосердие, прощение. В этом, например, смысл исповеди. Священник дает почувствовать, что Бог меня прощает, Он всегда готов меня принимать. Представьте себе, человек пришел на исповедь, а священник начинает его расспрашивать: «А ты делал это или не делал? Ах ты! Ну теперь сорок дней будешь класть поклоны и не сможешь даже заходить в церковь, не то что причащаться». Какой это священник?

Слово «призвание» имеет и более узкое значение — профессионального выбора, особенно когда назначение профессии — служить людям, как это делают, скажем, врачи, спасатели, учителя, воины. Эти люди жертвуют собой, посвящают свое время и силы помощи другим. Иногда профессия предполагает особый дар, творческий

талант, данный Богом. Художник или любой другой человек, занимающийся творческой деятельностью, призван Им, Который дал ему особый талант. Также труд ученого и даже бизнесмена — это творческий труд, предполагающий особый талант, требующий самоотдачи! А если посмотреть еще шире, я считаю, что любую работу можно переживать как призвание, ведь даже самая простая задача может быть воспринята человеком так, хотя бы потому, что это служение.

Еще добавлю одно соображение. Как я уже говорил, у Андрея Тарковского есть семь разных по жанру фильмов, но сюжет — почти всегда один и тот же: главный герой в поисках себя идет в какой-то неведомый ему мир, совершает некое путешествие: буквальное, как в «Сталкере», «Солярисе» или «Ностальгии», либо иносказательное, как в других фильмах. Путешествие — это определенный архетип в литературе, когда герой покидает то, что ему привычно, зачастую по зову, призыву извне, исходит из того мира, города, из места, где он родился, которое он хорошо знает, и идет в чуждое: туда, где ничего ему не принадлежит, туда, где все ему непривычно. Но именно в этом чужом для него мире он находит себя.

Мы находим примеры призыва отправиться в путь и в Писании: Авраам и Моисей должны были выйти из своей земли. Христос призывает Апостолов и говорит: «Следуйте за Мной!» — то есть: «Оставь все привычное и родное, встань и иди за Мной». Самое поразительное в евангельских рассказах о призвании апостолов — это то, что они без всякого колебания, немедленно, сразу же бросают все и идут за Господом. Например, братья Симон и Андрей, которых Иисус призывает на берегу моря, когда те ловят рыбу; *...тотчас, оставив сети, последовали за Ним (Мф*

4:20; Мк 1:18). Еще интереснее случай с другой парой братьев — Иоанном и Иаковом, которые в лодке собирали сети вместе с отцом Зеведеем. Представьте себе сцену: сидит пожилой отец в лодке со своими сыновьями, проходит мимо посторонний человек и говорит его детям: *Следуйте за мной. А те ...тотчас, оставив лодку и отца своего, последовали за Ним* (Мф 4:22; Мк 1:20). Вообще-то это жестоко по отношению к бедняге Зеведею... Но Иоанн и Иаков иначе поступить не могут — что-то в их сердце побуждает их сразу же следовать за Иисусом. Во всем Священном Писании тема путешествия в ответ на призыв доминирует, не только Авраам оставляет свою землю. Исход, например, означает, что весь народ по зову Бога идет через пустыню в сторону Земли обетованной. В Новом Завете Иисус говорит, что добрый Пастырь *выводит* овец — и это не случайно, этот образ повторяется. Пастырь идет, а овцы — за Ним.

Совершать внутреннее путешествие — значит уходить от того, что тебе родное, что ты знаешь, а иногда от того, что ты любишь, — и идти к неизвестному: куда, с кем, кому навстречу? Самое интересное, если копать еще глубже, мы можем задаться вопросом: что такое христианство? Это Боговоплощение, то есть факт: Бог стал человеком. Это означает, что Он тоже, так сказать, вышел из того, что Ему свойственно... Сын Божий ради любви к нам изменил жизнь, которую Он хорошо знал, которая была ему привычна — внутреннюю жизнь Пресвятой Троицы: Бог Отец, Сын и Святой Дух. Из любви Он пришел к нам, стал одним из нас. Отец Александр Мень говорил, что человеку исключительно чистому чрезвычайно сложно идти к тому, что не является таковым по определению. И настолько Сыну Божию, должно быть, было трудно спускаться к нам...

Картонные поручи

Сегодня мой друг Илья послал мне видеосообщение, где он играет для меня на скрипке, с пожеланиями быстрого выздоровления. Оно меня очень обрадовало в моем... санитарном затворе! Илюша и раньше мне посылал свои клипы и видеосообщения, например — перед Страстной седмицей, на Лазареву субботу. Ему семь с половиной лет, он сын нашего алтарника, и у него одна мечта — он хочет стать священником, точнее, иеромонахом. Об этом он мне говорил уже не один раз. Я знаю, что у него дома своя часовенка и свои облачения — фелонь и епитрахиль из покрывал, картонные поручи из молочных пакетов — и он уже репетирует, как будет служить и проповедовать... Тогда он спросил меня, как еще ему можно готовиться, и в ответ я написал ему письмо.

Письмо 7-летнему другу

Лазарева суббота, 11 апреля 2020 г.

Дорогой мой друг!

Сегодня — Лазарева суббота. Иисус и Лазарь были друзьями, поэтому сегодняшний день, в некотором смысле, — праздник настоящей дружбы и всех друзей. В том числе — и наш с тобой праздник!

Я очень рад, что ты мне послал свое видеосообщение. Я знаю, что ты мечтаешь о том, чтобы стать иеромонахом, — ты мне об этом говорил в храме. Я очень серьезно отношусь к этому потому, что помню, как все складывалось для меня. Ты понимаешь,

что быть священником или монахом — это не профессия. Любую профессию человек выбирает сам для себя, а здесь происходит противоположное — это Бог выбирает Себе человека, призывает его служить Ему. А это может произойти в любом возрасте!

Хочу поделиться с тобой своим секретом. Я всегда, сколько себя помню, любил храм и богослужение. С раннего детства помогал в алтаре, а когда мне было 7 с половиной лет (ровно столько, сколько тебе!), учительница нам задала сочинение «Кем я хочу стать, когда вырасту». Я написал, что, конечно, хочу стать священником и обязательно им стану.

Потом прошло очень много времени, и в моей жизни, как в жизни каждого человека, было очень много всего — и радости, и скорби. Я получил высшее образование, жил в разных странах, выучил несколько языков, преподавал в разных университетах, написал несколько книг... И в какой-то момент, будучи уже взрослым, я почувствовал совершенно ясно, что пришло время — Бог призывает меня служить Ему и людям в качестве священника и монаха.

Вот почему, дорогой мой юный друг, твое желание для меня вполне серьезно.

Запомни: в жизни обязательно сбываются самые невероятные и сокровенные мечты!

Об этом сказал архангел Гавриил Богородице: У Бога не останется бессильным никакое слово! Никогда не верь, если тебе скажут, что есть мечты неосуществимые; они все реализуются при одном условии — если не будешь в них

сомневаться и станешь за них бороться всеми силами.

Ты спрашиваешь, как тебе готовиться. Все очень просто, друг мой. Тебе надо любить Бога всем сердцем, всем умом, всеми силами. И любить всех своих ближних, начиная, конечно, с папы и мамы. Вот и все! Но любить означает служить: пример тому нам показал Иисус, когда умыл ноги своим друзьям-ученикам, а священник является как раз таки служителем.

Так, дорогой Илюша! Верь в красоту своей мечты! Люби Бога и ближних... и все осуществится! Я о тебе молюсь.

Твой друг
иеромонах Иоанн

А это я написал маме Илюши:

«Дорогая Е.! Светлая мечта Илюши — замечательная вещь и что-то большее, чем просто детская фантазия. Думаю, каждая христианская мама, видя такие светлые желания своего ребенка, может, как Пресвятая Богородица, *сохранять все слова сии, слагая в сердце своем* (Лк 2:19). Это замечательная тайна — становление личности, и на родителях — огромная ответственность быть хранителями этой тайны!»

Р.С.: Только позднее я сообразил, что следующий день после этого письма — Вербное воскресенье, как раз годовщина (уже десятая!) моего рукоположения. Об этом я не думал, когда писал Илюше. Как все промыслительно!..

День 19

Итальянская пресса пишет, что, если Папа Франциск заболит коронавирусом, у него будет совсем немного шансов выжить — ведь у него только одно легкое. Зная это, еще больше впечатляют сцены, которые транслировались в прямом эфире во время локдауна и Великого поста — например, 15 марта, когда он один, пешком по безлюдным улицам Рима, совершил паломничество к распятию, которое спасло Вечный град от эпидемии чумы в 1552 г., чтобы молиться о прекращении COVIDa. Или 27 марта, когда под сенью этого же распятия он совершил богослужение в полном одиночестве на огромной, совершенно пустой площади Святого Петра под мартовским проливным дождем.

Папа Франциск — настоящий человек молитвы, и эти сцены, когда он, совсем один, молился Богу обо всем народе, хорошо иллюстрируют, что означает слово «предстоятель». Он очень смелый человек, не щадит себя и не боится за собственное здоровье. В своей попытке очистить Римскую курию от коррупции и всяких интриг он сталкивается с мощнейшей оппозицией, но не сдается. С самого начала понтификата он себя позиционирует прежде всего как «епископ Рима» и фактически не использует такие традиционные средневековые папские титулы, как «верховный понтифик» или «наместник Христа», и это, конечно, хорошо.

Но основная его характеристика — он настоящий пастырь, и главная его забота — о людях. Отсюда его приоритетная, постоянная память о нищих, обездо-

ленных, болящих и всех, кто оказался на обочине общества. Следуя примеру своего небесного покровителя, сам отказался не только от всякой роскоши и многих традиционных папских атрибутов, но даже от своей резиденции и со дня избрания все еще продолжает жить в простом номере «Дома святой Марфы» — небольшой гостиницы в самом Ватикане, где кардиналы останавливаются во время конклава, собрания для избрания очередного Папы. Полтора года назад Папа Франциск оборудовал небольшую поликлинику прямо под колоннадой площади Святого Петра для бездомных Рима — рядом с бесплатными душевыми и парикмахерской, которые он давно открыл для тех же «клиентов». Вот теперь говорят, что лучшее место, чтобы надежно и быстро делать мазок или другие анализы для выявления коронавируса в Риме, и есть бесплатная папская поликлиника для «бомжей»...

Если говорить объективно, то понтифики второй половины XX и начала XXI века выделяются на фоне предыдущих: они видные богословы, глубокие молитвенники, добрые пастыри и удивительные личности. Надо сказать, что так было далеко не всегда в истории католичества. Бывали темные времена, иногда и довольно продолжительные, когда духовный и нравственный уровень священноначалия оставлял желать лучшего. Но вот непредвзятому взгляду историка очевидно, что все без исключения Папы, которые занимали Римскую кафедру с начала 60-х годов XX века, оставили глубокий след и добрую память о себе. Они совершенно разные, и самая харизматичная личность из них, безусловно, — Иоанн Павел II. Я с ним встречался несколько раз в Риме, и мы даже говорили по-русски. По слу-

чаю его канонизации Католической Церковью я написал о нем небольшой текст.

Исповедь у «бомжа»: о Иоанне Павле II¹

Когда умер Папа Иоанн Павел II, газеты на Западе сразу стали писать о том, какие у него были «рекорды». Он — первый Папа не из Италии после 455 лет понтификата Пап-итальянцев, и вообще первый Папа-славянин. Его правление — одно из самых длинных в истории, третье или второе, кажется, по продолжительности. Папа Иоанн Павел II — один из самых молодых Пап на момент избрания: он занял кафедру, когда ему исполнилось 57 лет. Он инициатор Международного дня молодежи, который стал устраиваться регулярно, раз в два-три года, и эту традицию продолжили его преемники.

Иоанн Павел II много путешествовал. Журналисты подсчитали, сколько он совершил паломничеств и визитов, и даже измерили преодоленное им суммарное расстояние — оно не меньше, чем от Земли до Луны. Иоанн Павел II — безусловно, самый спортивный Папа. Он катался на лыжах, любил плавать. Известно, что он отправился к морю прямо после своего избрания. Никто его еще не знал в лицо, и он взял и поехал на пляж под Римом, чтобы вволю поплавать.

Далее. Иоанн Павел II канонизировал в полтора раза больше святых, чем его предшественники за последние

¹ Статья вышла на сайте «Правмир» 16 мая 2014 г. под названием «Друг из России, исповедь у «бомжа» и другие штрихи к портрету Иоанна Павла II».

четыре века. Вот такой «рекордный» Папа. Еще очень важно, что через него Церковь покалась за ошибки прошлого. Он попросил прощения за крестовые походы у православных и у мусульман, признал, что Церковь слишком строго осудила Лютера, Галилея и многих других. Впервые в истории первоиерарх от имени всей Церкви покался в огромном количестве серьезных ошибок, совершенных Католической Церковью, о которых говорил совершенно честно: да, вот здесь переборщили, если так можно сказать, здесь перестарались, здесь вообще человека не поняли, здесь просто ошиблись...

Безусловно, Иоанн Павел II — какой-то беспрецедентный Папа по очень многим параметрам, и об этом тоже писали газеты после его смерти. Но это чисто журналистский подход. Я встречался с ним несколько раз. Я тогда уже жил в России, но не был еще клириком Русской Православной Церкви. Он очень интересовался тем, как живут здесь и католики, и православные.

Сегодня мне бы хотелось подчеркнуть несколько, на мой взгляд, важных моментов, хотя они и являются менее сенсационными. Прежде всего, Иоанн Павел II сыграл первостепенную роль в истории XX века. Если он и не персонаж номер один (а я считаю иначе), то все же тот, кто больше всех повлиял на ход событий и определил историю нашего континента, во всяком случае — во второй половине минувшего столетия.

Европа перед его избранием и та, какой мы ее видим уже после его смерти, — совершенно непохожи друг на друга. И в этих событиях, пожалуй, главную роль сыграл именно он. По примеру деления Европы на два блока делился и весь мир: капитализм и коммунизм — прямое противопоставление двух систем, экономических, идеологических, политических и т. д. В эпоху «холодной войны»

не было открытых военных действий между этими блоками, но нам было очень мало известно друг о друге. И вдруг в конце 70-х годов Католическая Церковь избирает Папу именно из Восточной Европы. Тут важно не то, что он славянин, а то, что он является частью мира, неизвестного западным людям и вообще Западу в широком смысле, в том числе Америке, Японии и т. д.

Когда Иоанн Павел II был избран, я еще жил в Италии, учился в лицее, но сразу после этого поступил в университет в Швейцарии. И помню, как в первой половине 80-х годов кто-то сказал: «Вот теперь мы можем говорить именно о Европе, о нашей идентичности как европейцев». И действительно, после русской революции говорить о нашей общей европейской идентичности фактически было невозможно. Вот это — самое главное изменение. И первое, что, как мне кажется, стоит подчеркивать.

Но стоит задуматься и о «внутреннем» значении понтификата Иоанна Павла II для Церкви, в частности для Католической Церкви. Церковь, которая имеет смелость просить прощения, — это что-то новое. Такого раньше не было. Безусловно, надо вспомнить, что на богословском уровне это было сделано во время II Ватиканского собора: Католическая Церковь пересмотрела очень многие свои позиции и со смелостью и честностью стала заново строить свое отношение к Православию, инославия, другим религиям, а также к светскому обществу.

Хотя все эти вопросы и были рассмотрены на богословском уровне, они оставались уделом богословов, профессионалов. А тут — первоиерарх, который рассуждает о них от имени всей Церкви публично. Конкретные перемены в повседневной жизни Католической Церкви произошли именно за время понтификата Иоанна Павла II. В результате сегодня рядовой католик, мирянин, позиционирует

себя по отношению к окружающему миру по-другому, более открыто; любой прихожанин открыт к диалогу. Одним словом, Папа Иоанн Павел II помог простым католикам осознать себя и действовать в соответствии с богословием II Ватиканского собора. Это второй момент, который мне представляется чрезвычайно важным.

Как ни удивительно, курс на такую открытость содержится в словах Иоанна Павла II, произнесенных в самом начале его понтификата — на мессе интронизации. Он обратился к людям с призывом, который может стать эпиграфом ко всему его понтификату: «Не бойтесь!» И далее: «Откройте, распахните двери Христу!» Также он предложил открыть границы — границы государств, экономических и политических систем, начать диалог Церкви с миром культуры и т. д. Все это — самая первая месса его понтификата, и сказанное по-настоящему стало его программой.

Люди часто задают вопрос: кем он был — прогрессистом или консерватором? Дать однозначный ответ очень трудно. По многим критериям Иоанн Павел II был прогрессистом: он вел диалог со всеми, особенно в сфере внешних отношений Церкви: Церковь и мир, Церковь и культура, Церковь и политика и т. д. Что же касается внутренней жизни Католической Церкви, он скорее был консерватором. В вопросах морали, нравственности, внутренней структуры Церкви Папа, безусловно, занимал охранительную позицию. Именно тот факт, что невозможно четко определить, в одном лагере человек или в другом, без всякого сомнения, говорит о величии Папы Иоанна Павла II.

Еще мне бы хотелось затронуть несколько моментов. В первую очередь отношения Папы с Россией, и это сложная тема. Хотя для меня Иоанн Павел II — личность первого плана, во многом — пророческая, политику Католической Церкви в России при нем я считаю слабой страни-

цей его понтификата. Может быть, его польские корни сыграли здесь свою роль — и причиной тому история двух стран, в которой нередко случались и противостояние, и множество трагических событий.

То же касается и греко-католиков — униатов. Папа лично знал многих из них в Польше и, безусловно, был на их стороне. Когда появились гласность, свобода слова, открытость в России и в странах бывшего СССР, тот факт, что греко-католики чувствовали поддержку Папы, сыграл определенную роль, к сожалению не всегда положительную. Конечно, после войны на Украине они пережили ужасные притеснения, и по окончании эпохи советского авторитаризма, без всякого сомнения, надо было что-то предпринять. Сомнений нет, греко-католики имели и имеют полное право на существование, понятно, что им необходимо было вернуть храмы — те самые храмы, которые раньше отбирали. Но во многих местах они стали их брать штурмом, ни с кем не договариваясь, и очень многое из того, что было сделано, не согласуется с христианской этикой.

Что касается России и непосредственно Православия, то и тут польские корни Папы сыграли непростую роль. В первой половине 90-х годов я лично убедился в том, что многие католики, прибывавшие из Польши, Словакии и других стран в Россию, мыслили в духе, не соответствующем II Ватиканскому собору. Они хотели заново создать структуры Католической Церкви, но делали все с большой пышностью, как будто для огромной общины. А община в тот момент была совсем немногочисленная.

Есть еще две вещи, которые для меня очень важны, когда я думаю об Иоанне Павле II как о человеке, христианине и понтифике. Во-первых, это его отношение к болезни. В начале понтификата все увидели Папу-спортсмена, молодого Папу. Но его понтификат длился 27 лет.

Потом, как известно, у него началась болезнь Паркинсона. Я часто думал: ну почему же он не уйдет на покой (как потом это сделал его преемник — Бенедикт XVI)? Должен сказать, что тогда не мог этого понять: он человек настолько открытый, вполне мог бы так поступить. Но он этого не сделал! — зато он дал всему миру пример редкого достоинства в болезни и немощи. Именно достоинства, когда человек пожилой и болящий не боится предстать таким перед всем миром. Это была настоящая икона человека, который принимает выпавшие на его долю страдания с огромным достоинством.

Я думаю, что это — как раз одна из самых сильных страниц его биографии. Хотя, повторяю, я не разделял его позиции и думал, что в такой ситуации было бы лучше уйти на покой. Но он принял решение по совести, ровно так же, как Бенедикт XVI по совести принял противоположное. И тому и другому надо воздать хвалу за то, что оба они проявили удивительную смелость и смирение. Что же касается Иоанна Павла II, замечательно то, что очень многие пожилые и болящие люди увидели в нем убедительный пример. Не надо забывать, что наше общество все больше и больше становится обществом пожилых, которые составляют значительную часть населения. Мы сталкиваемся с проблемой: как с достоинством принять старость, преклонный возраст, понести болезнь. И Папа Иоанн Павел II показал как.

И самое последнее.

Есть еще одна простая и замечательная, но совсем малоизвестная история об Иоанне Павле II, которую я знаю из абсолютно достоверного источника — со слов человека, который пережил эти события лично. Ее почти никто не знает, но мне бы хотелось, чтобы она стала известной.

А история следующая: один мой близкий друг, молодой католический епископ, в какой-то момент получил приглашение на обед к Папе. Был назначен день, время, но так получилось, что он запаздывал и очень спешил. Проходя через площадь Святого Петра, он вдруг увидел «бомжа», который, как ему показалось, просил милостыню. Он узнал в нем священника, с которым когда-то учился в семинарии, мало того — они вместе были рукоположены.

Мой друг, конечно, был шокирован и остановился. Они немного поговорили, тот ему рассказал, какие у него были испытания, жизненные перипетии, в результате которых он оказался фактически бездомным. Он не лишился сана (по каноническому праву Католической Церкви лишить священника сана невозможно) и даже не был под запретом, просто давно не служил и жил как бездомный. Мой друг не мог дольше разговаривать, объяснил, что спешит к Папе, — и тот, естественно, его отпустил. Епископ в результате действительно опоздал, ему было настолько неудобно, что он честно рассказал о случившемся понтифику. Папа был поражен услышанным и сказал: «Могу я вас попросить позвать этого человека сюда?» И так этот бывший священник, а теперь бомж, попал на обед к Папе. Папа ничего не сказал и ни о чем его не спросил. Они помолились, как положено, перед едой и пообедали — Папа, кто-то из его сотрудников, мой друг-епископ и его товарищ, который, конечно, был весьма взволнован.

В конце обеда случилось самое удивительное. Папа попросил оставить его наедине с этим человеком и спросил его: «Можете ли вы меня исповедать?» Что было сказано дальше в том разговоре, мы, естественно, не знаем.

Из всего, что я знаю об Иоанне Павле II, эта история для меня — самая трогательная, потому что в ней раскрывается облик настоящего пастыря.

День 20

В продолжение вчерашнего разговора — еще о католиках... да и о православных. В течение всей истории христианской Европы верующие греческой и латинской традиций поддерживали весьма непростые отношения. Наследники двух великих, хоть и схожих, но все же различных культур, восточное и западное христианство еще до всяких разделений значительно отличались друг от друга. Их культурные, бытовые и психологические различия определили разные лики народов Европы. И в возникшем расколе культурные различия сыграли куда более значительную роль, чем вероучительные. После каждого столкновения между Римом и Константинополем существовавшие с самого начала разногласия, относящиеся к литургической жизни и церковной дисциплине, — а еще просто бытовые и культурные вопросы — все более воспринимались, как одной, так и другой стороной, как доказательства возникшей ереси или произошедшего раскола.

Пару лет назад я об этом говорил на круглом столе в Дипломатической академии МИД России.

«Бобровина» католиков и «выцветшие одежды» православных — как начался конфликт¹

Вера и самосознание

Принадлежность к Православию или Католицизму в момент формирования самосознания народов Европы сыграла определяющую роль.

Один мой соотечественник, авторитетный русист Риккардо Пиккио, ввел термин *Slavia Orthodoxa* (букв. «Православная Славия»), под которым подразумевается культурно-языковая общность православных южных и восточных славян с IX века до начала Нового времени. Параллельно со *Slavia Orthodoxa* существовала общность *Slavia Romana*, в которую входили западные и часть южных славян. И действительно, если из славянских народов взять чехов, словаков, поляков, то это абсолютно западные по менталитету люди. Южные славяне четко делятся на две группы: такие народы, как хорваты и словенцы, — западные по своему менталитету, сербы же и болгары, исповедующие Православие, — восточные. Они территориально находятся не так уж близко к России, но кириллический

¹ Часть текста вошла в доклад «Культурно-религиозные аспекты взаимодействия Востока и Запада. Взаимные представления православных и католиков в полемических сочинениях и их роль в развитии самосознания европейских народов», прочитанный во время круглого стола «Диалог религии в современном мире: проблемы и перспективы», прошедшего в Дипломатической академии МИД России 11 декабря 2017 г. Доклад был опубликован с материалами круглого стола в 2019 г.

алфавит и православная вера определили их ментальность и самосознание.

Изначально существовала одна Римская империя с христианским самосознанием, пришедшим на смену языческому. Однако Рим пал под натиском варваров, а последние принадлежали к иной, неримской культуре. Продолжением Рима становится Византия, которая являлась наследницей Римской империи. Византийцы — *romeи* — считали Константинополь вторым Римом. А сам Рим после появления в Италии франков и лангобардов изменился настолько, что жители Вечного града X века уже совсем не те римляне, в них византийцы будут тщетно искать свое отражение и не найдут его. Римской культуры больше нет.

Так получается, что если распределить европейцев по ментальности, образу мышления и национальной психологии, то с одной стороны окажутся восточные — православные христиане, а с другой — католики и протестанты, и это распределение совпадает с различиями в европейской культуре. Более того, хотя между католиками и протестантами имеются более существенные богословские расхождения, нежели между католиками и православными, протестантские народы — это люди Запада, как и католики, и им легко найти общий язык в том, что касается быта, безопасности, личной и даже молитвенной жизни. А православные оказываются совсем иными по ментальности.

Когда разделились?

Католики и православные не могут точно сказать, когда именно они разделились. Есть общепринятая дата «Великой схизмы» — 1054 г., но никто тогда не думал, что это — раскол. 16 июля 1054 г. представитель Папы в Константинополе положил буллу об отлучении от Церкви Патриарха

Михаила Керуллара прямо на престол храма Св. Софии. То был серьезный дипломатический инцидент — безусловно, — но не раскол. Это доказанный факт — само событие не оставило даже следа в византийской летописи того времени. И после этого инцидента обе половины христианской Церкви достаточно долго продолжали общаться, служили вместе, вместе молились, причащались друг у друга.

Раньше, в IX веке, случилось намного более существенное столкновение: в 863 г. Папа Николай I отказался признать свержение с кафедры Константинопольского Патриарха Игнатия и избрание мирянина Фотия, который за шесть дней был проведен через все степени церковно- и священнослужения — от чтеца до епископа. Папа занял сторону низложенного Патриарха Игнатия и отлучил от Церкви Фотия, который в свою очередь через четыре года отлучил от Церкви Папу. Так оба предстоятеля взаимно выразили свою «христианскую любовь»... Вот куда более серьезный инцидент. И действительно считалось, что раскол произошел тогда, в IX веке: в западной литературе долго говорили о «фотианском расколе», а всех православных называли «фотианами», подобно тому как последователей еретика Ария называли арианами, а последователей Нестория — несторианами.

Но Фотий занимал патриаршую кафедру дважды. Во время второго его пребывания на престоле, после смерти Игнатия, в 877–886 гг., Рим признал его в качестве Патриарха. Значит, и тогда инцидент был исчерпан и раскола не было.

Сегодня историки Церкви, как с одной, так и с другой стороны, склонны рассматривать отчуждение Западной и Восточной Церквей как процесс, в котором главную роль сыграли крестовые походы, а установить точную дату раскола практически невозможно.

Лучше женщина или варвар?

Еще за полвека до столкновения Патриарха Фотия и Папы Николая произошло очень важное историческое событие, которое сыграло колоссальную роль во взаимном отчуждении западных и восточных христиан, — коронация Карла Великого в 800 г., когда Запад признал во вчерашнем варваре императора. Коронация происходит тогда, когда императорский престол в Константинополе впервые занимает женщина — императрица Ирина.

Она стала де-факто управлять империей после того, как ее супруг Лев IV скончался при странных обстоятельствах (некоторые историки считают, что он мог быть отравлен самой Ириной). Ирина регентствовала при девятилетнем сыне, императоре Константине VI, а когда он вырос и стал претендовать на реальную власть, она пошла на крайние меры, чтобы его отстранить. Как повествует в своей «Хронографии» главный летописец того времени преподобный Феофан Исповедник, 15 августа 797 г. «в девятом часу страшно и безжалостно выкололи ему глаза по воле матери его и советников ее, что он едва-едва не умер... Таким образом его мать сделалась единовластной». Затем Ирина присвоила себе мужской титул «великого василевса и автократора римлян» и стала и де-юре императрицей.

Так называемые Лоршские анналы (летопись на латинском языке, описывающая историю Франкского государства в период с 703 по 803 г.) свидетельствуют о том, что на Западе считали, что престол Римской империи был вакантным. Анонимный автор этой франкской летописи, который не без ехидства называет Византию «женской империей» (лат. *femineum imperium*), приводит факт отсутствия в Константинополе императора-мужчины в качестве доказательства права Карла Великого на титул императора.

Так, если на Западе возмущались тем, что императорский престол в Константинополе занимает женщина, то на Востоке еще больше шумели о том, что титул римского императора был отдан какому-то варвару самим Папой... Эти малоприятные события и инциденты определили взаимное недоверие Востока и Запада.

Полемические трактаты

После первого эпизода с Патриархом Фотием в Византии возникает новый литературный жанр — антилатинский обличительный трактат. Первый из них пишет сам Фотий. В послании восточным Патриархам среди прочего он говорит о том, что якобы «латиняне приготавливают миро из воды» и что они «на Пасху по иудейскому обычаю с Евхаристией приносят в жертву пасхального ягненка».

Так византийские авторы в конце IX и в X веке фактически регистрируют какие-то случаи нарушения канонов отдельными латинскими духовными лицами, но фиксируют их как относящиеся ко всей Западной Церкви. Очень скоро латиняне ответят тем же: в Западной Европе возникает соответствующий литературный жанр антигреческих трактатов. Сразу после Крещения Руси, в XI–XII веках, антилатинские полемические сочинения (в переводе с греческого или же написанные на Руси греческими архиереями и русскими словесниками) становятся одним из первых жанров новорожденной древнерусской литературы. В то же время, в X–XI веках, в Западной Европе национальные языки все больше теснят латынь. Так получается, что именно в тот момент, когда и на Западе, и на Руси складываются национальные самосознания народов будущей Европы, градус взаимной неприязни и недоверия между восточными и западными христиа-

нами достигает предела в результате непрекращающихся конфликтов.

По мнению специалистов, «антилатинские полемические сочинения Средневековья (XI–XVI века) можно представить как единый текст, в котором обсуждаются одни и те же вопросы... приводятся одинаковые факты, сходные обвинения, заимствуются друг у друга аргументы»¹. И действительно, из трактата в трактат греческие и славянские авторы переписывают друг у друга одно и то же, что-то добавляя от себя и сочиняя. В результате эти сочинения образуют разнообразными бытовыми, часто вымышленными, обвинениями и уже не являются по своей сути богословскими.

Бобровина

Так, например, в тексте XI века «Стязание с латиною», написанном киевским митрополитом Георгием, читаем о латинянах: «ядят медведину и ослон, а попы их едят в говение бобровину, глаголят бо, яко от воды есть и рыба всяко есть»; «постригают бороды своя бритвою, еже есть отсечено от Моисеева закона и от евангельска»; «ядят удавленину и мертвечину, егоже не творяху ни жидове»; «ядят с псы в одном сосуде сами ядыше, а избыток поставляют псом, да полижут, и потом паки сами ядят, еже хотят»².

Писания древнерусских авторов неуклонно следуют своим греческим образцам. Так, анонимный перечень ла-

¹ Журова Л. История антилатинской полемики в русской рукописной традиции и антилатинских сочинениях Максима Грека // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 57. СПб., 2005. С. 145.

² Цит. по: Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 192, 195, 152. См. также: <http://old-ru.ru/03-19.html>

тинских заблуждений «О фрязах и о прочих латинех», составленный приблизительно в 1054–1112 гг. и ошибочно приписываемый Патриарху Фотию, в действительности повторяет те аргументы, которые приводил ранее митрополит Ефрем (1054/1055 — ок. 1061/1062 гг.) в своих «Написаниях». Эти же обвинения воспроизводятся в «Стязании с латиною» митрополита Георгия (1065–1076 гг.), затем они появляются в приписываемом преподобному Феодосию Печерскому (1029–1074) «Слове о вере хрянской и латиньской», позднее их повторяет митрополит Иоанн II (1080–1088 гг.) в своем послании к архиепископу римскому Клименту и, наконец, их же использует митрополит Никифор (1104–1121 гг.), автор целого ряда антилатинских посланий (среди его адресатов — князя Владимир Мономах и Ярослав Святославич Муромский).

Интересно, что из трактата в трактат обвинения не просто повторяются неизменно, а получают и определенное развитие, амплификацию. Так, если авторы ранних сочинений пишут о хитрости латинских монахов, которые во время поста едят бобровину, оправдываясь тем, что все, что ловится в воде, есть рыба, то в более поздних трактатах уже читаем о том, что лукавые латиняне в Четырдесятницу просто бросают мясо в воду и сразу же достают его... уже в качестве рыбы («в говенье ядят мяса, пушающе в воду»)!

Как в свое время заметил священномученик Иларион Троицкий, когда читаешь полемические произведения против латинян, «невольнo замечаешь, что во всей этой полемике вовсе нет указаний на какое-либо существенное отличие католической жизни от жизни церковной. Писатели церковные говорят о католичестве резко, но говорят о мелочах; они стремятся лишь к тому, чтобы побольше набрать всевозможных обвинений против латинян; коли-

чество обвинений, по-видимому, им дороже, чем их качество и тяжесть»¹.

То же происходит и с латинскими антигреческими трактатами.

Лиутпранд

В 968 г. итальянский дипломат, епископ Кремонский Лиутпранд был отправлен в Константинополь в числе делегации к императору Никифору Фоке. Город Кремона расположен на севере Италии, сам епископ был лангобардом и выполнял дипломатические поручения Германского короля Оттона Великого. Целью посольства Лиутпранда в Константинополь было заключение договоренности о браке наследника Оттона Великого — будущего императора Оттона II Рыжего — с дочерью умершего византийского императора Романа II. Этот брак был призван примирить Оттона и Византию. Однако сватовство не увенчалось успехом. Император Никифор Фока ответил на предложение Оттона отказом и оказал его посланнику Лиутпранду недружелюбный прием.

Лиутпранд Кремонский составил сочинение на латыни «*Relatio de legatione Constantinopolitana ad Nicephorum Phocam*» («Посольство в Константинополь к императору Никифору Фоке»), в котором описывает своему королю произошедшее. На страницах этого произведения византийский император предстает как чудовищный дикарь: «В священный день на саму Троицу во дворце, который называется Коронным Залом, я предстал пред Никифором»; далее идет его описание: «чудовищем, пигмеем, толстоголовым и похожим на крота из-за маленьких глаз;

¹ Иларион (Троицкий), сщмч. Преображение души. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 197.

отвратительным со своей короткой, широкой и полуседой бородой; опозоренным своей шеей, в дюйм длинной; очень щетинистым за счет длины и толщины своих волос; эфиопом по цвету кожи; с ним бы ты не хотел повстречаться среди ночи; пузо огромное, зад тощий, бедра чересчур длинные, учитывая маленький рост, с короткими голеньями, соразмерно к его ступням и пяткам; одетый в роскошное, но слишком поношенное облачение, дурно пахнущее и выцветшее; обутий в сикионские башмаки; дерзкий на язык, лиса по натуре, клятвопреступник и лжец, как Улисс»¹.

В западноевропейской литературе возникает идея *Superbia Graecorum* — о высокомерии византийцев: они вероломны, коварны, лисы; они врут, обманывают, как Улисс — Одиссей. В гомеровских поэмах Одиссей, герой, олицетворяющий идеал греческого человека, преодолевает все превратности судьбы благодаря своему уму и хитрости, иногда прибегая и к обману, — такими же обманщиками, лгунами, злодеями и подлецами будут изображаться византийцы в нарождающейся западной литературе. В свою очередь, византийцы будут писать о неуголимой жажде власти и денег и о полном отсутствии угрызений совести у латинян, презирая их необразованность и грубость, поражаясь их «тупостью»...

Смена парадигмы

Во взаимном осознании Востока и Запада происходит смена парадигмы. Если раньше были латиняне и византийцы, то теперь картина осложняется тем, что место ла-

¹ Лиутпранд Кремонский. Посольство в Константинополь к императору Никифору Фоке / Пер. П. С. Черепанова. http://www.vostlit.info/Texts/rus/Liut_Kr/text3.phtml

тинян заняли франки, германцы. Через сто лет начнутся крестовые походы, и на Западе возникнет рыцарская культура, куртуазия, в которой рыцарь — по своей природе благородный, красивый, смелый человек, но полностью чуждый римской культуре. Во время Четвертого крестового похода этот же рыцарь ворвется в Константинополь, разграбит и разрушит христианский город.

Безусловно, в своем сочинении Лиутпранд Кремонский, как представитель молодого германского народа, явно преследует цель показать, что его германский король более благороден, нежели Никифор, правитель обветшавшей, дряхлой Византийской империи: «Всегда, мои повелители и августейшие императоры, вы казались мне прекрасными, насколько же еще прекраснее показались после этого! Всегда величественными, насколько же более величественными после этого!»¹

Лиутпранд дальше рассказывает, что византийский император устроил ему своего рода экзамен по истории Церкви, спросив о том, какие он знает Вселенские Соборы. Молодой лангобардский епископ называет Никейский, Константинопольский, а император с издевкой говорит, что был уверен, что собеседник назовет какой-нибудь Саксонский собор.

Старое и новое

Для императора все, что западное, — это слишком молодо, слишком ново, в нем нет ничего серьезного, проверенного временем. Он говорит молодому епископу: «Ваши верования слишком молоды, вы еще не смогли достигнуть нас, византийцев», на это епископ отвечает: «Вы заявляе-

¹ Лиутпранд Кремонский. Указ. соч.

те, что вера саксонцев молода. Я же горю желанием подтвердить это, ибо вера во Христа всегда молода, особенно у тех, чьей вере сопутствуют дела. Там вера не молода, а стара, где дела не сопровождают ее, там веру следует презирать, как если бы она была старой, как изношенная одежда»¹.

В какой-то момент император совсем теряет терпение и уже кричит на молодого западного епископа: «Вы — никакие не римляне, вы — лангобарды!» — и на это Лиутпранд ему отвечает: «История учит, что братоубийца Ромул, в честь которого именуют себя римляне, был рожден в измене; и что он сделал для себя убежище, в которое принимал нищих должников, беглых рабов, душегубов и всех, кто заслуживал смерти за свои деяния. И он собрал множество таких и назвал их Римлянами. От такой-то вот знати и ведут свой род те, кого вы зовете космократами, миродержцами — императорами; кого мы — а именно: лангобарды, саксы, франки, лотаринги, бавары, швабы, бургундцы — так презираем, что, когда приходим в ярость, не можем назвать своих врагов более оскорбительно, нежели «римляне», — одним этим именем, «римляне», мы обозначаем все, что есть презренного, трусливого, алчного, развратного, лживого: одним словом, порочного»².

Теперь мы видим важное культурное отличие Востока от Запада в европейском контексте. Для Запада все новое — это благо, а все старое — уродливое и ветхое, подобно «поношенному, дурно пахнущему и выпцветшему» облачению императора в описании Лиутпранда. Для Востока, напротив, новое хорошо только тогда, когда повторяет старое, основывается на нем. Такое противопоставление до сих пор присутствует в психологии, а также играет

¹ Лиутпранд Кремонский. Указ. соч.

² Там же.

огромную роль во внутреннем церковном дискурсе Католической и протестантских Церквей, с одной стороны, и Православной — с другой.

Оскудение любви

Спор Востока и Запада возник задолго до Карла Великого. Он отражал различие в миропонимании греческой и латинской культур. Оно было всегда. Рим многое взял из греческой культуры и сделал эти заимствования своими, а греческая культура защищала себя от всего негреческого на протяжении всего классического периода.

Так различия в мироощущении и менталитете, которые существовали с самого начала, а точнее, еще до принятия христианства европейскими народами, наследниками греческой и латинской культуры, в условиях «оскудения любви» и определили их взаимное отчуждение. «Где любовь оскудевает, там непременно на место ее входит ненависть», — говорил святитель Василий Великий. Разве это не всегда так — и в семейной, и в общественной жизни? А разве не очевидно, что излечить разобщенность, возникшую в результате такого оскудения, можно только всепрощающей, милосердной, мирной любовью?

День 21

Возвращаюсь к мысли об отце Георгии Чистякове. Он — пример человека, который никогда не противопоставлял православную и латинскую культуру. Они для него дополняли друг друга. Мало того — своим учителем он считал Данте и даже Евангелие часто читал глазами отца итальянской литературы...

Данте — первый гуманист¹

В эпиграфе к книге блестящего филолога и историка, православного священника Георгия Чистякова о Евангелии от Иоанна «Свет во тьме светит» есть важное признание: «именно Данте Алигьери для автора этой книги еще в школьные годы стал тем, кем был для самого Данте Вергилий, — “lo mio maestro e 'l mio autore”, то есть моим учителем и причиной моего писательства».

О Данте Алигьери, как отмечает сам отец Георгий, написано очень много — «тысячи книг и статей на всех языках мира», а «Божественная комедия», пожалуй, — самое изучаемое и комментируемое произведение мировой литературы, если не считать Библию. И все же Данте и его шедевр остаются и поныне загадкой. Насколько актуален, по прошествии почти семисот лет, для нас этот рассказ о путешествии по загробному миру? Насколько его автор остается человеком своего времени, и какого времени — Средневековья ли или уже Возрождения?

¹ Основой этого текста стало мое предисловие к книге: Чистяков Г. Беседы о Данте. М.: Центр книги Рудомино, 2016. С. 5–10.

«Данте, — говорит отец Георгий, — писал о путешествии человека по стране его собственного греха. Данте в своем “Аде” создал нечто вроде зеркала, в котором мы можем увидеть собственные пороки, превратил “Чистилище” в лестницу, по которой мы можем из них выкарабкаться, и в конце концов довел нас до “Рая”, для того чтобы показать нам словесную икону Преображения Господня. <...> Данте зовет каждого из нас пройти через ад до смерти, чтобы успеть измениться, успеть вырасти из своего греха и победить его, успеть исправить последствия своей греховности».

Как Вергилий ведет Данте по Аду и Чистилищу, так и отец Георгий ведет самого читателя сквозь глубины души к выходу «в те высокие сферы веры, куда душа наша всегда стремится, но далеко не всегда прорывается». К автору этой книги, безусловно, относятся слова, написанные им о Данте: «Он спускается вместе со своим читателем в Ад, становится для своего читателя Вергилием, для того чтобы спасти человека от вечной муки, пока он еще жив».

Сопровождая читателя в этом путешествии, отец Георгий использует весь арсенал своей поразительной эрудиции. В терцинах «Комедии» и строках дантовских трактатов Георгий Чистяков обнаруживает скрытые цитаты, раскрывает фрагменты и реминисценции из латинских поэтов, Священного Писания, богослужебных гимнов, сочинений Отцов Западной и Восточной Церкви. Он тщательно анализирует синтаксис, язык и стиль текста, сравнивает мистические переживания средневекового поэта с миросозерцанием писателей и художников других эпох и культур, выявляет важность дантовских сцен для дальнейшего развития мировой живописи, скульптуры, музыки. И каждый раз его открытия, смелые утверждения и неожиданные сравнения не просто впечатляют — они неверо-

ятно точны, значимы и глубоки и действительно помогают нам проникнуть в духовный мир Данте.

Эта небольшая книга — настоящий праздник, «Пир» (по названию дантовского трактата) для разума и души, точнее, как сказал бы сам отец Георгий, прибегая к итальянскому слову, «Пир» для *mente* — «это и рассудок, и сердце, и ум, и разум, и душа в одно и то же самое время. Эквивалента этому слову нет в русском языке. <...> “Mente” — это то в человеке, что ведет его вперед, что заставляет его не останавливаться, а двигаться все дальше и дальше».

Со школьной скамьи моей любимой кантикой «Божественной комедии» было и остается «Чистилище», и я всегда считал, как читатель и литературовед, что «Рай», все-таки, уступает и «Чистилищу», и «Аду» в художественном отношении. И все же в последние годы я стал все чаще брать в руки именно томик «Рая», а нынче на моем ночном столике, где частенько «в гостях» бывают «Книга скорбных песнопений» Григора Нарекаци, «Онегин» и две первые кантики «Божественной комедии», на правах постоянных обитателей находятся только Псалтирь и томик «Рая»... В «Беседах о Данте» отца Георгия я обнаружил, что с ним случилось то же самое.

В последнее время некоторые представители культуры сегодняшней России, в том числе из православных кругов, стали возрождать довольно банальное противопоставление: мировоззрение Средневековья — богоцентричное и духовное, а эстетика Возрождения — плотская и материальная. В соответствии с этим представлением, эпоха Возрождения, которая пролегла водоразделом между христианской культурой Запада и Востока Европы, ознаменовала начало секуляризации культуры, потерю духовности.

Книга Георгия Чистякова делает его участником этого противостояния. Он размышляет: «Сейчас много спорят о Возрождении, что это такое: “renaissance du paganisme”, возрождение язычества? Возврат к дохристианскому прошлому или что-то другое?» Данте Алигьери для Чистякова — «последний поэт Средневековья и первый — Нового времени». «Данте — человек своего времени... Но Данте в чем-то заглядывает далеко-далеко вперед по сравнению со своими современниками... и даже с теми людьми, которые жили через сто, через двести лет после него». Оставаясь до мозга костей человеком Средневековья, по мнению отца Георгия, Данте опередил своих современников на многие столетия тем, что он, «а не кто другой, впервые заговорил о человечестве... Данте первый увидел, что человечество, род человеческий — это на самом деле такой же единый организм, как Церковь Христова, потому что каждый без исключения человек именно в Адаме призван к жизни. Увидел, сказал об этом — сказал так... что теперь, когда мы читаем об этом в XX веке, мы видим в нем нашего с вами современника».

Так, христианский гуманизм Данте выражается и в том, что он видит глубокое единство человечества и всего мироздания: «Именно Данте первым ввел в язык философии, в язык науки, в язык человечества это слово — “человечество”, “humana universitas”. <...> Христос, как говорит Данте, приходит к человечеству: не к какому-то одному народу, а ко всем людям, принадлежащим к этой самой “humana universitas” — к человеческой всеобщности, так же как и Бог сотворил мир в целом, а не по частям, не какие-то отдельные его части. Эта истина открывается для человека через то стремление постичь новое, через ту жажду нового, о которой говорится в XXVI песни Дантова “Ада”. Вот так Одиссей, по-латыни и по-итальянски

Улисс, последний герой греческой мифологии, становится для новой Европы символом стремления открывать, стремления познавать новое и осмыслять мир в его целостности, как говорит об этом Данте на страницах “Божественной комедии”».

Подчеркивая христианский гуманизм великого поэта, отца западноевропейской новой культуры, жившего на границе двух эпох, отец Георгий вносит свой важный вклад в сегодняшний непростой спор вокруг гуманизма и европейской христианской культуры.

Он напоминает нам: «“Божественная комедия” написана в начале XIV века, задолго до Колумба, задолго до великих географических открытий, но тот порыв, который потом поведет корабли Васко да Гамы, Магеллана, Колумба и других великих путешественников эпохи Возрождения, уже чувствуется на страницах “Божественной комедии”. И этот порыв объяснить можно не экономикой, не околополитическими причинами и не колонизаторскими идеями. Нет, этот порыв можно объяснить только жаждой постигать новое, стремлением открывать неизвестное — стремлением, которое носит чисто религиозный характер».

Такой динамизм, безусловно, указывает на преодоление определенного оцепенения, характерного для средневековой мысли. Религиозный характер этого динамизма объясняется тем, что «“la sete naturale”, или “естественная жажда”, о которой говорит Данте, — это... жажда познания, а вернее, той мудрости, что исходит от Бога». Значит, то самое стремление ко всему новому, к переосмыслению жизни, исследованию мира и познанию, в котором мы видим первый признак Новой эпохи, отнюдь не означает потерю духовности и «обмирщение» культуры. Оказывается, это, наоборот, — чисто духовное устремление.

«Высшее, или последнее счастье, "ultima felicitate", Данте видит в том, чтобы открывать — и не просто открывать новое, но открыть мир во всей его полноте. Увидеть мир не частями, не во фрагментах, а во всей его целостности. Именно человеку показывает Бог сотворенный мир и человека призывает дать в этом мире имена животным, зверям, птицам и рыбам. Человек как открыватель мира появляется перед нашими глазами уже на первых страницах Библии. Человек именно как открыватель мира становится одним из центральных объектов философии Данте».

Так же духовное устремление глубоко верующего Данте выражается, по мнению Георгия Чистякова, не в бегстве от реальности и повседневности, не в отрицании мира, его культуры и его ценностей, а наоборот — в уважении и любви к человеческой жизни: «Если человек отгораживается от реальности, его жизнь наполняется какими-то невероятными катастрофами. Именно реальность, мир вокруг нас, а не идеи, делают человека другим. Не отгораживаться от жизни и от тех ее моментов, которые часто воспринимаются нами как мелочи, а жить среди них, вглядываться в них, всматриваться и вдумываться, понимая, что именно через эти мелочи с нами говорит Бог, — вот какая мысль присутствует в "Божественной комедии", вот о чем хочет сказать Данте».

Мы должны быть благодарны отцу Георгию, ведь в сегодняшнем контексте довольно запутанных представлений о Средневековье и Новом времени, о христианских и светских ценностях, о судьбах европейской культуры и нашей самоидентичности он напоминает нам о том, что «Свет Христов, просвещающий всех, достигает и туда, куда не достигают ноги благовестника. Свет Христов, который просвещает всех, проникает через любые стены... касается самых неожиданных сердец — людей, еще вчера

закостенелых в своем грехе и своей злобе, людей, казалось, абсолютно безнадежных. Данте — поэт, который удивительно почувствовал, что такое свет Христов, и описал этот свет в третьей кантике своей поэмы — в "Рая". Здесь он говорит о том, что свет, который исходит от Христа, может преобразить самое мрачное и вернуть жизнь самому заостеневшему в пороке».

День 22

Все, кому дорог православно-католический диалог, пристально следили за встречами на Кубе Патриарха Кирилла и Папы Франциска 12 февраля 2016 г. Без всякого сомнения, она останется в истории, журналисты всего мира отмечали ее беспрецедентность. Строго говоря, прецедент есть, но православным миром он рассматривается как неудачный. Единственный в истории предстоятель Московской Церкви, встречавшийся до этого с Папой Римским, это митрополит Исидор, который в первой половине XV века на Флорентийском соборе подписал унию с Римом и по возвращении в Москву был низложен великим князем Василием Темным.

Встреча Папы и Патриарха: церковная дипломатия или начало пути?¹

Встреча на Кубе не может не вызывать воспоминаний о другом историческом событии — встрече Папы Римского Павла VI и Патриарха Константинопольского Афинагора, произошедшей в январе 1964 г. в Иерусалиме.

Встреча 1964 г. в Иерусалиме ознаменовала изменение в отношениях католиков и православных — после нее предстоятели много раз встречались. Католическая Цер-

¹ Текст написан с использованием статьи «Встреча на Кубе: торжество постмодерна или начало пути?», опубликованной в итальянском журнале *Città Nuova* в феврале 2016 г.

ковь полностью пересмотрела свое отношение к Православии, меньше чем через два года, 7 декабря 1965 г., в день закрытия Второго Ватиканского собора, обе Церкви сняли анафемы, наложенные взаимно в 1054 г., решив, что они «отныне и навеки предаются забвению и изглаживаются из памяти Церкви».

Встреча на Кубе Патриарха Кирилла и Папы Франциска закончилась подписанием совместной декларации, безусловно важной, но намного менее сенсационной и более прагматичной, чем документы, принятые Римской и Константинопольской Церквями в 1965 г. Кроме того, сама встреча Предстоятелей на Кубе отличается от встречи в Иерусалиме большей прозаичностью и конъюнктурностью.

Приветственное объятие между Предстоятелем Русской Православной Церкви и Папой Римским произошло в несколько сюрреалистической атмосфере: не в Европе, а на противоположном конце Земли, в одной из последних коммунистических стран мира, в жутковатом зале еще пропитанного затхлым подвальным запахом социалистической эпохи аэропорта. Встреча осуществилась украдкой, всего лишь через неделю после официального извещения, при отсутствии посторонних; ее протокол был совершенно светским, без какой-либо общей молитвы и даже благословения народа, и напоминал скорее саммит глав двух государств: приветствия, закрытое заседание и подписание совместного документа с представлением двух делегаций на фоне флагов. Единственные святыни — распятие и икона Богородицы, привезенные из России.

Причины такого крайнего «минимализма» этой беспрецедентной встречи лежат в пастырской осмотрительности, в стремлении Московского Патриархата предотвратить и минимизировать отрицательную реакцию со

стороны консервативных верующих. Осмотрительность Москвы была принята Римом.

Папа и Патриарх Кирилл подписали совместное заявление, которое затрагивает различные темы: защита гонимых христиан; осуждение терроризма, агрессивного секуляризма, растущего экономического неравенства; отстаивание нравственных ценностей, института семьи и брака; неодобрение прозелитизма и униатизма; скорбь о противостоянии на Украине и о расколе среди православных в этой стране. Заявление не касается богословских расхождений между православными и католиками. Оно было подписано в присутствии только членов обеих делегаций и представителей Кубинского правительства.

В 1964 г. в Иерусалиме встреча Папы и Патриарха происходила в присутствии многочисленной толпы, после объятий два иерарха благословили народ. А в конце Патриарх Афинагор произнес удивительные слова: «Пусть эта встреча станет зарей светлого и благословенного дня, в который будущие поколения, причащаясь от единой Чаши пречистого Тела и честной Крови Господа, будут хвалить и славословить в любви, мире и единстве Единого Господа и Спасителя мира».

С точки зрения церковной дипломатии заявление Папы Франциска и Патриарха Кирилла — это редкий образец умеренности. Показательно, что оно породило самые противоположные интерпретации: кто-то считает, что Патриарх Кирилл сдал все позиции, отказываясь от традиционных обвинений в адрес католиков; кто-то, наоборот, замечает, что Папа Франциск удовлетворил все требования и прихоти Москвы; а кто-то еще видит в посредничестве пожилых братьев Кастро полную капитуляцию Кубы, считая, что «остров свободы» низведен до уровня филиала Госсекретариата Ватикана или карибской

дачи Патриарха Кирилла... И встреча, и декларация, хоть и исторические, якобы являются, по мнению некоторых, торжеством узкого церковного прагматизма, конъюнктуры, богословской «слабой мысли» — вполне в постмодернистском вкусе.

И все же на эти события можно смотреть совсем по-другому. Папа и Патриарх не молились вместе, но подписанная ими декларация, несмотря на светскую обстановку кубинского аэропорта, меньше всего напоминает соглашение между политиками. Это текст абсолютно духовного содержания, который одновременно выражает боль за разделение и надежду на «достижение того богозаповеданного единства, о котором молился Христос», утверждает принадлежность обеих Церквей единому Преданию и призывает православных и католиков «учиться жить вместе в мире, любви и единомыслии», «братски сотрудничать для возведения Евангелия спасения», «вместе нести свидетельство Духа истины».

Текст пропитан молитвой, начинается и заканчивается с тринитарного славословия, молитвенного призывания имени Пресвятой Троицы («По воле Бога и Отца, от Которого исходит всякий дар, во имя Господа нашего Иисуса Христа, содействием Святого Духа Утешителя...», «...да прославится имя Единосущной и Неразделимой Троицы!»). Папа и Патриарх призывают: «да поможет нам Богочеловек Иисус Христос, наш Господь и Спаситель», «источник радости и надежды», обращаются «с надеждой к Пресвятой Матери Божией, взывая к Ней словами древней молитвы: *Под Твою милость прибегаем, Богородице Дево*».

После подписания совместного заявления Патриарх Кирилл высказал пожелание о том, «чтобы через участие Церкви в жизни современного общества прославлялось

Пресвятое и Преблагословенное имя Отца и Сына и Святого Духа», а Папа — «чтобы все это было во славу Бога Отца, Сына и Святого Духа, во благо святого верного народа Божьего, под покровом Святой Матери Божьей». Очевидно, эти пожелания являются доксологией, словом, а значит — молитвой.

В довольно неприглядном зале гаванского аэропорта, где предстоятели двух Церквей подписали совместное заявление, висела привезенная по этому случаю из Москвы большая икона Богоматери Одигитрии — Путеводительницы. Папа и Патриарх сошлись в том, что «единство создается в пути». Итак, войдет ли в историю встреча Патриарха Кирилла и Папы Франциска на Кубе лишь как выражение церковного постмодернистского прагматизма? Или, действительно, она положит начало общему пути католиков и православных? В значительной степени это зависит от нас.

День 23

145-й псалом — один из моих любимых и, безусловно, один из самых «педагогически необходимых» во всей Псалтири. Сколько раз в самых разных ситуациях этот удивительный своей мудростью текст помогал мне выйти из каких-то житейских тупиков, справиться с разочарованием, со страхом, с депрессией! Думаю, что для всех в личной, церковной и общественной жизни очень важно предупреждение: *Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения* (Пс 145:3). Человек должен возложить упование свое на Господа Бога своего, сотворшаго небо и землю, море и вся, яже в них (Пс 145:5–6) — ...хотя бы для того, чтобы не слишком страдать от разочарований!

Но если это правда для любого человека, то тем более для самых обездоленных и беззащитных — «обидимых, алчущих, окованных, слепцов, низверженных, сирот, вдов» и — «пришельцев», то есть иноземцев. В наше время очевидно, что любой человек, живущий в чужой стране, имеет почти те же права и обязанности, что и местные жители. Но в древности было не так. В неправовом обществе справедливость обеспечивал не закон, а князь или царь, король. А иноземец, которого никто не знал, был лишен любой защиты, был человеком почти без прав. Поэтому в Библии рядом с сиротами и вдовами всегда значатся и *пришельцы*.

Чем дольше я живу за границей, тем больше убеждаюсь в том, что быть *пришельцем* — это специфическая участь, возлагающая на человека особую ответственность. *Пришелец* смотрит на окружающие его страну и людей одновременно изнутри и со стороны.

Ему иногда видно незаметное для местных, но он должен соблюдать определенные правила поведения, например, с большой осторожностью может позволить себе роскошь критики.

Я не только иностранец с большим стажем жизни на чужбине — я еще клирик Русской Православной Церкви, служащий в центре ее столицы, не имеющий ни капли русской крови и пришедший в Православие из другой традиции. Когда я окончательно определился в своем выборе принадлежности к Русской Церкви, я знал, что до конца моих дней, в хорошем и плохом, мне будут припоминать, что я — *пришелец*... И все же именно со стороны можно рассмотреть любое глобальное явление само по себе, отдельно от его конкретных, сиюминутных «акцидентальных» проявлений — а именно Православие от состояния Русской Церкви сегодня.

Думаю, что над всеми этими коллизиями должен был часто размышлять один из моих любимых святых — Максим Грек. Много из того, что он видел в Русской Церкви того времени, вызывало у него протест. Максим не был приспособленцем или карьеристом, он считал своим долгом говорить правду, вплоть до того, чтобы иногда обличать — и светскую и церковную власть. За это он дорого заплатил: лишением свободы и даже на очень долгое время отлучением от таинств. В момент утверждения самосознания Московии («Москва — Третий Рим») и Русской Церкви (автокефалия) Максим выступал против самодовольного изоляционизма. В этом его позиция как нельзя более современна и актуальна. В контексте нынешнего дешевого русского псевдопатриотизма преподобный Максим Грек напоминает нам: «...Яко

же паче достоинства почитати некоего или человека или град или страну, досаду паче, а не славу, ни похвалу прилагает»...

Предельная честность Максима Грека¹

Монах, богослов, переводчик и переписчик, писатель, полемист, гимнограф, «философ», подвижник Русской Православной Церкви, Максим Грек (в миру Михаил Триволис), безусловно, — одна из самых интересных личностей истории и культуры Московии первой половины XVI века. Максим Грек — человек предельной интеллектуальной честности, который по опыту собственной жизни знал изнутри и православную, и латинскую Церкви. Его сознательный выбор в пользу Православия не стал для него причиной осуждения другой церковной традиции, не возбуждал презрение к ней. Он не потерял способность, с одной стороны, видеть все положительное, что есть в латинской церковной общине, несмотря на то что считал ее учение ошибочным, с другой — замечал несоответствия и оплошности в своей Церкви, любя ее и служа ей.

Первый интеллигент

Благодаря своей оригинальной и непростой судьбе Максим Грек является в известном смысле «образом диалога

¹ По материалам доклада «Флоренция, Афон, Московия; католики и православные: Максим Грек как посредник диалога» в Международном colloquium «Россия–Италия: опыты и образы диалога интеллектуальных культур», РАН, 3 декабря 2019 г.

интеллектуальных культур». Нерусский и неитальянец, он как никто другой обеспечил контакт между культурами Италии и России в тот самый момент, когда в них происходили глубокие изменения, в эпоху трансформации их самосознания. Через него предренессансная Италия встречается с самоутверждающейся Москвией накануне возникновения религиозно-исторической концепции «Москва — третий Рим».

Богослов-полюмист, он находится в средоточии различных латинского Католицизма, византийского и (уже отличного от последнего) русского Православия. Монах сначала католического (доминиканского) монастыря Святого Марка во Флоренции, затем Ватопедского на Афоне, наконец Чудова в Москве, он обеспечил контакт и взаимное влияние трех монашеских традиций. Дмитрий Лихачев назвал Максима Грека «первым интеллигентом на Руси». Он содействовал приобщению Руси к памятникам христианской культуры, наследию Святых Отцов и византийской образованности, а также к новой западноевропейской рождающейся культуре гуманизма.

Творческое наследие Максима Грека более чем обширно. До нас дошло около 150 его сочинений, но нам известно, что он написал намного больше — наверное, свыше 350 текстов. В отличие от большинства своих русских современников, Максим Грек получил систематическое философское, богословское и филологическое образование. Он первым сообщил в Московии об открытии Америки. Уровень и глубина его знаний, широта кругозора, систематичность мышления высоко поднимали его в глазах окружающих, но это, наверное, и определило его трагическую судьбу.

Приключения грека в Италии

Михаил Триволис попал в Италию в возрасте примерно двадцати лет по приглашению греческого гуманиста Ианоса Ласкариса. В свою очередь Ласкарис после падения Константинополя был послан в Венецию по указанию Виссариона Никейского, главного «архитектора» Флорентийской унии и впоследствии кардинала. В Италии Триволис занимался переписыванием греческих рукописей древних и христианских авторов, также переводил и преподавал.

В 2016 г. во Флоренции была найдена рукопись сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита *De divinis nominibus*; экспертиза почерка установила, что текст переписан Михаилом Триволисом. Антиграф (более древняя рукопись того же сочинения, из которой Михаил переписал свой текст) — это манускрипт IX века, подаренный Козимо Старшим Медичи (1389–1464) доминиканскому монастырю Святого Марка во Флоренции — Сан-Марко. По всей вероятности, Михаил переписал текст, когда жил в этом монастыре.

Быть может, позднее, когда на Афоне Михаил при постриге получил (или выбрал себе) монашеское имя в честь Максима Исповедника, Триволис вспомнил свою работу над этой рукописью во Флоренции — ведь Максим Исповедник — главный толкователь Дионисия Ареопагита. Эта, казалось бы, второстепенная деталь из его жизни на самом деле может нам помочь лучше понять позиции Максима Грека: из всех греческих отцов своего времени Максим Исповедник — тот, кто больше других был дружелюбно настроен по отношению к Западной Церкви и пытался дать «примирительное» толкование католическому учению о *Filioque*...

Михаил Триволис жил и работал в Падуе, Милане, Болонье, Флоренции, Венеции, был близок с рядом итальянских гуманистов, в частности с Марсилио Фичино, Пико делла Мирандола, с издателем Альдо Мануцием.

У католиков

Во Флоренции он испытал сильнейшее впечатление от проповедей доминиканского монаха и настоятеля монастыря Сан-Марко Джироламо Савонаролы. Считается, что он мог стать очевидцем его трагической кончины 23 мая 1498 г., так как он достаточно детально рассказывает о вынесенном ему приговоре и казни. В 1502 г. под влиянием проповеди и трагической гибели Савонаролы Михаил Триволис поступил в монастырь Сан-Марко.

В 2003 г. на основании летописи монастыря был опубликован *liber vestitionum* — текст, содержащий полный список всех насельников с XIV до XX века. В списке приводятся имена и фамилии (или отчества) каждого из них, место рождения, дата вступления в монастырь, то есть начала послушничества (*vestitio*), дата пострига (*professio*) и дата смерти. В этом тексте мы находим некоего брата Михаила, сына Эммануила, из греческого города Арты, и рядом с его именем указана только дата вступления в монастырь (июнь 1502 г.), а столбцы о постриге и смерти пусты. Эти данные окончательно доказывают, что Максим Грек действительно жил в доминиканском монастыре Сан-Марко (о чем давно существовало предположение), что он был послушником, но постриг не принял.

Впрочем, в Сан-Марко жил он совсем недолго, так как уже в 1503 или 1504 г., покинув монастырь, работал в Венеции у Альдо Мануция. Но и в Венеции он задержался ненадолго — скорее всего, только на год, в любом случае не

позднее 1508 г. он был уже на Афоне: преподобный Максим пишет, что жил 10 лет в Ватопедском монастыре, а мы знаем, что он приехал в Московию в 1518 г. Незадолго до этого, в 1515 г., великий князь Московский Василий III обратился к афонским монахам с просьбой прислать на Русь переводчика, и выбор выпал на образованнейшего Максима. Он прибыл в Москву 4 марта 1518 г. и жил в кремлевском Чудовом монастыре, где сначала занимался переводом с греческого языка «Толковой Псалтири».

Приключения грека в России

Максим собрал вокруг себя образованных русских монахов и мирян, преподавал им греческий язык, а они помогали ему в переводческой деятельности. По всей вероятности, переводы с греческого на славянский язык, которым Максим владел не в совершенстве, иногда делались через латынь или итальянский.

В Московии Максим Грек сблизился с представителями движения *нестяжателей*, ратовавших за ограничение монастырского землевладения, с Вассианом Патрикеевым и прочей церковной оппозицией. Московский митрополит Даниил, ученик Иосифа Волоцкого, предложил только что приехавшему со Святой горы монаху переводить «Церковную историю» Феодорита Кирского, но получил от него отказ, ведь Феодорита всегда подозревали в криптонесторианстве. Отказ стал причиной перелома в отношении митрополита к святогорцу.

Максим не только исправлял ошибки в славянских переводах богослужебных и богословских текстов — он своими сочинениями и поучениями боролся с предрассудками, суеверием и невежеством простого народа в Русской Церкви, а также открыто и дерзновенно высказывал свое

мнение по поводу авторитаризма, коррупции и нравственной деградации, как при дворе великого князя, так и среди священноначалия. В поучении «Слово, пространно излагающее с жалостью нестроения и бесчиния царей и властей последнего времени» Максим, прибегая к аллегории, строго критикует феодальный строй Московии эпохи Василия III. В этом и во многих других сочинениях, где он обвиняет в деспотизме или алчности церковное начальство, епископат, игуменов монастырей, его обличительные речи напоминают риторику Савонаролы.

Участие в церковно-политической полемике своего времени предопределило судьбу Максима Грека. Поместный собор 1525 г. обвинил святогорца в ереси, также ему вменили в вину осуждение автокефального статуса Русской Церкви и связи с турецким правительством; он был отлучен от Причастия и заточен в Иосифо-Волоцкий монастырь, где содержался в тяжелейших условиях при полном запрете на литературную деятельность.

В заточении

Он тем не менее сумел написать канон Духу Утешителю — кусочком угля на стене кельи. В 1531 г. Максим вновь был вызван на Собор: помимо прежних «преступлений» ему были предъявлены новые обвинения, в частности, в еретической «порче» богослужебных книг. Церковный суд признал его виновным по всем пунктам, но условия наказания смягчили: он был приговорен к ссылке в Тверской Отроч монастырь под надзор Тверского епископа Акакия, который уважал его до такой степени, что позволял «яко и на трапезу ему седети вкупе со Святителем и ясти с единого блюда» и, главное, предоставил ему возможность писать.

В 40-е годы Патриархи Александрийский и Константинопольский несколько раз обращались к великому князю и к митрополиту московскому с просьбой разрешить Максиму Греку вернуться на Афон, но эти просьбы остались без ответа. После низложения митрополита Даниила Максиму Греку вернули часть его архива, конфискованного еще при первом аресте, и он смог заняться составлением собрания своих сочинений. В 1542 г. Максим попросил нового митрополита московского Макария: «благоволи воздать мне, непотребному рабу твоему, причащение Божественных даров Христовых, которого я лишен, не знаю по какой причине, вот уже в течение 17 лет» (Слово XXIX). Разрешение вернуться к принятию таинств было получено тогда же или еще позже — в 1547 г. В этом же году Максим обратился к Ивану Грозному с просьбой о возвращении на Афон.

В результате многократного заступничества восточных Патриархов, самого митрополита Макария и, вероятно, некоторых советников царя из Избранной рады Максима Грека перевели в Троице-Сергиев монастырь — в 1547–1548 или в 1551 гг.

В последние годы жизни он пользовался всеобщим уважением, царь Иван Грозный публично воздал ему почести. Он скончался в Троице-Сергиевой лавре в 1555 г. Сразу после смерти Максима начали почитать как святого в монашеской среде, стали писать его иконы, изобразили на фреске в Благовещенском соборе московского Кремля, особенно его почитали старообрядцы (в одном трактате Максим Грек говорит о двуперстии). Тем не менее церковноначалие относилось к его памяти настороженно, и он был канонизирован Поместным Собором Русской Православной Церкви лишь в 1988 г., по случаю тысячелетия Крещения Руси.

Итальянский гуманизм

Многие убеждения Максима Грека сближают его с итальянскими гуманистами, у которых он учился в молодости. Он выступал против деспотизма и безнравственности великого князя (и вскоре царя), авторитаризма существующего в Московии феодального строя, деспотизма священноначалия, коррупции в Церкви и обществе, мракобесия, суеверия, нехватки культуры и образования. Он считал незаконной практическую автокефалию Русской церкви, о чем откровенно писал и говорил во время обобщенных церковных судебных разбирательств над ним; он отрицал идеологему «Москва — Третий Рим», которая станет идеологической платформой нового русского государства.

В XVI веке, в эпоху утверждения самодержавия (понятие *самодержец* применительно к великому князю московскому впервые стало использоваться при Иване III), гуманист Максим Грек перед лицом авторитарной власти утверждал идеал просвещенного монарха, находящегося в гармонических отношениях с Церковью, прислушивающегося к голосу подданных. Интересно то, что Максим Грек совершенно оригинально интерпретирует слово «самодержец»: в его трактовке это царь, который способен держать в руках самого себя.

В своих посланиях Ивану IV он рисует образ идеального христианского монарха — «царя истинна», который устраивает справедливый порядок в государстве «правдою и благозаконием», достигая гармонии и осуществляя «симфонию» Церкви и государства. Эти тексты Максима Грека определенным образом являются христианским эквивалентом трактата Макиавелли «Государь». Флорентийский мыслитель писал свой труд в 1513 г., после того как Михаил Триволлис уже покинул Италию, текст был

опубликован посмертно в 1532 г., когда Максим был уже дважды осужден в России. И все же общность интересов, несмотря на различие позиций двух мыслителей, объясняется общей принадлежностью к идеалам итальянского гуманизма. По мнению Максима, царь должен быть полностью проникнут христианской любовью, чтобы управлять своими подданными любовно, с помощью «добрых советников». Государь должен обуздывать самого себя от страстей — «мысль от плоти обуздати»; из греховных помыслов власть имущего Максим Грек выделяет «сластолюбие, славолубие и сребролюбие» — эти три порока являются противоположностью трех классических монашеских обетов (целомудрие, послушание и бедность) латинского монашества.

Критика начальства

Конечно, обвинения против Максима Грека были несправедливы. «Измена» сводилась к тому, что он общался с турецким послом, — не надо забывать, что это был «его» посол, так как родной город Максима Арта и большая часть Греции с XV века находились под властью турок и Максим, по-видимому, пытался получить заступничество османской дипломатии. Что касается «ересей», найденных в некоторых переведенных им текстах, они могли объясняться несовершенным знанием славянского языка. Но в действительности за этими обвинениями скрывалась нетерпимость священноначалия к любой критике.

Максим был воспитан в византийском Православии, также хорошо знал латинские богослужебные традиции и богословие. В результате многовекового самостоятельного развития к XVI веку русские богослужебные и иные

церковные традиции уже существенно отличались от греческих. Максим обнаружил в славянских книгах многие несоответствия византийской традиции и пытался исправить их. Эти его попытки воспринимались русскими церковными и светскими властями как покушение на православные догматы и на независимость Русской Церкви.

Подтверждение тому находим в интереснейшем свидетельстве. В 1582 г. итальянский иезуит Антонио Поссевино, секретарь генерала ордена Общества Иисуса, ректор падуанской академии и папский легат в Восточной Европе, отправляется в Москву по приглашению Ивана Грозного. Он оставил описание этой дипломатической миссии. Среди прочего он рассказывает: «Отец нынешнего государя, Василий, заключил в тюрьму греческого священника, вызванного от Константинопольского Патриарха. Когда этот священник узнал, что московиты расходятся в догматах веры и в некоторых обрядах не только с латинянами, но и с греками, он откровенно высказал это Василию. После этого он так и не смог освободиться из заключения (кстати, турецкий султан в своих письмах возражал против этого не очень решительно) и там, говорят, кончил свои дни».

В критике русских обычаев и, главное, нравственной деградации в Церкви заключалась и основная причина нежелания выпускать Максима из России — он слишком много знал. Следовательно, и церковные и светские власти опасались, что, вернувшись на Афон, Максим Грек мог «очернить репутацию» Московского царства, повлияв на формирование негативного отношения к нему в православном мире.

Антилатинство...

Значительная часть полемических трактатов Максима Грека посвящена утверждению православного исповедания в противовес католичеству, лютеранству, монофизитству, а также иудаизму, исламу, язычеству древних греков, неоязычеству итальянских гуманистов, суеверию простого народа. Как мы видели, Максим Грек в Италии жил в доминиканском монастыре в качестве послушника — какова была его позиция по отношению к католичеству? В «Слове похвальном святым апостолам Петру и Павлу; здесь же и обличение против латинских трех больших ересей» он говорит о *Filioque*, опресноках и о том, что между спасением (рай) и осуждением (ад) не может быть никакого другого состояния (чистилище, хотя автор этот термин нигде не использует). Наиболее яростно святогорец ополчается против придворного медика Василия III и полемиста Николая Булева, который в эти годы ратовал за унию с католиками в духе Флорентийского собора.

Говоря о *Filioque*, святогорец разделяет позицию, которую до него отстаивал свт. Марк Эфесский: «Вы же, латиняне... достойны того, чтобы называть вас не только раскольниками, но отчасти и еретиками, как нарушителей апостольских и отеческих правил и преданий».

Его отношение к Католической Церкви выражается и в его повести о Савонароле или «О совершенной иноческой жизни». В этом трактате Максим Грек сравнивает жизнь латинских монахов с православными. В первой части сочинения рассказывает о монастырях во Франции, во второй — о монастыре Сан-Марко во Флоренции, Савонароле и его судьбе.

...и восхищение

Максим подчеркивает умеренность и добродетельную жизнь латинских монахов: «В кельях у них не найдешь ничего другого, кроме нескольких книг и рубища, которое они носят на себе. Где у них особая какая-нибудь вкусная пища, или напиток, или какие-нибудь овощи, или что-нибудь другое, услаждающее гортань? Где у них накопление серебра и золота? Где у них празднословие, или сквернословие, или смех несвоевременный и бесчинный? О пьянстве же и избытке вкусной еды даже и не слышно у них; сребролюбие же, и лихоимство, и ростовщичество, и лукавство почиталось у них мерзким и проклятым». Иногда добродетельной жизни в западных обителях святого-реца открыто противопоставляет частое нарушения устава в православных монастырях: «Где у них отвержение обетов, которые они дали Богу, когда постригались? Ничего этого не найдешь, даже много потрудившись! Но и других обителей, как это бывает из-за переходов частых, они не знают, — не как мы переходим бесчинно вопреки обетам нашим из обители нашей в другую, по легкомыслию ума нашего, нарушая указания Бога и Спасителя нашего, повелевающего нам в своем Евангелии: “В какой дом войдете, там оставайтесь, пока не выйдете”, а не “переходите из дома в дом”».

Больше всего у латинян ему нравится нестяжательство: «Таково их совершенное братолюбие и покорность настоятелям своим. Нет у них ничего своего, но все общее, нестяжательство они любят как великое благо духовное, ибо оно сохраняет их в спокойствии и во всякой правде, и в твердости помыслов, и вдали от всякого сребролюбия и лихоимства». Он рассказывает о том, как во францисканских монастырях каждый день братия питается только от подаваний: «Таким способом они каждый день добывают

себе пищу на день, переменяя городские улицы. Но кто и каковы эти просители? Это бывшие прежде благородные и богатейшие люди, которые, подражая господней нищете, добровольно делаются нищими и не стыдятся послужить нуждам своей обители, без ропота и раздумий».

Другое, в чем православным по мнению Максима стоило бы подражать латинским монастырям, это выбор настоятелей и то, как они пекутся о братии: «Так следовало бы и нам, православным, устраивать в отношении нас, иноков, и чтобы соборами богоносных отцов избирались игумены священных монастырей, а не так, чтобы дарами серебра и золота, даваемыми народным писарям, игуменские места достигались желающими, из числа которых многие совсем не обучены предметам божественным и ведут бесчинную жизнь, упражняясь всегда сами в пьянстве и во всяком чревоугодии, а находящиеся под их управлением братья, лишённые заботы об их телесных потребностях и в небрежении духовном, скитаются по бездорожью, как овцы, не имеющие пастыря. Увы, увy, пощади, Господи, пощади!»

Во второй части сочинения Максим с восхищением рассказывает о Савонароле: «Флоренция — город прекраснейший и лучший из находящихся в Италии городов, которые я сам видел. В том городе есть монастырь, где живут монахи, называемые по-латински предикаторы, то есть Божьи проповедники. У храма же священной этой обители святейший апостол и евангелист Марк является покровителем и предстателем перед господом. В этой обители игуменом был некий священноинок по имени Иероним, латинянин по происхождению и по вере, исполненный всякой премудрости и понимания боговдохновенных писаний и внешней науки, то есть философии, подвижник великий и обильно украшенный божественной рев-

ностью. ...Такую же мудрость, и разум, и искусство в боговдохновенных и внешних писаниях я усмотрел в них, и более других — в Иерониме, который по два часа, а иногда и более, стоя на кафедре учительской, обильно изливал слушателям струи учения, — не книгу держа в руках и черпая оттуда свидетельства, подтверждающие его слова, но заимствуя их из сокровищницы своей великой памяти, в которой было сокрыто всякое богомудрое понимание искусства святых писаний». Он подробно рассказывает о казни Иеронима и тех, кто был с ним судим, свидетельствуя, что он «с радостью сравнил бы погибших иноков с древними защитниками благочестия, если бы они не были верой латинянами, ибо подобную древним мученикам горячую ревность за славу спасителя Христа и за спасение и исправление верных усмотрел я в преподобных тех иноках».

Честность

Такой восторг и благоговение перед еретиками, конечно, могли казаться излишними, если не подозрительными, и стать поводом для обвинений. Максим Грек это понимает: «Я это пишу не для того, чтобы показать латинскую веру чистой, совершенной и правильной во всем, — да не будет во мне такого безумия! — но чтобы показать православным, что и у неправильно мудрствующих латинян есть попечение и прилежание о евангельских спасительных заповедях и ревность за веру Спасителя Христа, хотя и не до конца осмысленные».

В заключение своего трактата Максим Грек приходит к выводу о том, что правильная вера (*ортодоксия*) для спасения должна сопровождаться правильной благочестивой жизнью (*ортотраксис*): «Латиняне, хотя и во многом

соблазнились, к ошибочным некоторым и странным учениям обращаясь, прельщенные присущим им многознанием эллинских наук, но не окончательно отпали от веры, и надежды, и любви в Спасителя Христа, ради которого их монахи по святым его заповедям прилежно устраивают свою иноческую жизнь, так что их единомыслию, и братолюбием, и нестяжательности, и безмолвию, и умиротворению, и заботе о спасении многих следует и нам подражать, чтобы не оказаться хуже их. Это я говорю относительно прилежного исполнения евангельских заповедей, ибо как их не делает совершенными прилежное исполнение заповедей Спасителя, пока они не откажутся от своих ересей, так и нас не делает совершенными одна православная вера, если не дополняем ее прилежным исполнением евангельских заповедей».

...Предельная интеллектуальная честность! Такое равновесие и такая честность свидетельствуют о чрезвычайно высоком уровне духовной жизни человека, но требуют от него готовности оставаться верным до конца, принять крест непонимания и осуждения — прежде всего со стороны своих же собратьев...

День 24

Я получил письмо из Италии от одного молодого православного священника-итальянца. Он благодарит меня «от всего сердца за Ваше свидетельство, столь драгоценное для меня и многих», пишет, что моя история и христианский опыт священника-монаха в России, его «глубоко тронули и давно вдохновляют. Я всегда считал, что западные люди, пришедшие в Православие, должны быть живыми мостами между двумя традициями. Но, как Вы, полагаю, хорошо знаете, часто бывает, что наши соотечественники выбирают Православие в результате поиска идентичности и скорее стремятся к противопоставлению окружающим, чем к диалогу». Молодой собрат задает себе «очень серьезные вопросы о перспективе и возможности существования Православия, укорененного в итальянской, западной культурной среде, Православия, которое позиционировало бы себя как Церковь, ведущая диалог со всеми, стремящаяся к сопричастности, а не к разделению».

...Неожиданный луч света в тумане болезни. Как мне это все знакомо! И позиция молодого собрата, и определенное разочарование, которое улавливается между строк. В отличие от моего корреспондента, я пришел в Православие, живя в России, и принял сан, будучи уже в зрелых годах. Стало быть, с моей стороны должно было быть меньше идеализации и наивных ожиданий — я знал Церковь изнутри! В последние годы мы стали, к сожалению, свидетелями фактического провала двух наиболее значимых исторических попыток укоренения Православия на западной

почве — Сурожской епархии и архиепископии русской традиции Константинопольского Патриархата.

И все же для меня, как человека, находящегося в некотором смысле между двумя традициями, вопреки всему все еще жива не идея о «западном Православии», а надежда на открытое, светлое, миссионерское Православие, не карикатурно «этнографическое», не замкнутое в мифическом прошлом, не дающее себя эксплуатировать в качестве национального знамени сильными мира сего. Думаю, что в этом деле важную роль могут сыграть «малые» Православные Церкви, а также те верующие, для которых Православие — сознательный и свободный выбор, а не просто часть национальной идентичности. Более десяти лет назад, перед рукоположением, я написал об этом другу и считаю это письмо своего рода «манифестом» моего Православия.

Христианство завтрашнего дня¹

В последнее время в самых разных кругах Католической Церкви все больше стало распространяться мнение, что поскольку нынешний Папа — консерватор² и при нем диалог с протестантами значительно усложнился, то Католическая Церковь хочет дать новый импульс диалогу с Православием. В свою очередь Православие, учитывая пропасть, которая все больше отделяет его от протестантов, особенно по вопросам этики, тоже заинтересовано в возобновлении диалога с Римом. А поскольку этот диалог — тема для меня животрепещущая по личным обстоя-

¹ Письмо другу, написанное 27 января 2009 г.

² Текст написан во время понтификата папы Бенедикта XVI.

тельствам, этой попытке движения навстречу друг другу я могу только порадоваться...

Союз реакционеров?

Правда, сразу хочу подчеркнуть, что если попытка восстановить единство православных и католиков рассматривается как своего рода союз «реакционеров», то здесь никаких поводов для энтузиазма я не вижу. Я вообще ничего общего не вижу между стремлением христиан к единству и прагматичными договоренностями «за неимением» или даже «против», неважно кого: протестантов, либералов, секуляризма, размывания нравственных принципов, светской культуры, ислама или кого-то еще. Также неубедительно для меня использование применительно к отношениям между последователями Христа, которым Учитель повелел: *Да любите друг друга* (Ин 13:34), терминологии из политического, дипломатического, военного лексикона. Единство христиан — это не просто союз по обстоятельствам, товарищество, коалиция или альянс, продиктованные потребностью объединиться против общего недруга. Для нас, христиан, единство — это сама сущность Троицыного Бога, или, говоря по-богословски, *перихорезис*. То есть три ипостаси «единосущной и нераздельной» Троицы «пребывают и обитают одна в другой», как объясняет святитель Иоанн Дамаскин. А если процитировать апостола Иоанна Богослова, эта сущность — Любовь: *Бог есть любовь* (1 Ин 4:8). Эта любовь никогда не бывает сговором какой-то кучки людей против всех остальных. Это совсем не то, что договориться вон с тем противным соседом справа, потому что сосед слева еще хуже...

К сожалению, у меня все чаще возникает ощущение, что с обеих сторон многие смотрят на робкое возобнове-

ние диалога между католиками и православными именно так: раз диалог с протестантами слишком труден и католикам и православным, нам, «консерваторам», остается договориться между собой, им «наперекор»... Такой подход к единству кажется мне очень ограниченным и довольно неудачным. Правильнее будет ясно и недвусмысленно свидетельствовать о том, что и та и другая Церковь сохранила апостольское преемство, взаимно признать действительность таинств и заявить о большей догматической близости друг к другу, чем к Церквам Реформации. А затем вместе вести диалог с еще более далекими братьями.

Консерваторы или традиционалисты?

А с чем я совсем не могу согласиться, так это с расхожим взглядом: раз православный, значит, консерватор. Им грешат, к сожалению, многие православные, особенно среди неофитов. Никогда не стоит путать консерватора с традиционалистом. «Традиционалист» — слово, которое имеет прямое отношение к Преданию (лат. *Traditio*), буквально «передача»: передача живой веры, что включает учение Церкви, таинства, обряды и т. д., — всего того сокровища, которое мы получили от апостолов и предшествующих поколений верующих. Так вот, в смысле любви к Преданию православный и в самом деле «традиционалист».

Слово «Предание» (*Traditio*) я пишу с большой буквы по-латыни и по-славянски, потому что мне кажется чрезвычайно важным понимать разницу между Священным Преданием и традициями вообще (с маленькой буквы и во множественном числе): эти последние могут меняться, это неизбежно, более того, так и должно быть. Речь здесь совсем не о том, чтобы Церковь пошла на какие-либо

уступки требованиям современного мира, а о самой миссии Церкви возвещать Евангелие. Если мы понимаем Предание как «передачу веры», то тогда оно связано с этой миссией. И она может осуществляться, только если возвещающий внимателен к чаяниям тех, к кому пришел, и одновременно готов разделить их культуру и язык. Как говорил апостол Павел, *для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных... Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых* (1 Кор 9:20).

Яркий пример мы находим в житиях святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Сохраняя абсолютную верность Преданию и стремясь передать веру славянским народам, Солунские братья перевели на славянский язык все книги, необходимые для совершения богослужения, тем самым нарушая традицию, согласно которой богослужение можно было проводить только на сакральных языках — еврейском, греческом и латинском, — вызывая злобу немецких миссионеров, ревнителей этой традиции...

Слово «консерватор» (в русском языке в большей степени, чем в романских) легко вызывает ассоциацию с консервированием, например, пищевых продуктов. Консерватор не различает Предание и традиции: и то и другое следует положить в заморозку. Консерватор — это тот, кто в отчаянной попытке, невозможной и бесполезной, старается остановить непрерывный поток жизни; кто готов упрятать жизнь в сундук с нафталином, а еще лучше забальзамировать, лишь бы не дать ей меняться. Одним словом, он идеализирует то прошлое, которого в действительности никогда не было, но которое такой человек жаждет сохранить навек неизменным и консервирует его, как фрукты или ягоды в сахарном сиропе — они не портятся,

но полностью теряют вкус, и ничего, кроме сахара, не остается...

Многие, более или менее сознательно, именно так воспринимают Православие: слащавая идеализация мифического Средневековья, фанатичное отношение к анахронизмам. Но, при всей моей любви к истории и уважении к прошлому, то Православие, в которое я верую и которое исповедую, не имеет ничего общего с таким близоруким поклонением формам прошедших эпох. Я вырос в южной стране, где почти весь год есть свежие фрукты, и никогда не любил варенье, на которое смотрел как на суррогат... Может быть, поэтому во всякого рода консерватизме я обычно ощущаю запах формалина, мертвецкой...

Прошлое, настоящее и будущее

Для меня Православие ассоциируется скорее с будущим: это христианство завтрашнего дня. Точнее, это Церковь, которая прочно стоит в настоящем, владеет могучим наследием прошлого и с верой смотрит в будущее. И в первую очередь благодаря любви к литургии, ибо в литургии совершается *hic et nunc*, здесь и сейчас, единство времени и всякий раз Церковь преломляет хлеб со всеми теми, кто уже преломил его до нас, и с теми, кто будет преломлять его, когда нас уже не будет. Это и есть «передача веры», это и есть Предание.

Именно ради любви к нему, ради возможности такой передачи Православная Церковь готова принять вызов, который бросают ей мир, сегодняшний день, современность. Это Церковь, которая способна к диалогу. И, хотя бы теоретически, к Православной Церкви, на мой взгляд, это должно относиться даже больше, чем к Католической, которая по своей природе имеет жесткую пирамидальную

структуру, а исторически более погружена в борьбу за власть мира сего. Православие для меня, в некотором смысле, — это вера в будущее, притом именно тогда, когда «светлого будущего» уже совсем не ждут... Потому что Православие — это пасхальное благовестие о том, что «Христос воскрес», это твердая уверенность в том, что Он уже победил мир. Это Церковь Павла Флоренского, священника и ученого, который в самые жуткие годы военного коммунизма участвовал в научных конференциях в рясе, а попав в лагерь, продолжал учиться, экспериментировать и изобретать; это Церковь Александра Меня, который говорил, что человек XX века — «духовный неандерталец», ибо христианство «едва началось», а Благая Весть — это «религия будущего».

Разумеется, многие скажут, что это скорее исключения, и кое-кто даже считает их в Православии явлениями маргинальными, едва ли не выходящими за рамки. Мне же кажется, что эта способность крепко и мужественно держаться в настоящем, сохранять верность прошлому и целеустремленно смотреть в будущее и есть одна из главных черт Православия. Во всяком случае, такими открытыми по отношению к проблемам своей эпохи были, к примеру, два моих небесных покровителя — Иоанн Златоуст и Иоанн Дамаскин; так, без всяких сомнений, крепко стоял в своем времени участник и вдохновитель политической и культурной жизни Руси XIV века, самый великий представитель русского монашества Сергей Радонежский.

Православие «с человеческим лицом»?

Некоторое время назад один мой знакомый, которого, наверно, можно назвать «разочарованным прогрессистом», ходивший какое-то время к отцу Александру Меню, ска-

зал мне с горечью, что «отец Александр нас обманул, дав надежду на существование Православия открытого, способного к диалогу, Православия “с человеческим лицом”, тогда как действительность Русской Церкви доказывает, что такого Православия просто не может быть... Остается постучаться к католикам».

Естественно, его выводы меня расстроили, и, конечно, у меня нашлось бы что сказать ему в ответ. Однако слишком просто, даже безнравственно, заявить, что для меня Православие имеет только одно лицо: это Богочеловеческий лик Самого Господа Иисуса Христа. Он, будучи Богом, был Сыном Человеческим и в глазах современников — простым человеком, который крайне серьезно воспринимал ожидания и нужды своих современников. Ведь тайна воплощения и состоит в этом кенозисе Сына Божия ради любви к нам: *Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек* (Флп 2:6–7).

...Ответ прямо из катехизиса. Но если страдающий человек открывает тебе душу, то отвечать ему по учебнику жестоко и безнравственно; можно только принять это страдание и попытаться его разделить. На самом деле разочарование этого православного ставит перед нами серьезный вопрос, требующий скорейшего разрешения, — о свойствах и будущем Православия. Может ли существовать Православие, сохраняющее верность Преданию и одновременно открытое к диалогу с каждым человеком?

В действительности в наши дни Православные Церкви в диалоге с современным миром чувствуют себя значительно менее уверенно, чем западные — Католическая и протестантские. Но эта ситуация — результат исторических превратностей, тяжелое наследие прошлого, как не-

давнего (для многих коммунистического), так и далекого. Во многом это последствия тесных, неоднозначных и даже противоречивых взаимоотношений Православной Церкви со светской властью.

Церковь и государственная власть

Отношения Православия с государственной властью — тема, которая не просто заслуживает серьезных размышлений, в этих отношениях нельзя не заметить (как это сделал недавно скончавшийся богослов Оливье Клеман) удивительный промысл кенозиса. Более чем тысячу лет византийской истории Восточная Церковь жила в теснейшем единстве с христианскими кесарями — в так называемой симфонии властей. Это положение для Церкви было крайне выгодно и полезно и обусловило ее развитие. Но крепкие объятия государства едва не задушили ее, стопроцентное вмешательство императора в церковную жизнь (он созывал и распускал соборы, проводил, поддерживал или запрещал новые учения, смещал епископов и Патриархов) привело к ее ослаблению и развитию в ней определенных недугов. Но поскольку считалось, что это христианский император, данный Богом, Церковь почти всегда ему подчинялась.

Тем временем, за пределами Византийской империи, другие восточные Церкви долгое время (некоторые из них — веками) жили под пятой сильной государственной, крайне негативно настроенной против христиан, власти. Кроме того, это происходило внутри огромных многонациональных империй, поэтому каждая национальная Церковь представляла свой народ перед халифом, султаном или языческим императором. После падения Константинополя турки завоевали Грецию, Сербию и Болга-

рию, а Валахия, Молдавия и Трансильвания попали под вассалитет Османской империи — вот практически полная картина православного мира. Единственным исключением оставалась Россия, которая как раз в то время заявила о себе как о новой православной империи и провозгласила Москву «третьим Римом». Однако первое унижение Русская Церковь испытала уже при Петре Первом, который уничтожил патриаршество и загнал ее в государственную бюрократическую машину. Наконец, в начале XX века то, что некогда было Святой Русью, с впечатляющей скоростью переродилось в агрессивно атеистическую современную империю, которая во всеуслышание заявила, что Бога нет.

Таковы парадоксальные исторические судьбы Православия в отношениях со светской властью: сначала полное подчинение Церкви христианскому кесарю (византийскому императору или русскому царю), затем обособленное существование всех крупнейших Православных Церквей внутри многонациональных империй, управляемых могучими противниками христианства (персами, арабами, турками, большевиками). Само собой разумеется, что Церковь, хоть она не от мира сего, но живет в мире и должна найти способ сосуществования (и даже, если угодно, союз, симфонию) с государством, с политической властью. Однако последствия сложного исторического опыта взаимоотношений Православия с властью заметны и сегодня.

Новомученики

К сожалению, сегодня видим очень печальное и страшное явление, особенно в последние годы: такое ощущение, что в наши дни в России палачи прошлого пользуются

большим уважением, популярностью и даже любовью, чем их жертвы. Сегодня в России недавняя история не просто забывается, а сознательно переписывается и фальсифицируется, и палачи оправдываются и даже приводятся как пример патриотизма. Предлагается и пропагандируется некая национальная идея, своего рода идейный ви-негрет, пестрая смесь разнородных мифологем, главный ингредиент которых — сомнительный патриотизм, заправленный каким-то псевдоправославным соусом. Непостижимым образом, даже некоторыми людьми, которые считают себя православными и об этом громко заявляют, жуткие деяния органов государственных репрессий (ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД и позднее КГБ), сами эти органы и их руководители рассматриваются как положительные. Неужели память новомучеников забыта сразу же после их канонизации?

Но есть и другой важный исторический вопрос. Без всякого сомнения, для Русской Церкви самое страшное время, когда учинялись расстрелы и депортации духовенства, конфискации церковного имущества и разрушение храмов, началось на следующий день после революции и продолжалось в годы военного коммунизма и НЭПа, полного захвата власти Сталиным после смерти Ленина, коллективизации и раскулачивания, до сталинских чисток 1937—1938 гг. Как так получилось, что в те страшные первые 20 лет советской власти очень многие люди, которые до вчерашнего дня были благочестивыми, крестили своих детей, иногда ходили в храм, может быть, дома читали какие-то молитвы, буквально в один день полностью переменили свои религиозные убеждения? Конечно, далеко не все одобряли расстрелы духовенства или принимали участие в них, но очень многие участвовали в разрушениях храмов, в краже церковного имущества

и осквернении святынь. Это, к сожалению, неоспоримый факт российской истории, как и резкое падение количества крещений и принятия других таинств сразу после революции. Как это стало возможным? Это сложный вопрос, который Церковь должна очень честно себе задавать.

Наверное, одна из причин такого удивительного факта в том, что перед революцией Церковь пользовалась огромной популярностью у всего населения Российской империи, но всегда была на стороне властей, царского двора, богатых людей и не очень на стороне угнетенных, униженных и даже простого народа. В последнее время царской России Русская Церковь очень многими воспринималась просто как инструмент управления в руках властей. Большевики смогли умело использовать недовольство интеллигенции и части народа священноначалием, и те, которые, будучи крещеными, недолго любили духовенство, стали презирать его. Эти отрицательные чувства по отношению к церковной иерархии очень скоро превратились в ненависть ко всей Церкви.

Церковь и угнетенные

Прошел век, в течение которого преследования продолжались, пусть в разных формах. С тысячелетия Крещения Руси и изменения религиозной политики в СССР прошло еще 35 лет. Это немалый срок. Возрождение веры и Церкви в России за это время — тоже исключительное явление. Мы каждый год 25 января / 7 февраля поминаем новомучеников и исповедников нашей Церкви. Совершая их память, мы должны думать об историческом значении их подвига и задавать себе очень серьезный вопрос: на чьей стороне наша Церковь сегодня? Кого она поддерживает?

Угнетенных, бедных, слабых, жертв? Или их преследователей? Закон или произвол? Ведь от этого зависит будущее Церкви. Если сегодня Церковь недостаточно смело будет защищать тех, кто страдает или претерпевает несправедливость, то завтра ей может быть совсем худо. Этому как раз ясно учит нас недавняя история нашей поместной Церкви.

Некоторые люди считают, что Церковь не должна «вмешиваться в политическую борьбу» и что даже перед лицом несправедливости, произвола, нарушения прав, свободы и достоинства человека, скорее, чем занять активную гражданскую позицию, обличая виновных и защищая жертв, она должна молиться.

Ветхозаветные пророки, обличая лицемерие, учили тому, что почитание Бога, молитвенная жизнь человека должна отражать его нравственное поведение, его милосердие. Более того, праведность иногда в словах пророков совпадает с заботой о справедливости — активное действие человека в защиту всех «обидимых» как раз указывается пророками как высшее благочестие: *Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо* (Ис 58:6).

В первой главе Книги пророка Исаии Господь совершенно недвусмысленно заявляет Церкви избранного народа о том, что Он «не хочет» молений, обрядов и почитания, которые к Нему обращает Церковь: Он «ненавидит», «не может терпеть» и требует «не носить больше даров тщетных», ибо такое благочестие для Него «отвратительно»... Устами Своего пророка Бог призывает Церковь к другому благочестию: «ищите правды; спасайте угнетенного; защищайте сироту; вступайтесь за вдову» (см. Ис 1:10–17).

Пророк Иеремия призывает к социальной ответственности, заступничеству за всех преследуемых: *Так говорит Господь: производите суд и правду и спасайте обижаемого от руки притеснителя* (Иер 22:3). Того же требует и псалмопевец: *избавляйте бедного и нищего; исторгайте его из руки нечестивых* (Пс 81:4).

Забота об угнетенных и жертвах несправедливости, незаконности и произвола — вот что требует от нас память новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Православие по выбору

Сегодня, с одной стороны, Православная Церковь с подозрением относится к тому, что ее окружает, а иногда и становится в оборону: речь идет о светской культуре, политическом и экономическом сообществе; она с недоверием наблюдает современную жизнь и по этой причине стремится укрыться в памяти о прошлом. Церковь углублена в себя, она куда больше внимания уделяет своим внутренним делам, чем ожиданиям внешнего мира. С другой стороны, ей приходится все время сталкиваться с проявлениями застарелого национализма (ставшего еще более агрессивным в условиях современного глобалистского общества), из-за чего она часто делит людей на «своих» и «чужих», на овец церковного двора и внешних, и внимательна только к первым. Наконец, нет-нет да и выплывает самое древнее искушение, первородное, византийское: заключить союз на старый манер, пасть в объятия очередного императора. Церковь не только охотно ищет поддержки у светской власти, но даже стремится иногда стать Церковью не народа или нации, а государства. Или вдруг уступает давлению самых разных политических сил, желающих использовать Православие как идеологическое знамя или символ нации.

Именно поэтому сегодня во всем архипелаге православных Церквей, как ни парадоксально, более здоровыми иной раз оказываются Церкви малые, расположенные в странах, не имеющих глубокой православной традиции. Они не должны нести груз богатой и определяющей церковную жизнь исторической памяти, они не испытывают искушения стать на службу сильной государственной власти, а потому оказываются более открытыми к диалогу со светским обществом, с другими Церквями, с современной культурой. Лично я убежден, что эти «малые Церкви» смогут помочь Православию стать поистине миссионерским, научиться диалогу и ответить на вызов, который бросает ему современность. Со мной согласны и крупные, не исконно православные богословы и иерархи — французы Оливье Клеман и Жан-Клод Ларше, англичанин Каллистос Уэр и другие, для которых Православие стало сознательным выбором, а не культурным наследием.

День 25

Пусть вам не страшно, но можно заразить других¹

Когда коронавирус стал распространяться в Италии, я почувствовал, что беда близко. Конечно, я знал о ситуации в Китае, мы молились за людей, столкнувшихся с болезнью. А потом он пришел и на мою родину. Я как раз собирался в Италию — должен был лететь в конце февраля, но пришлось все отменить. Даже если, теоретически, я попал бы туда и смог вернуться обратно, причем здоровым, без вируса, все равно пришлось бы соблюдать двухнедельную самоизоляцию. Во время Великого поста две или три недели не бывать в храме — для меня просто нереально, потому я и откладывал поездку.

Слава Богу, мои родные в Италии все здоровы. Родителям по 92 года, и они входят в группу риска. В Сардинии, где они живут, наименьшее распространение вируса, — сказывается преимущество острова — в нашем городе пока ни одного случая.

Но, несмотря на это, режим карантина соблюдается по всей стране, и все мои родственники не выходят

¹ В тексте используются части интервью «Пусть вам не страшно, но можно заразить других. Иеромонах Иоанн (Гуайта) — о санитарных правилах, родных и вере. Как молитва через интернет может объединить людей» и «Мы заболели, но никто из прихожан не заразился в храме. Священники — об уроках эпидемии и том, как изменится Церковь», опубликованных на портале «Православие и мир» 29 марта и 16 мая 2020 г.

из дома. Мама, наверное, не очень страдает от этих мер: она и раньше не выходила, просто по состоянию здоровья. А остальным членам семьи пришлось ограничить свою активность. За исключением тех, которые работают в больнице: моей сестры — она биолог, моего брата и его жены — они врачи.

Италия, по преимуществу Северная, очень пострадала от эпидемии. В Ломбардии картина, действительно, трагическая, катастрофически не хватает мест в больницах, аппаратов ИВЛ, пожилых людей отправляют умирать домой...

Проблема не только в высокой смертности и опасности для всего населения. Просто вдруг, по причине эпидемии, возникли совершенно новые условия жизни, а принять их не так просто. Итальянцы, как известно, жизнерадостный народ, веселый, и представить себе жизнь в Италии без музыки, искусства, театра — сложно. Они просто не могут отказаться от посещения концертов, музеев, театров, кино. Слава Богу, многие заведения работают в дистанционном режиме. Но это, конечно, небольшое утешение. Очень хочется, чтобы жизнь вернулась в привычное русло.

Одновременно происходят удивительные вещи. Многие люди пишут, что жизнь после пандемии изменится. Мне кажется — в лучшую сторону: люди стали задумываться о смысле жизни, о том, что наше существование висит на волоске, что есть серьезные вещи, ради которых стоит жить. Верующие люди знали это и раньше, но теперь они получили вот такое сильное напоминание.

В Италии происходит настоящий духовный подъем. В период, когда церкви закрыты, когда люди не могут посещать храм, не могут причащаться, многие

стали намного больше молиться дома, читать Священное Писание, в том числе и те, кто до недавнего времени считал себя далеким от веры. Парадокс: люди на расстоянии стали ближе друг к другу!

По всей вероятности, ситуация в Москве и в целом в России будет осложняться. Да, чудеса бывают... Но, глядя на происходящее в других странах, думаю, что нас ждут непростые времена. В Москве мы живем в условиях мегаполиса, города, в котором каждый день 9,5 миллиона пользуются метро... Как раз эти условия, к сожалению, способствуют распространению любого вируса.

Исходя из опыта Италии, из того, что рассказывают мне родственники-врачи, я понимаю: чем строже меры безопасности, тем выше шанс преодолеть вирус с наименьшими потерями. Это должно быть понятно всем, в том числе в Церкви. Но к сожалению, далеко не везде.

Патриарх выступил с обращением к верующим, сказав, что в течение десятилетий он постоянно убеждал всех в важности посещения храма, а сегодня вынужден призывать людей оставаться дома. Он привел пример Марии Египетской, которая 47 лет провела в пустыне в полном уединении, не имея возможности посещать храм и причащаться, но достигла святости. Священноначалие нашей Церкви сначала приняло меры для соблюдения в храмах всевозможных норм, чтобы обезопасить людей, затем последовало решение совершать богослужения при закрытых храмах, притом именно в преддверии Пасхи.

Слава Богу, большинство приходов Русской Православной Церкви приняли документ, в котором говорится о соблюдении санитарно-гигиенических норм в

храме. Печально то, что реакция на него была неоднозначной, и далеко не везде одинаково здоровой. Какая-то часть духовенства, особенно монашествующие, восстала против этих решений, отказалась их исполнять. Некоторые священнослужители заявили публично, что, раз мы — верующие люди, нам не страшно и никакие меры безопасности нам не нужны. Эта позиция инфантильна и безответственна. Есть такое понятие «искушать Бога», не надо забывать о нем.

Сам Господь в пустыне подвергся искушению сделать камни хлебом, броситься вниз и не разбиться, это Он назвал искушением. Думаю, что священники, призывающие верующих приходить в храм, причащаться без страха и не обращать внимания на меры безопасности, впадают именно в такой соблазн. Мы, безусловно, должны уповать на Господа, но при этом соблюдать все меры, чтобы снизить риск распространения заболевания. Соблюдать, как цивилизованные люди, как ответственные граждане и как верующие, как христиане! Мы должны подавать пример гражданской ответственности.

Когда священник в сегодняшнем контексте пандемии демонстративно показывает, что он не боится никаких болезней, вирусов, это, как мне кажется, может быть определенной гордыней, а кроме того, и духовным шантажом, давлением на прихожан: «Если будете соблюдать все меры, значит, вам страшно, значит, у вас недоверие к Богу». Призвать людей идти в храм, где скапливается много народа, это не акт смелости, это акт безответственности!

Во второе воскресенье Великого поста мы вспоминали евангельскую историю о том, как человека, стра-

дающего параличом, друзья привезли к Спасителю. Поняв, что через толпу к двери не пробиться, залезли на крышу, стали разбирать кровлю и спустили больного к ногам Господа. Это замечательный образ того, что, да, Господь совершает чудо, но при этом от людей тоже нередко требуются усилия, какие-то действия. То есть друзья расслабленного сделали все, что от них зависело, и даже больше. Они не сказали ему: «Извини, видишь, не получается ничего!» — а полезли на крышу.

В условиях эпидемии проблема не только в том, что человек сам может заразиться, но он может и передавать вирус. Человеку не страшно, отлично! Но безответственно не думать о тех, кого он может невольно заразить. Ведь известно, что, даже не имея явных симптомов заболевания, любой из нас может передать вирус более слабому, который может умереть. Аналогичная ситуация бывает, когда выпивший человек садится за руль, потому что не боится! Но он может стать убийцей! Это высшая степень эгоизма — мы не можем думать только о себе. Господь нас призывает быть в ответе друг за друга. Тем более меня шокирует, если подобные вещи делает или говорит священнослужитель...

Ведь именно священник призван называть вещи своими именами. Одно дело, когда христианин сталкивается со злом и говорит: «Вот это зло, но я доверяюсь Богу». Другое дело, если христианин видит зло и называет его добром или видит болезнь и говорит: «Да нет, это ерунда, ничего страшного!» Это просто демагогия, инфантилизм и безответственность, а не вера.

День 26

Очень и очень не хватает мне моих любимых детских литургий! В нашем храме я обычно служу один раз в месяц литургию, на которую мы приглашаем в основном детей младшего школьного возраста. Служим по-церковнославянски и, я бы сказал, довольно традиционно, но стараемся сделать так, чтобы происходящее было максимально понятным. Хор состоит только из детей, регент — подросток, но поют все: рядом с солеей ставим большой экран, где показывается весь текст службы — то, что поет хор и народ, написано полужирным, а текст ектений и возгласов, которые произносятся по-славянски, даем в русском переводе. Дети очень любят эту службу и больше всего проповедь, которую кто-то назвал «интерактивной» — я всегда веду непосредственный диалог с ними. Мы вместе смотрим текст Евангелия на экране и вместе стараемся его понять. Дети активно участвуют, задают вопросы, высказывают свое мнение. Уверен, что это очень важный для них опыт и впечатления о храме и службе останутся, наверное, на всю жизнь среди лучших детских воспоминаний.

Узнать голос Пастуха¹

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие друзья!

Вот мы читали Евангелие о добром пастыре. Иисус несколько раз в Евангелии сравнивает нас с овцами и гово-

¹ Проповедь, произнесенная за детской литургией в храме свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине 16 мая 2015 г.

рит о том, что Он — пастырь, то есть — пастух. Также много раз Он сравнивает Царство Небесное с трудом рыбаков, поясняя, что, как забрасывают сеть в море, когда ловят рыбу и потом вытаскивают, то же самое происходит с Царством Небесным. И хочется спросить: а когда вы последний раз держали ягненка на руках? Давно ли? И вообще — держали когда-нибудь ягненка? Кто-нибудь из вас?

Девочка: Да, я держала.

Вот, отлично. А кто еще держал? Никто? А есть такие, кто близко видел овечку? Нет? Никогда? А вот я родился в Италии на Сардинии, где очень много овец. Их гораздо больше, чем жителей, — в шесть раз! На полтора миллиона людей девять миллионов овец, представляете? Их там так много, что, когда едешь по стране, постоянно видишь: стада, пастухи, овцы и так далее. Кроме того, поскольку это остров, кругом везде море. И я в детстве очень часто видел, как рыбаки закидывают сети, как они обратно их вытаскивают, как они достают рыбу — это безумно интересно!

Но потом вышло так, что почти тридцать лет назад я переехал в Москву, и сейчас мне очень редко приходится видеть овец. На улицах Москвы я точно их никогда не встречал! И рыбаков тоже, фактически, никогда здесь не вижу. Зато очень часто вижу метро, пробки, толпы людей... Но я все-таки помню и то, что видел в детстве.

И вот я хочу вас спросить: как вы думаете, почему Господь в Евангелии так часто говорит об овцах, о пастухах, рыбаках, сеятелях? Потому что люди, которые Его слушали, все это видели каждый день. Поэтому они прекрасно знали, как себя ведут все эти персонажи.

В то же время через притчи Он говорит нам важные вещи. Сегодня Он объясняет, что тот, кто не через дверь входит в хлев, а по-другому, другим путем, — явно прихо-

дит не с добрыми намерениями. Я думаю, что это понятно всем нам, если даже овец мы никогда не видели — только в фильмах, допустим. Но все равно вы все понимаете, что если, например, на даче кто-то перелезает через забор или, допустим, в какую-нибудь квартиру человек влезает, ломая окно, — вы сразу подумаете: «Ну, это, наверное, не хозяин дома. Это вор». Правильно? И как вы думаете, чего можно ожидать от такого человека?

Мальчик: Что он что-то украдет.

А что, как ты думаешь?

Мальчик: Вещи.

Вещи... Но в нашем рассказе из Евангелия вор залез в хлев. Что он хочет украсть?

Дети: Овцу! Овец!

Да, здесь вор хочет украсть овец, совершенно верно. А что здесь Иисус говорит о Себе? Он говорит, что Он — пастырь добрый, то есть Он — хороший пастух. И что Он делает? Он зовет всех овец по имени! А знаете ли вы, что пастухи дают имена своим овцам и каждую знают по имени? У вас тоже есть кошка или собака дома, и, наверное, у них есть имя, правильно? У тебя есть домашние животные? Как их зовут?

Девочка: Соня.

Соня... Это кошка?

Девочка: Это собачка.

Ах, собачка Соня? Замечательно! А вот у моих друзей есть такая пожилая-пожилая, мудрая собака, ее зовут Федор Михайлович. Вот так.

Ладно. Значит, каждое животное, которое живет с нами как член семьи, имеет свое имя. Тогда давали имена даже овцам, потому что они были как члены семьи. И вот посмотрите, что говорит Господь. Он говорит, что пастух выводит овец, и Он идет перед ними. Почему Он так дела-

ет? Почему пастух идет первым, а за ним идут все овцы? Как вы думаете?

Кто-то из взрослых отвечает издали: Чтобы не разбежались.

Чтобы овцы не разбежались, правильно. А еще — если он первый, что он может увидеть?

Девочка: Он увидит какую-то опасность для них.

Вот, совершенно верно, он увидит опасность. Например?

Девочка: Например, обрыв какой-то.

Да. Или, допустим, — волка. Господь говорит, что иногда бывает так, что нет пастуха, а вместо него есть работник, то есть человек, который за деньги пасет овец. Вот такой человек, если увидит волка, он испугается и сам убежит, он не будет защищать овец, потому что они ему не принадлежат. Понятно? А вот Господь — настоящий пастух, Он идет впереди и нас защищает. Он каждого и каждую из нас зовет по имени, как пастух зовет своих овец.

Вы, наверное, обратили внимание на то, что у нас в храме есть такие «записки». Иногда мы читаем имена, длинные-длинные списки имен болящих, например, или тех, кто уже умер. И вот читаются эти длинные списки, и иногда нам немножко скучно. Да? А знаете — это очень важно. Потому что Господь нас знает — каждого и каждую — по имени. И Он нас любит. Вот потому мы и называем все имена, потому что каждый из нас лично невероятно важен перед Богом.

Потом Он говорит, что овцы знают голос пастуха. На самом деле овцы очень пугливы и боятся людей. Если какой-то посторонний человек подходит к стаду, они разбегаются. А вот пастуха они узнают по голосу, и потому очень часто пастух поет или с ними разговаривает, что-то

постоянно говорит. А они слышат его голос и идут за ним, я это видел своими глазами.

Каждое воскресенье мы бываем в храме и мы слушаем Евангелие. Так мы обучаемся — слышать и узнавать голос Бога. Потому что в Евангелии говорит Он. Еще Он говорит внутри каждого из нас, но надо отличать этот голос от других голосов, которые очень часто шумят вокруг нас.

И последнее, самое последнее. Вот скоро начнутся каникулы. Для многих из вас школа уже закончилась, наверное, или скоро закончится, да? А что вы будете делать все лето? Кто-то будет дома сидеть, отдыхать. Кто-то, наверное, поедет к бабушке или к дедушке. Нет?

Девочка: Мы поедem на дачу.

Другая девочка: А я в деревню.

Вот она поедет в деревню. Хорошо! К кому?

Девочка: К бабушке.

К бабушке. Замечательно! Кто-то, наверное, поедет с родителями отдыхать куда-нибудь на море или путешествовать, кто-то останется дома. Но у всех будет намного больше свободного времени, потому что не надо делать домашние задания, не надо ходить в школу. Это время можно использовать для того, чтобы, например, читать Евангелие — детское Евангелие. И если даже вы куда-нибудь поедете — допустим, к бабушке в деревню, — надо обязательно взять эту книгу с собой. И каждый вечер — открыть (ну, так, случайно, наугад) и читать Евангелие по одной страничке, а потом думать — как здесь звучит голос Бога? Потому что Он — тот самый пастух, которого мы должны узнать по голосу.

Договорились? Согласны?

Мальчик (громко и вдохновенно): Согласен!

Отлично! Ура! Аминь!

День 27

Во время всеобщей самоизоляции миллионы людей во всем мире, верующих и неверующих, исповедующих разные религии, находятся в вынужденном уединении — в чем-то это их состояние напоминает условия, в которых обычно живут монахи. В таком контексте как не думать о монашеской жизни, о ее судьбе в современном мире, о том, анахронизм это или нет — о самой ее сути?

Монах в большом городе¹

На краю пустыни

Я с юности живу монашеской жизнью. В истории Церкви монашество началось в пустыне: в Египте, Палестине и Сирии первые монахи, анахореты, то есть отшельники, уходили в безлюдные края, и для них это одиночество было чрезвычайно важно — они оказывались лицом к лицу с Богом. И для меня лично это первостепенно важно. Наверное, главный вопрос моей жизни на сегодняшний день — как жить так, в постоянном общении, единении с Богом, но в то же время — в гуще мегаполиса, когда тебя окружают 18 миллионов человек?

Первые монастыри всегда находились рядом с пустыней, можно сказать, на краю пустыни. Потому, кстати,

¹ Некоторые части этого текста составляли выступление на круглом столе «Как наладить связь между мной и Богом в повседневной жизни», посвященном памяти митрополита Антония Сурожского. Москва, Дом русского зарубежья, 16 сентября 2019 г.

по-русски слово «пустынь» и означает уединенную обитель, или монашескую келью, удаленную от основного монастыря. Заканчивается пустыня, дальше начинается город, и монастырь — где-то там в середине, между градом людей и градом Божиим. Понятно, я здесь говорю не о географическом расположении какой-нибудь конкретной обители, а скорее о внутреннем состоянии самой монашеской жизни. Монастырь, согласно древней традиции, должен находиться на определенном расстоянии от хаоса и мирской суеты, а с другой стороны, монашеский путь — это не полная самоизоляция и забвение всего остального мира, потому что это было бы высшим эгоизмом.

Христианское монашество — это не самодовольство, не уход в себя или замкнутость, оно в самой своей сути отличается от буддистского поиска нирваны. Даже одинокий отшельник-христианин в глухом лесу или на необитаемом острове все-таки должен находиться в духовном общении со всей Церковью, его подвиг должен идти на пользу всем верующим и только при таком молитвенном единении со всеми имеет смысл.

Вклад с весомой выгодой

Монах — это человек, оставивший дом, братьев, сестер, отца, мать, жену, детей, землю (Мф 19:29) ради Спасителя только потому, что воспринял как призыв к действию слова, некогда сказанные Иисусом галилейским рыбакам — *следуй за Мной*. Такому человеку Господь обещал не только спасение и жизнь вечную в веке грядущем, но еще ныне, во время сие что-то вполне конкретное и осязаемое: *во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель* (Мк 10:30). Получается, монашеская жизнь — это самое выгодное «вложение капитала»

человеческой любви и нежности, «инвестиция» с гарантированным стопроцентным умножением! Притом Господь вполне категорично говорит о такой удивительно весомой выгоде вклада, не допуская никаких исключений: *нет никого, кто оставил бы дом... и не получил бы во сто крат более домов...* (Мк 10:29–30). Значит, если монах в своей жизни не имеет конкретного опыта такой «небесной реституции» всего, что он оставил, — что-то в его духовной жизни не в порядке.

Это восполнение монашествующим утрат братьев, сестер, отцов, матерей и детей начинается с обретения братии, если, конечно, монастырь — настоящая община, собранная во имя Христа. Но монах живет в одной общине не только с подвижающимися в соседних кельях — монашествующие всего мира, всех эпох и церковных традиций образуют единый невидимый монастырь. В нем каждое поколение вручало следующему свой опыт духовной борьбы, свои победы и поражения — тем самым все эти подвижники поддерживали и назидали друг друга даже через столетия.

Милоть Илии

Четвертая книга Царств содержит удивительный рассказ, который визуализирует передачу пророческого служения (см. 4 Цар 2:1–25). Перед тем как пророк Илия был вознесен на небо на огненной колеснице, он стоял на берегу Иордана со своим учеником Елисеем. *И взял Илия милоть свою, и свернул, и ударил ею по воде, и расступилась она туда и сюда, и перешли оба посуху*. После того как Илия вознесся в вихре на небо, безутешный Елисей поднял милоть Илии, упавшую с него, и пошел назад, и стал на берегу Иордана; и взял милоть Илии, упавшую с него, и ударил ею по воде,

и сказал: где Господь, Бог Илии, — Он Самый? И ударил по воде, и она расступилась туда и сюда, и перешел Елисей.

Так милоть, мантия из шкуры овцы мехом наружу, атрибут отшельника-пустынножителя, становится в библейском рассказе образом власти и призвания пророка. К этому образу можно обратиться, чтобы объяснить, что такое монашеское призвание.

Монах — это человек, который «поднимает милоть Илии», ибо монашескую жизнь нельзя придумать или создать: ее можно лишь получить и принять, взяв на себя иго послушания Евангелию и голосу Божию, звучащему в человеческой истории. Это значит, что монах в силу своего призвания становится участником некой преемственности, получая харизму монашеской жизни от предыдущих поколений подвижников, которые посвятили свою жизнь Господу — от ветхозаветных пророков, древних пустынников Египта и Сирии, известных отшельников, отцов и матерей восточного и западного общежительного монашества.

Монашеский интернационал

Антоний, Пахомий и Феодосий Великие, Ефрем Сирин, Евагрий Понтийский и Савва Освященный, Василий Великий, Григорий Назианзин и Иоанн Златоуст, Дорофей, Варсонофий и Иоанн Газские, Иоанн Лествичник, Феодор Студит, Симеон Новый Богослов, афонские подвижники, а также Антоний и Феодосий Печерские, Сергей и Герман Валаамские, Сергей Радонежский и Андрей Рублев, Зосима и Савватий Соловецкие, Нил Сорский, Максим Грек, Паисий Величковский, Серафим Саровский, оптинские старцы... Эти люди при самых различных обстоятельствах не только передавали друг другу свой под-

виг духовный — они где-то сосуществуют все вместе и до сих пор являются современниками любому монаху.

Лично я убежден, что в единой нерукотворной обители с ними живут и ветхозаветные монахи и пророки Илия и Елисей, Иоанн Предтеча, отцы западного монашества Иероним Стридонский, Иоанн Кассиан и Бенедикт Нурсийский, Григорий Двоеслов, кельтские монахи-миссионеры. И еще — Бернар Клервоский, Григор Нарекаци, Франциск Ассизский, Мария Египетская и древние девственницы-пустынницы, сестра Бенедикта Нурсийского Схоластика, Гаяне, Рипсима и первые армянские монахини, Нина Грузинская, Евфросиния Полоцкая и Евфросиния Суздальская, великая княгиня Елисавета и инокиня Варвара, Клара Ассизская, Тереза из Лизьё, мать Мария Скобцова, Эдит Штейн, мать Тереза Калькуттская... Эти мужчины и женщины совершенно разные, но все они ответили на один и тот же призыв Господа, и этот факт роднит их. Я глубоко уверен, что для монашества, как и для святости, не существует никаких границ и препятствий, и о ком, как не о монашествующих, можно сказать, что среди них *нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского*: ибо все они одно во Христе Иисусе... (Гал 3:28)?

Внутренняя тишина

Для монаха очень важно научиться никогда не терять некую внутреннюю тишину. Для этого он обычно уходит от шума, людской суеты, и этот уход чрезвычайно важен, особенно в первые годы монашеской жизни. Но со временем монаху становится понятно, что главная помеха к единению с Богом — это не внешний шум, а внутренний. Это те голоса, которые звучат в тебе самом, шум и гул в душе, к которому обычно люди настолько привыкли, что

даже не замечают. А ведь этот внутренний шум делает невозможным общение с Богом.

Объясняя теорию коммуникации, лингвисты часто приводят в качестве примера телефонный разговор, и тогда становится понятно, что шум может мешать коммуникации настолько, что общение не состоится. Шум в данном случае — это наши фантазии, воспоминания, привязанности, страсти, зависимости, помыслы... Все это может являться как бы постоянным, непрерывным акустическим фоном, на который мы даже не обращаем внимание. Но этот фон может стать и оглушительным грохотом.

По мере того как человек учится справляться с этим внутренним шумом, внешний больше не будет для него препятствием для общения с Богом. Именно этот вопрос интересует и занимает меня сегодня: как защитить свою внутреннюю тишину среди толпы, как не потерять единение с Богом в гуще каждодневной жизни, когда звуки огромного города совсем оглушают тебя.

О духовности метро

Одно из моих любимых мест в Москве — это метро, особенно в часы пик. Чуть ли не каждый раз, спускаясь в городское подземелье, я думаю о том, смогу ли на этот раз не потерять единение с Богом. Что я чувствую в переполненном вагоне? Людская волна неудержимо накатывает на платформу, человеческий прилив может меня унести — какие чувства я испытываю? Хочу ли только, чтобы поезд побыстрее прибыл и я смог наконец выйти отсюда? Поднимаясь на эскалаторе, глядя на лица тех, кто спускается, — сонные с утра, уставшие вечером, — я задаю себе вопрос: кто они для меня? Это какие-то случайные люди, которые мне только мешают, от которых я хочу сбежать

поскорее? Но в чем тогда смысл моего монашества? Ради чего я стал священником? Какой я христианин?

Иногда приходит в голову: «А что, если монастырь мысленно возвести именно здесь, в метро?» Святой праведник Алексей Мечёв часто говорил о «монастыре в миру». В первые годы большевистской власти, во время самых суровых гонений за веру, он считал своей задачей устроить «мирской монастырь». Он часто говорил своим духовным чадам, просившим у него благословения уйти в монахи: «Погоди, у нас свой монастырь будет!» Понятно, что в условиях преследований за веру первой половины 20-х годов, когда маросейский батюшка был вынужден окормлять бывших монахов и монахинь из упраздненных кремлевских Чудова и Вознесенского монастырей, ни о какой другой форме монашеской жизни, кроме как о монашестве в миру, не могло идти и речи.

Но трудные обстоятельства часто помогают разглядеть Божий промысл, и это святой Алексей Мечёв знал хорошо. Он называл «монастырем в миру» свой приход, тем самым предлагая монашескую жизнь всем и показывая, что главное в ней — не каменная стена обители, не монашеские одеяния, не постриг, а что-то другое. Быть насельником такого «монастыря» не предполагало окончательного и бесповоротного ухода от мира, а скорее — внутреннее, духовное отстранение от суеты мирской жизни. Для «стяжания Духа мирнаго» совсем необязательно переместиться в пустынь...

Монастырь в миру

Но в чем же заключалось содержание монашеской жизни, которую батюшка Алексей предлагал своим прихожанам? Кто-то из них рассказывал, как отец Алексей однажды

спросил, почему из всех апостолов один только Иоанн Богослов дожил до глубокой старости и мирно скончался, в то время как другие погибли на крестах, были замучены. Он сам ответил на свой вопрос, объясняя, что у апостола Иоанна была такая неодолимая христианская любовь, что ее силе и мучители покорялись.

Маросейский батюшка во всех своих наставлениях и проповедях говорил только о любви. Неслыханное насилие первых лет большевистской власти, смута и противостояние церковного раскола бушевали вокруг него, но отец Алексей как настоящий подвижник не поддавался никакой суете, страсти века сего никак не касались его глубокого внутреннего мира.

В эпоху насилия и ненависти духовная жизнь мечёвского «монастыря в миру» имела своим стержнем любовь ко всем, в том числе к врагам и преследователям. Алексей Мечёв стал одним из очень немногих русских святых начала XX века, кто спокойно скончался в своей постели, как и Иоанн Богослов...

Одним из самых великих мистиков латинской Церкви XX века стала женщина, мирянка, Кьяра Любич. Она считала, что «самое сокровенное духовное требование нашего времени» — это стремление «к высотам созерцания», но в то же время пребывание «среди людей, человек рядом с человеком». Будущее не только монашеской, но и христианской жизни, на мой взгляд, именно в этом: достичь мира в душе, обрести способность в любых обстоятельствах не терять сокровенное чувство присутствия Бога в твоей жизни и «одновременно разделять с ближним бесчестие, голод, удары судьбы и краткие радости»¹.

¹ Любич К. Размышления / Пер. с итал. А. Рыжевской. М.: Новый градЪ, 2008. С. 15.

Господь в Евангелии ясно показывает нам, что заповеди любви к Богу и любви к ближнему неразделимы. А Иоанн Богослов, апостол любви, много раз напоминает нам о том, что никто не может любить Бога, Которого не видит, если не любит брата, которого видит. Никто. В том числе монахи.

Духовное требование нашего времени

Самое сокровенное духовное требование нашего времени — проникать в глубь духовной жизни и в то же время оставаться среди людей, человек рядом с человеком.

Затеряться в толпе
и вносить в нее Божественную закваску,
подобно тому как вино
пропитывает ломоть хлеба.

Более того — став сопричастниками
исполнения замысла Божия о человечестве,
вышивать на ткани повседневности
узоры из света
и одновременно разделять с ближним
бесчестие, голод, удары судьбы и краткие радости.

Ведь сегодня,
как и во все времена,
человека влечет самое совершенное
олицетворение земного и Божественного:
Иисус Христос и Пресвятая Богородица.
Воплощенное Слово Божие — Сын плотника,
Престол Мудрости — Мать семейства.

Кьяра Любич

День 28

Получаю волнующие новости из Бозе. К великому сожалению, разворачивается конфликт между братом Энцо, основателем этой удивительной монашеской общины, и новым приором, братом Лучано. Кажется, братья почти полностью на стороне приора. По просьбе самой монашеской общины Ватикан вмешался в конфликт и предложил Энцо покинуть основанную им общину.

Конечно, в истории монашества не раз бывало, что основатель обители по самым разным причинам в какой-то момент вынужден был ее покинуть и переселиться в другое место. И все же новость удивила многих во всем мире, особенно тех, кто с большим интересом и уважением наблюдал за жизнью этой монашеской общины, одновременно современной и абсолютно традиционной, считая ее в определенном смысле образцом возвращения к исконной монашеской жизни. Я в их числе.

Эта новость меня сильно огорчает. Я много раз бывал в Бозе, лично дружу с некоторыми братьями, в том числе с Энцо, имел возможность много раз беседовать с ним один на один. Я ему написал. Ничего для них не могу сделать, кроме одного — молиться в эти дни уединения о дорогих братьях и сестрах, просить для них у Господа мудрости, смирения, милосердия.

Какое-то время назад я написал статью о Бозе, которая так и осталась неопубликованной.

К истокам монашеской жизни. Урок общины Бозе

В декабре 1965 г. двадцатидвухлетний итальянец по имени Энцо Бьянки поселился отшельником у подножья горного хребта Альп на северо-западе Апеннинского полуострова. Через некоторое время вокруг него сконцентрировалась монашеская община, которая сегодня, по прошествии вот уже более полувека, известна всему христианскому миру.

Монастырь Преображения Господня в Бозе — относительно молодая община принципиально нового типа. И в то же время она вполне в духе традиции. В нее входят и мужчины и женщины — возникает монастырь смешанного типа. Во главе монастыря стоит настоятель (приор), там живут девяносто монашествующих, среди которых всего пять пресвитеров (иеромонахов), которые осуществляют свое священническое служение для всей общины, а также для паломников и гостей и ничем не отличаются от других монахов. Сам приор не имеет священного сана — в соответствии с древней монашеской традицией. Этот абсолютно традиционный монастырь совершенно не страдает клерикализмом. Свои белые рясы с капюшонами монашествующие носят, как правило, лишь во время богослужений в храме; в остальное время они ходят в обычной одежде, чтобы не выделяться.

Среди монастырей Католической Церкви Бозе — один из тех, где изучают и хранят Предание, древнюю монашескую традицию. Он отличается удивительной интеллектуальной жизнеспособностью: издает книги, организует симпозиумы и международные конференции, в которых ежегодно участвуют лучшие специалисты-богословы, принадлежащие к разным Церквям со всего мира. Общи-

на принимает самое активное участие в межцерковном диалоге, а некоторые насельники и насельницы монастыря со всей серьезностью и научной глубиной изучают патрологию, литургику, библеистику, а также иудаизм, ислам и другие религии.

Основатель Энцо Бьянки в течение долгого времени был приором общины. Он является видным авторитетом в современной Католической Церкви, пользуется уважением священноначалия и обладает значительным влиянием на епископат. Он — автор многочисленных книг, сборников проповедей, лекций и выступлений, размышлений о Священном Писании, монашеской и духовной жизни, переведенных на разные языки. Много раз брат Энцо получал приглашение от Святого Престола и лично Папы Римского присутствовать на Синоде епископов в качестве эксперта и консультанта.

В то же время Энцо Бьянки — один из известных итальянских интеллектуалов, почетный доктор Туринского университета, активно участвующий в диалоге с миром культуры: он читает лекции в университетах, выступает в светских интеллектуальных сообществах. Его статьи часто появляются на страницах крупных итальянских газет, он популярный публицист, хорошо известный светской общественности, его мнением часто интересуются итальянские и европейские журналы, радио и телевидение.

Публикации, статьи, выступления на конференциях и участие в дебатах позволяют Энцо Бьянки вести диалог со светским, секуляризованным обществом. Не скрывая свой монашеский сан, в любой светской аудитории он, тем не менее, выступает в пиджаке и галстуке и свидетельствует о позиции церковного и глубоко духовного человека перед современниками, которые еще не нашли путь, ведущий в Церковь.

Рождение общины

Зерном, из которого проросла община Бозе, была личность ее основателя. Энцо Бьянки родился 3 марта 1943 г. в маленькой деревне на северо-западе Италии. Отец, убежденный антиклерикал и коммунист, хотел назвать ребенка Лениным; мама, благочестивая католичка, яростно сопротивлялась. В результате спора отец согласился на имя Энцо потому... что такого святого нет. Энцо окончил экономический факультет Туринского университета. Начиная с 1963 г. в его квартире стали собираться молодые люди из разных Церквей, католики, вальденсы и баптисты с одной целью — вместе читать Слово Божие. В этом общении молодой Энцо открывает в себе призвание к отшельнической жизни.

Он находит в местечке Бозе полуразрушенную хижину — без каких-либо удобств, даже без воды и электричества. Вместе с друзьями он начинает ремонт в ней и в находящейся поблизости брошенной церквушке, построенной когда-то в романском стиле в честь святого Секунда, мученика III века. 8 декабря 1965 г., в день закрытия Второго Ватиканского собора, Энцо окончательно переезжает в хижину, где в течение трех лет живет в полном одиночестве, проводит время в молитве, посте и чтении Писания. В эти годы своего духовного становления Энцо совершает паломничества и проводит время в разных монастырях — католических (у ордена траппистов — строгого устава), протестантских (живет в Тэзе в то время, когда эта община состояла только из реформатов) и православных (бывает на Афоне). В это же время устанавливает дружеские связи с Туринским архиепископом Пеллегрини и с Патриархом Константинопольским Афинагором.

К бремени одиночества добавляется и непонимание со стороны местного архиерея, который 7 ноября 1967 г. за-

прещает любое богослужение в хижине, поскольку брат Энцо общается с не католиками. Вскоре после того, как Туринский кардинал лично служил в Бозе 29 июня 1968 г., запрет был отозван. Сразу после этого события заканчивается и одиночество брата Энцо: молодые католики и реформатский пастор формируют основу будущей монашеской общины. К ним, по приглашению Энцо, присоединяется и реформатская монахиня.

В последующие годы количество членов общины увеличивается и начинает вырисовываться ее духовный профиль. В 1973 г. Энцо пишет первый Устав (*Regola*), который получил благословение Туринского архиепископа; затем появляются и Правила (*Statuto*), которые неоднократно будут меняться, получая каждый раз одобрение священноначалия.

Сегодня в монашескую общину Бозе входит около девяноста человек — мужчины и женщины разных национальностей и из разных Церквей. В последние годы братья и сестры из Бозе открыли новые общины, подворья монастыря, в разных областях Италии и за ее пределами. В 1998 г. была открыта мужская община на юге Италии в Остунни в области Апулии; в 2010 г. — в городе святого Франциска — Ассизи; в 2013 г. одновременно — в Пьеве-ди-Челлоле в Тоскане и женская в Чивителла-Сан-Паоло, недалеко от Рима — по приглашению местных монахинь-бенедиктинок. С 1972 по 1977 г. община существовала и в швейцарском кантоне Невшателе, являясь свидетельством сотрудничества католиков и реформатов.

В русле Предания

Община Бозе становится частью богатого наследия монашества за всю историю Церкви. С самого начала ее основа-

тель и братия, открыв для себя сокровищницу древнего монашества, стали изучать его и взяли как пример для подражания. Новообразованная община пустила свои корни в недра монашеского опыта и тем самым обрела сонм сподвижников — мужчин и женщин, которые в разные эпохи и в различных обстоятельствах и местах прошли по тому же духовному пути. Так, Устав учит послушника: «Раньше тебя по этой же дороге шли и осуществляли это же призвание согласно условиям своего времени Илья-пророк и Иоанн Предтеча, Пахомий и Мария, Василий и Макарина, Бенедикт и Схоластика, Франциск и Клара и многие другие. Итак, ты не один — сонм свидетелей окружает тебя»¹.

Внутренний уклад жизни общины, а затем и сам Устав возникли под влиянием примеров прп. Пахомия Великого, Василия Великого и, конечно, Бенедикта Нурсийского. Написанный братом Энцо Устав является не столько правилом или законом, сколько ориентиром для монахов, ведь единственное правило — это само Евангелие.

«Брат, сестра! Пусть у тебя будет только одна цель в этой общине: жить исключительно по Евангелию. И пусть Евангелие будет для тебя высшим, абсолютным правилом. Ты вступил в общину, чтобы следовать за Иисусом Христом. Следовательно, твоя жизнь должна вдохновляться Его жизнью и соответствовать ей так, как она рассказана и провозглашена в Евангелии. Настоящий духовный Устав будет для тебя помощью и ориентиром для того, чтобы жить по Евангелию, и, прежде всего, средством для братского общения»².

Во главе братии стоит приор, который по Уставу не обязательно должен иметь священный сан: как уже было сказано, сам основатель брат Энцо Бьянки — не священ-

¹ Regola di Bose, 7–8.

² Regola di Bose, 3.5.

ник. Его преемник брат Лучано Маникарди, которого братия выбрала приором после Энцо, — тоже.

Один из стержневых принципов жизни общины — *синодальность*. В зависимости от важности и срочности принимаемых решений, приор управляет общиной при помощи различных советов. Так, *Дискреторий* решает срочные проблемы; в *Совет* входят все братья и сестры, принесшие вечные (пожизненные) обеты; членами *Капитула* являются и те, кто прошел послушничество, был принят братией и в течение трех лет жил монашеской жизнью, дав только временные обеты; наконец, в *Ассамблее* участвует вся община, включая послушников.

Молитвенное правило и распорядок дня

Распорядок дня в Бозе не сильно отличается от общепринятого распорядка, существующего в католических монастырях бенедиктинской традиции. Монахи встают в 4.30 утра, чтобы посвятить один час келейному чтению Священного Писания. В 6 часов утра начинается первое из трех суточных богослужений, которые служатся всей братией в храме. Помимо Устава и Правил, монастырь имеет свой собственный Типикон, свою богослужебную практику. Богослужение, которое проводят в Бозе в 6 часов утра, структурировано, как в целом и вся литургическая жизнь монастыря, по канонам латинской традиции, но имеет свою специфику: это измененная утренняя, состоящая из гимна, нескольких псалмов (Псалтирь полностью прочитывается за время богослужений в течение двух недель), чтения из Ветхого Завета (который полностью прочитывается в течение трех лет), чтения из Нового Завета (четыре Евангелия читаются за один год), ектеньи и заключительной молитвы.

После утреннего богослужения, с 6.45 до 7.00, проходит ежедневный краткий *Капитул*, на котором читается Устав, древние монашеские правила или происходит взаимное братское назидание в духе древней традиции католических монастырей (*capitulum culparum*): каждый монах просит прощения за свои прегрешения и ошибки у приора и братии по наставлениям апостола Павла — *Увещивайте друг друга и назидайте один другого* (1 Фес 5:11) и апостола Иакова — *Признавайтесь друг перед другом в проступках* (Иак 5:16). Иногда на капитуле могут также обсуждаться текущие вопросы жизни монастыря. С 7.00 до 8.00 еще один час посвящается келейной молитве и чтению духовной литературы. В 8 часов утра троекратный удар колокола сообщает об окончании Великого Молчания, которое началось накануне в 8 часов вечера после такого же сигнала, и о начале рабочего дня.

С 8 до 12 часов каждый насельник трудится, а в 12.30 все возвращаются в храм для второго общего суточного богослужения, включающего краткое чтение из творений Святых Отцов или современных духовных авторов. После этой молитвы следует обед. Монахи обедают в полной тишине, иногда слушая классическую музыку или какой-нибудь назидательный текст. С 14 до 17 часов монахи возвращаются к работе, а послушники посвящают это время учебе. С 17 часов дается еще один час для келейной молитвы или чтения Писания, а также для уборки в келье.

В 18.30 начинается вечерня, во время которой, после псалмов, читаются апостольские послания (они полностью прочитываются за год). После вечерни — ужин, который проходит в атмосфере братского общения; ему способствует тот факт, что не существует большой трапезной для общины и гостей; монашествующие братья и сестры ужинают вместе с паломниками в небольших помещениях, поддер-

живая общий разговор и стараясь услышать мнение другого. В 20.00 начинается Великое Молчание, все расходится для келейного служения повечерия и отдыха.

Как мы видим, жизнь в Бозе, по сути, состоит из молитвы и труда, согласно заповеди преподобного Бенедикта Нурсийского *Ora et labora* («Молись и трудись»).

Труд, гостеприимство

Труд в жизни общины настолько же важен, как и общинная и келейная молитва. Каждый насельник монастыря должен заработать свой хлеб по примеру апостолов. Главные виды трудовой деятельности братии: огород, сад, пчеловодство, пекарня, производство варений, ликеров, чаев, лекарственных трав и растений, столярные и плотницкие работы, иконописная лавка, типография, издательство, мастерские по керамике, эмали, гравюре, производство свечей и ковров. Кто-то занимается умственным трудом: пишет или переводит.

Все вырученные средства принадлежат братии, и она распоряжается ими совместно — монахи не имеют никакой частной собственности. Помимо профессиональной работы все выполняют самые разные послушания (приготовление еды, мытье посуды, уборка помещений общего пользования, комнат для гостей и т. д.), что естественно вытекает из решения служить всем.

Монастырь принимает паломников и гостей. Это скорее служение, чем работа. «Каждого гостя, приходящего в общину, ты будешь принимать, как будто это Сам Христос, учивший: Я был странником, и вы приняли Меня», — гласит Устав¹. Филоксения, странноприимство, с древних

¹ Regola di Bose, 38.

времен считалась важной составляющей монашеского служения. В Бозе рады всем без исключения, но прежде всего тем, кто ищет молитвы, тишины, уединения. Паломники и гости разделяют с монахами три суточных богослужения, обед, ужин, и их приглашают на каждодневную *lectio divina* о положенном на тот день евангельском чтении.

Вступление в общину, учеба и интеллектуальное служение

Желающий вступить в общину, будь то мужчина или женщина, проходит сначала период испытания (*postulato*), продолжительность которого зависит от личной истории и опыта конкретного человека. Затем он в течение четырех лет доверяется старшему брату или сестре в качестве послушника (*noviziato*) для обучения монашескому деланию. В конце послушничества новый брат или сестра принимается общиной во время богослужения, однако постриг совершается позднее — монах дает пожизненные обеты только через три года (или больше) после окончания послушничества, когда и он, и община окончательно убедились в его призвании.

Послушники утром работают, а днем учатся. Главные предметы — библеистика, литургия, патрология, монашеское делание. Кроме того, *Studium* монастыря каждый год организует для всех желающих учебные курсы по различным библейским, богословским и гуманитарным дисциплинам, которые читают известные итальянские и зарубежные специалисты. Библиотека монастыря насчитывает более 70 000 томов и открыта для всех.

С момента основания монастыря несколько братьев и сестер, имеющих необходимые способности, посвятили

себя изучению древних и современных языков, патристики Востока и Запада для углубления своих знаний в области Предания Церкви и за несколько десятилетий стали специалистами с мировым именем. При монастыре работает издательство, в котором публикуются в современном переводе исследования и источники христианского Предания (Священного Писания, сочинений Отцов и литургических текстов).

Исследовательский труд, осуществляемый при монастыре Бозе, по своему уровню соответствует всем критериям профессиональной научной деятельности. И все же он направлен не на чисто интеллектуальные знания; единственная цель этого труда в том, чтобы постоянно обращаться к неиссякаемому источнику Премудрости, каким являются Священное Писание и Предание.

Межхристианский диалог

Как было сказано, основатель общины брат Энцо начал свою монашескую жизнь 8 декабря 1965 г. в день закрытия Второго Ватиканского собора. Накануне Папа Павел VI и Патриарх Афинагор одновременно в Риме и Константинополе предали забвению взаимные анафемы XI века.

В жизни общины Бозе межхристианский диалог занимает очень важное место. С 1993 г. монастырь ежегодно устраивает международные симпозиумы по православной духовности, которые дают ученым из православных и других христианских Церквей возможность собраться вместе для братского общения и изучения духовных сокровищ христианского Востока. Начиная с 1996 г., община организует симпозиумы совместно с протестантскими факультетами университетов Невшателя и Страсбурга. Бозе является местом встречи христианских Церквей не

только во время организованных самой общиной семинаров. При монастыре уже несколько раз проводили свои сессии смежные комиссии по богословскому диалогу — как католико-англиканская, так и католико-православная.

Энцо Бьянки лично встречался с Патриархом Афинагором. Патриарх Антиохийский и всего Востока Игнатий IV (умер в 2012 г.) посетил Бозе в сопровождении авторитетных иерархов и богословов, дважды (в 1997 и 2003 гг.) посещал монастырь Патриарх Константинопольский Варфоломей. Братья и сестры из Бозе опубликовали книгу бесед с Патриархом Антиохийским Игнатием IV. Его преемник Патриарх Иоанн X очень близок общине. Другие предстоятели христианских Церквей и мировые религиозные лидеры также посещали монастырь. Митрополит Константинопольской Церкви Эмилианос (Тимиадис) жил здесь после ухода на покой в 1995 г. и вплоть до своей кончины в 2008 г.

Уже несколько десятилетий монастырь поддерживает дружеские отношения с Русской Православной Церковью. Каждый год высокая делегация Московского Патриархата участвует в симпозиуме по православной духовности в Бозе. Энцо Бьянки и другие братья и сестры побывали в Москве и других городах России, совершили паломничества к святыням России и встречались с высокопоставленными представителями Русской Церкви, среди которых Патриархи Алексей II и Кирилл. В 2003 г. брат Энцо участвовал в делегации, отправленной в Москву Папой Иоанном Павлом II, возвратившей Русской Православной Церкви список иконы Казанской Божией Матери.

Монастырь Преображения Господня в Бозе является «общиной монахов и монахинь, принадлежащих к различ-

ным христианским Церквам, которые ищут Бога, пребывая в послушании Евангелию, в братском общении и в безбрачии». Среди братьев и сестер, помимо католиков, есть и протестанты, и православные. Рядом с основателем общины братом Энцо с самого начала были христиане разных Церквей и традиций. Община считает, что это великий дар Духа и призыв жить и молиться в верности словами первосвященнической молитвы Господа: *...да будут все едино* (Ин 17:21).

Монашество, верность Преданию и открытость

Монастырь Бозе не только осуществляет межхристианский диалог, но и ведет разговор с другими религиозными и культурными традициями, а также со светским обществом. Можно сказать, что открытость к диалогу с людьми любых вероисповеданий, убеждений и мировоззрений в некотором смысле является важной духовной чертой этого монастыря. Все это может казаться странным, ведь монашеский путь по определению означает уход из мира. В силу своего призвания «отшельник» в определенном смысле противопоставляет себя миру. Сама жизнь «инок» своим радикальным отказом от любого проявления эгоцентризма и своим пророческим характером бросает вызов всем, как внешнему миру, так и самой церковной институции.

Но монашеский радикализм может граничить с нетерпимостью, и если он не сопровождается милосердием и любовью к ближнему, то превращается в идеологический фундаментализм. Часто монастыри, как католические, так и православные, в своих контактах с внешним миром отличаются, увы, не только замкнутостью, сосредоточен-

ностью на своей внутренней деятельности, но и очевидной неспособностью к диалогу и взаимодействию со светским обществом. А внутренняя жизнь монастыря часто держится только на авторитарности руководства, насельники живут каждый сам по себе, без какой-либо общинной духовной жизни. Порой это приводит к полному одиночеству, отсутствию взаимоподдержки, чувству крайней безысходности и уныния, если не к деградации.

Открытость современности и будущему в сочетании с непрерывной связью с традицией прошлого всегда была одной из характерных черт монашества в идеале. Открытость, которая выделяет монахов и монахинь из Бозе, несомненно, связана с тем, что их основатель в начале своего духовного пути открыл для себя сокровища монашеской традиции.

Энцо Бьянки считает себя «христианином, рожденным Вторым Ватиканским собором». Среди прочих соборных документов Декрет об обновлении монашеской жизни применительно к современным условиям *“Perfectae Caritatis”* был принят почти единогласно и обнародован Папой Павлом VI 28 октября 1965 г. Чуть больше чем через месяц брат Энцо начал свою монашескую жизнь в хижине в местечке Бозе. Важные положения соборного документа стали основополагающими принципами как Устава, так и конкретной жизни общины Бозе. Определения монашеского делания и соблюдения Устава (уподобление жизни Христа и следование евангельским заповедям)¹, а также определения монашеского посвящения, пострига и обетов

¹ «Поскольку конечной нормой монашеской жизни, согласно Евангелию, является следование за Христом, то все монашеские ордена должны считать его высшим правилом». *Perfectae Caritatis*, 2.а. Сравни с *Regola di Bose*, 3.5 выше в тексте.

как переосмысление таинства Крещения¹, которые дает соборный документ, напоминают уже приведенные нами места из Устава общины Бозе.

Повседневную жизнь монастыря Бозе можно считать конкретным воплощением основного положения Декрета Второго Ватиканского собора: «Обновление монашеской жизни применительно к современным условиям предполагает как постоянное возвращение к истокам всякой христианской жизни и к первоначальному духу орденов, так и их приспособление к изменяющимся условиям времени»².

На верху горы

У Энцо Бьянки есть замечательное высказывание об отношении монашества ко времени: «монашество для всей Церкви — это память о будущем, которое ее ожидает». Важная тема в размышлениях брата Энцо — инаковость по отношению к миру не только монашеской, но и всей христианской жизни. Человечество, по его словам, «идет к варварству», а христианство есть «путь гуманизации». И все же эта инаковость не означает разрыв с миром и уход от него. Наоборот, по его мнению, стремление к Богу неизбежно влечет за собой заботу о человечестве, активное участие в судьбе конкретного ближнего. Этот «путь гуманизации» в жизни монастыря выражается вполне конкретно в странноприимстве и принятии всех, во всестороннем диалоге и уважительном изучении различных

¹ «Монахи... живут только для Бога. Ибо всю свою жизнь они посвятили служению Ему, и это составляет некое особое освящение, глубоко коренящееся в крещальном освящении и полнее выражающее его». *Perfectae Caritatis*, 5. Сравни с *Regola di Bose*, 6–7 выше в тексте.

² *Perfectae Caritatis*, 2.

христианских и других религиозных традиций, в открытости и благожелательности.

Бозе — община принципиально нового типа и в то же время — это возвращение к самой сути монашества. Монастырь, рожденный у подножья Альп в итальянской области, чье название и означает «подножье гор» (Пьемонте), в действительности напоминает об евангельском «городе, стоящем на верху горы», который не может укрыться (см. Мф 5:14). И это несмотря на печальные и сложные события, в центре которых община оказалась в последнее время. Будем молиться и надеяться на их полное разрешение! Духовный высокий потенциал общины дает основание верить, что она сможет справиться с этим испытанием.

День 29

Возвращаясь к разговору о православных и католиках, об их культурных различиях, можно заметить, что западная и восточная традиции в Европе начинают сильно различаться, все более отдаляться друг от друга именно в конце Средневековья, в эпоху Возрождения. Безусловно, для истории искусств итальянское Возрождение — это своего рода точка невозврата, после которой западноевропейская культура все дальше и дальше будет расходиться с византийской. И все же популярное мнение о том, что Возрождение означает торжество материи и плоти в противоположность средневековой духовности — это совершенно неправильное представление. «Отцы-основатели» итальянского Возрождения были глубоко верующими людьми, хорошо знающими богословие. Я об этом говорил когда-то на примере Петрарки, в ходе конференции, организованной РАН.

Петрарка и итальянское самосознание¹

Итальянская культурная идентичность, самосознание нарождающейся итальянской культуры определились, в решающей мере, благодаря трем «венцам» (итал. *corone*) итальянской литературы Треченто — Данте, Петрарке

¹ По материалам доклада «*Civitas Dei* и *civitas terrena* как определяющие понятия самоидентичности нарождающейся итальянской литературы» на конференции «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики» 3–4 октября 2016 г., РАН.

и Боккаччо. Все три писателя были глубоко верующими, признавали назидательную цель литературы, считали свое творчество высоконравственным и рассматривали свои произведения как своеобразные путеводители для тех, кто идет дорогой поисков добра. В основе их произведений, как «Божественной комедии», так и «Канцоньере» (Песенник) и «Декамерона», лежит встреча, столкновение между жизнью по плоти и жизнью по духу, земной любовью и вечной.

Все они унаследовали это трагическое противопоставление от Блаженного Августина, который сталкивает *Civitas terrena*, град плоти и дьявола, основанный Каином Вавилон, с *Civitas Dei*, Градом Божиим, основанным Авелем. Августин считал, что «два града созданы двумя родами любви: земной — любовью к себе, дошедшей до презрения к Богу; небесный — любовью к Богу, дошедшей до презрения к себе. Первый полагает славу свою в самом себе, второй — в Господе. Ибо тот ищет славы от людей, а для этого величайшая слава — Бог, свидетель совести. Тот в славе своей возносит главу, а этот говорит Богу своему: Ты, Господи... слава моя, и Ты возносишь голову мою (Пс 3:4). Тем правит похоть господствования, в этом служат друг другу по любви» (Блаженный Аврелий Августин. О граде Божьем. XI. 28). В исторической действительности ни один из двух градов не побеждает другой. Каждый человек выбирает, какому граду принадлежать, но одновременно живет в них обоих. Точнее, два града встречаются и сталкиваются в душе каждого человека.

Изучая наследие Франческо Петрарки, литературоведы часто противопоставляют его латинские произведения сборнику лирики на итальянском языке «Канцоньере». Сам Петрарка делал это же, считая себя прежде всего поэтом и богословом, пишущим на латыни, и был уверен, что

останется в истории культуры благодаря своим латинским произведениям. Их список внушительен: философский трактат из диалогов в трех томах *Secretum* о добродетелях и человеческом счастье, монументальная эпическая поэма в 9 книгах *Africa* о судьбе римского народа, подражание Псалтири *Psalmi poenitentiales*, сборник образцов и афоризмов *Rerum memorandum libri*, трактаты о уединенной и монашеской жизни *De vita solitaria* и *De otio religioso*, сочинение о фортунах и христианских добродетелях *De remediis utriusque fortunae*, подражание поэзии Вергилия *Bucolicum Carmen*, сборник жизнеописаний самых известных лиц римской истории от Ромула до Цезаря *De viribus illustribus*, полемические сочинения против других людей *Invectivae* и против себя самого *De sui ipsius et multorum ignorantia* — это всего лишь только самые значительные из сочинений Петрарки в прозе и стихах на латинском языке. Подготовленное им к изданию собрание собственных писем на латинском языке занимает более 60 книг.

В своих латинских сочинениях Петрарка выступает как богослов и глубоко верующий человек, как утонченный интеллигент-гуманист. Благодаря именно латинским произведениям он снискал славу величайшего поэта у высших интеллектуальных кругов того времени и был приглашен короноваться лавровым венком одновременно в Рим, Париж и Неаполь. Это — главное событие в его жизни.

Что касается «Канцоньере», сборника стихов, посвященных Лауре, обычно считается, что сам Петрарка относился к своей любовной лирике на народном языке с некоторым пренебрежением, как будто стеснялся своих стихов, считая их *nugae*, «пустяками», «безделушками». Это элегантная забава писателя, не более. Своему сборнику итальянских стихов поэт дал латинское заглавие *Rerum*

vulgarium fragmenta — собрание «осколков», мелких вещей, написанных на народном языке, а в самом «Канцоньере» свои стихи определяет как *Rime sparse* — «разбросанные стихи», написанные почти случайно, на досуге, «*in vario stil*» — в разнообразном стиле. Однако в действительности дела обстоят по-другому. Итальянский писатель Карло Эмилио Гадда считал, что «Канцоньере» — это «одна сплошная разветвленная ложь». И действительно, читая Петрарку, часто создается впечатление, что он говорит одно, а думает другое, что он умышленно обманывает наши ожидания. За кажущейся легкостью содержания стоит глубокое богословие, за прозрачностью стиля — тщательная, кропотливая работа, за нарочитым смирением — полное осознание собственной гениальности...

Петрарка в действительности очень дорожил «Канцоньере», которое писал в течение без малого сорока лет, постоянно возвращаясь к ранее написанным стихам, перерабатывая и «шлифуя» их (такую его работу — полирование стихов «тонким напильником» — литературоведы и называли *limatio petrarchesca*). Он постоянно перераспределял стихотворения внутри сборника, меняя их порядок. Большинство стихов написаны уже в 1336–1337 гг. (когда ему немного за тридцать), а через четырнадцать лет (когда поэту уже около 50) он начинает собирать их в единое произведение, над которым будет работать до самой смерти в возрасте 70 лет. Целых девять раз Петрарка менял порядок стихотворений с тем, чтобы самой архитектурой своего произведения выразить его духовное содержание. «Канцоньере» можно считать его духовной поэтической автобиографией, тихой беседой поэта со своей душой.

Литературная критика эпохи Романтизма, а затем и марксистская часто довольно тривиально противопостав-

ляли ренессансную эстетику средневековой, считая, что новая культура Возрождения перенесла духовную ось космоса на человека как индивида со всеми его потребностями и стремлениями, ставшего *faber fortunae suae* (кузнецом своей судьбы), и сместив на обочину Бога, Который в средневековой культуре был единственным подлинным субъектом Вселенной.

По этим же критериям литературная критика часто анализировала «Божественную комедию», «Канцоньере» и «Декамерон», пытаясь определить, какое из этих произведений в большей степени предвещает темы Возрождения, а какое, наоборот, не вышло из рамок средневековой эстетики. Личности Данте, Петрарки и Боккаччо много раз сравнивались и противопоставлялись литературоведами в попытках выяснить, кого из них можно считать пророком, если не первым человеком Возрождения. Во второй же половине XX века литературная критика скорее подчеркивала средневековые черты писателей Ренессанса, а также культурную преемственность между Средневековьем и эпохой Возрождения.

Боккаччо — первый толкователь Данте, а Петрарка — первый толкователь Боккаччо. Данте структурировал «Божественную комедию» как восхождение от зла к добру, идеальный путь от пороков к добродетелям. Также, пусть и менее очевидным образом, Боккаччо структурировал «Декамерон» и Петрарка — «Канцоньере». Сама архитектура трех литературных памятников, выстроенная с учетом символики чисел (100 песен в «Божественной комедии», 100 новелл в «Декамероне», 365 плюс еще одно стихотворение в «Канцоньере»), полностью соответствует канонам средневековой эстетики. Конфликт между любовью к женщине и любовью к Богу разрешается в конце каждого из трех памятников апологией женщины, живу-

щей по Духу: в «Божественной комедии» и «Канцоньере» песнями к Деве Марии, в «Декамероне» — новеллой Гризельды.

Противопоставление средневековой и ренессансной эстетики, первая из которых рассматривается как мировоззрение духовное, а вторая — как материальное, иногда вновь предлагают некоторые представители культуры сегодняшней России. В соответствии с этим видением, эпоха Возрождения, которая, несомненно, стала поворотным пунктом и разрывом между западной христианской культурой (позднее католической и протестантской) и восточно-христианской (православной), ознаменовала начало «обмирщения» культуры, торжество *Civitas terrena*. Дальнейшим развитием и логическим последствием этого процесса якобы стали затем эпоха Просвещения, материализм и, сегодня, постмодернистский нравственный релятивизм. Согласно этой интерпретации, православная культура, не принявшая Возрождения, верная ценностям Средневековья и византийской эстетике, представляет собой ковчег духовности, заповедник *Civitas Dei*. На фоне нового русского национализма такая интерпретация истории, безусловно, имеет политическое значение.

Среди трех «венцов» итальянской литературы XIV века Петрарка больше других предвосхищает темы и жанры эпохи Возрождения, оставаясь при этом средневековым поэтом. Как интеллектуал он отличается от двух других и пишет (сознательно или нет) как человек Нового времени. Как с лингвистической точки зрения, так и стилистически, содержательно, он больше других определил дальнейшее развитие итальянской литературы и повлиял на формирование итальянского культурного самосознания. Известный историк литературы Джанфранко Контини утверждал, что итальянскую литературу невозможно по-

нять без Петрарки. Итальянский язык XXI века отличается от языка Боккаччо, сильнее от языка Данте, но почти не отличается от языка Петрарки. Все три «венца» итальянского Треченто являются отцами нашей литературы, а вот наш язык породил один Петрарка.

При этом Петрарка чаще, чем Боккаччо и Данте, не только цитирует Библию, но и подражает ей, лучше знает Отцов Церкви, остается верным Августину и развивает его тему вечного конфликта между Градом Божиим и градом человеческим. Именно этот конфликт, который является настоящим содержанием «Канцоньере», благодаря Петрарке остался предметом большей части итальянской литературы и, можно сказать без преувеличения, определил ее самоидентичность.

«Канцоньере», поэтическое повествование о духовной борьбе между любовью к женщине и любовью к Богу, завершается триадой из сонетов и песней к Богородице *Alla Vergine*.

В сонете CCCLXIII «Смерть погасила солнце» поэт говорит о том, что после смерти Лауры он освободился от тирании Аморе и теперь возвращается к Господу (...и к Тому, / Кто небо движет бровию своею, / Я возвращаюсь — к Богу моему, — / Устав от жизни, но не сытый ею). Он понимает, что покаяние необходимо для спасения души, и все же отчасти тоскует, вспоминая прежнюю страсть (*Есть в этом боль и облегченье сразу*), духовная свобода для него одновременно сладка и горька (*я опять свободною владею / И сладостной и горькой*)¹.

Сонет CCCLXIV «Лет трижды семь повинен был гореть я» — это и итог жизни, и покаянная молитва, крик и

¹ Пер. З. Морозкиной. Здесь и далее сонеты Петрарки цитируются по изданию: Петрарка Ф. Лирика. Автобиографическая проза. М.: Правда, 1989.

воплъ кающегося человека, который, с одной стороны, понимает серьезность своего духовного состояния (*Страстей меня опутавшую сеть я / Влачить устал. Подумать о добре / Давно пора. Твоей, Господь, заре / Я старости вручаю перволетья!*), но одновременно уповает на Бога и молится (...*Но помяни / К Тебе мой вопль из сей темницы страстной, / Где Ты меня замкнул, и чрез огни / Введи в Свой рай тропю безопасной!*)¹, и в его вопле мы слышим отголоски молитвы псалмопевца: *Скорби сердца моего умножились; выведи меня из бед моих* (Пс 24); *Яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть вина* (Пс 50).

В сонете CCCLXV «В слезах бывые времена клянусь» поэт еще раз кается в грехах своей прошлой жизни и в покаянии вновь обретает надежду (*Ты, видящий паденья глубину, / Царю небес, невидимый Предвечный, / Спаси мой дух заблудший и увечный, / Дай милосердно искупить вину*) и исповедует свое упование на Бога (*Да увенчает доброта Твоя / Остаток дней моих концом достойным! / Лишь на Тебя и уповаю я*)².

Наконец, песня Богородице является палинодией, а вернее, покаянной песней, своего рода покаянным канон, в котором поэт молит Матерь Божию помочь ему в окончательном преодолении внутреннего конфликта и в стяжании духовного мира. Не случайно последнее слово песни к Богородице — *расе* (мир) — завершает книгу.

Таким образом, эта духовная автобиография, эта «священная история мирской любви» (по определению крупного специалиста по Петрарке, литературоведа Дж. Контини), которая повествует нам о внутреннем раздоре, колебании Петрарки между влечением к земным удовольствиям, к Лауре, и духовным восхождением к Богу,

¹ Пер. Вяч. Иванова.

² Пер. Е. Солоновича.

заканчивается текстом высочайшего духовного и богословского содержания, самым сложным во всем *Канцоньере* с точки зрения метрической структуры и композиции.

Петрарка, самый близкий к Возрождению из трех «венцов», в действительности оказывается более верным канонам эстетики Средневековья, чем это может показаться на первый взгляд. Упрощенное понимание и Средних веков, и эпохи Возрождения в значительной степени неадекватно, а банальное противопоставление, которое усматривает в Средневековье эпоху Духа, а в Возрождении начало потери духовности, весьма спорно.

День 30

Разговор о Петрарке опять возвращает меня к воспоминаниям об отце Георгии Чистякове. Для него вечное Слово Божие и преходящее слово человеческое, имеющее высокое литературное достоинство, были неразрывно связаны.

Через десять лет после его кончины разные статьи, выступления и лекции отца Георгия о западной литературе были собраны в сборник, для которого меня попросили написать предисловие.

Странствие в Чудесное¹

Один из отцов-основателей итальянской славистики, переводчик и поэт Анджело Мария Рипеллино в 1968 г. опубликовал сборник эссе о русской литературе, который был красиво озаглавлен: *Letteratura come itinerario nel meraviglioso* — «Литература как странствие в Чудесное».

Литературное наследие какой-либо определенной эпохи, народа или автора — это не только собрание текстов или даже сокровищница духовных ценностей; это нечто большее. Это неведомая, таинственная область, страна, в которую мы проникаем и которая с каждым нашим шагом раскрывается как прекрасный и удивительный мир.

Итальянское слово *meraviglioso* означает «удивительное» (от *meraviglia* — «удивление»), а также «прекрасное», «чудесное». Известная детям всего мира сказка Льюиса

¹ Основой этого текста стало мое предисловие к книге: Чистяков Г. Беседы о литературе: Запад. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

Кэрролла «Алиса в стране чудес» на итальянский переведена как *Alice nel paese delle meraviglie*. И как Алиса сквозь кроличью нору попадает в подземный чудесный мир, где переживает самые удивительные приключения и метаморфозы, так и мы, читая литературные произведения, проникаем в мир Прекрасного.

Но метафора Рипеллино более сложна и богата. В действительности итальянский русист определяет литературу не как некую территорию, на которую мы вступаем, а как путь к ней, как процесс проникновения. Кроме того, слово *itinerario*, будучи ближе к латыни, чем другие, чаще употребляемые в обыденном языке итальянские синонимы (*viaggio*, или *percorso*, или *tragitto*), принадлежит к высокому стилю. Это не просто путешествие, а странствие или «хождение», то есть путь, имеющий определенные этапы, предполагающий и препятствия, и духовный рост.

Слово *itinerario* имеет и религиозную окраску: благочестивым итальянцам красивое заглавие сборника статей о русской литературе Рипеллино не может не напоминать *Itinerarium mentis in Deum* («Путь души к Богу») — название главного сочинения итальянского мистика XIII века Бонавентуры из Баньореджо. Значит, указывая на некую сакральность, слово *itinerario* означает также паломничество, мистическое шествие...

Сборник бесед о литературе священника, историка, филолога и литературоведа Георгия Чистякова представляет собой именно такое «странствие в Чудесное», притом во всех смыслах итальянского слова *itinerario*. Здесь и странствие, и путь, и, конечно, паломничество.

Сборник открывают «Римские заметки» — своего рода путеводитель по итальянской столице. Читая эту небольшую книгу, изданную еще при жизни автора, мы мыслен-

но посещаем Вечный град под руководством опытного, уникального гида — историка-античника, филолога и богослова.

Именно многогранность и удивительная эрудиция экскурсовода помогает нам понять город, который считался *caput mundi* («главой мира») во всей его уникальности и сложности: различные временные слои Рима — Рима цезарей, первых христиан, великих Пап, эпохи Возрождения или Барокко — постоянно пересекаются и смешиваются для нас, точно так же, как они в действительности сосуществуют в реальном городе.

«Рим — удивительный город по той причине, что в нем в единое целое связана история древняя, начиная с эпохи царей, которые правили Римом двадцать семь веков тому назад, история эпохи Цезаря и Цицерона и великих римских поэтов — первые века христианства, Средневековье и Возрождение и, наконец, XVII, XVIII, XIX века, нынешний XX и уже XXI век — все это в Риме связано воедино», — пишет отец Георгий в главе о Стендале. В Риме «все периоды истории связаны во внутренне единый узел, который невозможно развязать».

Я — коренной итальянец. В Риме не жил, но бывал здесь несчетное количество раз, начиная с раннего детства. И тем не менее уникальность Вечного града я до конца прочувствовал, лишь читая «Римские заметки» Георгия Чистякова. Они, а также весь сборник бесед о литературе, выделяются тем, что их автор объединял в себе разные культурные пласты точно так же, как Вечный город — разные периоды истории.

Прогуливаясь по Риму вместе с нашим экскурсоводом, мы не только сталкиваемся с главными поэтами и прозаиками латинской литературы, императорами и мыслителями древнего Рима, но также с деятелями итальянского

Возрождения или итальянского Барокко. В прогулке участвуют и все русские художники и писатели, которые жили в Италии, изображали Рим или писали о нем, а также деятели мировой культуры, которые так или иначе были связаны с Вечным Градом.

На этих страницах благодаря удивительной эрудиции отца Георгия Ромул, Гораций, Тит Ливий, Цицерон, Тибулл, Овидий, Катулл, а также Петрарка, Фра Беато Анжелико, Микеланджело, Леонардо да Винчи, Тассо встречаются с Максимом Греком, Гумилевым, Мандельштамом, Вячеславом Ивановым, Мерабом Мамардашвили и еще со Стендалем, Диккенсом, Гюго, Гёте, Шатобрианом. И все они, голосом отца Георгия, беседуют с нами и между собой.

Отдельное место в сборнике — 11 бесед — занимает Данте. Отец Георгий считал Данте своим учителем, и в своей книге «Свет во тьме светит» он читает Евангелие от Иоанна глазами отца-основателя итальянской литературы. Так наравне с путешествием по Риму в этих беседах открывается для нас еще одно путешествие, нравственное, мистическое.

Затем Георгий Чистяков от Рима и Данте переходит к литературе всех эпох и народов — и путешествие продолжается. Наш автор и одновременно спутник разбирает как чисто духовные произведения (например, Паскаля), так и абсолютно светские или, точнее, принадлежащие писателям, которых принято считать нерелигиозными (Макиавелли, Бодлер); он обращается к различным жанрам, от греческой трагедии, Вергилия и Марка Аврелия до рыцарских романов Средневековья, через творения итальянского Возрождения, Просвещения и Романтизма доходит до современной лирики. Представляя нам памятники мировой литературы, наш гид с удивительной

тонкостью исследует их тексты, изучает прохождение тем и образов из одной эпохи или литературной традиции в другую.

Общеизвестно, что Отцы Церкви не только хорошо знали классическую, то есть «языческую», литературу, но и очень многим ей обязаны. Отец Георгий показывает, как они переняли язык, литературные жанры, просодические традиции, темы и конкретные образы из светской литературы. Так, святитель Григорий Нисский и многие другие отцы взяли у Платона и лексику, и терминологию, Иоанн Дамаскин писал каноны размером греческой трагедии, а «язык церковной поэзии, тот греческий язык, которым пользовались и Дамаскин, и Косма Маюмский, и другие церковные поэты, — тоже весьма близок языку греческой трагедии». Так же и «Иоанн Златоуст, когда будет говорить о театре, повторит основные тезисы Платона. А его старший современник, святитель Василий Великий, прислушается к мнению Аристотеля».

Очень умело отец Георгий показывает, что и в светской литературе гомеровский образ «дыма, от родных берегов вдалеке восходящего», который скиталец Одиссей жаждет снова увидеть, возвращается у изгнанника Публия Овидия Назона в его *Tristia*, а оттуда переключивается в средневековую поэзию и дальше — к Державину и Грибоедову.

В путешествии с отцом Георгием по чудесной стране мировой литературы больше, чем эрудиция нашего необыкновенного проводника, нас поражают нестандартность и смелость его сравнений и сопоставлений. В анализе отца Георгия непохожие и далекие во времени и в пространстве литературные произведения сталкиваются, вступают в спор, дополняют друг друга. «Песнь о Роланде» перекликается с «Повестью временных лет», Данте спорит

с Шекспиром и Сервантесом о немощи и бессилии Бога, в споре участвуют Ницше и Микеланджело, Виктор Гюго и Франциск Ассизский...

Наш проводник нам показывает, что описание предметов в гомеровских поэмах напоминает то, как ветхозаветные авторы очерчивают Ковчег Завета и другие святыни. И поясняет: «Когда мы делаем попытку прочитать один текст на фоне другого, Гомера на фоне Библии или, наоборот, Библию на фоне Гомера, тогда вдруг становится предельно ясно, что речь, и там и здесь, идет о чем-то бесконечно важном». Такая способность сблизить Слово Божие со словом человеческим, облеченным в высокую литературную форму, наверное, — самая удивительная черта священника и литературоведа Георгия Чистякова.

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог, — учит нас Иоанн Богослов (Ин 1:1). Отец Георгий в своих штудиях ведет нас за собой в странствие-паломничество, помогая нам разглядеть за чудесным литературным словом отражение, или эхо, вечного Слова, через Которое все начало быть (Ин 1:3) — в том числе и чудо литературы.

Но почему же я такой рассеянный?

9 ноября 2019 г.

Сегодня я порвал куртку. Точнее, она была порвана, аж с прошлой зимы... Но немного, под правым рукавом, и я все это время так и ходил, думая, что можно на это не обращать внимания. Но сегодня стало

понятно, что дело серьезное и я сам не смогу починить. Беда в том, что каждый раз я вспоминаю об этом, когда в последний момент одеваюсь и торопясь выхожу из дома, а потом забываю до следующего раза...

Вечером, когда спешил в храм, сказал себе, что это безобразие и с этим что-то непременно надо делать. Когда пришел в храм, заметил, что за свечным ящиком сегодня дежурит Маша, а она — мастер шитья, шьет облачения для настоятеля... Решил ей показать. Маша — замечательный человек, сразу предложила свою помощь, но сказала, что куртку должна забрать. Когда поздно вечером я закончил исповедь, решил оставить куртку Маше, надеть на себя все, что найду в своей келье, и вернуться домой. В келье нашел только две майки и две рубашки. Так вышел налегке, а на улице четыре градуса, решил подарить себе поездку домой на такси. Правда, чтобы сэкономить, перешел Тверскую и спустился до телеграфа. Такси ждал минут десять и дергался, что зарядка телефона закончится... Наконец такси пришло.

Поездка прекрасная — Варварка, Васильевский спуск, Большой Москворецкий мост с видом на Кремль, Ордынка... Разве можно не сфотографировать всю эту красоту и не послать фотки друзьям? Правда зарядки 8%, но ничего — скоро буду дома!

А когда подъехали к дому, обнаружил, что ключей у меня нет... Зарядки уже 5 %, но такси обратно в храм успел заказать. Ожидание — 14 минут, а консьержка не

открывает дверь... Так простоял в своих двух рубашках. А потом благополучно вернулся в храм, где и буду ночевать. Завтра служба в 8:30, потом требы и вечером всенощная в 18:00. А потом надену еще раз обе свои рубашки и поеду на свою родную Тульскую. На метро. И с ключами — надеюсь!

День 31

Не знаю почему, но мне сегодня вдруг вспомнилась Дора.

Среди самых первых моих московских друзей была удивительная еврейская старушка Дора Прусс. Когда мы познакомились в конце 1980-х, ей было уже за семьдесят, а мне — 25. Несмотря на большую разницу в возрасте, могу сказать, что мы были настоящими друзьями. Кроме всего прочего нас связывало и то, что я несколько лет прожил в Женеве, ее родном городе, который она всем сердцем любила до конца своих дней.

Дора, особенно в первые годы моей жизни в России, была моей московской бабушкой: когда я приходил ее навестить в коммуналку в Замоскворечье, в Голиковском переулке, она всегда встречала с распростертыми объятиями и одаривала чудесной улыбкой. Она с удовольствием говорила со мной по-французски и очень много рассказывала мне о своей жизни. У нее обязательно находилась тарелка вкуснейшего супа для голодного студента, каким я тогда был. А если я вылавливал из супа волосок или какой-нибудь другой «сюрприз», которого не видели глаза Доры, это только вызывало у меня улыбку умиления.

Да, Дора была слабовидящей, почти слепой. Она прожила невероятно сложную жизнь (на основе ее жизни можно было бы написать приключенческий роман), пережила жуткие унижения, преследования, несправедливости, лишилась близких и дорогих людей и еще в юном возрасте ослепла на нервной почве. И все же она, безо всякого сомнения, остается для

меня одним из самых положительных и радостных людей, которые мне встречались в жизни.

«Какая красота!»: воспоминания об одной московской старушке

Дора Прусс родилась 13 октября 1917 г. в семье евреев, выходцев из Белоруссии. В этот момент в России происходили крайне трагичные и судьбоносные события. На биографию Доры эти события и их последствия окажут непосредственное воздействие, хотя она и появилась на свет вдали от России, в Женеве. Дора прожила там лишь до восьми лет, однако в ее памяти и сердце до самого конца долгой жизни осталась Женева: элегантный центр города, озеро, горы... Дора всегда прекрасно и с большим удовольствием говорила по-французски: это удивительно, если учесть, что основной причиной несчастий ее семьи был тот факт, что они когда-то жили за границей.

Швейцария

Отец Доры, Владимир, был часовых дел мастером. Он родился в еврейской деревне Городок недалеко от Витебска, на родине Марка Шагала. В молодости поиски работы привели его в далекую Сибирь, в 1903—1904 гг. он работал в часовой мастерской в Иркутске. Как и многие другие молодые люди того времени, он присоединился к движению, которое выступало против русско-японской войны. Он был арестован, но в августе 1904 г. освобожден, поскольку Николай II предоставил политическим заключенным амнистию по случаю рождения сына, наследника трона.

Желая избежать участия в войне, Владимир Прусс эмигрировал в Швейцарию.

Он обосновался в Берне и быстро составил себе некоторое состояние, даже приобрел часовой магазин в центре города. В Швейцарии, в кругу русских эмигрантов, Прусс познакомился с Лениным, они обсуждали ситуацию в России, царский деспотизм. Прусса завораживала перспектива установления свободы, демократии и равенства, которую сулил коммунизм. Они с Лениным говорили также о будущем России, о необходимости развития промышленности, и в частности производства часов. Ленин возвратился в Россию в конце 1905 г.; Владимир Прусс остался с семьей в Берне еще на несколько лет, а потом они переехали в Женеву, где и родилась Дора.

После революции 1917 г. Владимир Прусс с симпатией относился к молодой стране, которая, как он думал, пошла по совершенно новому пути развития. Ему хотелось вернуться, чтобы помогать строить новое общество, но он колебался. Когда уже почти решился, — возможно, по совету самого Ленина, — вождь умер. Сразу после этого, в 1925 г., Прусс со всей семьей все-таки вернулся. Он основал первый в Советской России часовой завод, и это, кроме всего прочего, имело большое социальное значение, поскольку на работу здесь принимали только сирот и беспризорников.

Возвращение на родину

В Москве Прусс (родители и четверо детей) столкнулись с бытовыми проблемами, которых прежде не знали. Им выделили три комнаты в коммунальной квартире, где жила еще одна семья, и для них, привычных к благососто-

янию и приватности, такие условия были непривычно неудобными. Для Доры подростковый возраст совпал с кризисом личности — она ощущала себя отчужденной от всего, что ее окружало. Она любила Россию, но из-за своего еврейского происхождения и детства, проведенного в Женеве, чувствовала себя здесь иностранкой и не избавилась от этого чувства до старости.

Как она призналась одному итальянскому журналисту за год до смерти, она не чувствовала себя русской. Россия не была ее родиной — она приехала из совершенно другого мира и понимала, что отличается от русских: «Я знала одного профессора, преподававшего в музыкальном техникуме, приходила к нему в дом. Его арестовали в 1929 г. Он, должно быть, происходил из знатной семьи, приближенной к царскому двору, был хорошо образован. Думаю, что его арестовали именно за аристократическое происхождение: у него дома никогда, никогда и никогда не говорили о Сталине. Чувствовалось, что это “старорежимная” семья, но эти люди имели отличный от моего образ мышления и жизни — и они, и многие другие, менее образованные люди, выросшие после революции. Они не были хуже меня, но я чувствовала, что они не такие, как я. И чувствую это по сей день».

Так или иначе, это ощущение не помешало Доре взрослеть безмятежно. Она занималась многими интересными делами, увлекалась музыкой, искусством и особенно театром: «В 1937 г., закончив школу, я хотела посвятить себя театру: у меня была большая страсть к искусству. Но мой отец, как будто что-то предчувствовал, велел мне оставить все это и постараться получить профессию, научиться делать что-нибудь руками — неважно что, лишь бы это помогло мне выжить, если возникнет такая нужда».

Жизнь перевернулась

В том же 1937 г. произошло событие, полностью перевернувшее ее жизнь, из-за которого она повзрослела в одночасье: «В том году, после окончания школы, я поехала к своей сестре, которая жила в Баку. Там было много демократически настроенных персов, бежавших из Ирана, потому что их преследовали как противников шаха. И вдруг, когда я находилась в Баку, их оттуда изгнали. Порт на Каспийском море был заполнен отплывающими катерами, и множество людей приходило туда попрощаться с этими беднягами. Потом я получила телеграмму из Москвы, в которой меня просили немедленно вернуться домой. Я не знала, что случилось, но поняла, что дело очень серьезное: приехав домой, я почувствовала атмосферу большой печали. Приехал также один из моих братьев, который жил в другом городе. Оказалось, что арестовали отца. В один миг все изменилось. Исчезла вся моя прежняя жизнь, моя любовь к театру, к музыке, к игре на фортепиано. Мир как будто рухнул, и мы оказались под обломками».

Для Доры начался долгий период испытаний, ожиданий, напрасных надежд, часов, проведенных в очереди перед тюрьмой. В те годы такие испытания выпали на долю многих русских женщин: матерей, жен и дочерей политических заключенных. Впоследствии Анна Ахматова посвятила этим женщинам свой «Реквием». Дора была моложе всех в семье, ей исполнилось всего 20 лет. И все же в таком ужасном положении она нашла в себе силы действовать. Она взяла инициативу в свои руки, стала зарабатывать, чтобы содержать семью, и в тех страшных обстоятельствах заботилась только об одном: делать все возможное для облегчения жизни своих родных.

«Я быстро отреагировала на изменение ситуации, сразу же забыла обо всем, что было прежде: надо было думать о том, как выжить, и пытаться помочь отцу, которого посадили в Бутырскую тюрьму. Нам разрешалось передавать ему деньги, но не продукты. Я сразу постаралась дать ему знать, что вернулась домой, чтобы он не тревожился обо мне. Я сама подписала документ о передаче посылки в тюрьму, надеясь, что отец увидит мою подпись и поймет, что я в Москве, жива и здорова. Перед тюрьмой всегда толпились тысячи родственников заключенных, приходилось выстаивать огромные очереди, которые разделялись в зависимости от обвинения, предъявленного при аресте: была очередь родственников политзаключенных, а рядом стояли те, чьи близкие были арестованы за обычные преступления, и они издевались над нами. Я видела ужасающие сцены, когда, например, в тюрьме отказывались принять деньги для одного из заключенных: это означало конец, его близкие приходили в отчаяние, и тут над ними начинали насмехаться стоящие в соседней очереди. Все это производило на меня гнетущее впечатление — поэтому я и заболела».

Отца Доры обвинили в шпионаже, а через несколько месяцев арестовали одного из братьев по тому же обвинению. Их обоих расстреляли, но семья много лет не знала об этом.

Страх

Дору стали часто вызывать на Лубянку, но и здесь, несмотря на страх, она не испытывала слепой неприязни по отношению к тем, кто ее допрашивал. Больше всего она беспокоилась о том, чтобы не навредить другим: «К счастью, второго брата, вернувшегося в Москву, не арестова-

ли. И меня, и его неоднократно вызывали в НКВД. Наша мама очень тревожилась, когда нам приходилось являться туда, но после допросов нас каждый раз отпускали домой.

Однажды, в начале, нас вызвали всех троих: меня, маму и брата. Нас допрашивали одновременно в трех разных комнатах, но никто не сказал ничего особенного, и нас отпустили. Меня привели в комнату с охранником, молодым парнем, и я все время думала, выйду ли оттуда, или меня арестуют. Охранники не были злыми — по крайней мере, по отношению к нам. Каждый раз, когда нужно было отвечать на вопросы следователя, я боялась сказать что-нибудь такое, что может быть использовано против других людей. Я не знала, что говорить: у меня были друзья, и я боялась своими словами невольно привлечь к ним внимание. Меня спрашивали, есть ли у меня друзья, кто они, кто приходит к нам и к кому ходим мы. Но я отвечала, что никогда ни с кем не вижусь и друзей не имею.

В атмосфере всеобщего ужаса страшного 1937 г. и последующего периода «сталинских чисток» Дора и ее семья, как и многие другие родственники «врагов народа», переживали тяжелейшие испытания. Вызовы на Лубянку и допросы сопровождались обысками квартиры и конфискацией имущества. Они оказались в одиночестве, их стали избегать все, даже самые близкие друзья. Но Дора не осуждала их, напротив, она даже понимала и почти оправдывала этих людей: «Нас покинули даже родственники, которым мой отец помогал. Они обвинили нас в том, что мы будто бы их погубили, что из-за нас, приехавших из-за границы, их теперь считают врагами народа. Конечно, меня больно ранило такое отношение, но я тут же решила о них не думать и шла дальше своей дорогой. Тогда все боялись — не то чтобы эти люди были злыми... Просто мы все боялись уже чуть ли не самих себя! Постоянно аресто-

вывали многих людей. Все жили в страхе: арестовать могли на улице — многих останавливали на улицах и сажали в тюрьму».

Дора тоже боялась, она жила в состоянии непрерывной тревоги. Но, несмотря на террор, старалась сопереживать тем, кто был в таком же положении: «После ареста отца я начала бояться: боялась, что они вот-вот вернутся за мной или за кем-нибудь из родных. Я каждую минуту жила с этим страхом. Я всегда боялась, боялась всего, потому что в любой момент могло что-нибудь случиться. Нас довели до того, что мы жили в страхе. В нашем многоквартирном доме тоже многих арестовали. Если у человека близкий родственник был иностранного происхождения, то у него была причина опасаться обвинений в свой адрес. Помню, был один поляк, о котором я мало знала: его увели. Еще в одной квартире жила семья высокопоставленного человека, первого военного атташе СССР в Китае, которого потом направили в Болгарию, в Софию. Они жили очень хорошо, у них был сын, еще маленький. Мы были соседями — если и не близкими друзьями, то, конечно же, хорошими знакомыми. Его тоже арестовали, жена осталась одна, и с тех пор мы с ней очень подружились».

Слепота

Оказавшись в атмосфере страха и полного одиночества, Дора продолжала делать все, что от нее зависело, чтобы по крайней мере узнать что-нибудь об отце. Им сообщили, что его приговорили к десяти годам принудительных работ без права переписки. Потом заболела ее мать, и ей пришлось зарабатывать на жизнь. Надо отметить, что тогда, в годы террора, даже самые близкие родственники «врагов народа» часто прерывали всякие отношения с

ними; нередко случалось, что жены осужденных разводились с ними, дети отрекались от своих отцов.

Дора продолжала бороться за своего отца, она годами посылала ему в тюрьму деньги и передачи, не зная, что его давно расстреляли. Стресс не замедлил пагубно сказаться на ее здоровье: «Я все время писала и писала, чтобы узнать что-нибудь о нем, но мне ни разу не ответили. Не знаю, откуда у меня взялись на все это силы, но я это делала. Я тоже заболела: появились проблемы со зрением на нервной почве...» Прогрессирующая болезнь глаз привела к тому, что она почти полностью ослепла.

Сразу по окончании школы она стала работать сортировщицей тканей на текстильной фабрике: это была скучная работа для молоденькой девушки, совсем недавно мечтавшей о карьере актрисы театра. К тому же ей было сложнее прочих из-за плохого зрения. И кроме того, дочери и сестре «врагов народа» предстояло пройти через унижения и дискриминацию: «Сначала меня не приняли в профсоюз, но через некоторое время позволили мне туда записаться. Могу еще рассказать некоторые подробности: в лаборатории женский туалет был отделен от мужского стеной с окошком, и, когда я туда заходила, за мной все время следовал и следил один из наших сотрудников. Это было отвратительно, и я не знала, маньяк он или ему поручили всегда и везде меня контролировать». Дору часто увольняли с работы без объяснения причин.

Только в период «оттепели», в 1956 г., Доре сообщили о смерти отца и брата, не указав причины. В течение двух лет она часто обращалась в прокуратуру, добиваясь их реабилитации (в 90-х годах ее официально уведомят о том, что отца расстреляли в Бутово). После «оттепели» Дора двадцать лет проработала в Обществе слепых. Ее жизнь стала несравненно спокойнее, однако у нее возникли но-

вые трудности: слепота, одиночество (ее муж погиб на войне).

Красота

Я был очень привязан к Доре, очень многому научился у нее, и память о ней останется со мной навсегда. Она, прожившая такую трудную жизнь, всегда мыслила положительно, была полна желания жить, оставалась оптимисткой, никогда не сдавалась, всегда пребывала в хорошем настроении. Я помню, как-то раз весной мы гуляли вместе около ее дома. Она шла рядом со мной, опираясь на мою руку, смотрела вокруг и повторяла: «Боже мой! Какая красота!» Эти слова она повторяла очень часто, хотя из этой красоты в действительности почти ничего не видела...

Дора никогда никого не осуждала, не судила даже о врагах, хотя с ней так часто поступали несправедливо... И если она рассказывала мне о соседке по коммуналке, антисемитке, которая нарочно играла на пианино в то время, когда Дора отдыхала, и говорила, что надо бы перерезать горло всем евреям, или о соседе-алкоголике, который оскорблял ее и угрожал ей, то делала это без возмущения, почти смеясь.

Дора часто звонила, чтобы поговорить со мной по-французски. Уже сама возможность общаться на том языке, который она считала для себя родным, но на котором ей было не с кем разговаривать, доставляла ей огромное удовольствие — «*Ça me fait un plaisir fou*». Иногда, но очень деликатно, просила о помощи, если ей надо было съездить в какое-нибудь новое место или сделать что-то, что ее глаза ей не позволяли.

Когда ей было уже за 80, муниципалитет предложил ей отдельное жилье, то ли потому, что она была дочерью

репрессированного, то ли за инвалидность — «однушку» на первом этаже в новостройке далеко от центра. Она мне тут же позвонила в восторге: "*Vous ne pouvez pas vous imaginer*" — «Вы себе не представляете...» Я довольно скептически относился к идее переезда пожилого и слепого человека на новое место, но не стал ее расстраивать и согласился поехать с ней в Бутово «посмотреть» квартиру. Я рассказывал ей по-французски о том, что вижу, а она обдумывала. От первого предложения Дора отказалась, не помню почему, а вот вторая «однушка» в Марьино ей пришлась по душе — через какое-то время я ей помог с переездом.

Неожиданная просьба

В этой квартирке она и прожила последние годы жизни. Однажды мне позвонила и попросила ее навестить — «Есть важный разговор!». А разговор был приблизительно следующий, разумеется по-французски: «Как вы знаете, Джованни, я очень люблю страну, где родилась, Швейцарию. Россию я тоже люблю, но здесь я много страдала и всегда чувствовала себя чужой. Поэтому я хотела бы после смерти оказаться в Швейцарии. Я бы хотела, чтобы после смерти меня кремировали, а вас я хочу попросить перевезти мой прах в Швейцарию и развеять его либо над Женевским озером, либо в каком-нибудь лесу».

Я, конечно, был ошеломлен такой неожиданной просьбой. Я понимал, что все не так просто, как казалось Доре. Я ей не родственник, и никто, конечно, не отдаст мне ее прах. Кроме того, есть всякие и бюрократические, и санитарные правила, и я был уверен, что ни Россия не разрешит мне просто так увезти прах своего гражданина, ни тем более Швейцария не даст «импортировать» урну и развеивать ее содержимое... Я стал все это объяснять

Доре, пытаясь вежливо отказаться. И я заметил, что она расстроилась...

В возрасте 88 лет Дора перенесла инсульт. Когда она вернулась домой из больницы, я навестил ее вместе с моими друзьями Леной и Димой Коробко. У нее была парализована половина тела, к этому добавилось воспаление легких, но она была в полном сознании. Мы обменялись несколькими словами по-русски и по-французски, и она даже сказала мне что-то по-итальянски, дав понять, что узнала меня. В какой-то момент она едва слышно прошептала: «Мне не на что жаловаться... Многим хуже, чем мне...» Какой урок! Я долго держал ее за руки, гладил по голове, потом сказал ей по-французски: «В следующий раз я хочу видеть вас здоровой... Я приду с бутылкой хорошего вина, как в старые времена...» Дора улыбнулась мне и крепко, насколько могла, пожала руку.

Но мы больше не встретились: я находился в Италии, когда, несколько дней спустя, она скончалась.

Праведница

Дора, дочь евреев, атеистов и коммунистов, не была крещена. Однако она знала Библию и по-своему верила в Бога. Много раз мы с ней разговаривали о Боге, о Христе. О ее смерти я узнал, как уже сказал, в Италии. В тот день я впервые обратил внимание на текст молитвы об усопших из чинопоследования мессы в Католической Церкви: «Прими в Царство Твое, Господи, усопших братьев наших (то есть христиан. — *иером. И.*) и всех праведников, которые в мире с Тобой оставили мир сей».

Дора, несомненно, была такой «праведницей» и жила «в мире с Богом». Она, с которой так часто поступали несправедливо, была праведницей, то есть творила ту вы-

сшую Справедливость, которая есть не-суждение, неосуждение никого и никогда. Поэтому она, со своей стороны, всегда была в мире со всеми. И конечно же, повторяюсь, «в мире с Богом».

Я скорбел по Доре прежде всего потому, что мы были настоящими друзьями. Кроме того, как это часто бывает, когда уходит близкий человек, совесть стала меня обличать в том, что я редко находил для нее время, редко звонил, еще реже навещал... И это, к стыду моему, правда. Я знал, что каждый раз она была «безумно счастлива» меня видеть (*"cela me fait un plaisir fou de vous voir"*) и, наверное, еще больше, поговорить со мной по-французски... И все равно я слишком редко находил для нее время. Еще меня корбило то, что я не мог выполнить ее последнюю просьбу...

Магомет и гора

Но вдруг обстоятельства помогли. Меня пригласили на какую-то конференцию в Риме, и я купил авиабилет через Швейцарию, так чтобы между перелетами в аэропорту Цюриха у меня было несколько часов.

Прилетев в Цюрих, я тут же помчался к выходу и остановил первое попавшееся такси. «Куда?» — спросил меня водитель-серб. «В лес», — ответил я. «В какой лес?» — уточнил таксист. «В любой. Главное — чтобы он был красивый». Нет, у меня с собой не было праха моего друга Доры Прусс. Я решил сделать по-другому: набрал швейцарскую землю из леса, а потом в Москве рассеял вокруг ее урны.

Что ж? «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Все равно, сейчас ее прах обнимает швейцарская земля. Уверен, что Доре понравилось. Она, наверное, улыбнулась и сказала: «Какая красота!»

День 32

Воспоминания о Доре наводят меня сегодня вот на какую мысль. Бывает, что несправедливость и бесчеловечность приобретают масштабы мировые. Когда жертвами становятся миллионы, совершается преступление, которое имеет четкое название и юридическое определение — геноцид. Он определяется международным правом как *"crime against humanity"* в обоих смыслах слова — то есть это преступление против человечности и одновременно против человечества, преступление, не имеющее срока давности.

Пандемия, то есть глобальная эпидемия, своим масштабом тоже напоминает такое ужасное явление, как геноцид. Это проявление зла на всеобщем, мировом уровне. Но в случае с развитием пандемии, конечно, человеческая ответственность, хоть и имеется, не так очевидна.

Масштабные преступления, такие как геноцид армян во время Первой мировой войны, холокост евреев, а также красный террор и ГУЛАГ — попытка систематического уничтожения инакомыслящих в течение двух десятилетий советской истории (1933–1953 гг.), — это преступления, которые являются выражением самых темных сил в человеке, преступления вне границ времени и пространства — они обращены ко всем. Выступая в Армении или отвечая на вопросы журналистов, я много раз говорил, что геноцид 1915 г. — это преступление в том числе против меня, несмотря на прошедшее с той поры время, а также несмотря на то, что никаких армянских корней у меня нет.

Я написал две книги о геноциде армян, в которых приводятся свидетельства двух очевидцев. Они не только не были армянами, но в силу обстоятельств своей жизни должны были бы оказаться на стороне турок. Совесть заставила их говорить, свидетельствовать. Все преступления против человечества обычно сопровождаются очень длинным периодом «негационизма» — упорным отрицанием правдивости событий, позорной фальсификацией истории, которые, по сути дела, продлевают преступление. Турецкий негационизм геноцида армян, отрицание холокоста и сегодняшний ревизионизм советской истории, самых постыдных и кровавых ее страниц — явления, которые очень меня волнуют.

Как генетическая память помогает нам выжить, так и историческая память — единственный залог прогресса человечества. Человек XXI века может стать гуманнее только в том случае, если не забудет ужасы века XX. Если новой России до сих пор так мучительно трудно продвигаться по пути демократии и свободы, строить настоящее правовое государство — это прежде всего оттого, что она не до конца признала, оценила и осудила свое недавнее прошлое. Мало того, сейчас это прошлое Россия, отчасти сознательно, отчасти бессознательно, отрицает, фальсифицирует, идеализирует... Но это путь в никуда. Когда я слышу, как средства массовой информации говорят о Сталине как о великом полководце, мне становится страшно. Ведь только основываясь на правде из пепла тоталитаризма можно построить демократию, только правда позволяет разделить христианство и инквизицию, ислам и современный терроризм...

Так получилось, что я закончил писать предисловие к своей первой книге о геноциде армян 3 сентября 2004 г., как раз в момент бесланских событий, и после очередного убийства невинных детей я еще раз убедился: да, мы недостаточно решительно осудили преступления прошлого.

Непризнанные страницы преступлений: геноцид армян глазами двух очевидцев

В память невинно убиенных детей в Беслане

Среди многочисленных свидетельств о геноциде армян случаи Армина Вегнера и Файеза Эль-Гусейна выделяются по ряду причин.

Армин Вегнер — немец, то есть союзник турок во время войны. К Турции он испытывает откровенную симпатию. Османская империя осталась в его сердце как загадочная страна со всем очарованием и экзотикой Востока. Вегнер молод и даже на войну смотрит с романтическим идеализмом, присущим молодому немцу начала XX века. Он — писатель, творческая натура, чувствительный и ранимый человек. Страшные сцены депортаций и геноцида армян, свидетелем которых он стал в Турции в 1915 г., и сцены другого геноцида — холокоста, о котором он узнает позже в фашистской Германии, останутся в его памяти и коренным образом изменят жизнь.

Файез Эль-Гусейн — бедуин из племени Сулут с сирийского плоскогорья Гаурана, юрист, должностное лицо Османской империи, глубоко верующий мусульманин. По

случайному стечению обстоятельств он тоже стал очевидцем геноцида армян. Будучи официальным лицом Османской империи, он привык доверять властям и чиновникам. Но увиденные сцены настолько его потрясли, что, сбежав из Турции, летом 1916 г. он написал книгу своих свидетельств. В ней он осуждает страшные события и ответственных за них чиновников как юрист, как политик и как гуманист. И главное, как верующий мусульманин пытается показать, что насилие против невинных людей полностью нарушает законы ислама.

Молодой офицер

Армин Теофил Вегнер родился в Вуппертале (Вестфалия) в 1886 г. Когда разразилась Первая мировая война, он добровольно поступил на военную службу санитаром, в апреле 1915 г. его направили на Ближний Восток. Осенью того же года младший лейтенант Вегнер пересек Малую Азию: из Стамбула поехал в Багдад в составе эскорта фельдмаршала фон дер Гольца, который служил в Османской империи военным советником.

В это же самое время происходит депортация армян. Обходя строжайшие распоряжения турецких и немецких властей, которые запрещали распространение информации о происходящем, офицер Вегнер собирал записи, документы и письма, делал большое количество снимков в лагерях армян. Письма родным и знакомым, написанные им в 1915 и 1916 гг., представляют собой исполненный горечи дневник о «дороге без возврата», по которой шел армянский народ. После обнаружения тайных путей, по которым Вегнер передавал свою корреспонденцию, он был арестован немцами по требованию турецкого командования. Его направили на службу в холерные бараки. Тяжело

заболев, Вегнер в октябре 1916 г. уехал из Багдада в Константинополь. Он увез с собой фотопластинки со сценами уничтожения армян, которые передал американскому посольству. В декабре того же года его отозвали в Германию.

По возвращении на родину Вегнер всячески пытался распространить сведения об армянской трагедии. Так, в январе 1919 г. в Берлине вышло первое издание сборника его писем из Турции, озаглавленное «Дорога без возврата. Мартиролог в письмах». Через месяц в берлинской газете *“Berliner Tageblatt”* было напечатано его «Открытое письмо Президенту Соединенных Штатов Вудро Вильсону», которое представляет собой один из наиболее важных опубликованных документов, касающихся армянского вопроса.

В 1921 г. в Берлине состоялся судебный процесс над Согомоном Тейлиряном, армянским студентом, который потерял семью во время геноцида и, желая отомстить за своих родных и свой народ, убил в Берлине Талаата-пашу, министра внутренних дел правительства младотурок, отдававшего приказы об истреблении армян. Прозвучавшие на процессе показания выживших жертв и свидетелей геноцида так потрясли присутствовавших, что суд полностью оправдал армянского студента, и процесс против него фактически превратился в процесс против Талаата. Во время слушаний Армин Вегнер не мог дать показания о трагических событиях, невольным очевидцем которых он был, из-за своих политических взглядов: его обвиняли в связях с коммунистами. Однако он написал знаменитое предисловие к сборнику документов процесса, опубликованному в том же 1921 г. Спустя год Вегнер призвал общественность защищать права армян в статье под названием «Крик с Арарата», а в 1924 г. начал писать роман о трагедии армянского народа, так и оставшийся незаконченным.

11 апреля 1933 г., сразу после первого указа нацистского правительства о запрещении коммерческой деятельности евреев, Армин Т. Вегнер написал открытое письмо Адольфу Гитлеру, в котором высказывал решительный протест против бесчеловечных действий режима. Канцелярия Рейха подтвердила получение письма. Ответа не последовало, Вегнера же арестовала в Берлине государственная тайная полиция. Солдаты СС привели его в подвалы гестапо, где стали бить плетьюми, пока он не потерял сознание. После той ужасной ночи Вегнеру пришлось пройти скорбный путь: три концентрационных лагеря, семь тюрем в Германии и долгие годы изгнания. В 1936 г. Вегнер переехал в Италию. Но и здесь его злоключения продолжались. На следующий день после вступления Италии в войну Герберт Капплер (командующий немецкими войсками в Италии) приказал арестовать Вегнера и заключить в лагерь, однако Вегнеру все-таки удалось избежать ареста.

Армин Вегнер умер в Риме 17 мая 1978 г. В 1996 г. часть его праха была перенесена в Армению и похоронена под Ереваном в Цицернакаберде в стене Мемориала, посвященного жертвам геноцида.

Сын бедуинского племени

Файез Эль-Гусейн родился в деревне Эль-Шарайе в сирийской области Гаурана в 1883 г. Сын вождя бедуинского племени, он учился в Константинополе в престижной школе, затем в королевском колледже, стал юристом. По возвращении домой был назначен помощником *вали* Дамаска Джемаль-паши. Это один из членов (вместе с Энвером и Талаатом) триумvirата младотурок, именно на них лежит главная ответственность за геноцид армян. Спустя

некоторое время Эль-Гусейн был назначен *каймаком* (то есть супрефектом, во главе *казы* — небольшой области — в вилайете Мамурет-Уль-Азиза, где проживало много армян). Через три с половиной года он решил вернуться в Дамаск, чтобы заняться свободной адвокатской практикой.

В этот период у арабских народов, входящих в состав Османской империи, проявлялось растущее стремление к независимости, они хотели создать арабское государство. Когда началась Первая мировая война, Файеза попросили вновь занять место *каймакама*, но он отказался и продолжал работать адвокатом в Дамаске, где тем временем вступил в подпольное общество Аль-Фатат, ставившее своей целью независимость арабских территорий от Османской империи.

В Дамаске его обвинили в руководстве революционным движением и в контактах с англичанами; арестовали, посадили в тюрьму и подвергли военно-полевому суду вместе с двумя товарищами. Этих двоих приговорили к смерти и казнили, но для Файеза Эль-Гусейна казнь заменили ссылкой в Эрзерум, так как он был в прошлом *каймаком*.

Джемаль-паша поручил его конвоирование отряду из 5 солдат под командованием офицера. Путь, который они проделали частично пешком и частично в повозке, был долгим: с юго-запада они двинулись к северо-востоку (Дамаск, Хама, Алеппо, Урфа, Северек, чтобы потом попасть в Эрзерум). В это же время партии депортированных армян (в основном женщин и детей) двигались в противоположном направлении — с армянских вилайетов на востоке они шли к юго-западу. На каждом этапе молодой адвокат отмечал ужасное насилие, которое турки проявляли по отношению к депортированным армянам.

В Диарбекире оказалось, что путешествие не может продолжаться, поскольку русские заняли территории, прилегающие к Эрзеруму. Файеза заточили в тюрьму, но он пробыл там всего 23 дня: за него вступились друзья, турецкие чиновники, с которыми он познакомился, когда был *каймаком*. Приговор был заменен ссылкой. Он прожил в том районе шесть месяцев и все это время собирал сведения о том, что происходит с армянами, среди турецких офицеров, чиновников, именитых граждан, влиятельных лиц.

Сумев сбежать из-под надзора турок, он после многих злоключений добрался до Басры (ныне — территория Ирака), в то время находившейся под британским контролем, и был отправлен англичанами в Бомбей. Здесь он изложил на бумаге все то, что узнал о геноциде армян, а закончил свою книгу уже в сентябре 1916 г. Через несколько лет его переправили на военном корабле на Ближний Восток. Здесь Файез Эль-Гусейн принимал активное участие в борьбе за независимость арабов от Османской империи. Он дружил со знаменитым Лоуренсом Аравийским, который несколько раз упоминает о нем в своей книге «Семь столпов мудрости». Когда родилась современная Сирия, Файез Эль-Гусейн обосновался в Дамаске и был назначен судьей в уголовном суде; он умер в Дамаске в 1938 г.

Свидетельства очевидцев

Итак, Армин Вегнер и Файез Эль-Гусейн — совершенно разные люди, отличающиеся друг от друга культурой, образованием, вероисповеданием. Объединяет их тот факт, что они стали свидетелями одного из самых страшных преступлений в истории человечества, и их совесть повелела им не молчать.

Файез Эль-Гусейн — адвокат и судья; Армин Вегнер — журналист и писатель. Оба они не только очевидцы, но и скрупулезные хронисты, поэтому их свидетельства имеют большую ценность. Армин Вегнер ведет дневник и указывает места и даты событий. Файез Эль-Гусейн пишет сплошной текст, без указания дат, зато пользуется исключительным источником, недоступным для Вегнера. Во время войны, когда русские заняли Ван и угрожали оккупировать Эрзерум, многие турецкие чиновники из окрестных провинций стекались в Диарбекир. Большинство из них — это люди, которых Эль-Гусейн лично знал еще раньше, поскольку был *каймаком* этого *вилаята*. К сценам, виденным Файезом собственными глазами, добавляются те, о которых ему рассказывали в Диарбекире товарищи по заключению, выжившие армяне, друзья из числа арабов и турок и, что важнее всего, — государственные служащие и другие непосредственные свидетели, в том числе некоторые руководители комитета «Единение и прогресс», а также прямые исполнители геноцида. Таким образом, в рассказ Файеза Эль-Гусейна включены признания самих преследователей армян, сделанные ими из чувства раскаяния или извращенного чувства удовлетворения.

Факты, которые Армин Вегнер и Файез Эль-Гусейн сообщают в своих текстах, — это прежде всего сцены, увиденные ими воочию во время долгого пути. Их ужасающие рассказы поразительным образом перекликаются между собой и со свидетельствами других очевидцев разных национальностей, различной религиозной принадлежности и разных, порой противоположных, политических убеждений. Действительно, можно заметить необычайное сходство в рассказах французского католического священника Жака Реторэ, американского посла Генри

Моргентау, немецкого пастора-протестанта Иоганнеса Лепсиуса, итальянского консула в Трапезунде Джакомо Горрини, миссионеров различных Церквей, военных и дипломатов из Германии и многих других очевидцев этих событий. Постоянно встречаются те же сцены, описывается та же реакция жертв, те же проявления жестокости со стороны турецких конвоиров и курдских орд и, прежде всего, те же методы преследования и уничтожения людей, используемые правительством младотурок. Эти описания повторяются снова и снова, и становится очевидным, что все это части заранее написанного сценария, которого тщательно придерживались исполнители.

Неизменные составляющие этой ужасной трагедии: обман жертв, которым объявляют о «временной депортации»; немедленное разграбление их имущества; убийство (часто предательское) безоружных мужчин; безжалостное обращение с остальными людьми, которых волокут прочь, как скот, в течение долгих дней под палящим солнцем в пустыне; продажа в рабство женщин и детей; вымогательство у депортированных женщин оставшихся денег; сексуальные домогательства; жестокие убийства незащищенных детей и стариков; садистский характер самых невыносимых пыток; сексуальное насилие даже над умирающими; обезображивание и осквернение трупов и, наконец, страшные способы, которыми жертв предают смерти, — расстрел, утопление в реках, сжигание заживо, удушение, сбрасывание в связанном виде со скал, разрубание голов топорами, смерть от голода и жажды, перерезывание горла ножом, как приведенным на убой животным...

Зверской жестокости палачей противопоставляется высокая человечность жертв: бесстрашие мужчин, которые выдерживают самые ужасные пытки, но отказываются доносить на других, достоинство женщин, предпочитающих

смерть бесчестьем, удивительно зрелое поведение подростков и детей, твердость многих армян, отвергших навязываемый им переход в мусульманство.

Армин Вегнер фиксирует события сразу, в 1915 и 1916 гг., свидетельство Файеза Эль-Гусейна также было записано в 1916 г. — оба писали «по горячим следам», хорошо помня недавние обстоятельства и события, поэтому были точными даже в мелких деталях. Важно принять во внимание стиль авторов. Вегнер — писатель, пишет не много витиевато. Эль-Гусейн — юрист, поэтому не стремится к красоте речевых оборотов и не впадает в патетику; его описания всегда краткие и довольно сухие.

Ни Файез Эль-Гусейн, ни Армин Вегнер, никогда не уклоняются от описания творившегося кошмара, свидетельствование о котором считают своим моральным долгом: они не умалчивают даже о самых страшных зверствах, и чувствуется, что эти воспоминания вызывают у них ужас. Эль-Гусейн как будто отмеряет слова, стараясь сказать как можно меньше; тем не менее, именно в силу его сдержанности, его разоблачение убийств, изнасилований, детоубийств, грабежей и всевозможных жестокостей приобретает еще большую силу и достоверность. Вегнер вместе с описаниями страшных событий передает свои собственные чувства, рассуждения и т. д.

«Безымянное преступление»

В книге Файеза Эль-Гусейна мы находим доказательство тому, что геноцид был запланирован одновременно с его отрицанием: турецкое правительство с самого начала фальсифицировало факты. Он рассказывает о фальшивых письмах, которые были написаны государственными служащими от имени уже уничтоженных людей и затем про-

даны по высокой цене их родственникам. Он пишет о том, как нанятые правительством убийцы переодевали армянских жертв в национальную одежду курдов, организовывали ложные похороны с курдскими плакальщицами и фотографировали все это, чтобы впоследствии «доказать», что в постоянных конфликтах между курдами и армянами первые были жертвами последних, а правительство в любом случае ни в чем не виновато...

Эль-Гусейн также приходит к заключению, что массовые убийства армян представляют собой беспрецедентное и, можно сказать, безымянное преступление — преступление настолько ужасающее и неопишное, что его нельзя никак назвать. В действительности в 1916 г. в распоряжении Эль-Гусейна еще не было понятия «геноцид». Оно было введено в 1944 г., когда польский юрист Рафаэль Лемкин (Лемке) заговорил о «геноциде», имея в виду именно истребление армян и предполагая, что в разгар Второй мировой войны подобные злодеяния повторятся по отношению к другим народам. Файез Эль-Гусейн ясно чувствует, что происходящее с армянами по вине турок — преступление, которое «не имеет прецедентов даже в самые мрачные времена в истории человечества».

Файез Эль-Гусейн не только утверждает, что действия турок по отношению к армянам «возмущают все человечество», но прежде всего, основываясь на том, что он узнал от самих исполнителей избиения, своих коллег, заключает, что цель депортации совершенно ясна: «уничтожение целого народа» (это выражение повторяется в тексте несколько раз). Этот юрист в итоге дает точное определение *состава преступления*, совершенного правительством младотурок, которое в точности соответствует тому, что позже будет определено международным правом как геноцид.

Ислам и насилие

В своей книге Файез Эль-Гусейн проявляет себя не только как юрист, но и как гуманист. Описывая ужасы геноцида, он непременно подчеркивает мужество тех праведников, которые не участвовали в совершаемых насильственных действиях, проявляли милосердие по отношению к несчастным жертвам или отказывались исполнять приказы, связанные с истреблением армян. В своем повествовании он приводит несколько эпизодов, в которых арабские бедуины и турецкие солдаты выказывают сострадание к армянским сиротам и женщинам. Он рассказывает об османских чиновниках, которые предпочли подать в отставку, дабы не совершать преступлений по приказу правительства, и были убиты властями, и говорит, что память о них «следовало бы увековечить в истории». Такой подход, между прочим, ясно показывает, что адвокат начала XX века поддерживает институт современной демократии «гражданского неповиновения».

И все же Файез Эль-Гусейн пишет, прежде всего побуждаемый религиозными мотивами, о чем он ясно заявляет в разных частях своей книги. Он хочет, чтобы его обличение достигло европейских христиан, чтобы причина жестокости против армян не ассоциировалась с исламской религией. По его мнению, ответственность падает исключительно на светское, атеистическое правительство младотурок, которое использовало ислам как средство для формирования тоталитарной идеологии. Он призывает Аллаха в свидетели, утверждая, что подобные действия не может совершать никакой цивилизованный народ. Показав, что Турция, которая объявляет себя хранилищем халифата, нарушила священный закон ислама, он призывает мусульман к отречению от правительства, убивающего невинных людей.

Эль-Гусейн, глубоко верующий мусульманин, причем ревностный и образованный в вопросах исламской веры, имеет намерение защитить ислам и показать со всей очевидностью, что варварские действия, совершенные в тот период младотурками прежде всего против армян (в тексте упоминаются и преследования других народов, таких как халдеи, сирийцы и т. д.), никоим образом не могут быть оправданы религиозными мотивами. Они не могут быть квалифицированы ни как религиозный фанатизм, ни как исламский фундаментализм, поскольку младотурки убивали наряду с христианами и армян, принявших ислам, а также многих коренных мусульман, в особенности арабов. По мнению Файеза Эль-Гусейна, подобные зверства не имеют ничего общего с исламом.

Зачем вспоминать?

Зачем по прошествии целого века вспоминать эти ужасные события? Зачем ворошить прошлое, воскрешать в памяти изуверские, варварские сцены убийств, зачем читать описания нечеловеческих страданий, разглядывать леденящие душу фотографии? Надо ли беречь эти старые раны? Не лучше ли предать забвению печальные события почти вековой давности? И самое главное, не должны ли армяне как христианский народ простить боль потерь и пережитых страданий? Ведь тот, кто исповедует Христа, должен прощать причиненное ему зло, стереть из своего сознания и, главное, из сердца даже память о нем...

Христианин так себя называет потому, что стремится уподобиться Христу. А Христос сказал о себе, что *пришел не судить мир, но спасти мир* (Ин 12:47); к тому же Он призывает Своих последователей, которым заповедовал: *Не судите, да не судимы будете* (Мф 7:1). Однако во время

всей Своей земной жизни Иисус Христос не только прощал грешников, но однозначно обличал их грехи; Он предвозвестил пришествие Святого Духа, который *обличит мир о грехе* (Ин 16:8). Так же следует поступать и христианину: прощая обиды и не осуждая ошибающихся, он в то же время должен недвусмысленно указывать на ошибки — свои и чужие; он призван любить грешника, но ненавидеть сам грех.

Осознание своих грехов и признание их перед Богом и ближним и есть покаяние, которого Спаситель ждет от каждого человека. Поэтому, выявляя и обличая грехи, Церковь создает условия для покаяния и спасения или, говоря словами апостола Павла, для *оправдания*. Следовательно, христианин — более даже, чем любой другой человек, — призван давать точную оценку происходящим событиям; правильно судить историю — такова его великая ответственность перед Богом и перед людьми. Осуждение страшных событий геноцида армян — это первый шаг к их справедливой оценке мировым сообществом; признание Турции — есть начало *оправдания*, искупления и освобождения Турции от тяжкого гнета совершенных злодеяний.

Справедливость, правдивость, оправдание — однокоренные слова. Слово «правда» по-русски включает в себя все эти понятия. Удивительно, что даже римляне, заложившие основы современного права, не ассоциировали в своем представлении *jus* (право) и *veritas* (правда). А между тем *права без правды* не бывает: не может быть правовым государство, которое не уважает историческую правду.

«Боюсь забыть»

Я говорил о гонимых и гонителях. Но что должен сделать свидетель гонений, человек, который по воле судьбы ока-

зался очевидцем насилия, резни, депортации, варварства, геноцида?

Эли Визель, еврейский писатель, живущий в Америке и пишущий на французском языке, лауреат Нобелевской премии мира 1986 г., в предисловии к французскому изданию книги Франца Верфеля «Сорок дней Муса Дага» пишет: «В этом романе речь идет именно о памяти. Осажденные армяне боятся не смерти, а забвения. Будет ли их жертва напрасной? Этот мучительный вопрос не дает покоя их внукам и правнукам». В эпилоге своего *Реквиема* Анна Ахматова неожиданно предполагает совершенно невероятную для того времени ситуацию:

...если когда-нибудь в этой стране
воздвигнуть задумают памятник мне...

На такое парадоксальное событие поэтесса дает свое согласие, но только при одном условии — что памятник поставят не там, где она родилась, не в Царском Селе, где выросла, а около страшных ленинградских Крестов, где был заключен ее сын:

...здесь, где стояла я триста часов
и где для меня не открыли засов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
забыть громохание черных марушь,
забыть, как постылая хлопала дверь
и выла старуха, как раненый зверь...

Моральный долг любого очевидца насилия требует свидетельства, но, когда оно касается судьбы целого народа-жертвы, речь уже идет о долге перед всей человеческой историей. Цель свидетельства не только в том, чтобы подобные зверства больше не повторялись. Очевидец насилия дает жертвам возможность говорить его устами; не забывая когда-то увиденное, он позволяет им жить в его памяти.

Офицер Армин Вегнер и адвокат Файез Эль-Гусейн осознали ответственность, которая лежала на них как на свидетелях страшного преступления. Будучи честным человеком и гуманистом, в своем решении написать подобную книгу Файез Эль-Гусейн руководствуется гражданским нравственным долгом. Это тот же долг перед историей, которым был движим Армин Вегнер, написавший такие слова: «Зрелище массовых убийств, на фоне бледного горизонта выжженной пустыни, невольно породило во мне желание хотя бы отчасти рассказать о том, что меня мучает, рассказать не только моим близким друзьям, но и более широкому, невидимому кругу людей». Эль-Гусейн также свидетельствует для истории; он пишет: «В скором времени война должна закончиться, и тогда читателям этой книги будет ясно, что все написанное мной — правда, и что здесь говорится лишь о малой части зверств, совершенных турками против несчастного армянского народа».

Файез Эль-Гусейн чувствует моральный долг перед армянами, которые пали жертвами геноцида: «Мне пришла в голову мысль опубликовать эту книгу, чтобы послужить правде и народу, угнетаемому турками». То же нравственное веление проявляется и у Вегнера, в конце своей жизни написавшего в поэме *“Der alte Mann”* («Старик»): «Моя совесть призывает меня к свидетельству. Я глас изгнанных, вопиющий в пустыне».

Но жить с тяжелой ношей памяти о зверствах, увиденных собственными глазами, — трудная участь. Свидетель прежде всего сталкивается с равнодушием общества, с неосознанным желанием не знать, не слышать, закрыть глаза на столь постыдные и чудовищные человеческие деяния. Подводя итоги жизни, восьмидесятилетний Вегнер скажет: «Вот что случилось со свидетелем, который пы-

тался рассказать и написать об их трагедии и их конце. Он по-прежнему несет бремя данного им обещания вспомнить о погибших, если ему удастся вернуться на Запад. Но его никто не желает больше слушать. Прошло пятьдесят лет. Другие народы, в том числе и более многочисленные, пережили тяжелейшие страдания. Свидетель исполнен стыда и некоего чувства вины. Он видел такое, чего нельзя увидеть, не рискуя собственной жизнью. Не значит ли это, что он должен умереть, как человек, увидевший лик Бога?»

Свидетель и жертва

Из этих слов становится понятно, что свидетель геноцида — уже не просто случайный посторонний очевидец. В определенном смысле он сам — жертва тех событий. Они коренным образом изменили его судьбу, его сознание, его психику — он не может не *со-страдать*. В течение своей долгой жизни он будет всем своим существом сопереживать тем несчастным, с которыми общался и не смог помочь, над которыми совершались чудовищные злодеяния, а он был бессилен.

Сын Армина Вегнера Миша Вегнер помнит, как до глубокой старости отец просыпался от охватывающих его посреди ночи судорог или кричал во сне от мучавших его кошмаров. Он часто запирался на целые дни в маленьком домике — своего рода сарае на неаполитанском побережье; он вешал у окна красную лампу, и, пока она горела, никто не должен был подходить к домику... Итальянский режиссер Карло Масса, друг детства Миши Вегнера, рассказал, как однажды, когда мальчишками они играли и шумели в саду, вдруг появился Армин Вегнер со страшным выражением лица, неожиданно снял рубашку и стал

им показывать шрамы на спине — следы ударов, полученных двадцатью годами ранее от гестаповцев. Так, два главных геноцида XX века стали и для их свидетеля Армина Вегнера *дорогой без возврата*. Быть может, только в конце жизни шум волн и вид моря, открывающийся с башни, в которой он закончил свои дни на островке Стромболи, иногда приглушали гул страшных воспоминаний.

В конце своей книги благочестивый мусульманин Эль-Гусейн выступает ярким апологетом ислама. Ссылаясь непосредственно на текст Корана и на исламское предание, он показывает, что насилие, применяемое по отношению к беззащитным людям, абсолютно несовместимо с мусульманской нравственностью, что не существует умеренного ислама и исламского фундаментализма. Ислам один, и он проповедует веру в единого милосердного Бога, Создателя мира, а верующим в Него надлежит жить в солидарности между собой, имея сострадание к слабым и беззащитным. Именно с этой точки зрения сегодня, когда совершаются страшные преступления якобы во имя ислама, текст, написанный в далеком 1916 г., становится вновь актуальным.

День 33

В определенных обстоятельствах молчание — это золото. А тишина будет золотом всегда. В эти дни болезни я совсем один дома, мне не с кем разговаривать, и я часто провожу длинные часы в полном безмолвии, пока кто-нибудь не позвонит. Чтобы сохранить тишину, стараюсь не включать телевизор и по минимуму открывать фейсбук и другие социальные сети, хотя это уже труднее и соблазн «на секундочку взглянуть» всегда есть...

Думаю, что в нынешних условиях всеобщей самоизоляции многие люди во всем мире сталкиваются с «проблемой» непривычной тишины и вынужденного молчания.

Молчание — по сути, отсутствие слов, человеческой речи. Тишина же — это не только отсутствие слов, но отсутствие звуков. И кроме того, это, безусловно, состояние души. Если нет молчания, нет и тишины, но само молчание совсем не обязательно означает достижение тишины — внешней и внутренней.

Однажды мы говорили и о том, и о другом в передаче на радио «Вера». Ведущий спросил: «Если я хочу услышать тишину, почувствовать ее и найти в этой глубине Бога, Который просто вокруг меня, во мне, везде... то зачем я тогда молюсь? Зачем я произношу слова?» Я тогда ответил, что для того, чтобы молиться, необязательно говорить слова. Мы можем молиться мысленно — разумом и сердцем, но не голосом.

О молитве, молчании и тишине¹

Меня очень часто спрашивают — и на исповеди, и во время бесед, — можно ли молиться своими словами. Я считаю, что это совершенно необходимо. Молитва — это не просто перечитывание какого-то текста. Даже не важно — кем он написан... Мы часто молимся, повторяя Слово Божие, например читая псалмы. Большая часть наших молитвословий взята из Священного Писания, а другая написана прекрасными людьми, святыми. Так что очень хорошо молиться по молитвослову, но еще обязательно нужно делать это и своими словами, а также — вообще без всяких слов. Ведь молитва — это прежде всего беседа с Богом, общение с Ним, а это общение может проходить и в безмолвии. Оно не нуждается в словесном выражении — не только голосом, но даже разумом.

Я очень люблю, чтобы на литургии перед Причастием было несколько минут молчания, тишины в храме. Хотя это непривычно. Когда в алтаре причащается духовенство, а затем идет приготовление Святых Даров — священник дробит Тело Христово на мелкие частицы для причащения мирян и высыпает их в Чашу, — в богослужении наступает некая пауза. Чтобы ее заполнить, хор часто исполняет так называемый «концерт» или же алтарники начинают суетиться, бросаются читать молитвы перед Причастием. А затем мы слушаем благодарственные молитвы. И получается, что на наших службах тишины не бывает вообще — мы ее боимся...

А для меня тишина крайне важна. И поэтому я пытаюсь ввести такую практику: сохранять несколько минут полного беззвучия непосредственно перед Причастием. Поначалу кто-то из прихожан удивлялся, смущался.

¹ По материалам передачи на радиостанции «Вера» 23 декабря 2019 года.

Но потом многие стали меня благодарить, почувствовав, что успевают прийти в себя, успокоиться. По-настоящему отстранить ту самую суету, от которой мы отказываемся, когда читаем, например, Херувимскую песнь: «...всякое ныне житейское отложим попечение».

Конечно, важнее всего тишина внутренняя. Но хорошо, когда есть еще и внешняя.

Тишина в большом городе

Мы отравлены шумом. А жители мегаполисов — особенно. Они так привыкли к большим скоплениям людей, что полное их отсутствие их волнует и пугает. Безлюдные, пустые улицы у некоторых могут вызывать страх. Однажды после приема в Кремле во время московского кинофестиваля я вышел на Соборную площадь ночью. И это потрясающее своей простотой пространство, где мы обычно видим множество туристов, паломников и большую суету — кто фотографирует, кто ходит... — было абсолютно пустым!

Другой такой случай произошел... в Ватикане! Я оказался совсем один в Сикстинской капелле, в этой фантастической церкви среди фресок Микеланджело. Похожие чувства возникают, когда на смену привычному шуму вдруг приходит полная тишина.

Я думаю, что зависимость и от суеты, и от шума — так же реальна, как пристрастие к спиртному, никотину и проч. Иногда наша жизнь отравлена не только и не столько шумом акустическим, сколько виртуальным — интернет, социальные сети. Я знаю из опыта исповеди и, увы, немножко из собственного, что, скажем, фейсбук вызывает желание постоянно в него заглядывать. Так что в конце дня с ужасом понимаешь, сколько

раз ты это сделал! А сколько раз я молился, общался с Богом?

Да, условия жизни в мегаполисе особенно сложны в этом отношении. Нас постоянно окружают и суета, и шум, и множество людей. Любой москвич знает, что прямо с утра нужно все спланировать так, чтобы дела шли одно за другим. И по возможности предвидеть логистику: что и в каком порядке делать. И бывает, что с утра и до позднего вечера человек фактически не останавливается. Это ужасно! И психологически, и духовно.

У меня вторая половина недели очень загружена в храме и другими пастырскими обязанностями. Зато в первой половине хотя бы один, по возможности — два, а иногда, если повезет, — даже три дня я стараюсь провести в тишине и уединении. Я все-таки монах, мне это необходимо. Время для молитвы, общения с Богом я стараюсь найти каждый день, но иногда мне еще необходимы покой и тишина.

Но настоящая задача состоит не в том, чтобы сохранять тишину в одиночестве. Моя цель — удержать внутренний покой в водовороте жизни мегаполиса. Иногда получается, а иногда нет. Но сан и стаж церковной жизни в этом деле не слишком важны. Это непростая задача для всех, хотя справиться с ней все же возможно.

Искусство молитвы

С теми же сложностями сталкивались и святые! Молитва — это в каком-то смысле наука, искусство, они ведь требуют усилий. Почему мы считаем, что молитва должна у нас сразу получаться? Так не может быть, ведь это очень серьезное дело. Спортсмен знает, что значит готовиться к соревнованию, балерина, музыкант — все они должны

много-много раз в день повторять одно и то же. Одно и то же, одно и то же... Все, что мы ценим в жизни, требует усилий. В том числе — молитва.

Надо учиться. Апостолы попросили об этом Спасителя: «Господи, научи нас молиться» (Лк 11:1), значит, молитва, действительно, сродни искусству. Правда, в ответ на эту просьбу Христос не стал говорить о сложности этого дела. Наоборот, научил молиться совсем просто, кратко и своими словами, но с детским доверием — «Отче наш»...

Цель, к которой надо стремиться, — чтобы это наше доверие Богу никогда не терялось и наша внутренняя тишина никогда не нарушалась. Но я думаю, существует совсем немного людей, которым это удавалось бы легко, — в том числе среди святых.

Несколько раз во время Божественной литургии мы молимся о властях, о том, чтобы Господь даровал им мирное правление, чтобы мы смогли пожить «тихое и безмолвное житие... во всяком благочестии и чистоте». «Тихое и безмолвное житие» — не значит, в буквальном смысле, не говорить. «Тихое» напоминает скорее кротость. А «безмолвное» — безмятежность. Но все равно, как можно жить постоянно в кротости и безмятежности? Это же нереально! Понятно, что мы постоянно подвергаемся испытаниям. Но что интересно в духовной жизни — нам дается не все сразу и не даром. Мы должны расти, духовная жизнь — это путь.

Медленный рост

Все притчи в Евангелии рассказывают о том, что Царство Небесное «растет медленно». При этом оно уже в нас, внутри, в нашем сердце и посреди нас — и Церковь является его иконой. В синодальном переводе Евангелия от

Луки читаем: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк 17:21). Лев Толстой использовал этот стих для заглавия своей книги. Но греческое выражение ἐντὸς ὑμῶν ἐστὶν (ентос имон естин), использованное здесь евангелистом, можно переводить и «внутри вас есть», и «среди вас есть», а учитывая весь контекст (*не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: «вот, оно здесь», или: «вот, там»*), а также то обстоятельство, что Иисус здесь обращается не к своим ученикам, а к фарисеям, — скорее надо переводить «Царство Божие посреди вас». Иисус говорит, что Царство уже на земле, оно уже началось. Интересно, что, когда священник читает евхаристическую молитву, он, обращаясь к Богу, благодарит Его за то, что «Ты... Царствие Твое даровал еси будущее». По-славянски «даровал еси» — это прошедшее время. То есть мы уже получили этот дар. Мы просто его не замечаем!

Чтобы оно росло, с нашей стороны нужны постоянство, усилия и время. Но и чувство меры. Иисус говорит тем людям, кто хочет быть Его учениками: *отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мк 8:34). В этом смысле христианин должен отказаться от себя. Но Господь призывает именно к духовному подвигу, к внутренней работе. Это никак не означает забыть о своих обязанностях и ответственности.

В Нагорной проповеди Учитель просит не заботиться чрезмерно о еде или одежде, жить, как птицы небесные и полевые лилии. Но это, конечно, не призыв к тунеядству или паразитизму, к жизни за счет чужого труда! Каждодневные заботы сами по себе не являются препятствиями на нашем духовном пути. Вопрос в том, как мы их исполняем, как к ним относимся. К сожалению, иногда люди именно так и понимают уход монаха от мира и вообще христианина от суеты — как безделье и безответственность.

В начале была Тишина

Сегодня говорят о том, что людям страшно оставаться в тишине. Конечно, многое зависит от характера человека и воспитания. Мы видим, что молодежь постоянно ходит в наушниках, слушает музыку. Я, например, не могу этого делать, если пишу какой-то серьезный текст, — потому, что очень люблю музыку и она меня отвлекает от работы. Да и жить в постоянном шуме, безусловно, вредно. Это доказано, любой психиатр подтвердит, что тишина крайне необходима для душевного здоровья.

Однажды меня спросили, можно ли предположить, что первыми словами Евангелия от Иоанна могли стать такие: «В начале была Тишина, и Тишина была у Бога...» Слово, Которое было у Бога, Которое было Бог и стало плотью, — это само Слово Божие, Сам Сын Божий. Что такое христианство, религия Боговоплощения? Это верить, что Бог, Который по определению находится по ту сторону времени и пространства, вошел в историю, в ткань нашей повседневности. Он в определенном смысле вышел из Тишины.

Если мы абстрагируемся от Библии, каким мы можем себе представить Высшее Существо, понятие Бога? Само Совершенство, Совершенная Тишина. Бог вечен и вечно неизменен, вспомним текст молитвы евхаристического канона «...присно Сый, такожде Сый...». Слово, речь — это нарушение этого состояния безмолвия и совершенства. Поэтому и восточные религии представляют божество как безмолвие.

Но для нас, христиан, Бог, вечная Тишина, Безмятежие и Безмолвие, выходит из этого состояния потому, что Он есть Любовь. Любовь всегда дается, она нуждается в объекте, как и слово, которое всегда к кому-то обращается. Этот Его выход уже состоялся в момент сотворения мира

и человека. Затем он в каком-то смысле повторился в Боговоплощении, а достиг своей вершины на кресте — в богооставленности и смерти.

Из любви к нам Бог стал Человеком — Он вошел во время и в пространство, в мир материи и бесконечного количества слов, в шум и гул нашей жизни. Вопль богооставленности Христа на кресте — это Любовь, до конца отданная, Слово, полностью высказанное. Воплощенное Слово вступает «в глухонемые владения смерти» (как сказал Бродский), спускается во Ад, входит в царство другой тишины — темной дьявольской немоты и — побеждает ее. Тем самым открывает всем нам путь к Своей вечной Тишине.

...А вы говорите!

Монах по определению (и этимологии слова) — человек одинокий и потому якобы самодостаточный: ни от кого и ни от чего не зависит, идет по жизни один, и в трудные минуты, когда очень хочется прислониться к чьему-то плечу, у него нет никого...

Вот посудите сами. Вчера совершенно неожиданно для меня мои друзья (замечательные, очень талантливые и очень занятые люди) сговорились между собой, написали стихи, записали видео, смонтировали и вывесили в Facebook веселый и трогательный видеоролик с пожеланиями для меня.

Сегодня Лариса, прихожанка, которая живет в противоположном конце Москвы и по причине возраста не может свободно перемещаться по городу, через более молодую прихожанку Машу, которая живет далеко и от меня, и от нее, но имеет пропуск на пере-

движение, передала мне: суп куриный с фрикадельками, пасту итальянскую с грибами, бутерброды с яйцом, картофель молодой обжаренный, лосось жареный, каре ягненка, ребрышки запеченные, зеленый салат, сыр французский, масло, творог, варенье, хлеб, бананы, помидоры, огурцы, клубнику, вино грузинское...

А вчера моя соседка и читательница моих книг, армянка Лилит, вместе со всеми мне необходимыми лекарствами оставила перед моей дверью примерно такой же набор лакомств, но с чуть другими этническими особенностями.

...А вы говорите!

День 34

В Евангелии от Марка есть рассказ о том, как ангел явился мироносицам и сказал им: *скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам* (Мк 16:7). Удивительным образом после этого повеления, услышанного от ангела, женщины, как пишет евангелист, *выйдя, побежали от гроба; их объял трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись* (Мк 16:8). Поразительно — было прямое указание: «идите, скажите Петру и другим ученикам», но они промолчали, потому что боялись. Бывает так, что страх рождает молчание. Например, когда человек боится говорить неудобную правду, которую другие не хотят принять. Боится по разным причинам: потому что не хочет обидеть других, или его напугали, или просто в силу своего характера, ведь иногда люди бывают робкие, трусливые, боятся любой конфронтации.

Но бывает и совершенно другое молчание.

Молчание страха, покаяния и любви¹

Первого апреля по церковному календарю совершается память Марии Египетской. Ее житие обычно читается вместе с канонем преподобного Андрея Критского. Мария Египетская — великая грешница, которая, уже будучи

¹ Проповедь, произнесенная в храме свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине на всенощной 13 апреля 2019 г.

подростком, совершала очень тяжкие прегрешения, предавалась разврату. Потом в Иерусалиме прямо у Гроба Господня она почувствовала, что должна полностью изменить свою жизнь, и ушла в пустыню. В течение почти половины столетия жила, ни с кем не общаясь. Из ее жития мы знаем, что она впервые встретила живого человека — это был старец Зосима — после того, как 47 лет подвизалась в одиночестве. Стало быть, 47 лет она молчала хотя бы потому, что в этой пустыне не с кем было разговаривать. И вот после такого долгого молчания она беседует со старцем, рассказывает ему о своей жизни. Через год он возвращается ее причастить, после чего Мария умирает. Вот такая жизнь, в которой поначалу ее окружало очень много шума, а потом наступает почти полвека молчания — но это другое молчание, не от страха, это молчание покаяния.

Еще одна замечательная Евангельская история о молчании. В Евангелии от Луки есть рассказ о том, как однажды Господь пришел в дом фарисея по имени Симон, который, возможно, симпатизировал учению Иисуса. Вдруг входит женщина, которую никто не приглашал, грешница (потому, собственно, этот отрывок и читается в день памяти Марии Египетской), и в приличном доме благочестивого Симона она начинает вести себя вызывающе. Незванная гостья принесла алебастровый сосуд с миром и стала, как говорит евангелист, обливать ноги Иисуса слезами, затем отирать их волосами и мазать миром.

Надо правильно себе представить, что эти ее поступки отчетливо воспринимались всеми присутствующими как... «профессиональный прием», ведь никто не сомневался, что они — часть обычно предлагаемых ею мужчинам услуг. Благочестивый Симон подумал: «Если бы этот человек был пророком, то знал бы, что это за женщина и не

дал бы ей так поступить». Христос тогда рассказывает Симону историю о двух должниках, один из которых задолжал огромную сумму, а другой — меньшую, но их общий кредитор полностью прощает им долги. Затем Иисус спрашивает Симона: «Как ты думаешь, кто из них больше будет его любить?» Симон отвечает: «Полагаю, тот, которому он простил больший долг». И тут Христос объясняет Симону, что эта женщина, грешница, поступила лучше, чем он, Симон, который был гостеприимным человеком и пригласил к себе Иисуса, но принял его не с такой любовью, как вот эта блудница. Этот рассказ у евангелиста Луки заканчивается тем, что Иисус говорит женщине: *Прощаются тебе грехи и Вера твоя спасла тебя. Иди с миром* (Лк 7:48, 50).

В длинном рассказе евангелиста Луки удивляет одна вещь: эта женщина не произносит ни одного слова. Ее молчание служит как бы фоном, на котором выделяется ее любовь и покаяние, ее отчаянная нежность. Оно отличается от других случаев, которые мы видели. Бывают молчание и тишина страха, бывают молчание и тишина покаяния. И вот, наконец, молчание и тишина от любви, как у этой грешницы.

Как часто в нашей жизни не хватает тишины, как часто нас окружает шум. Всякого рода шум. Да, конечно, мы с вами живем в мегаполисе, и потому кругом постоянно что-то происходит. Я, например, живу над Третьим кольцом, и в квартире общим фоном всегда стоит какой-то гул, даже ночью, и с этим ничего не поделаешь. Как часто там, где мы находимся, дома или на работе, непрерывно работает радио или телевизор — никто не слушает, никто не смотрит, но создается какой-то фон. Часто бывает, что в метро люди едут в наушниках — не только молодежь, но и взрослые. Да, наушники, в каком-то смысле, защищают:

но в действительности получается, что человек отгораживается от шума окружающих... своим собственным шумом!

Но внешний шум — не самая большая беда. Мы часто грешим словоблудием, даже на исповеди бываем очень многословны. Наверное, потому, что ищем прежде всего утешения, или чтобы батюшка сказал нам какое-нибудь доброе слово, это нас беспокоит больше всего, больше, чем наше покаяние. Блудница в рассказе евангелиста Луки покаялась, но не произносила ни одного слова, и это — урок для нашей церковной жизни. Также и Мария Египетская, как свидетельствует житие, обратилась в Иерусалиме, когда молча стояла у храма Гроба Господня, и рассказала о своей грешной жизни лишь 47 лет спустя, когда о том попросил ее старец Зосима. А мы часто путаем исповедь с психотерапией, должны обязательно священнику что-то высказывать... а ведь самое важное — это наше внутреннее раскаяние.

Какое-то время назад одна наша молодая прихожанка, Татьяна, которая бывала несколько раз в монашеской общине Тэзе во Франции, где практикуется молитва в безмолвии, вдруг мне сказала: «Мне очень хочется поехать в Тэзе на несколько дней, чтобы помолчать». И я подумал: действительно, как часто бывает, что в нашей жизни катастрофически не хватает тишины, молчания.

Нам не хватает тишины даже в храме. Почему-то у нас любая пауза, любая минута тишины во время богослужения воспринимается как чья-то ошибка: либо дьякон не вовремя вышел говорить ектенью, либо чтец не начал читать псалом, либо хор опоздал, либо батюшка отвлекся и не произнес свой возглас... Надо сразу заполнить эту паузу. Какая беда! Часто мы воспринимаем чтение часов или молитвы перед причастием, благодарственных молитв после причастия как некий акустический фон. Вот чтец чи-

тает, точнее, простите, бубнит что-то, мы его абсолютно не слушаем, часто и не понимаем, потому что читает он по-церковнославянски, да и сам себя он не слушает, иногда не знает значения слов...

Выдерживать тишину чрезвычайно трудно. Подумайте — лишь с тем, кто нам по-настоящему близок, мы можем молчать. Ничего не объясняя. Мы просто молчим вместе, и наше молчание осмысленное, ценное для нас... А как выдержать паузу молчания с не очень близкими людьми? Наступает чувство неловкости, люди начинают говорить ерунду — лишь бы заполнить тишину.

А тишина абсолютно необходима. Бывает, я уже сказал, тишина от любви. Вот влюбленные могут вместе молчать! А почему мы даже в наших отношениях с Богом грешим словоблудием, болтливостью? Почему даже перед Ним не можем молчать? Моисей молчал в присутствии Всевышнего, и Иисус, наверное, тоже молчал, когда уходил даже от самых близких учеников, чтобы наедине молиться Своему Отцу, — так его изображает Поленов, на вершине горы или на берегу озера. Тишина крайне необходима, чтобы наконец услышать голос Бога. Ведь Всесильный говорит, как ни странно, тихим и кротким голосом: Его слышно только в тишине. В этом убедились пророки. Пророк Илия жаждал встречи с Богом и пытался услышать голос Всемогущего в самых страшных и шумных стихиях: но Бог не был ни в *большом и сильном ветре, раздирающем горы и сокрушающем скалы*, ни в землетрясении, ни в огне, а присутствовал в вечерней прохладе, в веянии тихого ветра (см. 3 Цар 19:12).

Как услышать Его тихий голос, если и в разговоре с Ним мы никак не можем молчать? Рассказывают, что одна пожилая женщина пожаловалась митрополиту Антонию Сурожскому, что она молится не переставая, но

так никогда и не слышала ни одного слова Божьего в ответ. А владыка ей сказал: «Ну а как же Он вам ответит, коль вы постоянно говорите, — Ему даже слово вставить некуда!»

Выйди и стань на горе пред лицом Господним (3 Цар 19:11) — так Бог в Ветхом Завете призывает пророка к молитве. И молитва как раз есть не что иное, как стояние пред Богом в тишине, чтобы наконец услышать то, что Он хочет нам сказать.

Очень полезно учиться молчать, учиться соблюдать духовную тишину. Ведь для того, чтобы быть наедине с Богом, совсем необязательно уходить в пустыню. Можно и в гуще жизни мегаполиса соблюдать внутреннюю тишину, когда голоса в нашем сердце не будут отвлекать нас от главного — от общения с Богом. И это общение может состояться в полном безмолвии.

День 35

Нынешние условия вынужденной изоляции по санитарным причинам — когда человек должен находиться либо в полном одиночестве, либо в компании только самых близких родных в течение длительного времени — для многих людей во всем мире оказываются чрезвычайно тяжелыми с психологической точки зрения. А вот в истории Церкви часто бывало наоборот: отшельник, любящий безмолвие и тишину, вынужден был оставить покой монастыря, чтобы активно служить Богу и Церкви среди суеты административной, дипломатической и даже политической жизни. Блестящий пример такой судьбы — святитель Григорий Двоеслов, тихий монах, который стал церковным дипломатом и Папой Римским против своей воли. В этом году день его памяти пришелся на начало распространения эпидемии коронавируса. Я в этот день служил литургию Преждеосвященных Даров.

Святитель Григорий Двоеслов между тишиной и суетой¹

25 марта по новому стилю наша Церковь совершает память святителя Григория Двоеслова. Ему приписывается авторство чина литургии Преждеосвященных Даров, которую мы совершаем в будние дни Великого поста, по

¹ Проповедь, произнесенная в храме свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине на литургии Преждеосвященных Даров 25 марта 2020 г., в начале распространения эпидемии коронавируса в Москве.

средам и пятницам. Этот замечательный святой еще единой и неразделенной Церкви родился в середине VI века в Риме, в богатой семье, принадлежавшей к древнему патрицианскому роду. Он получил отличное образование, сделал блестящую карьеру на государственной службе и должен был занять место префекта Рима (*Praefectus urbis Romae*). Но, желая прожить уединенную и созерцательную жизнь, он отказался от карьеры и богатства и принял монашеский постриг, следуя примеру преподобного Бенедикта Нурсийского, которого очень почитал и житие которого он потом составит. Кстати, именно от этого его произведения, а точнее, от ошибки в переводе названия — «Диалоги о жизни италийских отцов» — и происходит эпитет «Двоеслов».

Еще до вступления в монастырь Григорий потратил огромное состояние, унаследованное от отца, на строительство шести обителей в Южной Италии и в Риме. Среди прочего он построил знаменитый монастырь в честь апостола Андрея Первозванного в самом центре Рима и в нем принял постриг. Кстати, он существует до сих пор, и жители Вечного града называют его Сан-Грегорио-аль-Челио.

Поскольку Григорий Двоеслов был очень образованным человеком и опытным дипломатом, Папа Римский отправил его в 579 г. в Константинополь для того, чтобы просить о военной помощи против лангобардов. Так созерцательная жизнь Григория была прервана, он был вынужден заняться дипломатической деятельностью на благо Церкви. Целых шесть лет он оставался в Константинополе и был настолько близок с императором, что стал крестным отцом наследника престола. Тем не менее его дипломатическая миссия была безуспешна: император не оказал военную помощь, и Папа отозвал его обратно в Рим.

Так Григорий вернулся к тихой монастырской жизни. Но вскоре Папа скоропостижно скончался, а жители Рима настолько любили Григория, что решили избрать его на папский престол, о чем и написали письмо императору. Эти события происходили в очень сложное время для Вечного града и Италии, в самом разгаре страшной эпидемии чумы. Григорий не хотел покидать покой своего монастыря и, пытаясь отказаться от папства, написал об этом императору. Но императору вручили не его письмо, а другое, от жителей Рима.

Став Папой Римским, Григорий продолжал жить с монастырской братией, следуя во всем строгим правилам монашеской жизни. На церковные средства он организовал службу благотворительности в городе, помогал бедным, платил дань лангобардам, снабжал сограждан продовольствием, оплачивал войска, выкупал пленных. Для самых бедных он добился отмены долгового рабства.

Папа Григорий способствовал евангелизации вестготов в Испании, лангобардов в Италии, англосаксов в Британии, он назначил руководителем миссии в Британию монаха из своего монастыря, Августина, который стал первым архиепископом Кентерберийским и вошел в историю как «апостол англичан» и основатель Церкви Англии. На моей родной Сардинии, находившейся в то время под властью византийцев, была область, куда они никогда не вступали: обитавшее там племя было настолько диким, что византийцы прозвали эту область «Варварией» — *Barbàgia*. Григорий обратился с посланием к вождю этой «Варварии» Оспитону, и, выслушав проповедь святого, тот обратился и крестился вместе со своим народом.

Именно во время понтификата Григория Двоеслова Патриарх Константинопольский стал использовать титул Вселенского Патриарха. Григорий вступил в переписку с

ним и обличал его, утверждая, что, если один из епископов пяти древних кафедр (Рима, Антиохии, Александрии, Иерусалима и Константинополя) будет заявлять о своих вселенских полномочиях, нарушится равенство пяти древнейших основанных апостолами архиепископств. Тот не покаялся, и тогда Григорий решил гордости противопоставить смирение и принял на себя титул «раба рабов Божиих» (*servus servorum Dei*).

Григорию Двоеслову приписывается авторство большинства песнопений римской литургии, поэтому одна из первых форм церковной музыки на Западе, литургическое одноголосное пение Римско-Католической Церкви, названо его именем — григорианское пение. Также ему, как уже было сказано выше, приписывается чин литургии Преждеосвященных Даров. Что это за литургия? Как известно, Господь в Евангелии говорит о том, что *сыны чертога брачного не могут печалиться, пока с ними жених* (Мф 9:15). А вот во время Великого поста, когда мы каемся и печалимся, мы воздерживаемся от самой великой радости для христианина — Божественной литургии.

Нам известно, что уже в VI веке в будние дни Великого поста не служили Божественную литургию ни на Востоке, ни на Западе. С другой стороны, в самых ранних памятниках христианской письменности (у Иустина Мученика или в Апостольских постановлениях) мы читаем, что Церковь всегда хранила запасные Святые Дары для причащения болящих. Мы все болеем, поскольку грех есть духовная болезнь, а главное лекарство от этой болезни — как раз таинство. Если в знак покаяния мы воздерживаемся в пост от совершения Божественной литургии, то Церковь, как любящая мать, учитывая нашу немощность, предлагает нам святыне таинства «во исцеление души и тела».

Вокруг «причащения болящих», то есть нас всех, и родился чин литургии Преждеосвященных Даров, который на самом деле является вечерней с чином причащения. Есть свидетельства о том, что этот чин существовал как раз во время жизни Григория Двоеслова, но все-таки не доказано, что именно он — его автор. Григорий Двоеслов умер в 604 г., а первое утверждение чина литургии Преждеосвященных Даров произошло в 680 г. на VI Вселенском соборе.

Великим постом во все будничные дни на вечерне читается 18-я кафизма. Это последняя группа псалмов в Псалтири, «Песни восхождения». Их пели благочестивые иудеи, поднимаясь в Иерусалимский храм. Великий пост — своего рода восхождение: мы идем к Пасхе, поэтому эти молитвы помогают нам найти правильный покаянный настрой и пережить пост как настоящее восхождение.

Замечательный момент литургии Преждеосвященных Даров — это возглас священника со свечой в руке сразу после чтения паремий: «Свет Христов просвещает всех!» Свет Христов освещает всю историю спасения (о чем, собственно, нам напоминают паремии) начиная с сотворения человека, завета Бога с Авраамом и его потомством, освобождения избранного народа от плена и дарования ему Закона... и до Воплощения. Тот же Свет Христов освещает всю историю Церкви Нового Завета вплоть до наших дней, и вообще всю человеческую историю, и нет такого человека, которого не достигал бы этот Свет. Свеча ставится на Евангелие в знак того, что свет Христов также «просвещает» и само Священное Писание, дает нам правильно понять его.

Кроме того, Великий пост в начале истории Церкви понимался как время приготовления к принятию крещения для катехуменов, которые приходили в церковь на

«просвещение». Очень важно задуматься о значении этого возгласа — «свет Христов просвещает всех!». Никаких преград у Света Христова нет. Евангелие — для каждого человека, для любого народа, для всех исторических эпох. И очень важно, чтобы мы, христиане, были как свеча, которая несет отблеск Христова всюду. Возможно, по причине распространения страшной эпидемии нам придется сейчас остаться дома, скорее всего, надолго. Но и дома, конечно, очень важно, чтобы мы несли всем своим близким и родным Свет Христов.

Мы переживаем трудное время. Как я сказал, эпоха, когда жил Григорий Двоеслов, была одной из самых сложных для Рима, из-за войн, нашествий лангобардов и других варварских племен, из-за страшных стихийных бедствий (чума, наводнение) и многого другого. И мы сейчас переживаем что-то похожее из-за пандемии, которая несет смерть и страдание во всем мире.

Кто из нас, еще несколько месяцев назад, мог предположить, что в XXI веке все человечество могло бы так пострадать и изменить свою жизнь из-за какого-то вируса? Мы каждый день молимся и будем впредь молиться о том, чтобы Бог остановил распространение этой эпидемии, дал силы и терпение болящим и вернул им здоровье, утешил близких и родственников жертв. Но существует вероятность того, что эпидемия будет распространяться и дальше. Эта болезнь может коснуться каждой из наших семей и каждого из нас. Мы должны быть готовы, и очень важно понять, как правильно себя вести. Нам следует уповать на Бога, но одновременно делать все то, что от нас зависит, чтобы предотвратить распространение болезни.

Очень важно, чтобы мы не теряли веру в то, что свет Христов просвещает даже эту тьму. Есть замечательные

слова отца Александра Шмемана о Великом посте. Скорее всего, это часть его проповеди как раз в конце службы Преждеосвященных Даров. Он сказал: «Теперь за стенами храма темно, и ночь, в которую нам предстоит выйти, в которой нам придется жить, бороться, терпеть, может еще быть долго»¹.

И мы не знаем, сколько может длиться ситуация с коронавирусом. «Но теперь ее — то есть эту еще длинную ночь, — говорит отец Александр, — озаряет свет, который мы видели».

Да, Свет Христов может освещать и тьму нашего страха перед опасностью. Если обстоятельства будут складываться так, что нам придется остаться дома на какое-то время, тем самым нам дается возможность взять в руки Евангелие и с полной ответственностью побыть наедине с Богом — лицом к лицу с Господом. Во время Великого поста что может быть важнее?

Моника или Карла?

Я читал интервью, которое недавно дала Моника Беллуччи о том, как она проводит время в своей вилле на французском атлантическом побережье при нынешнем локдауне. Гуляет по большому частному парку, занимается садоводством, берет частные уроки французского, английского, испанского и почему-то... математики! Разумеется, дистанционно. Не понимает, почему люди недовольны вынужденной изоляцией, во время которой, как она

¹ Великий пост / Сост. С. А. Шмеман. Пер. с англ. матери Серафимы (Осоргиной). М.: Моск. рабочий, 1993. С. 58.

уверяет, можно думать о многом — о семье, дружбе, любви, занимаясь тем, чем хочешь. Некоторые журналисты тут же довольно ехидно прокомментировали ее заявления — мол, легко говорить о гармонии с природой и посылать призывы оставаться дома и не выходить на улицу, когда живешь в такой резиденции, в которой можешь легко заблудиться или за целый день никого случайно не встретишь...

Во всем мире многие люди болезненно переживают локдаун: если многочисленная семья живет в совсем маленькой квартире, изоляция может быть серьезным испытанием — известны случаи, когда члены семьи не смогли выдерживать это постоянное присутствие всех одновременно дома и произошли страшные события. Наверное, высказывания богатой кинозвезды были немного наивными и неуместными — кичиться своим богатством, конечно, нехорошо, тем более в такой момент мировой скорби. И все же мне кажется, что журналисты ее слишком сурово осуждают, похоже, завидуют. В конце концов, она ни в чем не виновата, в том числе в своей красоте и богатстве. Итальянской красавице уже перевалило за 55 (мы почти ровесники), и, надобно сказать, она великолепно сохранилась — несмотря ни на какие морщины, она остается одной из самых красивых актрис в мире, настоящим символом женственности. Но вот мне лично все-таки всегда больше, чем Моника Беллуччи, нравилась Карла Бруни. Будучи монахом, я, конечно, небольшой специалист по женской красоте,

однако имею право на частное мнение: из двух моих красоток соотечественниц, по мне, Карла аристократичнее и тоньше, и для меня непостижимая тайна — что она могла найти в (простите!), мягко говоря, неприглядном Саркози... кроме, конечно, денег.

Я когда-то работал в одном центральном учреждении нашей святой Церкви. И там среди коллег (клириков и мирян), работающих в одном большом кабинете, вдруг возник глубокий богословский спор: кто прекрасней, Моника или Карла? Это была невинная, чистая шутка между нами. Я возглавлял партию сторонников Карлы. И один друг-оппонент сыграл со мной замечательную шутку. Однажды среди почты я нашел большой конверт — «иеромонаху Иоанну», правильный адрес нашего Отдела и отправитель "С. В. — L'Elysée, Paris". Открываю, а там фотопортрет Карлы — абсолютно приличный, ничего неподобающего, с посвящением, где Карла писала, почему-то по-русски, что узнала о том, что ее ценят в РПЦ, и желает мне всякого добра.

Я, конечно, понял, что это шутка и кто со мной пошутил, но решил подыграть: объявил друзьям, что это дело можно рассматривать как миссионерскую победу и обязательно стоит ему придавать значение, — и прикрепил скотчем к стене портрет Карлы в кабинете за своей спиной. За несколько дней до этого, так как кто-то из коллег постоянно приставал ко мне, говоря, что непонятно, как я могу работать в нашем ведомстве, не имея паспорта РФ,

я также повесил за своим рабочим креслом портрет президента. Это тоже была шутка, и в ней не было никакого издевательства или надругательства — мы официальная церковная структура, и портрет президента страны имеет полное право висеть у нас — тем более что он крещен в Православной Церкви. Должен сказать, что у меня где-то была также ленточка с надписью «Крым наш», и, когда кто-то в недоумении меня спрашивал о ее значении, я объяснял, что многие аж с конца XII века считали Крым... итальянским! Так неожиданно для себя итальянская красавица и российский президент вдруг оказались рядом. И в этом, конечно, ничего зазорного ни для кого из них и никакого издевательства не было, ведь они оба публичные люди, можно сказать, первые лица государств — Карла Бруни была женой президента другой страны — и не раз публично и совершенно официально встречались в действительности. Коллеги дружно посмеялись, и на этом я в своей рассеянности напрочь забыл про портреты. Прошло какое-то время, и мой начальник, игумен Ф. (чье лицо — точная копия царя-страстотерпца Николая II), поднялся в нашу комнату, подошел к моему столу и стал мне объяснять какие-то рабочие задания. Пока он говорил, я заметил странное выражение его благородного лица, но не стал его спрашивать ни о чем. Вдруг он сам резко сменил тему разговора: — Конечно, вы, отец Иоанн, — большой оригинал. И сразу видно, что не русский... — А что?

— Ну, эти портреты...

Мне стало неудобно, и я начал объяснять начальнику, что это шутка между друзьями, рассказал про спор, сказал, что все равно к кабинету никто, кроме сотрудников, не имеет доступ... Но я ясно видел, что он недоволен. Тогда сказал:

— Впрочем, отче, если портрет вас смущает, я уберу его.

Встал и убрал фото президента. Игумен был ошеломлен, но ничего мне не сказал. Но когда он ушел из кабинета, я сам убрал портрет дорогой Карлы. Он, наверное, до сих пор лежит в каком-нибудь ящике в нашей комнате...

День 36

Родители называли меня Иоанном, Giovanni... за три года до рождения! Первое время после бракосочетания у них не было детей, и, когда мама впервые забеременела, они с самого начала твердо решили: если мальчик — Иоанн, если девочка — Мария. Тогда не делали УЗИ, и только после родов узнали, что родилась Мария. Через год история повторилась — и появилась Чечилия. В третий раз очень надеялись на мальчика. Но беременность была сложная — огромная опасность для мамы и ребенка... Роды были еще сложнее — разрыв матки и кесарево сечение. Меня крестили сразу, пока мама была без сознания. А когда она очнулась, папа ей сказал: «Иоанн имя ему» (см. Лк 1:63). Но со временем оказалось, что он хотел назвать меня в честь Крестителя, а мама — в честь апостола. Они до сих пор спорят. Я еще умудрился родиться в день памяти свт. Иоанна Златоуста. Родительский спор в некотором смысле разрешил через много лет постригавший меня православный архиерей, который дал мне имя Предтечи.

Должен сказать, что я очень почитаю своего небесного покровителя — величайшего «из рожденных женами» (см. Мф 11:11), испытываю к нему большую любовь и уважение за его потрясающую способность сочетать удивительное смирение, храбрость, дерзость, бесстрашие. Иоанн — еще и «предтеча» монашествующих, отнюдь не только из-за того, что он жил в пустыне и был большим аскетом, а скорее по причине сочетания противоположных добродетелей — соединить в себе кротость и паррезию (мужественное

высказывание Истины) может только по-настоящему духовный человек.

Кстати, насчет паррезии. Об этой добродетели сегодня в Церкви почти не говорят, хотя о ней много написано в творениях Святых Отцов, прежде всего у Иоанна Златоуста. Она неудобна начальству, ведь эта прямолинейность и дерзость в речах может стать просто критикой «снизу вверх», когда говорящий не оказывает уважения тем, кому должен подчиняться. Но паррезия означает и смелость говорить всю правду, ничего не утаивая, прежде всего о себе, не опасаясь негативных последствий.

Паррезия — типичная монашеская добродетель. Монаху терять нечего, он уже все отдал Богу, «потерял жизнь свою» ради Христа (см. Мф 16:25) и поэтому может говорить правду. Очень печально, когда монах забывает о пророческом характере своего призвания и становится покорным чиновником, озабоченным церковной карьерой, ради которой должен постоянно доказывать свою льстивую лояльность начальству... Карьеризм — это, наверное, самое пошлое искушение для монаха, которое лишает его подвиг всякого смысла. К сожалению, это очень распространенное искушение...

Возвращаясь к разговору о моих святых-покровителях, я, конечно, продолжаю почитать и апостола Иоанна, любимого ученика Спасителя, который в своем Евангелии передал нам самую сердцевину Благой Вести — новую заповедь о взаимной любви, — а в своих посланиях учил нас, что любовь к Богу невозможна без любви к ближним. Что же касается Златоуста, мне всегда нравилось, что его известный афоризм «слава Богу за все» родился у него не тогда, ког-

да он занимал архиерейскую кафедру в Константинополе и пользовался всеобщим уважением, а когда бежал от врагов и почти все его предали.

В детстве загадочная фигура Иоанна Крестителя мне скорее нравилась по причине оригинальности гардероба и диеты... А вот дети в нашем храме смогли увидеть в этой фигуре ключ к покаянию и то, почему оно необходимо, чтобы войти в Царство Небесное.

Что такое покаяние и где оно, Царство Небесное?¹

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие друзья, дорогие дети!

Я бы хотел вместе с вами, с вашей помощью, понять, о чем мы сегодня читали в Евангелии от Матфея. Так, я начну со своих помощников — алтарников. Евангелист нам показывает очень интересного человека, очень загадочного человека. Вы обратили внимание? О ком идет речь?

Мальчик: Про Иоанна речь идет, Крестителя.

Иоанн Креститель, совершенно верно. И вот, Глеб, что больше всего тебя впечатлило в Иоанне Крестителе? Например, как он одет, что ел?

Мальчик: Ну да... Он был настолько против роскоши, что питался вообще всякими жуками.

Жуками... Не совсем, но — почти. Здесь что написано? Что он ел...

Мальчик: Он ел... сейчас...

¹ Проповедь, принесенная в храме свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине во время детской литургии 17 января 2015 г.

«Акриды», что означает саранчу. И дикий мед. Вот так написано. Кто-нибудь из вас пробовал саранчу? Наверное — нет. А вот я, представьте себе, — попробовал! У меня есть друг, он родом с большого острова в Африке, Мадагаскара, у них едят саранчу — и он меня угостил. Решиться ее пробовать было, честно говоря, довольно сложно, но я все-таки решился. И могу вам сказать — это абсолютно невкусно, и очень не советую вам пробовать! А почему же Иоанн Креститель ел саранчу и дикий мед? Как вы думаете? Вот Глеб говорит: потому что он был против всякой роскоши. То есть он не обращал внимания на то, что ест, а также на то, как одевается. Правильно! А еще? Потому что он жил...

Мальчик: Может, он так ел и так одевался в знак покаяния?

В знак покаяния! Вот замечательно! Да! Но начнем с того, что он жил в пустыне и там ничего другого не было. Он ел саранчу и дикий мед по той простой причине, что ничего другого не было: что он находил, то и ел. Но и Глеб говорит правильно — в знак покаяния тоже. Тогда следующий вопрос, намного труднее: что такое покаяние? Тем более что дальше мы читаем о том, что Иоанн всех призывал именно к покаянию, всем говорил: «Покайтесь!» Что такое покаяние? Кто может на этот вопрос ответить?

Девочка: Покаяние — это когда человек кается в каком-то грехе, он рассказывает о нем, и грех, как гиря, падает с него.

Ой, как хорошо! Про гирю очень хорошо сказала! Значит, человек кается. Но что же это значит? Он сначала понимает, что поступил неправильно, верно? И от этого ему грустно. Ему тяжело.

Голос из храма: Ему стыдно!

Стыдно иногда. Вот это и есть начало покаяния. Но есть еще один очень важный момент. Человек понимает, что он был неправ, и поэтому останавливается, отказывается от того, что неправильно, и начинает поступать правильно. Вот это и есть настоящее покаяние. Слово «покаяние» и глагол «каяться» — что они на самом деле означают? Допустим, мы с вами идем в одном направлении и вдруг понимаем, что движемся не туда, куда нам нужно, поэтому мы останавливаемся, разворачиваемся и возвращаемся назад.

Вот такой пример: дом, в котором я живу в Москве, расположен так, что к метро нужно идти направо, а в магазин — налево. Я, к сожалению, человек очень рассеянный, поэтому часто бывает, что, когда мне нужно что-то купить, я выхожу из дома и так, по привычке, иду направо. Иду, иду, о чем-то думаю... И очень часто бывает, что подхожу к метро и вдруг понимаю: мне же не сюда, я хотел в магазин! И что тогда делать? Останавливаюсь и возвращаюсь назад. Вот такое движение назад и есть покаяние.

То есть каждый раз, когда мы понимаем, что мы были неправы, — мы не только должны об этом сожалеть, не только грустить или стыдиться, но еще и принять решение: я больше так не буду делать и стану поступать так, как угодно Богу. Когда мы приходим на исповедь, мы рассказываем о своих грехах. Но мы также должны пообещать, что больше никогда не будем повторять эти ошибки. Вот это и есть настоящее покаяние. Так что Глеб сказал все правильно.

А дальше что говорит Иоанн Креститель? Он говорит: «Покайтесь, ибо...»

Девочка: «...близко Царство Небесное».

«...близко Царство Небесное!» Правильно! Как тебя зовут?

Девочка: Даша.

Даша — отличный богослов! А что такое это Царство Небесное? Вот вы ходите в школу, вы изучаете историю, вы знаете, что были фараоны, например, было их царство. Где?

Мальчик: В Египте!

В Египте, правильно. А потом был Цезарь. У него тоже царство было, правда? Империя. Где?

Мальчик: В Риме!

В Риме, совершенно верно. Потом были... ну, не знаю... русские цари. Или Наполеон, и так далее. У всех этих царей были свои царства. А вот Царство Небесное — где оно находится?

Девочка: На небе.

На небе. Все согласны? А я не согласен. Потому что это Царство действительно находится на Небе, но не только!

Мальчик: Еще и на земле!

Да, еще и на земле! Когда мы читаем «Отче наш», мы как раз об этом молимся: «*Да приидет...*»

Мальчик: «...Царствие Твое».

Значит, вот это Царство Небесное — оно не только на Небесах, оно начинается и здесь. И представьте себе, оно не только на Земле, оно — в нас. В сердце! Внутри каждого из нас. Потому что так сказал Иисус. Он сказал: «*Царство Небесное — в вас есть*». Так что — оно здесь. Все согласны? Хорошо!

Но вот кто-то из вас мог бы сказать: «Странно, что Царство Божие — здесь. Я что-то не заметил. Все-таки люди бывают такие злые... Иногда бывают такие неприятные вещи! Где же тогда это Царство Божие?»

Вот я хочу у вас спросить: что делает обычно царь — как вы себе представляете? У него есть трон. Вот царь сидит на этом троне и царствует. То есть все ему подчиняют-

ся, то, что он говорит, — все должны исполнять. Хорошо? Вот мы и должны дать Богу занимать трон, который находится в нашем сердце...

Бывает так, что мальчик или девочка, особенно старшие из вас, ходит в школу, и то, что говорят одноклассники, говорят и делают друзья и подруги — становится чем-то настолько важным, что он (или она) совершенно теряет свое мнение. Он полностью зависит от того, что думают другие, а это не хорошо. Знаете почему? Потому что тогда получается, что трон, который в вашем сердце должен занимать Бог, занимают другие — вот эти товарищи, друзья, их мнение. Но раз они сидят на этом троне, то не остается места для Бога! Поэтому надо освободить это место. То есть нужно быть независимым. Надо всегда думать: как поступать так, чтобы это было угодно Богу? И иметь смелость иногда плыть против течения. То есть иногда не делать того, что делают другие, а делать то, что правильно, то, что нравится Богу.

Но бывает по-другому — когда мы сами не замечаем, что на этом троне вместо Бога сидим мы, занимаем Его место. Это бывает, например, когда нам не хочется учиться, делать домашние задания, иногда молиться. Не хочется поступать так, как просят нас родители. Вот во всех этих случаях получается, что мы заняли место Бога. И тогда Он не может быть Царем нашей жизни. А как сделать так, чтобы в нашем сердце царем действительно был Бог?

Девочка: Должны соблюдать Десять заповедей.

Правильно. А что еще?

Мальчик: Читать Евангелие.

А еще?

Голос из храма: Молиться!

Молиться, очень хорошо! И кроме того, нужно хорошо относиться ко всем, правильно? К родителям, к друзьям...

Девочка: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя.»

Действительно! Смотрите, друзья, однажды Иисуса спросили, какая самая важная заповедь, потому что их столько, что все соблюдать трудно. Вот поэтому нужна одна, самая важная. Знаете, что Он ответил? Он сказал: *Возлюби Господа Бога своего всем сердцем, всем разумением, всей силою* — это первая заповедь. Но тут же сказал: «Есть еще одна заповедь, вторая, которая так же важна, как и первая...»

Девочка: «Возлюби ближнего своего, как самого себя.»

«...как самого себя». Так вот, если мы будем соблюдать эти заповеди, тогда, действительно, Бог будет нашим Царем, то есть Он будет занимать вот тот престол, тот трон, который находится в нашем сердце. Хорошо?

Аминь.

День 37

Как удивительно бывает в жизни!

В марте, когда началось быстрое распространение эпидемии и стало понятно, что посещение храма могло быть опасным для прихожан, я стал уговаривать прихожан остаться дома и молиться с нами на расстоянии во время прямой трансляции богослужений. Я знал о том, что происходило ранее в Италии, и понимал, что угроза реальна и велика.

А год назад получилось ровно наоборот. В июле, во время акций протеста, я пустил в наш храм около 200 митингующих, в основном молодежь. Наш храм находится в Столешниковом переулке, на другой стороне Тверской расположена мэрия Москвы. Когда омоновцы и Росгвардия начали жестоко хватать протестующих, кто-то укрылся в нашем храме.

Тогда им по-настоящему грозила опасность, в каком-то смысле для них храм был спасением, точнее, в буквальном смысле — физическим спасением. После этих событий стал широко обсуждаться вопрос, может ли Церковь вмешиваться в политические дела, но речь шла не о политике, а о том, чтобы помочь людям избежать реальной опасности.

Так сейчас я занял, можно сказать, «симметрично противоположную» позицию.

Я думаю, одна из забот священника — здоровье прихожан и вообще всех, с кем он имеет дело, даже случайно. Ведь понятие спасения включает в том числе и физическое здоровье: латинское слово *salus* означает и то и другое, а на каждом православном богослужении недаром мы молимся о здравии всех.

Священник, который заботится о вечном спасении, также должен заботиться о безопасности людей.

События того летнего дня я хорошо помню...

«На то мы и храм»¹

В субботу 27 июля 2019 г. с двух часов дня в центре города проходила массовая акция протеста, участники которой требовали допуска независимых кандидатов на выборы в Мосгордуму. Вышедших на улицы задерживали сотрудники полиции и Росгвардии: они заблокировали доступ к мэрии, у здания которой хотели собраться протестующие.

После того как Тверская улица была взята силовиками под контроль, участники акции разошлись по центру Москвы: кто-то отправился на Трубную и Чистые пруды, кто-то на Старый и Новый Арбат. Численность собравшихся оценить трудно, но это были тысячи человек. К 17.50 около 600 участников были задержаны. Силовики вытесняли митингующих с Тверской, и часть из них оказалась в нашем переулке рядом с памятником Юрию Долгорукому. Когда в переулке появился ОМОН, многие молодые люди начали перелезать через церковную ограду с заднего двора. Храм был открыт, как обычно. Он всегда открыт, и мы всегда всех пускаем. Пускать всех — наша обязанность. На то мы и храм. Поэтому мы не сделали ничего особенного и специального.

¹ В тексте используются материалы интервью «На то мы и храм. Монолог священника из храма в центре Москвы, где протестующие укрылись от Росгвардии и полиции», опубликованного в интернет-издании «Медуза» 27 июля 2019 г., а также интервью «Иеромонах Иоанн (Гуайта): Входит ли человек в храм через главные врата или перепрыгивает через забор — не важно», опубликованного на портале «Иисус» 13 августа 2019 г.

Люди пришли к нам стихийно — наверно, больше сотни, в основном молодежь. Полагаю, что многие из них хотели найти у нас убежище. Кто-то, наверное, боялся, что его задержат, а кто-то пришел, потому что ему просто было страшно. Сначала некоторые проходили через ворота, а когда силовики закрыли вход в храм решеткой, многие перепрыгнули через забор. Но для нас все это не так важно. Человек приходит в храм и всегда имеет право на то, чтобы его приняли с любовью. Независимо от его политических взглядов.

Какое-то время люди просто находились в храме и в нашем садике, а потом мы предложили всем вместе помолиться о мире. Я отслужил молебен о мире, об умягчении злых сердец. Такую молитву я выбрал именно из-за происходящего на улицах. Должен сказать, молодые люди молились с большим удовольствием и интересом. Потом, когда появилась возможность выйти из храма, все начали расходиться.

Я поговорил с молодежью, которая осталась на молебне. Это замечательные, как мне показалось, мирные и воспитанные ребята и девушки. У них есть своя позиция, и они готовы ее отстаивать.

Как мне кажется, священнослужитель в любой ситуации должен всех принимать. Ровно через неделю в центре проходила другая манифестация, но чуть дальше от нас, за бульварным кольцом. На сей раз манифестанты не приходили в наш храм, но пришли омовцы, несколько человек. Быть может, им дали такой приказ, думая, что сценарий событий может в точности повториться. Как бы то ни было, на этот раз силовики возле нашего храма вели себя крайне корректно. Несколько из них, простоявши весь жаркий день на улице, вечером вошли в храм — попросили дать попить, попользоваться туалетом, умыться. Мы, конечно, их приняли и помогли им.

Я и с ними поговорил — это такие же ребята и девушки, как и те, с кем я общался на неделю раньше, только в форме — в камуфляжной одежде и полной экипировке, со шлемом, щитом и дубинкой. У них тоже мечты, устремления. Они, между прочим, оказались православными. Я им напомнил, что насилие против мирного человека — всегда грех. Сказал, что и я человек подчиненный, у меня есть начальники и я знаю, что подчиненный должен выполнять приказы. Но делать это можно по-разному. Сказал, что применять насилие против безоружного человека — это, во-первых, выражение трусости, во-вторых — грубое нарушение христианской нравственности и просто человечности. Омовцы меня слушали, правда в некотором смущении, не смотрели мне в глаза... Мой долг как священника — принимать всех без исключений. А также мой долг — всем напоминать о христианских ценностях.

Я никогда не спрашиваю прихожан об их политических пристрастиях. Главное, чтобы православный человек не проповедовал никаких античеловеческих позиций. В остальном политическое кредо человека меня не волнует.

Церковь не должна противиться государству по простой причине: так сказал апостол Павел. ...*Противящийся власти противится Божию установлению* (Рим 13:2). Обычно христианин должен подчиняться государственным законам и властям. Вопрос только в том, до какой степени. Если власти требуют от христианина что-то, что противоречит Евангелию, христианской нравственности, заповедям, то христианин не должен подчиняться. Таких примеров в истории Церкви очень много. Апостол Павел написал, что «нет власти не от Бога» в Послании к Римлянам (Рим 13:1), но как раз в Риме христиане, когда от них требовали, чтобы они поклонялись императору, как богу, не стали подчиняться приказам властей.

В целом Церковь не должна сопротивляться государственным властям или законам, но, когда государство само идет против христианской веры или явно нарушает базовые общечеловеческие ценности — гуманность, сострадание, справедливость, — в таком случае Церковь не только может не подчиняться, но, на мой взгляд, должна сказать во всеуслышание, что власти действуют неправильно.

После этих событий многие журналисты из российских и иностранных СМИ брали у меня интервью. Меня немного смущала вся шумиха вокруг этого эпизода с протестующей молодежью в храме, так как я не считаю, что совершил что-то из ряда вон выходящее. Каждый священник в каждом храме Москвы не только может, но и должен принимать любого. А входит ли человек в храм через главные ворота или перепрыгивает через забор — это не важно. Человек пришел в храм, и этого достаточно для священника.

Меня радует то, что несколько молодых людей вернулись в храм и после того события; пришли и некоторые родители — поблагодарить, я даже получил письма из других городов, совершенно незнакомые люди пытались со мной связаться — кто-то, просто прочитав об этих событиях, пришел в храм познакомиться. Это, конечно, приятно, но я не люблю, когда люди ищут известности. Есть и некоторые священнослужители, которые так хотят, чтобы о них говорили, что готовы на самые эпатажные высказывания... Я считаю, это неправильно и просто глупо. Один журналист в те дни спросил меня о том, как я отношусь к неожиданной известности и что я сделаю, если завтра придет ко мне какой-нибудь молодой человек с моим портретом на футболке... Я ответил, что скажу ему, что это какая-то ерунда. Потому что я не рок-певец, не актер. И главное, я не настолько красив, чтобы изображать меня на футболке!

День 38

Длинная болезнь — всегда время подведения итогов. Невольно задумываешься о своей жизни, о том, что время проходит, правильно ли используешь его. Впрочем, то же бывает со всякими круглыми датами, юбилеями, да и просто с днем рождения и Новым годом.

С прошлым годом я прощался неспешно — в самолете. Вспоминал пережитое, мысленно просил прощения за ошибки, благодарил Бога за все. Как и сейчас, во время болезни.

Тогда в новогоднюю ночь я написал письмо друзьям.

Новогодний полет

31 декабря 2019 г., 21 ч 50 мин

Через два часа с небольшим наступит новый 2020 г.

Я нахожусь на высоте в 10 000 м, лечу самолетом из Рима в Москву, куда мы должны прибыть за несколько минут до Нового года. В самолете нас всего трое... Вот-вот закончится 2019 г. — для меня один из самых трудных. В этом году мне сложно было перенести одиночество (и это для меня странно!), разочарование, грусть, мамину болезнь, обиду на себя, осуждение ближних, усталость... И все же — слава Богу за все!

Благодарю Тебя, Господь, за радость служения, прежде всего — за предстояние у престола Твоего, за молитву, за (к сожалению, слишком редкие!) минуты тишины. Благодарю Тебя за возможность исповедовать сотни и сотни

братьев и сестер. Наверное, большую часть уходящего года я провел у аналая. Почти от каждого я лично получил для себя что-то очень ценное: образец покаяния, удивительные примеры терпения, великодушия, милосердия. Со многими друзьями вместе сопереживали, боролись и преодолевали страх, оцепенение, уныние. С Галей, можно сказать, вместе победили рак, с кем-то другим претерпели поражения — спасибо за все! Простите меня, друзья, если я иногда спешил или кого-нибудь из вас не дослушал до конца.

Особенную, тихую, ни с чем не сравнимую радость я получил в этом году от детей из перинатального отделения детского хосписа, которых крестил в первые часы или минуты жизни, часто в реанимации или операционной, — это Маруся, Петя, Ксюша, которых уже нет на земле, Егорка, который продолжает бороться за жизнь. Спасибо, дети, что дали мне почувствовать и понять бесконечную ценность жизни, какой бы короткой она ни была! Спасибо и другим детям из хосписа, ребятам и девочкам из интерната «Незнайка», подросткам из Центра для детей с ментальными нарушениями и их родителям, а также болящим взрослым, пожилым людям, моим горячо любимым старушкам и старикам и всем тем, кого в этом году я исповедовал и причащал на дому. Извините, что у меня так мало свободного времени и со многими из вас приходилось договариваться о встрече по несколько раз...

Спасибо детям из прихода за их радостное (и шумное!) участие в наших детских литургиях, подросткам из приходского клуба за приглашение посетить их лагеря, молодым людям за наши поездки и встречи — всем за доверие, общение, дружбу. Я несравнимо больше от всех вас получаю, чем даю...

Благодарю Бога (а также студентов, читателей и слушателей) за возможность преподавания, за написанные статьи, прочитанные лекции, за выступления, участие в радио- и телепередачах. В этом году я, к сожалению, смог уделять интеллектуальной деятельности меньше времени и сил, чем обычно... Благодарю еще за поездки, паломничества, путешествия, встречи и знакомства с новыми людьми. Общение с людьми для меня всегда интересно и увлекательно — даже когда трудно или кажется, что сил больше нет...

2019 г. был трудным не только для меня. Мне кажется, он оказался особенно трудным для нашего города и страны, а также для нашей Церкви. В России растет недовольство населения, бедность, социальная несправедливость, коррупция, неуверенность в будущем... Этим летом совершенно неожиданно для себя я оказался в самом центре политического столкновения. Благодарю Бога за это, так как думаю, что пастырь должен всегда быть со своим народом, «там, где народ» — в гуще событий.

Последние слова — почти цитата строк Ахматовой из *Requiem*: «Нет, не под чуждым небосводом... / я была тогда с моим народом, / там, где мой народ, к несчастью, был». Так заведено, что и поэт, и священник должны быть с людьми. И совсем не важно, что я не русский и что Россия и русский народ для меня не родное, а — приобретенное сокровище. Я — священник, и быть с теми, кому я призван служить, для меня — и долг, и привилегия. Священник и Церковь должны быть прежде всего там, где люди страдают. Не для того, чтобы дать ответы на какие-то вопросы, и даже не для того, чтобы облегчить страдания людей (очень этого хочется, но часто это невозможно!), а просто чтобы сопереживать.

Благодарю Тебя, Господь, за все, что было в уходящем году. У всех прошу прощения за все мои ошибки, всех прошу молиться обо мне. Дай мне, Господи, в предстоящем году силы быть для всех обездоленных, отчаянных и одиноких хотя бы плечом, на которое смогут опереться и в тишине поплакать.

С Новым Годом, друзья!

День 39

Уже давно у меня нет температуры, лекарств я принимаю все меньше, чувствую себя хорошо, и мне не терпится вернуться к нормальной жизни и, главное, — в храм! Похоже, длинный период болезни и самоизоляции скоро закончится. Очень важно в жизни, личной и общественной, уметь различать периоды: все когда-нибудь заканчивается, и, как учит мудрый Екклесиаст, «всему свое время» (см. Еккл 3:1–9).

В масштабах истории умение различать времена означает, среди прочего, смену поколений. Это очень важная и непростая тема. Каждый год о ней нам напоминает праздник Сретения. Иосиф Бродский посвятил этому празднику замечательное стихотворение, оставив нам прекраснейший портрет старца, с миром и достоинством уходящего из жизни. В этом году, проповедуя на Сретение, среди прочего я решил сослаться на Бродского.

Сретение: о смене поколений¹

Есть в нашей Церкви замечательный праздник Сретения Господня, когда Иосиф Обручник и Мария пришли в Иерусалимский храм с маленьким Иисусом, для того чтобы соблюсти некую благочестивую традицию и совершить обряд. Евангелист Лука пишет, что так было предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужеского пола был посвящен Богу (см. Лк 2:23).

¹ Проповедь, произнесенная в храме свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине на всенощном бдении под праздник Сретения 14 февраля 2020 года.

В жизни Церкви есть два начала, которые часто противопоставляются, хотя должны скорее дополнять друг друга: с одной стороны, пророчество, с другой — традиция, что среди прочего означает соблюдение предписаний, обрядов, ритуалов. Пророчество — это неудержимая сила, которая ведет Церковь вперед, к будущему, иногда оно создает разлом с уже прожитым; традиция же — это верность себе, связь с прошлым, континуум. Пророки часто нарушали всякие установки, но любой церковный обряд или благочестивая традиция только в пророчестве и находят свой глубинный смысл.

Всякое богослужение и всякий обряд имеет как бы две стороны. Есть символическая, чисто внешняя, которая состоит из молитв, слов, жестов. Но есть и содержательная, смысловая часть, самая важная — значение обряда. В случае со Сретением как раз непросто понять, в чем значение описанного обряда.

Если нас удивляет тот факт, что Господь Иисус Христос принял крещение, хотя Он не нуждался в нем, то, наверное, еще больше нас поражает этот эпизод Его жизни. В действительности, кроме как исполнение традиции, другого смысла в нем нет. Ведь этот Первенец был посвящен Богу и без обряда, и это было очевидно для Его Матери и Иосифа Обручника. Потому возникает вопрос: зачем потребовалось исполнение этого обряда, который в данном случае не имеет содержательной части? Евангелист Лука нам говорит о том, что для его совершения надо было принести в жертву две горлицы или двух птенцов голубей. И вот Мария и Иосиф во всех подробностях, скрупулезно исполняют предписанное.

Самое важное в празднике Сретения и в отрывке из Евангелия от Луки, который повествует об этом событии, — это удивительная встреча. Встреча двух Заветов,

Ветхого и Нового, встреча поколений и как бы исполнение чаяний, ожиданий верующих людей разных эпох.

Симеон и Анна — благочестивые люди, но их благочестие какое-то удивительное. Они оба очень пожилые. О Симеоне сказано, что он *муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева* (Лк 2:25). А о Анне, что она *вдова лет восьмидесяти четырех, которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь* (Лк 2:37). Если Мария и Иосиф здесь выражают традицию, уважение к ней, то Симеон и Анна олицетворяют пророческое начало жизни Церкви. Удивительным образом в этом евангельском событии традицию представляет более молодое поколение, а новаторскую пророческую силу — старшее.

Эти глубоко верующие старцы смогли осознать самое главное: не исполнение обряда и даже не его символику, а живое присутствие Бога, которое было важно не только для немногих людей, находившихся в храме в тот момент и обративших внимание на происходящее, а для всей истории человеческой, для других народов, для будущих поколений и эпох, для каждого из нас сегодня. Ведь Симеон узнал в этом Младенце исполнение древнего обетования, спасение, которое Бог *уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Израиля* (Лк 2:30–32).

Они почувствовали присутствие Бога в Младенце, который ничем не отличался от других детей. Можно предположить, что в Иерусалимском храме было много народа и, наверное, много других детей, которые пришли туда вместе со своими родителями. Но именно в этом Ребенке Симеон и Анна разглядели присутствие Всевышнего. Вот что для нас важно — получить образец такой удивительной способности чувствовать живое присутствие Бога.

К сожалению, далеко не всегда так бывает! Мы с вами должны задуматься: способны ли мы видеть, различать присутствие Бога в нашей жизни, в ее обстоятельствах, а также в исторических событиях, политических, общественных и так далее? Видим ли мы, где, когда и как присутствует Бог? А где, наоборот, идет Его отрицание, какая-то борьба с Ним? Вот это умение мне представляется самым важным качеством по-настоящему верующего человека.

Симеон почувствовал, что этот маленький ребенок и есть Тот, от Которого идет спасение, и дал Ему очень точную характеристику: *лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий* (Лк 2:34). И это второй момент, чрезвычайно важный для нас. Господь Иисус Христос есть действительно предмет пререканий, перед которым мы должны определиться — с Ним ли мы или против Него. Как раз это и есть критерии для интерпретации всех событий и всего того, что вокруг нас. На падение или на восстание?

Праздник Сретения, как уже говорилось, еще учит нас, что жизнь Церкви состоит одновременно из пророчества и традиции. Как жаль, что церковную общину часто делят на консерваторов и прогрессистов, на тех, кто больше всего печется о скрупулезном соблюдении всех традиций прошлого, и тех, кто готов нарушать их ради того, чтобы нести пророческое слово.

Есть в событии Сретения еще одна тема, тоже очень важная, — это тема смены поколений. Но для того, чтобы рассказать об этом, мне нужна помощь Бродского. Иосиф Бродский написал удивительное стихотворение о Сретении. Так получилось, что мне пришлось его переводить. И естественно, когда переводчик работает с любым текстом, а уж тем более поэтическим, он должен обратить

внимание на каждую мелочь, стараясь понять скрытую структуру стихотворения, его архитектонику и композицию, увидеть все риторические приемы.

И вот в этом стихотворении, как мне кажется, Бродский сумел выразить какие-то вещи, которые так с первого взгляда и не увидишь, даже в его структуре. Те, кто пишет стихи, кто их переводит, кто занимается литературоведением, знают, что есть разные приемы в стихотворчестве. Один из них называется анжамбмáн (по-французски *enjambement*, от глагола *enjamber* «перешагивать», «перепрыгивать»), буквально — подножка. Это когда поэт пишет свои стихи так, чтобы паузы, которые определяют ритм, не совпадали с паузами синтаксиса, то есть смысловыми. Вот, например, первые строки этого стихотворения Бродского:

Когда Она в церковь впервые внесла
Дитя, находились внутри из числа
людей, находившихся там постоянно,
Святой Симеон и пророчица Анна.

«Когда Она в церковь впервые внесла...» — здесь заканчивается стих, и мы не знаем, что или кого Она внесла в церковь, узнаем только в следующем стихе — «Дитя». И дальше: «...находились внутри из числа...», и опять заканчивается стих и не знаем, из числа кого. И если хотим что-то понять, должны спешить, читать дальше следующий стих — «...людей, находившихся там постоянно...».

Из-за несовпадения смысловых и ритмических пауз, для того чтобы понять смысл, мы должны сократить паузы ритмические и немножко увеличить паузы семантические. Анжамбман заставляет нас читать эти стихи так,

быстрее, а точнее — ритм нашего чтения «хромает». Это все не случайно, потому что в этом стихотворении идет четкое противопоставление: молодое поколение и старшее. В начале Мария и Ребенок, а потом — старики Симеон и Анна.

Стихотворение заканчивается тем, что Симеон уходит, и выходит из рамок самого стихотворения и одновременно из рамок жизни, потому что он идет умирать. Но он держит перед собой образ Младенца, «как некий светильник». И потому ему не страшно вступить «в глухонемые владения смерти» — хотя он входит «в ту черную тьму, / в которой дотоле еще никому / дорогу себе озарять не случилось», и идет уверенно: «Светильник светил, и тропа расширялась».

Бродский нарисовал изумительный словесный портрет этого старца, который с удивительным достоинством и мудростью уходит, оставляя место следующему поколению. Своими анжамбанами поэт и нас заставил идти за ним, хромя, чувствуя, как его «поступь была стариковски тверда»; вместе с ним и мы «шаг свой придерживаем немного», но движемся медленно вперед и видим, что «дверь приближается»... но мы всё идем, и для нас тоже «светильник светит» и «тропа расширяется».

Тема смены поколений очень деликатна и непроста. Признак великой мудрости — когда человек понимает, что пришло время уступать место, когда при передаче эстафеты жизни и времени от одного поколения другому человек не цепляется зубами и когтями за то, чего добился в жизни, а понимает, что должен заботиться о преемнике, чтобы дело его жизни имело продолжение.

Это очень непросто. Не только политики не хотят уходить и уступать место, но и мы с вами тоже. Очень часто бывает, когда в одной и той же квартире совсем пожилые

родители живут с уже взрослыми детьми, у которых свои дети, старшему поколению не хочется уступать, передать бразды правления... Примеров — великое множество, так бывает везде — в семьях, на работе, в Церкви... Мне кажется, что для нас, христиан, этот момент смены поколений — чрезвычайно важная вещь, требующая мудрости и смирения. Давайте об этом не будем забывать, потому что, среди прочего, этому учит нас праздник Сретения.

День 40

В условиях «коронавирусного затвора» в долгие часы уединения есть время и возможность подумать о своей жизни, о встречах, которые предопределили ее дальнейший ход.

Мне посчастливилось встретиться со многими так называемыми «мировыми религиозными лидерами» — предстоятелями и иерархами христианских Церквей и авторитетными духовными наставниками. С некоторыми из них я был хорошо знаком. Из них больше всех повлияла на мою жизнь, не только на мое мировоззрение, но и на мой личный опыт переживания живой веры, безусловно, — Кьяра Любич. Я христианин (если это действительно так) — во многом благодаря ей.

Родившаяся вот уже целый век назад в провинциальном городе, затерянном в итальянских горах, в очень многом Кьяра опередила свое время и сыграла первостепенную роль в установлении диалога между разными вероисповеданиями.

Женщина и мирянка, она была знакома фактически со всеми предстоятелями христианских Церквей и мировыми религиозными лидерами прошлого века, со многими из которых тесно общалась, являлась консультантом последних римских понтификов.

Эта простая школьная учительница выступала в ООН, ЮНЕСКО, Совете Европы, во Всемирном Совете Церквей, в парламентах и университетах многих стран и получала там почетные гражданства, а еще дипломы и награды от различных мировых учебных заведений и глав государств. Стала лауреатом Темпл-

тонской премии «За прогресс в области религии», международной премии ЮНЕСКО «За вклад в дело мира», премии Совета Европы «За достижения в области прав человека».

Кьяра известна во всем мире как основательница Движения фоколяров. По правде говоря, никакой организации она не основывала, более того, когда в 1943 г. вокруг нее стали собираться ее первые последовательницы, она даже не задумывалась о том, что стоит у истоков крупного христианского движения.

В тот момент, когда в Католической Церкви первой половины XX века царил дух крайнего консерватизма и ригоризма, она смогла вдохновить рождение христианской общины, которая отличается своей открытостью, современностью, способностью вести диалог со всеми, отсутствием клерикализма. Основание Движения фоколяров Кьяра считала делом своей жизни — поэтому невозможно говорить о ней и не говорить об этой общине.

Кьяра и фоколяры¹

Сама того не осознавая

Кьяра Любич родилась 22 января 1920 г. в простой семье, в небольшом городе Тренто, в горах Северной Италии. В середине XVI века Тренто (Тридент) был центром одно-

¹ В текст вошли отрывки из моих предисловий к русским изданиям книг Кьяры Любич: «Да будут все едино» (М., 1997), «Размышления» (М., 2008) и «Идите... говорите народу все сии слова жизни!» (в процессе публикации).

го из самых «оборонительных» Соборов в истории Католической Церкви, который осудил Реформацию и способствовал дальнейшей жесткой централизации Католической Церкви вокруг папства и Римской курии.

Когда ей было чуть более двадцати, Кьяра, сама того не сознавая, вместе с группой сверстников образовала общину, выросшую впоследствии в самое многочисленное движение мирян в Католической Церкви XX века. Движение началось спонтанно в 1943 г. Шла война. Маленькая группа, состоящая в основном из молодых людей, задавалась, как это часто бывает у молодежи, наверное, самым сложным вопросом о смысле жизни. Обстоятельства — сама война и сопутствующие ей разрушения — ясно доказывали мудрость слов Священного Писания: *Все суета сует* (Еккл 1:2). Они своими глазами видели, что все в мире преходяще, и поняли, что единственное, что остается в жизни, — это Господь, Бог Предвечный.

Из-за бомбежек они должны были часто укрываться в бомбоубежищах и брали с собой только маленькое карманное издание Нового Завета. Приносить с собой какие-либо богословские книги или толкования Священного Писания было невозможно; так, благодаря обстоятельствам, у них возник новый, более непосредственный подход к Евангелию. Слова Священного Писания, которые молодые люди читали при свечах, находясь среди всеобщего разрушения и в постоянной смертельной опасности, будто наполняли все вокруг светом. Такая встреча со Словом Божиим означала для этих молодых людей своего рода обращение; все они были уже верующими, по крайней мере крещеными, но в то время они впервые по-настоящему почувствовали и поняли, что такое Евангелие.

Они осознали, что Священное Писание — это не только книга для молитвы и духовного размышления, но —

очень требовательная программа жизни. Тогда молодые люди поняли, что Евангелие недостаточно читать, размышлять над ним и изучать его — слова Господа необходимо применять в жизни, они должны вплестаться в ткань нашей повседневности. В условиях войны, несущей разрушение и ненависть, вновь открывшееся осознание Бога как Отца, для Которого и волосы на наших головах сочтены, вызвало у этих молодых людей желание ответить на Его любовь служением Христу, помогая самым бедным и одиноким, — *Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф 25:40).

Жизнь по Евангелию

Конкретно это означало: с риском для собственной жизни помочь старушке добраться до бомбоубежища или заботиться о больных, сиротах, инвалидах и обездоленных жителях города, которых было так много во время войны. Они стремились исполнять Его волю, применяя на практике самую важную заповедь для всех христиан — ту, которую Иисус Христос назвал «новой» и «Своей»: *Да любите друг друга, как Я возлюбил вас* (Ин 13:34; ср.: Ин 15:12). Они спонтанно разделяли радости и страдания, духовные и материальные блага, и каждый был готов отдать свою жизнь за другого: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин 15:13).

Вокруг них собиралось все больше и больше людей, которые тоже решили разделить такой образ жизни. Так — без какого-либо заранее намеченного плана проповедничества — и родилась первая община движения, которая получила благословение правящего епископа. Название «фоколяры» (что по-итальянски означает *очаг*) ей дали люди, которые, заглянув «на огонек», были тро-

нуты атмосферой любви, царящей здесь. Выражаясь словами митрополита Антония Сурожского, для первых участников общины состоялась «главная встреча с живым Христом», та встреча, которая переворачивает жизнь человека.

Некоторые изречения Господа особенно сильно западали в душу первых участников движения. Это были прежде всего заповеди о любви к ближним, но еще и слова из Евангелия от Матфея: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф 18:20). Они стали для молодых людей новым пониманием самой Церкви: не только как храма, но и сообщества, в котором двое или трое любят друг друга так, как нас возлюбил Господь. Этому же учат нас Святые Отцы Церкви.

Средоточием духовного опыта общины стали слова о единстве из первосвященнической молитвы Иисуса Христа: *Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино* (Ин 17:21). Они стали для фоколяров сердцевинной их жизни и целью движения. Но достижение единства непосильно для человека. Иисус Христос, «единородный Сын и Слово Божие», ради нашего спасения победил смерть именно своей смертью («смертию смерть поправый»); Он, «Един Сый Святыя Троицы», подарил нам единство, которым жил с Отцом и со Святым Духом, именно проходя через разобщенность, переживая на кресте богооставленность. Поэтому Кьяра Любич видела в его вопле на кресте: *Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?* (Мф 27:46) ключ к единству, а в умении христианина принимать страдания, *сораспяться Христу* (Гал 2:18), — путь к преодолению любой разобщенности. В этом и кроется духовная сущность открытости и способности фоколяров вести диалог с кем бы то ни было.

Во всем мире

С момента возникновения движения прошли десятилетия. Сегодня фокьяры — это большая община, присутствующая в ста восьмидесяти двух странах мира. Ее участники — мужчины и женщины всех возрастов и национальностей, самого разного социального статуса, разных профессий — в основном миряне, но также монашествующие и священники. Сердцевиной движения являются маленькие общины, которые живут монашеской жизнью в миру; имеются разные общины для всех категорий людей, в зависимости от возраста и призвания каждого. Будучи в основном мирянами, члены движения хотят нести дух Христов в мир, всюду, где живут и работают, — отсюда стремление осветить евангельским светом все отрасли социальной жизни, культуры, науки, экономики, искусства, политики.

Движение издает 25 журналов на 15 языках; в разных странах работают 17 издательств, выпускающих книги на различные темы. У движения есть свое высшее учебное заведение в окрестностях Флоренции. Начиная с 60-х годов, участники движения стали создавать «городки», где люди живут и работают вместе, проповедуя дух христианского единства, а также школы, центры духовного просвещения, художественные мастерские и музыкальные ансамбли. В разных странах эти городки имеют разные профили: например, в Германии недалеко от Аугсбурга (где в XVI веке произошло окончательное разделение между католиками и лютеранами) есть городок Оттмаринг, где лютеране и католики — участники движения живут вместе в знак того, что христиане, даже в условиях разделения Церквей, могут и должны относиться с любовью друг к другу.

В Бразилии есть городок, в котором родился экономический проект, осуществляющийся ныне по всему миру:

он называется Экономика сопричастности. Перед лицом социальной несправедливости, бедности группа предпринимателей движения добровольно решила отказаться от трети прибыли в пользу малоимущих. Такая практика распространилась по всему миру, и сейчас около 800 предприятий работают по этому принципу.

Движение пользуется международным признанием и активно участвует в культурной, экономической и политической жизни общества, поддерживая многочисленные проекты социальной помощи и инициативы солидарности с различными социальными и религиозными объединениями.

Не только католики

Но что характеризует движение? Безусловно, стремление к единству. Есть четыре вида диалога, который ведут участники движения: на уровне своей Церкви; между христианами разных Церквей; затем диалог с верующими других религий и со всеми людьми доброй воли. Такой подход далек от индифферентизма или иренизма: напротив, он основан на Евангелии — как говорил святой апостол Павел: *для иудеев я был как иудей, чтобы приобрести иудеев... для немощных был как немощный... Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых* (1 Кор 9:20–22).

Хотя духовный путь Кьяры Любич открылся в лоне Католической Церкви, по ее стопам сегодня следуют христиане разных Церквей. Как мы видели, духовный опыт фокьяров основывается на жизни по Евангелию, а она по своей природе универсальна и не ограничивается конфессиональными рамками какой-либо одной христианской традиции. Главные принципы такого духовного общения

верующих разных Церквей — полный отказ от любой формы прозелитизма, уважение к совести каждого, верность своей Церкви и одновременно почтение и любовь к другим Церквам, к их истории, учению, обрядам, иерархии. Любовь к ближнему предполагает и любовь к его Церкви. Уважение к традиции своего брата, разумеется, отменяет прозелитизм в какой-либо форме.

В настоящее время дух движения разделяют христиане разных Церквей: помимо католиков это православные, лютеране, англикане, реформаты, протестанты различных деноминаций. В России в конце советского периода, вокруг нескольких иностранцев, уже принадлежащих к движению, образовалась небольшая неформальная группа друзей. В большинстве своем эти люди до знакомства с фоколярами не были воцерковлены или даже крещены, но после того, как начали участвовать в жизни общины, пожелали креститься или венчаться, регулярно исповедоваться и причащаться в Русской Православной Церкви.

Что касается диалога с представителями других религий, тут, понятно, дело обстоит иначе, потому что нас объединяет немного. И тем не менее есть несколько общих истин и нравственных принципов, приближающих к христианству верующих других религий, особенно монотеистических. Золотое правило «Не делай другим то, чего ты не желал бы для себя» — общее для многих мировых религий. Также фоколяры ведут диалог с неверующими людьми, которые вместе с ними хотят трудиться во благо человечества, разделяя такие ценности, как справедливость, стремление к миру, защита окружающей среды и т. д.

Размышления

В 2008 г. я составил на русском языке небольшую книгу «Размышления» Кьяры Любич. Короткие тексты, приведенные в этом сборнике, — это, можно сказать, духовная пища участников Движения фоколяров. Община состоит, как уже было сказано, в основном из мирян, которые стараются жить подлинной христианской жизнью. Для этих людей, как пишет К. Любич в начале книги, «самое сокровенное духовное требование нашего времени — проникать вглубь духовной жизни и в то же время оставаться среди людей, человек рядом с человеком». От текста к тексту перед духовным взором читателя прочерчивается путь не чуждый — несмотря на внешнее отличие — по своей сути русской духовности, в которой даже самая суровая аскетическая жизнь никогда не была оторвана от окружающей социальной действительности. Преподобный Сергей Радонежский, например, весьма активно участвовал в социальной и политической жизни своего времени.

Размышлениям Кьяры Любич свойственны простота и одновременно необычайная выразительность. Читатель участвует в ее молитве, в тихой беседе с Господом. Невозможно не удивляться глубине ее общения с Богом и доверию, вернее, дочерней доверительности, с которой она обращается в молитве к Иисусу: «Распятый и покинутый Иисус взывал к Богу Отцу, взывал на языке, которому научила Его Пресвятая Богородица. Господи, как о многом говорит нам Твой крик, Твои слова, произнесенные на языке Твоей Матери!» Некоторые тексты удивляют подлинно евангельской простотой рассуждения: «Если бы студент случайно узнал, какие вопросы будут заданы ему на экзамене в конце учебного года, он бы тщательно подготовил все ответы. Он решил бы, что ему очень повезло.

Жизнь — это испытание, и в конце нам тоже предстоит сдать экзамен. Но бесконечная любовь Божия уже подсказала человеку, какими будут вопросы: «Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня...»».

Христианство в повседневности

Одна тема, появившаяся уже в первом размышлении, проходит через всю книгу: возможно ли для тех, кто остается в миру, жить жизнью духа с той же радикальностью, которую предполагает призвание к монашеству. Конечно, вне каменной ограды, без монашеского облачения и монастырского правила вести аскетическую жизнь гораздо труднее: «Не столько внешний шум — включенное на полную громкость радио соседа, гул проезжающих машин или крики уличных торговцев — разрушает благодатную атмосферу моего дома: главным образом всякий шум в моей душе превращает мое жилище в площадь, не защищенную стенами, лишает его покровы любви». И все же, если человек постоянным внутренним усилием освобождает в своей душе пространство, чтобы в нем присутствовал Бог, тогда даже посреди мирской суеты он может вести созерцательную жизнь: «Господь живет во мне. Он хочет направлять меня в моих поступках, пронизывать Своим светом мои мысли, воспламенять мою волю — одним словом, дать мне закон, которым я буду руководствоваться во всех своих действиях. Но порой мое «я» мешает Ему жить во мне. Если оно перестанет вмешиваться, Сам Бог овладеет всем моим существом и придаст этому дому величие монастыря, этой комнате — священную атмосферу церкви, моей трапезе — торжественность обряда, моей одежде — красоту благословенного облачения, дверному или телефонному звонку — радостное зву-

чение, предвещающее встречу с братьями и сестрами, которая прерывает и одновременно продолжает мою беседу с Господом».

К такому же выводу автор книги приходит в другом месте, когда размышляет о Матери Божией: «Как прекрасна Пресвятая Богородица в постоянной молитвенной сосредоточенности, о которой свидетельствует Евангелие: Она сохраняла все слова сии в сердце Своем (Лк 2:51)! Ее глубокое молчание влечет к Ней любящую душу». И это стремление ставит перед Кьярой Любич дилемму: «Как подражать Пресвятой Богородице в Ее таинственном молчании, когда нам, согласно нашему призванию, следует проповедовать Евангелие среди богатых и бедных, на заводах, в школах, на улицах, повсюду?» Ответ можно найти в духовной области — он подходит любому человеку: «Во мне должно замолчать создание, чтобы в душе заговорил Дух Божий».

Мы видим, что мысли Кьяры Любич оказываются удивительно созвучными единственному универсальному «правилу» преподобного Серафима Саровского о стяжании Духа любви: «Стяжи Дух мирен, и вокруг тебя тысячи спасутся!» Следуя этому правилу, которое существует для всех, любой христианин — монах, священник или мирянин — может достичь вершины духовной жизни. Ибо вершина эта есть любовь в сердце — к Господу и братьям. Как пишет Кьяра Любич, «ты и я, продавец и крестьянин, уборщик и солдат, рабочий и инженер... Все люди — разочарованные идеалисты, обремененные заботами матери семейств, влюбленные накануне свадьбы, немощные старушки в ожидании смерти, горячие юноши... — все могут составлять семью Божию: достаточно будет их сердцам загореться высоким, прямым, устремленным к Богу пламенем любви».

Вместо эпилога

Вот и заканчивается мое уединение...¹

Я выздоровел, уже можно вернуться в храм, завтра — Вознесение Господне. Конечно, пока мы будем служить «в безопасном режиме» — с небольшим количеством прихожан. Уже известно, что завтра на службе встретятся те, кто одновременно заболел на Пасху, — священники, алтарник, певчие — вместе заболели, вместе и вернемся в храм. Пора подвести итоги этого важного опыта.

В конце второго десятилетия XXI века пандемия КОВИД-19 может стать поводом для серьезных изменений во всем мире. Этот опыт поставил всех нас в непривычные условия жизни, заставляя задуматься, задать себе самые серьезные вопросы. Прежде всего вирус показал нашу собственную хрупкость и уязвимость. Это чрезвычайно важный и полезный урок. Мы вдруг осознали, насколько мы слабы, ранимы, зависимы, не только каждый индивидуально, но и наша медицина, экономика, право, система международных отношений, социального страхования и многое другое. Оказалось, наше обычное самодовольство, наши «столпы», на которые мы привыкли спокойно рассчитывать и уповать, могут мгновенно рухнуть или очень сильно пошатнуться.

Коронавирус показал, что есть человеческая ответственность за гибель огромного количества людей. Уче-

¹ В тексте используются фрагменты интервью «Священники — об уроках эпидемии и том, как изменится Церковь», опубликованного на портале «Православие и мир» 16 мая 2020 г.

ные сходятся во мнении, что немалая часть вины за это бедствие лежит на человеческой деятельности, направленной исключительно на быстрое, никому не подотчетное и никем не контролируемое обогащение. Это прежде всего производство, которое ради интереса частного или государственного сознательно насилует окружающую среду. Глумление человека над природой предвещает все менее контролируемые и все более вредные потрясения жизни.

По мнению итальянского ученого-вирусолога Иларио Капуи, *Homo sapiens* настолько грубо обращается со своей собственной средой обитания, что «создал идеальную систему для распространения этого возбудителя (SARS-CoV-2) по всему миру. Необходимо срочно исправить такое положение дел, перестать эксплуатировать планету и стать ее стражами». Предотвращение возможного непоправимого ущерба является самой неотложной задачей для государств, которые хотят защитить жизнь и достоинство человека. Уверен, что и в проповеди христианских Церквей тема ответственности за природу должна занимать более значительное место.

То же касается и темы нашей социальной ответственности. Опыт с коронавирусом показал, что церковные люди и, увы, духовные лица могут не понимать, что забота о безопасности окружающих людей напрямую связана с соблюдением элементарных санитарных и гигиенических правил. Если зрелый христианин не имеет представления о социальной ответственности и руководствуется только логикой «мне не страшно, и я никаких правил не соблюдаю» — то это полное поражение нашей церковной педагогики.

Осознание своей хрупкости может стать для человека исходной точкой для поиска Бога в тишине и уединении.

Многие из нас — я в том числе — впервые испытали, что значит зависимость от препарата, который трудно достать, от пульсоксиметра, аппарата ИВЛ... А ведь «мои» дети из детского хосписа и их родители с такой ситуацией сталкиваются регулярно и уже долгое время! Положительным последствием этого мирового опыта могло бы стать внимание ко всем тем, кто ежедневно испытывает ограничения, и забота о них — болящих, стариках, инвалидах, заключенных... Во время болезни осознание моей зависимости от других — ведь я не смогу ни лечиться, ни даже поесть, если никто не позаботится обо мне и не оставит пакет с лекарствами и продуктами перед моей дверью, — оказалось очень полезным для меня. Сможет ли наше общество, хотя бы наши Церкви, извлечь урок из этого опыта? Ведь в центре церковного внимания и забот должны быть «нищие, увечные, хромые и слепые», которых Господь зовет на Свой пир (см. Лк 14:21), а не ремонт колокольни.

Изменит ли пережитый опыт нашу православную церковную жизнь? Безусловно, КОВИД-19 вскрыл некоторые проблемы этой действительности. Например, неоднозначная реакция на указания священноначалия относительно способа причащения и других санитарных мер, касающихся целования икон, Евангелия, креста, а также определенный скепсис относительно трансляций самих богослужений показывают присутствие в Церкви обрядоверия и даже магизма. Отказ священнослужителей следовать рекомендациям Святейшего Патриарха, иногда превращавшийся в открытые призывы «не трусить» и, несмотря на режим самоизоляции, все же приходить на богослужение, показал разобщенность духовенства.

С другой стороны, опыт долгого карантина и принятие новых условий, совершенно для нас нехарактерных, показали прочность живых приходских общин. Как мне написал кто-то из прихожан, «мы на конкретном опыте убедились в том, что расстояние не имеет значения. Беда помогла нам еще больше ощутить наше единство в Духе, где бы мы ни находились». Я сам был свидетелем удивительных случаев солидарности, взаимной молитвы и заботы друг о друге — прихожан между собой и со своими пастырями. Объединения добровольцев, которые во все время распространения инфекции помогали тем, кто был вынужден изолироваться, священники, которые посещали больных дома и в больницах, — в этом Церковь показала свою силу.

В течение всей своей истории Церковь принимала как вызов все превратности судьбы — преследования, эпидемии — и всегда находила конкретные выходы из сложных положений. Понятно, что любое изменение — болезненное и трудное дело, но жизнь сильнее всего. Я думаю, что коронавирус дает нам всем серьезный урок. Дай Бог нам его не проворонить, а хорошенько усвоить. Уверен, что именно так и будет.

Лично мне болезнь позволила пересмотреть и переосмыслить многое. Эти поиски и их выводы обрели плоть в этой книге. Главное, пандемия дала мне увидеть мой так называемый «духовный материализм», о чем я и написал в трудный момент болезни в Facebook.

«Духовный материализм»

3 мая 2020 г.

Коронавирус приносит огромную духовную пользу, по крайней мере мне. Жить в

изоляции для меня — вовсе не проблема. Одиночество и изоляция не только не в тягость, но, возможно, они — основополагающая часть странного моего монашеского и даже отшельнического призвания, которое осуществляется в самой сердцевине мегаполиса.

Только одно дело — это одиночество, когда у тебя все хорошо и ты можешь молиться, медитировать, читать, писать, работать: это такое отшельничество, которое сильно напоминает... отпуск! А вот совсем другое дело — когда ты вынужден сидеть или лежать целыми часами в полном бездействии, потому что нет сил: ни читать, ни писать, ни работать, нет сил даже молиться... В моем городском скиту у меня есть замечательная часовня с иконами, но... я ничего не могу! Еще в эти дни болезни совсем «умер» мой сотовый телефон — аккумулятор отказывается заряжать его — а стационарный телефон я отключил уже несколько лет назад: полная изоляция!

У меня нет физических сил, но я знаю, что бывают состояния, когда тебя покидают и душевные, и духовные силы. О таком состоянии великолепно написала Кьяра Любич: «Если ты страдаешь и страдание твое настолько сильно, что ты не можешь ничего делать, вспомни о Божественной литургии. Во время литургии Иисус Христос теперь, как и тогда, не трудится, не проповедует, но приносит Себя в жертву ради любви. В жизни можно заниматься многими делами, говорить много слов, но голос твоего страдания — пусть даже тихий

и не услышанный другими людьми, голос страдания, принесенного в жертву ради любви, — сильнее любых слов»¹.

Евхаристия есть воспоминание той жертвы, которую Господь Иисус Христос принес раз и навсегда за нас на Голгофе.

Когда в состоянии крайней слабости я не могу повторять слова молитвы и только стараюсь эту мою немощность мысленно приобщить к Жертве Христа, мне вспоминается Его полное «бездействие» на кресте, которое стало для всех нас гораздо спасительнее, чем все совершенные Им самые удивительные чудеса, вместе взятые. Верно, что после коронавируса ничто не сохранится таким, каким было раньше: по крайней мере наш «духовный материализм», то, что даже молитву мы представляем себе как некую деятельность, в то время как высшая молитва — это только жертва... — такие вещи, конечно, должны будут претерпеть изменения. В другом, поэтическом, тексте Кьяра Любич молитвенно обращается к Сыну Человеческому, Который ради нас на кресте испытал тьму богооставленности «в абсолютном бездействии». Соединить любое наше страдание, малое или великое, телесное или духовное, с Его спасительным страданием и вместе с Ним принести в жертву Отцу — есть ли молитва больше этой?

¹ Любич К. Размышления / Пер. с итал. А. Рыжеской. М.: Новый градЪ, 2008. С. 38.

Оставалось бы, наверное, только умереть,
если бы мы не могли смотреть на Тебя,
преобразующего, как по волшебству,
всякую горечь в сладость:
на Тебя, висящего на кресте
и исторгающего вопль покинутасти,
в момент наивысшей неопределенности,
в абсолютном бездействии, в живой смерти,
когда Ты испытал смертный холод,
отдав весь Свой огонь земле,
и сделался совершенно неподвижным,
передав Свою бесконечную жизнь нам,
чтобы мы проживали ее с упоением.

Мы хотели бы, пусть ненамного, уподобиться Тебе,
соединить наше страдание с Твоим
и принести его в жертву Отцу.
Ради того, чтобы мы обрели Свет,
Твой взор угас.
Ради того, чтобы мы были едины с Отцом,
Ты испытал разобщенность с Ним.
Ради того, чтобы нам обладать премудростью,
Ты сделал Себя «невежеством».
Ради того, чтобы мы облеклись в невинность,
Ты взял на Себя грех мира.
Ради того, чтобы Бог пребывал в нас,
Ты испытал Его отдаление от Тебя.

Кьяра Любич

Это дневник человека, болеющего коронавирусной инфекцией и вынужденного долго сидеть на карантине. Автор — иеромонах Русской Православной Церкви, служащий в многолюдном приходе в самом центре Москвы, по рождению итальянец и по светскому образованию — литературовед и историк. Долгая самоизоляция стала для него поводом для размышлений и переосмысления собственной жизни и служения. Автор вспоминает детство, задает

себе серьезные вопросы о вере, страдании и смысле бытия, размышляет о положении Православия в мире и Церкви в постсоветской России, о коллизиях России и Запада. Одновременно он много говорит об итальянской и русской литературе, искусстве, мировой истории и культуре. Разнообразные содержательные нити вплетаются в единое, весьма оригинальное повествование.

Я болел коронавирусной инфекцией ровно 40 дней, от Пасхи до Вознесения. Почувствовал крайнее недомогание и усталость именно в день Пасхи, после ночной службы. С того дня для меня началось длинное паломничество по стране инфекции — оно стало, несомненно, одним из важнейших путешествий моей жизни.

Иеромонах Иоанн (Гуйта)

Редкое дарование — полюбить чужое, как свое, соединить воедино, сблизить и показать миру, что любовью и служением разрешаются многие сложные вопросы, а порой они просто перестают существовать. Это сделал своей жизнью и своей книгой иеромонах Иоанн (Джованни Гуйта). Перед нами разворачивается жизнь очень одаренного итальянского мальчика, ставшего филологом, увлеченного русской литературой, принявшего православие и сан.

Людмила Улицкая

9 785898 161767